

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО СТРАНАМ
ВОСТОКА

О. Г. Герасимов

**ОТ ГОР
СИНДЖАРА
ДО ПУСТЫНИ
РУБ-ЭЛЬ-ХАЛИ**

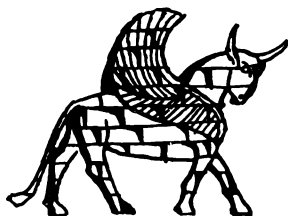

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

О. Г. Герасимов

**ОТ ГОР
СИНДЖАРА
ДО ПУСТЫНИ
РУБ-ЭЛЬ-ХАЛИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1974

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), А. Б. ДАВИДСОН,
Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ, Н. А. СИМОНИЯ

Ответственный редактор
Л. Н. КОТЛОВ

Герасимов О. Г.

Г37 От гор Синджара до пустыни Руб-эль-Хали. М.,
Главная редакция восточной литературы издатель-
ства «Наука», 1974.

376 с. с ил. («Путешествия по странам Востока»)

Автор книги в течение 15 лет путешествовал по странам Арабского Востока. Он побывал в Йемене, в горах Курдистана, на берегах Персидского залива, в Иерусалиме, в Кувейте, на острове Сокотра, осмотрел развалины Петры и столицы библейской царицы Савской — Мариба.

Об интересных встречах во время своих многочисленных поездок, о нравах и обычаях арабских и других народов рассказывает он в этой книге путевых и этнографических очерков.

Г $\frac{2091-024}{013(01)-74}$ 131—74

91 (И5)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1974.

*Моим друзьям,
посвятившим свою жизнь
изучению Востока*

О Т А В Т О Р А

В 1958 г., после получения востоковедческого образования, я впервые выехал на работу в Сирию. С тех пор моя жизнь связана с арабскими странами. Мне приходилось бывать в странах Ближнего Востока в качестве сотрудника дипломатических миссий, учебного и просто путешественника. Стремление познать одну из богатых восточных цивилизаций, желание глубже познакомиться с историей, нравами и обычаями народов, понять их духовный мир побудили меня с первых дней записывать свои впечатления. И сейчас, спустя 15 лет со дня первого выезда в арабские страны, у меня скопились богатый этнографический материал и многочисленные путевые записи, которые и легли в основу этой книги.

В последнее время на Арабском Востоке и в тех местах, где я побывал, произошли важные политические изменения. В 1962 г. королевский Йемен стал республикой, в 1961 г. Кувейт и в 1971 г. эмираты Персидского залива стали независимыми государствами. На обломках английских протекторатов Южной Аравии в 1967 г. возникла Народная Демократическая Республика Йемен. В 1967 г. Иерусалим был оккупирован израильскими войсками. Поскольку очерки носят прежде всего этнографический характер, я старался показать арабские страны такими, какими они были в момент моего приезда, и лишь в некоторых случаях скупо комментировать происшедшие политические изменения, учитывая, что по этим вопросам есть обширная специальная литература.

Я полюбил Арабский Восток еще до того, как увидел его. Эта глубокая симпатия остается со мной не только как доброе воспоминание об увиденном, она зовет к действию: мне хочется рассказать о своих впечатлениях на страницах книги. И если эта книга поможет читателю лучше узнать народы Арабского Востока, их богатую культуру и историю, нравы и обычаи, я буду считать свою миссию востоковеда выполненной.

В ГОРАХ ЮЖНОЙ АРАВИИ

На гору Сабр за «цветком рая»

В октябре 1959 года я получил назначение на работу в Йемен, небольшую арабскую страну на юго-западе Аравийского полуострова. Через несколько месяцев я вошел в курс своих обязанностей, завел знакомых в городе Таиззе, в то время резиденции короля Йемена и имама мусульманской секты зейдитов Ахмеда Хамид ад-Дина. Дом, где я живу, расположен на невысоком холме, куда ведет единственная асфальтированная в стране дорога. Она начинается у аэродрома, принимающего только двухмоторные самолеты, затем, петляя между каменистыми холмами, заросшими канделябрами кактусов, минует город Таизз, взбегает вверх мимо казарм Аль-Урди и, поплутав еще немного среди невысоких гор, упирается в массивные ворота нового королевского дворца Сала. Дорога протяженностью всего 30 километров была построена в 1952 году французской фирмой «Батиньоль» из Джибути, взявшейся провести реконструкцию порта Мохы и связать его с Таиззом. Французы успели построить и залить асфальтом лишь часть дороги — от аэродрома до дворца Сала, а затем ушли из Йемена, разругавшись с королем Ахмедом, который посчитал непросительной дерзостью с их стороны требовать деньги за выполненную работу.

Таизз находится в 180 километрах от Адена, откуда в Йемен везли различные товары — от бензина и керосиновых ламп до оружия и запрещенных спиртных напитков. Огромные грузовики в то время часто не доходили до обнесенного крепостной стеной Таизза, сворачивая на дорогу, ведущую через города Ибб и Дамар в столицу Сану. Лишь некоторые из них, следовавшие в Таизз, останавливались у полосатого шлагбаума близ дворца

Сала, платили таможенные и благотворительные пошлины местному богатею аль-Джабали, взявшему на откуп у короля сбор этих пошлин, и, добравшись до городской стены, въезжали в широкие ворота, за которыми начинался говорливый восточный рынок.

До 1948 года, когда принц Ахмед стал королем и имамом зейдитов, Таизз был небольшой деревушкой с несколькими тысячами жителей. Имам Ахмед поклялся никогда не жить в столице Сана, в окрестностях которой в 1948 году был убит его отец имам Яхья. Поэтому Таизз, где он еще до смерти отца занимал пост наместника короля, стал его резиденцией. Фактический перенос столицы в Таизз превратил эту деревушку в шумный город с 40-тысячным населением, выплеснувшимся за скрывающие его средневековые городские стены. За чертой старого города были построены больницы, электростанция, здание почты и телеграфа, на втором этаже которого находилось министерство иностранных дел, несколько сложенных из розового камня высоких домов для иностранных миссий. Строительство административных зданий, жилых домов, аэродрома и появление иностранцев разбудили погруженную в средневековую спячку деревню, неожиданно, по прихоти монарха, ставшую столицей государства.

Таизз расположен на высоте 1400 метров у подножия заросшей фруктовыми садами и виноградниками горы Сабр, поднимающейся еще на 800 метров над городом. Климат здесь мягкий. Ветры с Индийского океана приносят летом облака, которые спускаются с вершины горы Сабр к городу, укутывают своей рыхлой пеленой цитадель, построенную на обрывистой скале, и в полдень, в одно и то же время, выливаются тропическим ливнем. Обильные дожди и многочисленные ручьи, стекающие с горы Сабр, позволяют выращивать в Таиззе практически все известные огородные и злаковые культуры. Но первое место среди всех растений Йемена занимает кат — невысокий вечнозеленый кустарник, молодые листья и побеги которого, содержащие наркотические вещества, йеменцы жуют после обеда. Он очень дорог, и лишь богатые люди могут позволить себе удовольствие каждый день лакомиться тонкими клейкими листочками и упругими красноватыми побегами этого кустарника.

В Таизз кат приносят молодые горянки. Они одеты в темные или цветастые платья, на голове каждой — повязанный чалмой платок с обязательным желтым пахучим цветком около виска. Они не закрывают лица, и молодые люди, покупая пучки ката, с удовольствием торгуются с ними. Мой йеменский знакомый, с которым мы как-то остановились у городских ворот около красивой горянки, продающей кат, экспромтом сочинил следующее стихотворение:

Гора Сабр увита тремя кольцами лоз,
Одно кольцо — лоза виноградная,
Два других — красивые девушки.

Горянка вскинула на нас большие, подведенные сурьмой глаза и приветливо улыбнулась. В Йемене, как и везде на мусульманском Востоке, умение складывать стихи считается даром божьим и высоко почитается всеми — от простых крестьян до коронованных монархов.

Трое ворот, ведущих в город, охраняются денно и ночью аскерами, вооруженными старыми ружьями и кинжалами. Ночью, с заходом солнца, ворота запираются на толстую балку красного дерева, и ни один караван, автомашина или запоздалый путник не войдет в город. Это правило осталось еще с тех времен, когда нищие горцы не считали зазорным грабить любой не защищенный крепостной стеной город.

Прямо за главными воротами начинаются торговые ряды рынка, называемого сук. В первом ряду в маленьких темных клетушках прямо на полу, положив меж ног тяжелый кусок рельсы, сидят кузнецы. Они делают мотыги, заступы, лопаты, лемехи для деревянных плугов, лудят медные казаны, ремонтируют ружья и шлифуют клинки. Все инструменты, которыми они работают, изготовлены тут же, на месте, за исключением механического поддувала, раздувающего в горне оранжевые горки древесных углей.

На другой стороне ряда сидят лавочники, торгующие скудными дарами йеменской земли. Это крупная соль, привезенная из Салифа, мелкий злой чеснок, связки красного перца, пшеница из центрального йеменского плато, дурра и кукуруза из южных районов и овощи, доставленные с ближайших гор. Здесь же, в лавке, можно купить пастеризованное молоко из Дании, американские

Таизз. Вид с городской цитадели

мясные консервы, болгарскую томатную пасту и спички советского производства с изображением трех колосков, торговой маркой, изготовленной по заказам йеменских купцов.

На втором, более широком торговом ряду расположены большие лавки, где солидные купцы торгуют товарами, доставленными из Адена. На запыленных стеллажах или застекленных витринах, в зависимости от удачливости и состояния дел торговца, лежат швейцарские часы, японские транзисторные приемники, китайские стаканы и фарфоровые безделушки, рулоны английских шерстяных тканей, плащи и огромные черные зонтики из Гонконга. Зонтики пользуются повышенным спросом. В самых отдаленных уголках страны я встречал спрятавшегося под черный гриб зонта йеменца, спешащего по горной тропе домой. В других лавках продаются матрасы, металлические кровати и толстые ватные одеяла, которые тут же изготавливаются из атласа ярких сочных расцветок и хлопка, привезенного из Тихамы (прибрежная полоса Йемена). Этот широкий ряд сука упирается в конторы солидных оптовых купцов, которые не опускаются до мелкой розничной торговли на рынке. Они торгуют сахаром, мылом, автомобилями, аккумуляторами и покрывками.

Мое первое знакомство с городом началось с визита в таизские мечети. В городе в то время не было музея, а мечети, построенные в раннем средневековье, привлекают внимание любого человека, интересующегося памятниками старины.

Самой старой и большой мечетью города считается мечеть Музаффара, названная в честь построившего ее в VII веке имама Музаффара. Во внутреннем дворике мечети, у наклоненного набок минарета, находится оштукатуренная кремовым алебастром груда грубых камней — могила Музаффара. Из внутреннего дворика широкая дверь ведет в молитвенный зал, в центре которого расположена кафедра резного дерева — минбар, откуда проповедники произносят хутбу. Выкрашенный масляной краской, минбар выглядит аляповато. Он снабжен микрофоном, и теперь мулла, не напрягая голоса, может читать проповедь: репродукторы, вынесенные на минарет и во все уголки центрального зала, доносят его голос до всех собравшихся в мечети и за ее стенами. Из правого

Семья таиззского ремесленника

крыла молитвенного зала широкие двери ведут на пыльную, усыпанную мелкой галькой улицу. Против этих дверей, по другую сторону улицы, амфитеатром расположены шесть длинных ступенек каменной лестницы, на которой толпится простой народ, чтобы посмотреть на богатых и знатных лиц, приезжающих на пятничную молитву.

В монархическом Йемене, где запрещались демонстрации кинофильмов и театры, торжественные пятничные выходы представителей местной знати были зрелищем, собиравшим толпы народа. Иногда в мечеть приезжал сам имам Ахмед. Но в последнее время, прикованный к постели тяжелым недугом, он не выходил из своего дворца и главными действующими лицами пятничной молитвы были наследный принц аль-Бадр, маленькие принцы — восьмилетний Абдалла и шестилетний Аббас или же наместник короля в провинции Таизз.

Имам Музаффар построил в Таиззе и его окрестностях 360 школ и городскую стену. Эта стена, опоясывающая город и сегодня, сложена на алебастре из крупных камней, наколотых тут же в горах. В том месте,

где стена пересекает Вади-Усайфира, сделан зигзагообразный проход для пропуска дождевых вод, причем таким образом, чтобы человек не мог проникнуть по нему в закрытый город.

Мечеть Ашрафия, построенная имамом Али ибн Юсефом ибн Даудом ибн Омаром, считается самым интересным культовым сооружением в Таиззе. Она имеет два 30-метровых минарета, белыми свечами упирающимися в небо. На фоне темно-серых с красноватым отливом склонов скалы, на которой построена цитадель, они выглядят особенно эффектно. В центральном купольном зале мечети за деревянной решеткой, составленной из мелких резных катушек, находятся могилы имама Али и его сына Ибрагима. На могилах — надгробные плиты из мягкого серого известняка. Купол расписан арабской вязью — изречениями из Корана, которые, по мнению строителя, наиболее полно характеризуют жизнь и деятельность имама и его сына. В следующем зале расположены могилы трех королей. Их имена, написанные на надгробии замысловатой арабской вязью, стерты временем, и даже йеменцам, привыкшим к беглому чтению рукописного текста, трудно их разобрать.

Большая часть мечети запущена. В центральном зале, прямо под куполом, висят шевелящиеся гроздья летучих мышей.

— Туюр аль-лейла (ночные птицы), — говорит сопровождающий меня аскер, показывая глазами вверх, на цепляющихся друг за друга летучих мышей.

В залах пахнет плесенью, давно не проветриваемым помещением. Небольшой зал, где сегодня творят молитву, устлан циновками. Не считая прилегающих двух комнат, где живут охраняющие мечеть аскеры, это единственное место, которое имеет ухоженный вид.

Из мечети Ашрафия по высокому мосту через Вади-Усайфира я отправляюсь в мечеть Муатабия, построенную 700 лет назад женой одного из королей Йемена. Шесть куполов с невысоким минаретом видны издали.

Внутри мечети купола расписаны золотой и синей краской. Кроме обязательных изречений из Корана встречается изображение небольшой курильницы. Еще в глубокой древности из Йемена в страны Средиземноморья доставляли ценившиеся на вес золота ладан и мирру.

Поэтому присутствие курильницы в орнаменте украшений мечети вполне объяснимо.

Узкая тропинка вьется меж трех- и четырехэтажных домов старого Таизза, окруженных зарослями дынного дерева — папайи и лопухих бананов. Я вновь выхожу на центральную площадь. Отсюда можно пройти к мечети шейха Абд аль-Хади Суду с большим купольным залом, где расположены шесть могильных плит. Под одной из них около михраба лежит строитель мечети шейх Абд аль-Хади. Через двор мечети протекает бегущий с горы Сабр ручей. Йеменцы прямо здесь стирают свои длинные белые рубахи и раскладывают их перед мечетью на земле сушить, прижав по краям камнями, чтобы не унес ветер. Перед этой импровизированной прачечной находится кладбище. Йеменцы в длинных до колен полотняных штанах — серваль, одеваемых под белую рубаху, располагаются на могильных плитах и в ожидании, когда высохнут их рубахи, мирно беседуют о бренности жизни. Кладбище не считается у мусульман местом, которого следует сторониться. Поэтому просто сидящие люди или играющие среди могильных холмиков дети — обычная картина для любого йеменского городка.

Около последней, четвертой, мечети старого Таизза — фамильной мечети семьи Мутаваккилей, построенной 375 лет назад одним из имамов этой семьи, я встретил своего знакомого, члена королевской канцелярии кади Абдаллу.

Это учреждение оказывало помощь королю в управлении государством, поэтому члены канцелярии назначались из числа наиболее преданных ему чиновников, чаще всего связанных родственными узами с правящей династией. Через свою канцелярию король поддерживал связь с местными органами власти и с дипломатическими представительствами, зачастую минуя министерство иностранных дел.

Кади Абдалла принадлежит к той категории высших йеменских чиновников, которые стоят на ступеньку ниже йеменской аристократической знати, сейидов, ведущих свое происхождение от семьи основоположника мусульманской религии пророка Мухаммеда. Кади занимают посты шариатских судей, требующих прежде всего определенных знаний, а не звонкого титула. В Йемене есть несколько семей кади, которые по своему состоянию и за-

нимаемым постам в системе государственного управления оставили далеко позади некоторые разорившиеся и опустившиеся до простого народа сейидов, не имеющих ничего, кроме громкого титула и воспоминаний о славном прошлом своей фамилии.

Поскольку сейиды ведут свое происхождение от семьи пророка Мухаммеда, они считаются выходцами из Хиджаза.

.Обращение к сейиду без упоминания его титула может расцениться собеседником как преднамеренное оскорбление и сделать его вашим недоброжелателем. Зная особую щепетильность йеменцев в отношении титулов, при знакомстве с богатыми и знатными людьми лучше поинтересоваться их происхождением. Многие из тех, кто не относится к сейидам, как правило, особо подчеркивают свое йеменское происхождение.

Кади Абдалла, родом из горного района провинции Ибб, типичный горец — сухопарый, невысокий, с правильными, немного мелкими для мужчины чертами лица, с живыми молодыми глазами. Он одет в длинную белую рубаху с широкими и длинными рукавами, завязанными на спине большим узлом. Рубаха подпоясана широким, шитым золотыми и серебряными нитками поясом — хузам, к которому прикреплен широкий национальный кинжал — джамбия. Через плечо перекинут шерстяной шарф голубого цвета, на голове шапочка. Белая рубаха кади около правого колена покрыта желто-зелеными пятнами — следами поцелуев просителей. Обычно, когда бедный проситель входит к судье, сидящему по-турецки на ковре, он низко склоняется, целует руку, а затем чмокает в колено. Если он до этого нажевался ката или табака, на белом платье остаются неотстирывающиеся следы.

Мы сидим с Абдаллой на камне в тени большого дерева на центральной площади города. Хранитель мечети Мутаваккилей, потомок сейидов, был весьма суров и неразговорчив. Стоит ли разговаривать со мной, неверным насрани (так называют в Йемене всех европейцев), само присутствие которого уже оскверняет прах гордых Мутаваккилей, из семьи которых за последние столетия были избраны несколько имамов! Кади Абдалла, свидетель этой сцены, решил как-то сгладить неприятное впечатление от встречи с заносчивым сейидом и любезно согла-

сился рассказать историю своей страны в мусульманский период. Знатоков истории ислама и шариатского права на Арабском Востоке уважительно называют алляма. Абдалла был именно тем самым знатоком, к которому без преувеличения можно было обращаться с таким титулом.

Кади Абдалла рассказывает неторопливым вкрадчивым голосом. В первые годы ислама в Йемене существовало несколько государств, которые вели междоусобную войну. Йеменские эмиры формально подчинялись аббасидскому халифу в Багдаде, но в 819 году один из них — Мухаммед ибн Зияд, назначенный губернатором Йемена, провозгласил независимость. Город Забид, основанный им в пустыне Тихама, стал столицей. Аббасидские халифы время от времени продолжали назначать в Йемен своих наместников, однако Мухаммед ибн Зияд, открывший период правления независимых династий в Йемене, укрепил свою власть в южной части страны и уже мог не считаться с волей своего багдадского сюзерена.

— Зиядиды правили в Забиде около двух веков,— продолжает Абдалла, медленно преребирая янтарные четки. Янтарь всегда высоко ценился на Востоке, и четки, изготовленные из него, — принадлежность только состоятельных людей. — Их власть распространялась на значительную часть страны, однако временное ослабление династии в конце IX века привело к появлению в Йемене самостоятельных княжеств на севере и на побережье Красного моря. Правители Забиды в течение нескольких десятилетий стали пленниками своих собственных министров, вершивших дела в стране от их имени. Однако, в свою очередь, министры оказались в руках своих невольников. Один из них — абиссинец Наджах в 1021 году сверг династию Зиядидов, пленил своего хозяина Нафиса и взял власть в свои руки.

Кади Абдалла перевел дыхание после длинного рассказа.

В стороне, под раскинувшимся деревом, устроились ребятишки с картами. Игра в карты весьма распространена в Йемене. Местные газеты писали об этом с осуждением, так как законы ислама запрещают азартные игры. Через несколько минут мальчишки затеяли шумный спор и начали громко пререкаться, подтверждая тем са-

мым слова взрослых о том, что азартные игры не доводят до добра.

Благодаря рассказу Абдаллы я узнаю такие подробности из истории Йемена, о которых не прочтешь ни в одной книге. Так, например, в Забиде на смену династии Наджахидов в XII веке пришла династия Махдидов. Ее основатель Али ибн Махди, слывший набожным человеком, бродил, окруженный толпами своих поклонников, по Западному Йемену из города в город, из крепости в крепость, свергая наместников и назначая своих представителей. В 1159 году он появился у стен Забида, и последний эмир города, оказавшийся пленником собственных министров, был вынужден сдать город.

Интересные факты я узнал и о государстве, существовавшем на самом юге Йемена, в Адене. Впервые в 1083 году сюда были назначены наместниками правителя Йемена два брата — Аббас и Масуд. Эта объединенная система правления, столь редкая в истории ислама, безотказно действовала на протяжении нескольких поколений. Аденские эмиры успешно отстаивали свою самостоятельность от королей Центрального Йемена.

...Из боковой улочки на площадь выходит директор Управления воды и электричества Таизза — Баасар. Абдалла и Баасар хорошо знают друг друга. Баасар — весьма примечательная личность. Он был первым человеком, который выехал за границу в 30-х годах по заданию имама Яхьи. Поставляемого контрабандистами оружия из Джибути не хватало, и имам решил направить своего представителя в Германию за оружием. Баасар слыл человеком технически грамотным, умел писать и имел другие достоинства. Ему был выдан «паспорт» — заверенный королевскими подписью и печатью лист плотной бумаги, в котором говорилось, что предьявитель сего документа едет за границу с поручением от имама Яхьи. Цель намеренно не указывалась, так как путь лежал через Аден, бывший в то время английской колонией. Все шло хорошо на йеменской территории, но, как только Баасар пересек границу, он был арестован англичанами и посажен в тюрьму до выяснения личности. «Паспорт» был отобран для изучения. Поскольку на нем стояли подпись и печать имама Яхьи, известные англичанам, Баасара отпустили и посадили на пароход, идущий в Европу. Дальнейшее путешествие Баасара

состояло из цепи заключений в тюрьму, где он отсиживался до выяснения личности, так как его задерживали в каждом порту при попытке сойти с парохода. Через три месяца с момента отъезда из Йемена он наконец прибыл в Германию и выполнил возложенные на него задания. Закупленное Баасаром оружие было тайно переброшено в Йемен, и англичане не раз конфисковывали у йеменских горцев, переходивших границу их протекторатов в Южной Аравии, длинноствольные винтовки немецкой фирмы «Маузер».

Баасар уходит, и я остаюсь с кади Абдаллой, который мне рассказывает о роли йеменцев в распространении ислама. Ислам — государственная религия в Йемене, и мусульманские проповедники и улемы всегда играли важную роль в стране. Йемен не остался в стороне от ожесточенной борьбы сторонников двух направлений ислама — суннитов и шиитов. Спасаясь от преследования аббасидских халифов, в далекий Йемен бежали шиитские раскольники, распространяя среди йеменцев шиитский толк ислама. Один из них обосновался в городе Сааде, на севере Йемена, положив начало зейдитскому направлению йеменских шиитов. На юге страны, от Ибба до Аденского залива, сохранился шафиитский толк ортодоксального ислама.

Зейдитские имамы в IX—XIII веках постоянно проживали в Сааде и лишь изредка наведывались в Сану. Их иранские «родственники», известные в истории под именем Алидов, в IX—X веках продолжали отстаивать свои права на имамат в провинциях, прилегающих к южному берегу Каспия, — Дейлем, Табаристан и Гилян. Алиды в Табаристане присвоили себе права светских князей, чеканили свою монету, впервые соединив в лице главы зейдитской секты духовную и светскую власть. После 64 лет господства в Табаристане им пришлось уступить аббасидским халифам и бежать в Йемен под покровительство своих единомышленников. С конца XVI века зейдитские имамы перебираются в Сану, сделав ее своей постоянной резиденцией.

В XVI веке Йемен захватили турки. Борьба с турками, исповедовавшими суннитский толк ислама, часто приобретала характер религиозных столкновений. Зейдитские имамы не могли остаться в стороне от этой борьбы. Яхья аль-Мутаваккиль, получивший титул имама в

1904 году, возглавил борьбу йеменцев против турецких захватчиков и в 1918 году провозгласил себя королем Йеменского Мутаваккийского королевства.

...С высокого минарета мечети Музаффара раздается гнусавый голос муэдзина: «Аллах велик, Аллах велик! Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник его. Спешите к молитве, спешите к молитве. Спешите к молитве и вы, земледельцы. Делайте только добрые дела! Аллах велик, нет бога, кроме Аллаха». Усиленный современной техникой голос муэдзина разносится далеко вокруг. Его призыв к молитве уходит в горы и возвращается оттуда повторенный громким эхом. Хлопают калитки, с грохотом закрываются металлические решетки и деревянные ставни лавок.

Мусульмане молятся пять раз в день: в четыре часа утра, в полдень, после обеда — в три часа после полудня, в шесть вечера и последний раз — в семь часов вечера. Даже в королевском Йемене, который признавался богословами «неиспорченным» цивилизацией мусульманским государством, не так уж много встретишь людей, которые молились бы пять раз в день. Как правило, йеменцы молятся в полдень, после обеда и вечером.

Положение тела и рук при молитве у зейдитов и шафиитов различное. Зейдит опускает руки и кладет их на бедра тыльной стороной ладонями наружу. Затем он опускается на колени, прикладывает лбом к земле и, разгибаясь, садится на щиколотку левой подвернутой ноги. Шафиит складывает руки крест-накрест на животе. Он бьет поклон и, поднимаясь, садится на пятки. Зейдиты считают шафиитский ритуал богохульством и все случившиеся в стране несчастья, вплоть до засухи, иногда сваливают на шафиитов, которые тоже не скупятся на обвинения в адрес зейдитов, при этом не забывая, что вся административная верхушка состоит из зейдитов.

Кади Абдалла встает: он религиозной человек и пропускать послеобеденную молитву не следует, даже если ты занят беседой с человеком, интересующимся историей твоей страны. Поднимаюсь и я, довольный, что посещение старых мечетей Таизза помогло мне узнать новые подробности из истории йеменского народа.

Сразу за площадью Урди расположено длинное продолговатое здание конюшен. Лошадь считается в Йемене благородным животным, и ее используют только для

верховой езды. Вы никогда не увидите здесь лошади, запряженной в повозку или с поклажей. Для этого служат выносливые и неприхотливые мулы и ослы. У йеменской лошади — особый рацион: два больших пучка клевера и торба дурры в день. Клевер приносят с гор женщины, и я не раз видел, как конюхи принимали пучки травы и выдавали горянкам расписки, по которым они должны были получить деньги.

В Дамаре, лежащем на центральном плато, построено единственное в Йемене конный завод, где разводят знаменитую арабскую породу лошадей. О происхождении этой породы не существует никаких записей, однако древние рисунки и наскальные барельефы, сохранившиеся в пустынных пещерах Аравии, свидетельствуют о том, что лошади появились здесь уже много веков тому назад. Предком всех восточных, или, как их называют специалисты, горячих, пород считается лошадь, называемая арабами «кахлан», т. е. «чистокровный», «породистый». Арабы фанатически сохраняли веками чистоту крови арабского скакуна. Примесь чужой крови расценивалась как тягчайшее преступление. Именно это и сохранило для последующих поколений арабскую лошадь, которая по праву считается самой чистой по крови и породистой в мире.

Арабская лошадь, обладающая необычайной легкостью, быстротой, крепкими ногами, выносливостью и неприхотливостью, невелика по размеру, грациозна; у нее красиво очерченная маленькая голова, острые подвижные уши и задорно поднятый хвост. Мало сказать, что она самая красивая лошадь в мире, за которую знатоки платят бешеные деньги. Путем скрещивания эта порода оказала влияние на формирование других пород верховых лошадей, что является несомненным доказательством ее превосходства. В жилах английской чистокровной течет арабская кровь. Однако английские скакуны отличаются от своих восточных предков слабыми ногами и непостоянным, сбивчивым на скаку дыханием. Арабская лошадь, завезенная в Испанию в раннем средневековье, оказала благотворное влияние на формирование местной породы лошадей. В результате скрещивания появилась известная своей красотой, послушностью, «романским» носом и выгнутой шеей испанская Дженнет. Сейчас лошади этой породы, некогда украшавшие своей экстрава-

гантностью королевские выезды и военные парады в Испании, Италии и Австрии, сохранились только в небольшом количестве в конюшнях испанского города Херес.

Арабская лошадь оказала влияние на формирование и польской породы лошадей. Король Сигизмунд II в XVI веке был единственным европейским монархом, который содержал конюшню чистокровных арабских скакунов, а польская кавалерия XVII века, состоявшая из лошадей с большой примесью арабской крови, была почти непобедимой. Особым шиком среди польской знати считалось обладание арабскими скакунами, и представители известных княжеских родов XVII—XVIII веков Потоцкие, Ржевуские и Развадовские снаряжали в Аравию специальные экспедиции за ними. Один из графов Ржевуских, влюбленный в лошадей, поселился среди бедуинов Аравийского полуострова и стал легендарной личностью.

В середине XVIII века в конюшнях известного сподвижника Екатерины II графа Алексея Григорьевича Орлова, удалившегося на покой после своей бурной политической и военной деятельности, был скрещен арабский скакун Сметанка, привезенный из Хиджаза в Россию, с голландской кобылой, от которой родился жеребец Полкан. Родоначальником породы знаменитых орловских рысаков считается потомок Полкана жеребец Барс I. В окончательном формировании орловской породы приняли участие английская чистокровная, датская и мекленбургская породы, в жилах которых течет кровь арабских скакунов.

В конюшнях Таизза много лошадей, которые сохранили достоинства арабской лошади пустыни. Одну из них, небольшую, короткую, высокую, с тонкими стройными ногами и маленькой головой, мне не раз приводили для загородных прогулок. Я видел, как на водопой выводили лошадей, принадлежавших королевской семье. Первым из конюшни показался горячий жеребец буланой масти. Его шею охватывала тесемка с двумя кожаными мешочками, в которые зашиты молитвы. Это был Дьявол, королевский конь первого отбора. Второй конь, каурой масти, принадлежал принцу Ибрагиму. Он считался самым быстрым конем королевской конюшни в Таиззе, хотя, как и первый, был несколько тяжеловат для арабской породы. Затем вывели еще одну нервно перебирающую ногами лошадь светло-серой масти. У нее на шее была

тонкая веревочка, на которой висели кожаный кошелек и металлическая трубочка. В кошельке — отрывок из Корана, в трубочке — предсказание судьбы.

Простые йеменцы убеждены, что судьба каждого из них predeterminedена Аллахом и, если кому-либо суждено умереть от кинжала, тот никогда не умрет от болезни или пули. Такие предсказания, составленные сейидами или магами, йеменцы называют «китаб» и носят в серебряной трубочке, закрепленной у пояса.

Видимо, и судьба этой лошади была уже predeterminedена и записана на листке бумаги, вложенном в металлическую трубочку.

В декабре 1959 г. в Таизз вместе с французским консулом в Адене Картоном прибыл французский чиновник Фризанрош. Наслышавшись о великолепных лошадях в Йемене, он решил покататься верхом. Ему привели эту лошадь с амулетами. Фризанрош резко вскочил на нее, она рванула, а он, вылетев из седла, упал на левый бок и сломал руку. Я видел этого француза с залитой гипсом рукой на приеме в миссии Великобритании по случаю приезда в Йемен английского губернатора Адена Вильяма Люса.

Однажды ранним декабрьским утром я выехал верхом на гору Сабр, чтобы нанести визит одному йеменскому чиновнику. Сразу за городом дорога сворачивает к цитадели и взбегает на скалу серпентиной. Подъем очень крутой, и выносливый эфиопский мул с трудом поднимался в гору. С середины скалы открывается вид на Таизз. Среди серых, окруженных садами жилых домов белыми пятнами выделяются таиззские мечети. Вышеаются минареты мечети Ашрафия, чуть поодаль — наклонный минарет мечети Музаффара. Муравейник сука почти не виден: его закрывают трех- и четырехэтажные дома. Цитадель, к которой я держу путь, не только местная достопримечательность, но и тюрьма, где содержатся заложники — дети и племянники шейхов йеменских племен.

Племена здесь представляют собой особую категорию, которую редко встретишь в других арабских странах. В известном смысле каждое племя — это маленькое государство со своим названием, территорией, рынками, союзами. Их шейхи вследствие вассальной зависимости от правящего имама посылают ему заложников как га-

рантию своей верности. Племена придерживаются старых обычаев и традиций. Всякая попытка ввести какие-либо новшества еще и сегодня наталкивается на упорное сопротивление. Они имеют свои законы и обычаи («урф»), которые передаются из поколения в поколение, свои суды для разбирательства споров и криминальных случаев.

С существованием вассальной зависимости племен от правящего имама связан средневековый обычай подавать ему прошения с просьбой рассудить поссорившиеся племена или семьи, готовые начать междоусобную войну. В этом случае шейх одной из сторон посылает имаму или наследному принцу письмо, в котором просит рассмотреть его просьбу. Часто имам не дает ответа. Через два-три месяца шейх посылает второе письмо. Если ответа снова нет, к воротам дворца приходит толпа сторонников просителя. Они закалывают приведенную с собой овцу или быка. Пролитая кровь означает, что терпение человека иссякло и он требует наконец дать ответ. Если ответа нет и на этот раз, а дело чрезвычайно важное и не терпит отлагательств, шейх отрезает одну фалангу пальца руки и вместе с посланием вновь направляет имаму. Теперь уже шейх считает себя свободным от всех обязательств в отношении имама и может предпринимать любые действия, которые сочтет необходимыми для защиты своих интересов. Вопросы касаются, как правило, имущественных споров, поэтому обязательно есть истец и ответчик, каждый из которых требует решения в свою пользу. Положение весьма щекотливое, и ответ иногда оттягивается до тех пор, пока между спорящими сторонами не возникнет вооруженное столкновение. Тогда уже вмешиваются власти, останавливают кровопролитие и начинают разбор по шариатскому суду. Я сам видел несколько раз, как вооруженные винтовками люди резали у ворот дворца горбатых йеменских коров, требуя у имама Ахмеда ответа на свои прошения.

Основные племена Йемена — хашед и бакиль, от поддержки которых зависит положение того или иного правителя страны. Эти племена выступали, как правило, на стороне правящей семьи Хамид ад-Динов, за что и получили лестное название «крылья имамата». Другими крупными племенами считаются живущие в центральной части страны хамдан, хаулан, зу Мухаммед, зу Ху-

сейн, бени ислам, бени матар и зараник, живущее в Тихаме.

...Вскоре я оказываюсь на вершине скалы перед деревянной дверью в цитадель, сложенную из грубо обтесанных камней. Над дверью прямо в камне выбит большой мальтийский крест. На пороге мирно сидят два аскера. Они охотно отвечают на вопросы. Да, в цитадели заложники. Имам берет маленьких детей, а когда они подрастают, их отправляют домой, и на это место приходят их младшие братья. Заложников раз в году отпускают на побывку домой, где они проводят месяц-два, а затем прибывают на место заключения. Если же они не возвращаются, их забирают силой. Несколько раз в неделю заложники спускаются в город, где они гуляют в сопровождении аскеров.

В крепость меня не пускают, и я поворачиваю обратно. На пути встречается большой полуразрушенный бассейн, облицованный камнем и асбестом. Во время дождя вода скапливается в нем, стекая в общий подземный резервуар. У подножия холма, уже за городской стеной, — несколько разрушенных домов еврейского квартала.

70 тысяч евреев, выехавших в Израиль в 1948 году, были единственным национальным меньшинством в Йемене. Как считают, евреи пришли в Йемен сразу после разрушения Иерусалима в I веке новой эры. Им не разрешалось иметь лошадей, носить оружие, и даже на мулах они ездили, сидя боком. Евреи жили в отдельных кварталах в Таиззе и в столице. В Сане еврейский квартал находился в районе Бир аль-Азаб. Он был обнесен стеной, в которой было трое ворот. Сейчас ворота сломаны. Евреям не разрешалось строить высоких домов, поэтому большинство домов этого квартала — двухэтажные. В своем квартале они имели дома свиданий, делали вино и употребляли запрещенные в стране спиртные напитки.

Евреи были искусными ремесленниками: изготавливали сандалии, джамбии, шапки, прессы для чеканки монет (по заказу имама Яхьи). Однажды они сделали пресс для чеканки пятибукшевой монеты в форме шестиконечной звезды. Монеты были пущены в обращение. Имама Яхью стали упрекать в наивности, и он вынужден был изъять все эти монеты и выпустить новые, пятиконечные.

Йеменцы веротерпимы. В Йемене не было ни одного погрома. В 1962 году в Таиззе я видел двух еврейских мальчиков, приехавших из отдаленной деревушки в провинции Хадджа. Они были одеты, как арабы, и только длинные пейсы отличали их от арабских ребят, с которыми они играли в какую-то игру, похожую на наши «салочки».

...Петля меж развалин домов еврейского квартала, я постепенно поднимаюсь на гору Сабр. Слева остается скала с городской цитаделью, справа — приземистое здание лепрозория, где под полицейским надзором живет десятка два прокаженных.

Гора Сабр, разделенная на большие и малые террасы, лестницами поднимается к укутанной облаками вершине. Террасы покрыты густыми садами и плантациями ката. Горный Йемен считается классической страной террасного земледелия. Десятки поколений жителей горных районов разбивали скалы и камни на склонах гор, складывали из обломков стены и образовавшиеся впадины заполняли рыхлой землей, приносимой часто издалека, с долин горных речек и ручьев, в корзинах и мешках. Эти террасы — вечный памятник трудолюбию йеменского земледельца.

Большинство террас на горе Сабр занято плантациями ката. Его полное ботаническое название *Catha edulis* Forskal. Кат был доставлен из эфиопской провинции Харар в 1403 году шейхом Ибрагимом Абу Зарбайном. Петер Форскал — шведский ботаник, который в составе экспедиции Нибура посетил Йемен и собрал коллекцию растений, в том числе и кат. Форскал умер в Яриме в июле 1763 года. В знак признания его заслуг к латинскому названию ката было прибавлено имя Форскал. Местное название «кат», как считают, происходит от арабского «кавата», что значит «кормить», «питать». Однако в Йемене кат часто называют «цветком рая» за то дурманящее удовольствие и подъем сил, которые испытывает жующий его человек.

Кат выращивается в горах, там, где во все времена года сохраняется прохладная погода. Кустарник ката не переносит песка и пыли и хорошо растет в тех же местах, что и кофейное дерево, и поэтому некоторые помещики и крестьяне предпочитают выращивать кат, который приносит большой и стабильный доход.

Разведение ката — дело несложное. Кустарник не цветет и не плодоносит, размножается черенками. После орошения поля, весной, крестьяне удобряют его овечьим навозом, сажают черенки на расстоянии полутора-двух метров друг от друга и огораживают участок толстыми кактусовыми листьями от вездесущих коз. В конце лета из посаженных черенков вырастают пушистые кусты высотой 50—60 сантиметров. По местному обычаю крестьянин раздает «плоды» своего первого урожая односельчанам, с тем чтобы «распространились на него милости Аллаха». Побеги ката собирают с кустарника в течение 15 лет. К этому времени куст достигает высоты четырех метров; у него сохнет верхушка, и в одну из весен крестьянин срубает его под корень для того, чтобы от пенька на следующий год пошли новые тугие побеги.

Качество ката зависит от почвенных и микроклиматических условий района произрастания этой культуры. На горе Сабр расположены две деревни, разделенные невысоким холмом. Выращиваемый в них кат совершенно различен. В горном Йемене есть районы, где произрастает лучший в стране кат, некогда подаваемый в королевском дворце и в домах знати. Лучшим считается кат Бокари, в районе Худжария. Его очень мало и поэтому трудно найти на рынке. Кат также выращивается на горе Хабаша и Шарари в Худжарии, Субхан, Шараане, Удейне и горе Хадда близ Саны и других местах.

Кроме культивированного ката встречаются дикие сорта, называемые «баляди», или «мули». Кат различается также по своему воздействию. Так, в районе Удейн растет, как говорят йеменцы, «тяжелый» кат. Если нажеваться этого ката, особенно в тот период, когда листья вырастают на вершине ветки, становишься злобным, способным совершить тяжкое преступление. Выращивание этого ката, говорят, запретил еще имам Яхья. Мои йеменские друзья утверждали, что есть также «веселый» и «грустный» кат.

В зависимости от сезона кат имеет различные названия. Зимний кат бывает трех сортов — мубаррах, джадда и масани, а летний — аварид, нашр и гилля. Длинные в локоть плетя ката с редкими листьями называются мубаррах. Масани, или вторичный, — кат, листья которого вырастают после того, как обломают мубаррах. Как правило, масани с двумя-тремя маленькими обре-

занными ветками усыпаны мелкими листочками. Ранней весной, как только из почек появляются бледно-зеленые клейкие листочки, крестьянин снимает урожай ката нашр. Если не снять вовремя нашр и почки вырастут в тонкие стебли, такой кат уже будет называться аварид. По цвету стебли ката делятся на три вида: белый — байяд, светло-красный — хамар и темно-красный — сыний. Последний — сильнодействующий, «тяжелый» кат; а первый — «легкий» и поэтому самый лучший.

К 11 часам утра кат доставляется на рынок. В Таизе его продают прямо у городских ворот. Ежедневно кат переправляется на грузовиках по ухабистой горной дороге в Аден, где много выходцев из горного района Худжария, в большом количестве потребляющих кат. В Адене кат продается на рынке Айдрус, в районе Кратера. Раньше здесь устраивался аукцион, на который собиралась живописная толпа, жаждущая вкусить удовольствие от «цветка рая». В Сане, Ходейде и других городах катом торгуют в специально отведенных местах и, несмотря на его дороговизну, разбирают очень быстро. В 1960 году один пучок хорошего ката стоил около одного риала и был доступен только богатым людям. Достаточно сказать, что в то время месячный оклад солдата регулярной армии составлял десять риалов.

Королевский Йемен был разделен на семь провинций. Во главе каждой из них стоял наместник короля «наиб». Провинция делилась на округа «када» и более мелкие административные районы «нахия», которые возглавлялись чиновником, называемым «амиль». Наместники и амили, как правило, были родственниками короля или наиболее влиятельными людьми страны. Король лично назначал своих чиновников, и нередко случалось, что амиль какого-либо городишка по своему положению в йеменском обществе и родственным связям был выше, чем наиб, которому он подчинялся.

Амиль горы Сабр, к которому я ехал в гости, был близким родственником короля и происходил из семьи сейидов. До своего назначения на этот пост он служил амилем города Забида и только недавно получил новое назначение. Его дом в несколько этажей с многочисленными крытыми переходами скорее похож на средневековый замок, чем на жилой дом административного чиновника.

Это уже мой второй визит к амилю. В первый раз я приехал без приглашения в декабре 1959 года и был любезно принят на гостевой половине дома. Мы сидели на подушках в комнате, из окон которой открывался вид на лежащий внизу Таизз, и жевали кат. Семилетняя дочь амиля Шахия подносила воду, фрукты, печенье. Было очень интересно видеть, как эта красивая девочка уже сознавала и понимала свою роль хозяйки дома. Когда стали собираться мужчины, амиль отослал ее на женскую половину. Это несколько расстроило Шахию, но в то же время, видимо, и льстило ей: она была довольна, что ее уже считают женщиной и скрывают от нескромных глаз.

Женщины из горного Йемена, особенно из состоятельных семей и тем более из семей сейидов, никогда не появляются на улице с открытым лицом. Их костюм состоит из белых или темных шаровар «серваль», отделанных вышивкой, и длинной черной или синей рубахи из плюша «зин» с длинными до земли рукавами. Головной убор «масар» очень сложен: под платок «турха», которым закутывают голову и лицо так, что остаются только щелки для глаз, надевают тонкую цветную косынку, а поверх «турхи» — нечто вроде кокошника из цветной тяжелой ткани или плюша. Выходя на улицу, йеменские женщины надевают черную юбку и кофточку из бархата. Они не любят, когда их фотографируют, боясь дурного глаза. Однако иногда они это разрешают делать европейским женщинам.

И вот я снова у амиля. В приемной набилось много народу из числа местной знати и богатых крестьян. К полудню амилю принесли пучки ката. Они почему-то ему не понравились, и он, бросив их к ногам принесшего кат аскера, приказал доставить другой: у него гость, которого он хочет угостить самым лучшим катом. Через 15 минут уже все гости амиля лениво перекачивали за щекой все увеличивающийся комок ката. Рядом стояли термосы с родниковой водой и кальяны, называемые здесь «хаббук». Я сидел по правую руку от амиля. Почетных гостей йеменцы сажают по правую руку. Этим часто пользуются лица, которые хотят особо подчеркнуть свою дружбу с каким-либо высокопоставленным лицом, подсаживаясь к нему справа без приглашения. Для гостей из подушек и одеял устраивают ложе. В то время

как все сидят на подушках, дорогие гости полулежат. Этот порядок соблюдается во всех домах — от бедняцких до королевского дворца.

Мы курили с амилем один кальян. Немного пососав резной деревянный мундштук, он вытирал его рукой и передавал мне. Я брал мундштук и, немного повременив, как это делают йеменцы, начинал тянуть в себя крепкий дым, стараясь, чтобы в стеклянном сосуде, соединенном гибкой трубкой с горелкой, булькнула вода. В комнате были закрыты все окна, было душно и жарко. В воздухе стоял крепкий запах табака и сладковатый терпкий запах ката. Все молчали. Только время от времени в комнату входил солдат и подавал амилю скатанную в тонкую трубочку записку.

У таких чиновников, как амиль, нет строго определенных часов работы. Даже в пятницу, выходной день у мусульман, к нему могут обратиться с просьбой разобрать то или иное дело. Так было и на этот раз. Амиль разбирал дело о краже ката. Один аскер взял у женщины пучок ката, пообещав заплатить позже, однако обманул ее. И вот теперь она пришла с жалобой на него. Солдат, тощий с прыщавым лицом парень, в синей юбке «футе», белой рубахе и застиранной жилетке, снял свои сандалии у порога и, стоя перед развалившимся на подушках амилем, что-то говорил в свое оправдание, называя амиля «мавляна» («владыка наш»). Амиль все же признал его виновным и приказал заковать в кандалы — весьма распространенный в Йемене способ наказания за легкий проступок. Солдат вынул из ножен джамбию и положил к ногам амиля. Когда амиль вернет солдату джамбию, того раскуют и он будет считать себя свободным.

Вот уже три часа, как мы молча катаем под правой щекой огромные желваки ката. У йеменцев блестят глаза, некоторые закатывают их под лоб и в забытьи произносят «Алла́, Алла́». Все чаще и чаще пьется вода. На меня кат почему-то не действует. Вяжущий зеленый комок за щекой вызывает лишь какое-то чувство неудобства.

Возможно, как говорят йеменцы, с первого раза кат не действует на человека, и необходимо втянуться, чтобы почувствовать все удовольствие, доставляемое этим «цветком рая».

В Сане, Таиззе и прилегающих к ним горных районах кат жуют после обеда. Здесь установлено даже официальное время для ката — от часа до четырех дня. Везде — от просторных залов богатых домов до общественных кофеен, где собирается йеменская беднота, жуют кат, и даже срочные дела откладываются до вечера. В столице, где климат прохладен, эта процедура часто начинается с утра. Видный государственный деятель республиканского Йемена аль-Айни заявил, что из-за ката йеменцы теряют 3,5 миллиона рабочих часов в год.

В Адене кат жуют в «мабраза» — больших украшенных с восточной роскошью помещениях, принадлежащих богатым купцам. Завсегдатай аденского мабраза уходит из дома в определенный час со своим катом, завернутым в яркую шаль, которую он выставляет для всеобщего обозрения: пусть все знают, что он идет получать большое удовольствие. В мабраза пол устилают ковры, а вдоль стен на матрацах разложены подушки. Каждый посетитель занимает место около своей подушки. Около него ставятся кальян, глиняный кувшин на медной подставке и вазочка со сладостями. Когда в мабраза уже достаточно народу, слуга зажигает кальян, кто-то начинает читать Коран или рассказывать занимательные истории. Иногда в мабраза заходит певец, который аккомпанирует себе на трехструнном смычковом инструменте «тараб».

В мабраза, где собираются сейиды, вы не услышите пения. Здесь только читают Коран и рассказывают легенды о подвигах пророка. У сомалийцев, живущих в Адене, есть свой мабраза. Это хорошо вентилируемая комната, обставленная соответствующим образом. Портювые грузчики и водоносы не имеют своих мабраза. В Адене и в Ходейде они собираются в многочисленных кофейнях и садятся в кружок на составленных плетеных кроватях каждый со своим маленьким глиняным кувшинчиком.

С жеванием ката в Йемене связаны почти все семейные торжества и церемонии. В день свадьбы приглашенные гости собираются в доме жениха. Мужчины приходят к 11 часам утра на мужскую половину, хозяева дома усаживают каждого там, где он хочет, и дают ему отдельную связку ката. Гости жуют кат, курят кальяны, которые разжигают мальчики с помощью вееров. Для

этого у каждого из них — специальные горшочки с горящими углями и щипцами. К четырем часам подают ужин, до которого, как правило, никто почти не дотрагивается. Для приличия гости пробуют каждое блюдо, а затем собираются домой. Кстати, есть после жевания ката не хочется, и вполне естественно, что гости, покидая дом, оставляют еду почти нетронутой.

Такие же церемонии с жеванием ката устраиваются по случаю рождения ребенка, обрезания или приезда дорогих гостей.

Кат никогда не употребляют в виде отвара. Жуют только молодые листья, которые имеют сладковатый вяжущий вкус — нельзя сказать, чтобы неприятный, но и не соблазнительный для европейца. Высушенные листья теряют большую часть своей силы, и вкус их отвара весьма напоминает отвар виноградных листьев. Старые, грубые листья, вяжущие рот, не жуют.

Профессор Страсбургского университета Альберт Бейтер в начале XX века произвел химический анализ отвара листьев ката. Специфическое вещество, содержащееся в этом растении, он назвал «катин». Он получил выделяемые в виде кристаллов горькие алкалоиды: катин-ацетат, катинсульфат, катингидрохлорат, катингидробромид и катинсацилат, а также некоторое количество пахучих масел и кислот. Очевидно, содержащиеся в молодых листьях стимулирующие вещества способствуют активизации деятельности сердца, укрепляют нервную систему и повышают настроение. Однако известны случаи интоксикации, которые иногда наблюдаются у новичков, не знающих меры при жевании ката. Жертва отравления становится шумной, пошатывается, речь становится глуповатой. Иногда пострадавший чувствует головную боль и тошноту. Эти симптомы постепенно исчезают, не оставляя после себя никаких болезненных явлений. Но вообще такие случаи весьма редки.

Некоторые утверждают, что жевание ката отражается на деятельности сердца. Однако в Йемене единицы умирают от сердечных болезней, а такие болезни, как гипертония, инфаркт миокарда, атеросклероз, встречаются довольно редко. Среди той части населения, для которой жевание ката вошло в привычку, есть много пожилых, но здоровых людей. Советские врачи, работавшие в Йемене, исследовали действие ката на деятельность

сердечной мышцы и пришли к выводу, что кат стимулирует работу сердца, не вызывая вредных побочных явлений.

Надо сказать, что кат, употребление которого способствует облегчению страданий, возбуждению депрессированных нервов, укреплению усталых мускулов и при этом не влечет за собой явных вредных последствий, мог бы принести пользу медицине.

В 1956 году в министерство иностранных дел Йемена Международная организация по борьбе с наркотиками направила письмо, где указывалось, что кат содержит в себе наркотики и поэтому необходимо вести борьбу против его культивирования и употребления. Однако йеменские официальные власти, считая, что кат не содержит наркотических веществ, так как человек, употребляющий его в течение длительного времени, может легко отойти от этого занятия, что, кроме того, кат действует не расслабляюще на нервную систему, а, наоборот, активизирует ее деятельность, оставили указанное письмо без ответа.

... Мое пребывание у амиля подходило к концу. Я прощаюсь с ним и его гостями, пришедшими посмотреть на насрани, жующего кат и говорящего по-арабски, и тем же путем, мимо цитадели с заложниками, спускаюсь в город.

Где жила царица Савская?

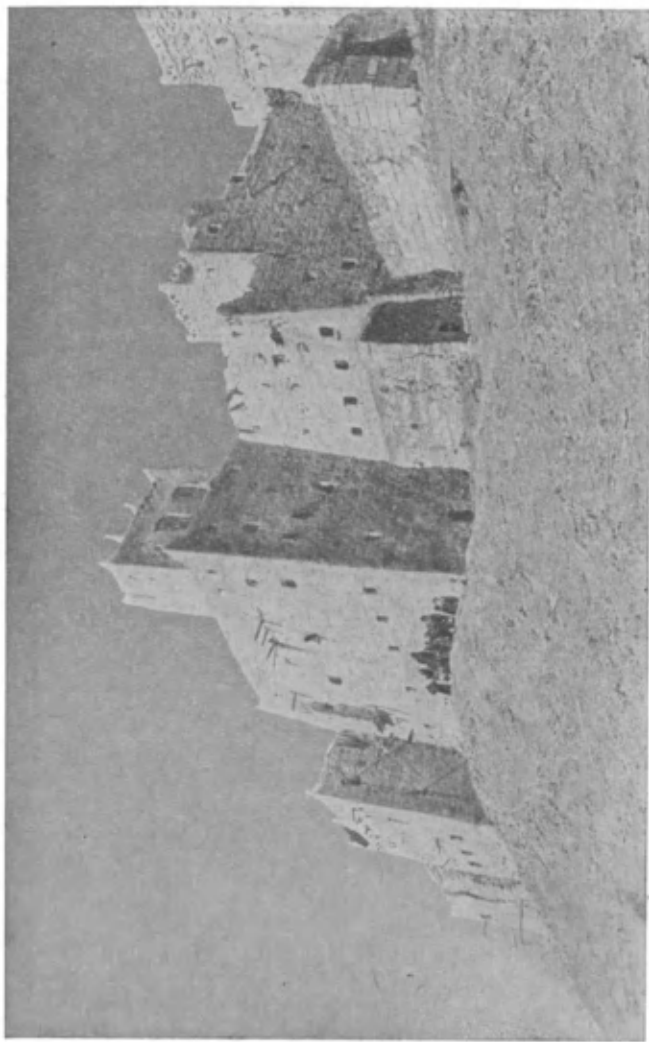
На старом двухмоторном самолете я лечу из Саны на восток, в Мариб, одну из столиц древнего Сабейского царства, существовавшего на территории Йемена в XI—II веках до новой эры. Внизу проплывают лысые черные горы, в глубоких и узких долинах ютятся деревушки. Обнесенные высокими стенами, они походят на маленькие крепости, связанные друг с другом белыми нитками узких горных троп. Через сорок минут полета самолет пошел на посадку. Пейзаж изменился: внизу лежала светло-желтая пустыня с одиноко стоящими горами. Рубэль-Хали — «пустая четверть». Так называли арабы эту пустыню Аравийского полуострова. Глядя на это безбрежное море песка и камня с темными островками гор, на глинобитные постройки сегодняшнего Мариба, чувст-

вужа на лице знойный ветер пустыни, поднимающий мелкий, скрипящий на зубах песок, с трудом можеш себе представить, что когда-то этот край был цветущим садом и заслуженно носил имя *Agabia Felix* (Счастливая Аравия).

Со II тысячелетия до новой эры в Южной Аравии возникли, развивались, достигали вершин цивилизации и погибли государства. Минейское и Сабейское царства, царство Катабан, Хадрамаут — странные, почти ничего не говорящие большинству из нас названия. Многие историки древности писали о мраморных дворцах и храмах южноаравийских владык, о караванах верблюдов, шедших с грузом ладана, мирры и других благовоний из Южной Аравии в Вавилон, Персию, Египет и Палестину. Благовония жгли на жертвенниках и алтарях по случаю свадьбы и рождения ребенка, хорошего урожая и победы над врагом, по случаю похорон и семейного несчастья. По представлениям древних, боги, обитавшие на небесах, питались благовонным дымом, поэтому большая и лучшая часть благовоний шла для религиозных церемоний. В XII веке до новой эры египетский фараон Рамсес III построил специальное здание, в котором хранились благовония, предназначенные для бога Амона. В крепости Иерусалима была священная комната, где под сильной охраной находились запасы ладана. Персидский царь Дарий получал с покоренных народов ежегодную дань в 1000 талантов ладана. Для всех божеств — иудейских, древнеегипетских, греческих и римских — нужно было воскурять затвердевшие капли ароматической смолы, получаемой с босвеллии и комифоры, растущих в Южной Аравии, на узкой полосе побережья Аравийского моря. Благовония считались даром богов, а район, откуда их привозили, — священным.

В сегодняшнем Марибе живут около 800 человек, которые занимаются караванной торговлей солью, добываемой в близлежащих горах, и выращиванием на поливных землях дурры и кукурузы. От Мариба до Саны — 192 километра, которые грузовая автомашина покрывает за три дня. На легковых автомобилях по этой дороге просто не проехать. Государственная граница Йемена — на расстоянии «одного дня пути пешком».

...После короткого отдыха в гостинице я поехал к развалинам Марибской плотины, которая считается од-

Жилые дома современного Марриба

ним из чудес древнего мира. Наш грузовик, поднимая за собой столб белесой пыли, медленно движется вдоль Вади-Дана, которое перегораживала плотина.

— Плотина там, за этой горой, — говорит один из наших спутников, молодой бедуин из племени абида, живущего в окрестностях Мариба. Он стоит на подножке автомашины, одной рукой держась за борт кузова, а второй показывая на виднеющийся впереди холм. Длинные волосы бедуина, борода и брови покрыты тонкой белой пылью. Он похож на Деда Мороза, только вместо традиционного мешка с подарками на плече у него висит старая длинноствольная бельгийская винтовка. Ствол заткнут деревянной пробкой, затвор и магазин заботливо обернуты серой тряпочкой.

Только в середине XIX века некоторым исследователям удалось проникнуть в Южную Аравию, где они обнаружили развалины Марибской плотины, городов и храмов и поняли, что легенды о богатстве и величии древних южноаравийских государств имеют под собой реальную почву. Первым, кто посетил Мариб, был фармацевт турецкого наместника в Йемене француз Арно. Это произошло в июле 1843 года. Он снял копии с 56 древних надписей и поместил первое достоверное сообщение о памятниках города. Затем, в 1870 году, сюда прибыл француз Жозеф Галеви, представитель Семитологической археологической ассоциации. Ему удалось скопировать свыше 600 надписей. Третьим был австриец Эдуард Глазер, побывавший в Йемене четыре раза (с 1882 по 1894 год). Во время третьей поездки (1888 год) он разослал своих людей по всей стране с заданием отыскать и принести ему копии и эстампажи древних надписей. Его визит в Мариб чуть не окончился трагически: из-за конфликта с представителями племени абида он вынужден был бежать в Сану. Собранная им коллекция хранится в Венской Академии наук.

В начале 1936 года имам Яхья разрешил сирийскому журналисту Набиху аль-Азму снять копии нескольких надписей в Марибе. В 1947 году египетский археолог Ахмед Фахри посетил Мариб и опубликовал заметки о своих наблюдениях. В 1952 году американская археологическая экспедиция Фонда по изучению человека провела первые систематические раскопки храма Аввам, посвященного лунному божееству сабейцев Альмакаху

(Илумкуху). На этом список исследований Мариба оканчивается. В последнее время правительство Йемена только иностранным делегациям предоставляло возможность любоваться бесценными сокровищами Мариба.

Я ехал к древним развалинам с чувством человека, которому предстоит увидеть что-то необыкновенное.

Наша машина останавливается у склона горы Балак-эль-Кибли. Кроме нас, — ни души. Вечереет. Воздух звенит от стрекота цикад. Большие голубые ящерицы перебегают от камня к камню, забавно припадая на передние лапки. Мы переваливаем через холм, нашему взору открывается небольшая вспомогательная плотина, сложенная из узких базальтовых плит. Параллельно плотине идет ирригационный канал длиной около километра, некогда орошавший сады левого берега Вади-Дана.

Главное сооружение канала имело два находящихся на разных уровнях отверстия, через которые из водохранилища в канал поступала вода. С высоты одного из склонов горы Балак-эль-Кибли видна сохранившаяся часть основной плотины, пересекавшей Вади-Дана в юго-восточном направлении. На правом берегу также заметны головные сооружения второго отводного канала, орошавшего сады правого берега. Даже по тем развалинам Марибской плотины, которые сохранило нам время, можно судить о большом инженерном мастерстве древних сабейцев. Длина плотины по гребню составляла примерно 600 метров. Тело плотины, наклоненное под углом 45 градусов к поверхности воды, состояло из земляной дамбы, укрепленной щебенкой и облицованной сверху обтесанными базальтовыми плитами. В каждой плите на определенном расстоянии были сделаны углубления, в которые забивали свинцовые пальцы, выступавшие на десять сантиметров над поверхностью плиты. При наложении одной плиты на другую отверстия, выдолбленные в последней, надевались на пальцы первой, и плиты скреплялись навечно. В VI веке новой эры плотина разрушилась, вода ушла, а вместе с водой ушли люди, оставив некогда цветущие сады и поля.

В пяти километрах от современного Мариба расположен храм Аввам.

У древних семитов Луна, часто изображавшаяся в виде рогов быка, была одним из главных божеств, и

это вполне объяснимо. Даже в представлении сегодняшнего жителя пустынных районов Аравии солнце — всегда символ зла и жестокости, а луна — символ добра и миролюбия. Появление луны на небосклоне связывается со спокойным серебристым светом, темным, усыпанным жемчугом звезд небом, прохладным ветерком, приносящим облегчение после знойного дня. Солнце — прямая противоположность луны. Его лучи не только «изгоняют луну», но и «угнетают» человека, животных, сушат растения. Более того, бедуины убеждены, что все племенные столкновения и кровавые распри начинаются летом, когда солнце ожесточает людей. Кочевники считают, что солнце — супруга луны, однако, «поскольку у них разные характеры, они не смогли жить вместе». В конце или начале каждого месяца супруги приближаются друг к другу, и если в это время случается гроза с громом и молнией, то это отголоски семейной ссоры. Часто бедуины с состраданием смотрят на полную луну, на «лице» которой видны темные пятна — следы побоев безжалостного солнца.

Я осматриваю храм. С северо-востока к овальному сооружению, обнесенному стеной, пристроен перистиль. Крыша перистиля покоилась на каменных колоннах с капителями в виде крупной чешуи. У стен перистиля видны полузасыпанные песком каменные монолитные столбы, испещренные сабейскими письменами. Во время раскопок этого храма американская экспедиция установила, что овальное сооружение построено около середины VII века до новой эры (по мнению некоторых других исследователей, — в IV веке до новой эры).

Возможно, что место около храма служило не только для отправления религиозных культов, но и для жилья. Об этом свидетельствует толстый культурный слой, в котором были найдены кости домашних животных, черепки глиняной посуды, предметы домашнего обихода, пепел очагов.

После разрушения Марибской плотины в результате сильного паводка большая часть населения ушла из этого района.

Во время посещения развалин храма Аввам я повстречался с бедуином, стройным, в темной набедренной повязке, перетянутой широким кожаным поясом. Он сидел в тени полуразрушенной стены. Его верблюд с шишка-

Развалины храма Аввам в Марибе

стыми мозолями на брюхе и коленях лежал рядом, капризно шевеля замшевыми губами. Бедуин ждал ночи, чтобы отправиться в дорогу по пустыне. Луна будет освещать его путь, как освещала путь его предкам, водившим по Руб-эль-Хали караваны верблюдов тысячелетия назад.

У европейцев существует представление, что бедуины водят караваны по пустыне, ориентируясь по звездам. Из короткой беседы с моим новым знакомым я узнал, что ему известно о Полярной звезде и движении вокруг нее других звезд. «Белый пояс» — Млечный путь, рассказывал бедуин, образовался из пыли, которую подняла звезда, указывавшая путь архангелу Гавриилу, спешившему к Аврааму, чтобы остановить занесенную над Исааком руку с кинжалом. Но мой собеседник отрицал, что вечером и ночью он поведет своего верблюда, ориентируясь по звездам. Совсем нет, цепкая память и хорошее знание местности помогут найти ему дорогу к родному оазису.

В тот же день мне удалось осмотреть темную комнату в городской крепости Мариба, где хранится около 60 алебастровых предметов. В этой великолепной коллекции наиболее часто встречаются различные изображения быка. Головой быка украшали алтари, на которых курили благовония и приносили в жертву животных. В марибском музее много человеческих фигурок и головок, также алебастровых. Они имели культовое назначение и, по-видимому, изображали усопших родственников. Некоторые из них сделаны без соблюдения пропорций: короткое туловище, короткие ноги, но голова и лицо выполнены, как правило, тщательно, и по ним можно судить о типе лица древнего сабейца, его прическе, украшениях. Среди растительного орнамента часто встречаются изображения пшеничного колоса, виноградных гроздей и листьев, фигурки баранов. Сабейское царство было богатой сельскохозяйственной страной, и древние скульпторы в своих работах с большим мастерством передавали те предметы, которые они постоянно наблюдали в жизни.

Покидая Мариб, я задумался над большой несправедливостью, свидетелем которой я стал и которой не в силах помешать, — несправедливости в отношении истории народа — носителя древней культуры, которому ре-

акционные имамы Йемена внушали мысль, что только с принятием ислама он обрел «настоящую культуру». Те же мысли нахлынули на меня после посещения музея древностей в Сане, расположенного в одной из комнат нижнего этажа правительственной гостиницы. Здесь в беспорядке были свалены алебастровые статуэтки из Мариба, бронзовые скульптуры химьяритов (доисламский период), эфиопская икона V века, слоновые бивни и «нос» рыбы-пилы из Красного моря. Один из служащих департамента просвещения, который по совместительству был директором этого музея, говорил мне, что в королевском Йемене нет человека, который мог бы прочесть сабейские надписи.

Реакционная монархическая клика всеми силами старалась привить народу Йемена пренебрежение к древней цивилизации страны. В одном из центров древней цивилизации Йемена, в Вади-Сирвах, лежавшей на полпути между Саной и Марибом, местные жители при попустительстве властей разбирали древние сооружения и использовали камни для строительства своих домов. Жилые дома деревни Эль-Хариба построены из камней древних сооружений. Доведенные до последней грани нищеты бедуины восточных районов страны за бесценок продавали предприимчивым купцам поделки из филигранного серебра и меди, передаваемые из поколения в поколение, предметы старины, которые они находили в развалинах старых минейских и сабейских городов в пустыне. Французский ученый Галеви рассказывает, что в Марибе в 1870 году он встретил купца, который скупал у бедуинов предметы старины, с тем чтобы продать их англичанам в Адене. Сами западные путешественники обычно вывозили из страны купленные за бесценок плиты с сабейскими надписями и алебастровые статуэтки. Так, в музеях Лондона, Парижа и Вены хранятся коллекции памятников древней культуры Южной Аравии.

Мои йеменские друзья, которым была не безразлична древняя культура их страны, с горечью рассказывали, что в 40-х годах на рынках Саны йеменские купцы завораживали сладости в страницы рукописных книг первых мусульманских авторов, описывавших страну и народ Южной Аравии до ислама. По приказу одного из королевских губернаторов в Марибе были разрушены многие сохранившиеся древние строения, камень которых был

использован на строительстве городской крепости и гостиницы. Когда же египетский археолог Фахри спросил этого ретивого губернатора, зачем он разрушил уникальные памятники, тот ответил, что «нужды живых мусульман важнее памятников мертвых безбожников». Я сам видел, как в Марибе стены колодца городской крепости, а также стены и пол гостиницы были выложены камнями с сабейскими письменами.

Этот рассказ о вопиющих актах вандализма реакционных имамов Йемена можно продолжать очень долго.

Йеменская земля хранит еще много тайн. В 41 километре к юго-востоку от Мариба есть развалины храма Марибам, построенного около 2700 лет назад, а в северо-восточных районах Эль-Джоуфа — развалины минейских и сабейских городов, построенных примерно три тысячи лет тому назад, сообщения о которых иногда попадают в печать от случайно забредших туда арабов. На горах, окружающих Ибб, имеются развалины химьяритских замков. На центральном плато, близ Ярима, расположен Зафар — столица Химьяритского государства, в которой не побывал еще в то время ни один археолог.

В Йемене я познакомился с принявшим мусульманство американским журналистом Абд ар-Рахманом Брюсом Конде. Потомок испанской ветви французских графов Конде, журналист и разведчик по профессии, филателист и любитель-археолог, он значительное время проводил в поездках по Йемену, фотографируя памятники старины и публикуя о них статьи в бейрутской газете «Дейли Стар» и некоторых американских изданиях. Благодаря тому что он был мусульманином и говорил по-арабски, он получил возможность посещать такие уголки Йемена, куда доступ без соответствующих разрешений для других иностранцев был закрыт.

Конде поддерживал переписку с известным американским археологом Олбрайтом, который в составе американской экспедиции работал в Марибе в 1952 году, и сообщил ему в 1959 году об открытии в окрестностях Мариба обелисков с сабейскими письменами. Это открытие Конде так и не стало достоянием научного мира, хотя Олбрайт высоко оценил его. Карьера Конде закончилась в 1961 году, когда его обвинили во вмешательстве во внутренние дела страны и выслали из Йемена. После

антимонархической революции 1962 года он пробрался в лагерь монархистов на севере Йемена и принял участие в борьбе против республиканцев под знаменем свергнутого короля Мухаммеда. Йеменские монархисты, засевшие в пещерах Северного Йемена, продолжали еще несколько лет печатать в Швейцарии марки несуществовавшего Йеменского Мутаваккилийского королевства, которые рисовал Абд ар-Рахман Конде, оказавшийся к тому же еще и талантливым художником.

Арабы связывают Мариб с именем библейской царицы Савской, которая, прослышав о великой мудрости царя Соломона, совершила путешествие в Иерусалим во главе огромного каравана, нагруженного благовониями и золотом. Арабы называют легендарную царицу именем Билкис, а храм Аввам — харам Билкис. Слово «харам» произошло от общего для всех семитских языков корня «харам», означающего «быть священным». От этого же корня образовано и русское название «храм», т. е. сооружение, посвященное какому-либо высокочтимому святому. Что означает «Билкис», неизвестно. Одни считают, что «Билкис» переводится как «хозяйка богатства», другие полагают, что Билкис или Балкис — имя идола, которому поклонялись доисламские арабы.

«Царица Савская, услышав о славе Соломона, во имя Господа, пришла испытать его загадками. И пришла она в Иерусалим с весьма большим богатством: верблюды навьючены были благовониями и великим множеством золота и драгоценными камнями», — говорится в Библии. Далее красочно рассказывается о впечатлениях царицы Савской от общения с Соломоном: «И сказала царю: верно то, что я слышала в земле своей о делах твоих и мудрости твоей. Но я не верила словам, доколе не пришла, и не увидели глаза мои. И вот, мне и вполтину не сказано; мудрости и богатства у тебя больше, нежели как я слышала». Царь Соломон не менее восторженно говорил об уме и красоте царицы Савской, не менее щедро одарил свою гостью: «И царь Соломон дал царице Савской все, чего она желала и чего просила, сверх того, что подарил ей царь Соломон своими руками».

В Коране об этом эпизоде говорится в суре «Муравьи», причем подчеркивается одна из особенностей царя Соломона, а именно его знание языка птиц и зверей.

«Почему я не вижу удода? Или он отсутствует?» — вопрошал царь у собравшихся зверей и птиц. Удод вскоре прибыл со следующим сообщением: «Я узнал то, чего ты не знаешь, и пришел к тебе от Сабы с верным известием. Я нашел женщину, которая ими правит, и даровано ей все, и у нее великий трон».

В одной из библейских легенд говорится, что джинн, выполняя приказ Соломона, перенес трон царицы Савской в Иерусалим. Царицу после ее приезда повели во дворец, и, переступая порог, она невольно приподняла свое платье, обнажив щиколотки, так как пол был сделан из хрусталя и напоминал открытый бассейн с водой. По убеждениям древних семитов, одна из характерных черт дьявола — козьи ноги. Соломон опасался, что под обличем прекрасной женщины в его гостье скрывается дьявол. Поэтому он решил проверить свои опасения таким весьма оригинальным образом.

Любопытно, что арабские комментаторы Корана, где в несколько сумбурном виде излагается появление царицы Савской в комнате с хрустальным полом, знакомые, видимо, с древними семитскими религиозными представлениями, спокойно отнеслись к спектаклю, устроенному Соломоном царице. Однако комментаторы Корана из мусульманских районов Индостана расценили это совсем по-другому. Шейх Абдалла Юсеф Али, например, в комментариях к Корану, изданному в Лахоре в прошлом веке, пишет, что «эта ситуация говорит об отсутствии уважения к женщине, и особенно к царице».

Историки, отрицающие существование царицы Савской, прежде всего ставят под сомнение способность женщины управлять страной. Однако их оппоненты приводят много исторических примеров, когда женщина стояла во главе суверенного государства и вполне справлялась со своими обязанностями. Ассирийский царь Тиглатпаласар III в 738 году до новой эры подчинил племя ариби во главе с царицей по имени Забити. Пять лет спустя некая Самси, царица Аравии, вынуждена была признать суверенитет ассирийского монарха над своей страной. Ассирийский царь по этому поводу сообщает, что Самси, т. е. «та, которая от Солнца», нарушила клятву, данную богу Шамашу. Будучи вновь приведена к покорности, она принесла «во славу моего величества и в качестве дани... золото, серебро, верблюдов...

всякого рода [благовонные] растения». Саргон II (722—705 годы до новой эры) также говорит о царице Самси. На фресках Дейр аль-Бахри в Египте, которые рассказывают об экспедиции, предпринятой царицей Хатшеспут в XVII веке до новой эры в страну Пунт, изображена местная правительница чрезвычайно тучного телосложения. Наконец, знаменитая Зенобия из Пальмиры дает нам еще один пример осуществления женщиной верховной власти.

Многие историки древности писали о стране Саба и ее жителях. Так, говоря о «Счастливой Аравии», Диодор Сицилийский упоминает «сабейцев» и «город Саба, расположенный на горе, столицу всей страны». Страбон посвящает несколько строк Сабе, находящейся на «заросшей лесом горе». Отцы христианской церкви, взявшие на себя задачу истолкования Библии, вносят свою лепту и дополнительную путаницу в вопрос о царице Савской. «Земля Сабы находится за землей арабов и около Красного моря. Выхав из этого района, царица эфиопов прибыла в Иерусалим во времена Соломона», — пишет евангелист Кирилл Александрийский. Другой евангелист, Теодор из Кира, пишет, что «население Сабы было эфиопским. Ибо, как говорят, они поселились на берегу Индийского океана. Ибо их называли химьяритами. Ибо они из района аксумитов. Ибо между теми и другими протянулось море. Их царица была той самой известной и обворожительной женщиной, которую Христос сподобил упомянуть в Святом Евангелии. Действительно, услышав о мудрости Соломона, она предприняла многодневное путешествие, предпочтя усталость и трудности пути неге и блаженствам, которым она предавалась во дворце».

Не только историки и богословы, но и картографы не остались равнодушными к царице Савской. Географ Абрахам Креск, автор «Атласа Карла V», вышедшего в 1375 году, изобразил царицу Савскую объемистой дамой благородной внешности, владычествующей в районе «Аравии Сабба, страны благовоний, или Аравии царицы Савской». Фра Мауро, который в 1459 году изготовил свою планисферу для португальского короля Альфонса V, упоминает в пояснениях гостью Соломона, приехавшую из Аравии для посещения царя иудеев. Даже в XIX веке, когда географы уже не позволяли себе иллюстрировать

карты, английский ученый В. Плат на карте Йемена написал: «Резиденция царицы Шеба, или Саба, которая посетила Соломона», и затем южнее: «Мариб (Мариаба), который, как считали раньше, был резиденцией царицы Савской». К этому следует добавить, что многие востоковеды тоже писали о Марибе и считали своим долгом упомянуть о царице Савской и ее визите в Иерусалим.

Кем же была эта героиня захватывающего библейского сказания, в котором переплелись исторические факты, восточный фольклор и фантастические легенды? Действительно ли она жила в Марибе и совершила путешествие к царю Соломону?

Эта тайна до настоящего времени еще не разгадана учеными, среди которых есть сторонники как арабского, так и эфиопского происхождения царицы Савской. Дело в том, что царица Савская вернулась из Иерусалима не только одаренная роскошными подарками царя Соломона. Она не смогла устоять перед чарами мудрого царя и, прибыв домой, родила младенца, от которого ведет свое происхождение ныне царствующая династия абиссинских негусов.

На каком основании население Эфиопии считает, что царица Савская жила в Аксуме? Ответ мы находим в «Кебра Нагаст», национальном эпосе эфиопского народа, где говорится о царствующих династиях, ведущих свое происхождение от знаменитой путешественницы.

Эфиопы называют царицу Савскую Македа, а ее сына от царя Соломона — Бейна Хекем или Ебна Хакем, что означает «сын царя». Второе эфиопское имя сына царицы Савской — Менелик. Рассказ о путешествии Македы в Иерусалим имеет множество вариантов, поскольку велеречивые сказители не скупятся на подробности и не сдерживают свою фантазию, чтобы угодить своим слушателям. Я привожу здесь эфиопскую версию легенды о царице Савской, в прошлом веке записанную в Аксуме шведским миссионером Сундстрёмом со слов одного человека из племени тигре, с сохранением стиля подлинника.

«...Мать царя Менелика по имени Атия-Азед была дочерью одного человека из племени тигре. В те дни племя поклонялось дракону и приносило ему жертвы. Каждая семья, когда наступала ее очередь, посылала к дракону

свою перворожденную дочь, анталам * меда и анталам молока. Когда наступил черед родителей Атии-Азеб, они привязали свою дочь к кроне дерева, куда должен был прилететь дракон. И вот к месту, где она была привязана, пришли семь святых и сели в тени дерева. И, когда они сидели, она заплакала, и одна ее слезинка упала на них. Когда слезинка упала на них, они посмотрели наверх, увидели ее привязанной и спросили: „Кто ты? Дева Мария или человеческое существо?” Она ответила им: „Я человеческое существо”. Они ее спросили: „А почему ты привязана здесь?” — „Меня привязали здесь, чтобы меня сожрал дракон”.

Трое из этих святых разузнали, где находится логово дракона, и убили его. Когда они убивали дракона, капля его крови попала ей на пятку, и ее нога превратилась в ослиное копытце. После этого они ее освободили и сказали: „Иди в свою деревню”. И, когда она пришла в деревню, люди еще не знали, что дракон убит, и прогнали ее.

Атия-Азеб пришла в деревню на следующий день и показала поселянам труп чудовища. Они выбрали ее своей предводительницей, а она взяла себе одну помощницу, как бы в качестве министра.

Потом она услышала следующее: в Иерусалиме есть царь по имени Соломон. Кто бы к нему ни приехал, он излечивает от болезней. Если ты поедешь туда, то, как только переступишь порог, твоя нога станет как прежде. Так ей сказали. Услышав это, она сделала себе такую прическу, чтобы походить на мужчину, и ее помощница сделала то же самое. Затем они препоясались мечами и отправились в путь. Когда она приблизилась, царь Соломон услышал, как говорили о ней. Ему затем сказали: „Царь Абиссинии прибыл”. — „Пусть войдет”, — ответил он. И когда она пришла через порог, ее нога стала такой, какой была прежде. Она вошла к царю и взяла его за руку. Царь приказал принести хлеба, мяса и меда. И они сели, чтобы поесть. Когда они ели, женщины по своей скромности ели и пили мало. И тут царь заподозрил, что они не мужчины.

Царь приказал поставить их кровати в своей опочивальне и около кроватей — кувшин с медом. Ночью они

---

* Около 300 литров.

встали, чтобы немного поесть. Соломон убедился тогда, что они женщины, и сделал их своими женами. Затем они решили вернуться в Абиссинию. Он дал каждой из них серебряный посох и перстень, сказав: „Если родится дочь, пусть она возьмет этот посох и придет ко мне. Если будет сын, пусть он возьмет этот перстень и придет ко мне”.

Царица с юга еще купила себе зеркало. После этого обе беременные они вернулись в свою страну. Затем они обе родили сыновей, и, когда мальчики подросли, люди тигре говорили: эти мальчики без отцов. Тогда мальчики спросили своих матерей, и они ответили: ваш отец царь Соломон, и живет он в Иерусалиме. Сын царицы был очень похож на своего отца, даже цветом лица был, как царь Соломон. Тогда она ему сказала: „Сын мой, ты и отец очень похожи. Возьми это зеркало и иди к нему. Он очень мудр и спрячется от тебя. Если ты увидишь на троне другого человека, не приветствуй его”.

Два мальчика отправились в Иерусалим. Царь посадил одного из своих людей на трон, а сам оделся в лохмотья. Несмотря на это, сын Атии-Азев его узнал, сравнив цвет своего лица с оттенком кожи лица монарха с помощью зеркала, полученного от матери. Царь оставил сына при себе, но жители города протестовали, и Соломон решил отправить его, потребовав, чтобы все первенцы Иерусалима были также удалены из города. И царь Соломон сказал своему сыну: возьми ковчег Михаила с собой. Но он взял ковчег Марии. И он положил чехол от ковчега Марии на ковчег Михаила, а чехол от ковчега Михаила — на ковчег Марии.

Похищение ковчега скоро было обнаружено, и Соломон послал гонца к своему сыну. Но сын отказался вернуть ковчег. Беглецы прибыли в район тигре и построили церковь, посвященную Марии...».

По другой библейской легенде Менелик выкрал из храма царя Соломона Моисеев ковчег завета, оставив вместо него хорошую подделку. С тех пор, как считают, подлинный ковчег завета, величайшая святыня христиан Эфиопии, хранится в Аксуме, но никто из живущих не имеет права его видеть. Даже во время большого праздника маскал, посвященного окончанию периода дождей, для всенародного обозрения выставляется лишь искусно сделанная копия ковчега.

Эта легенда, в различных вариантах по-разному украшенная фантазией сказителей, рассказывается и сегодня в Эфиопии. Ученые считают, что наиболее распространенная версия легенды о поездке Македы к царю Соломону была обработана священнослужителями в XIV веке и в этом виде вошла в народный эпос. Однако сторонники эфиопского происхождения царицы Савской приводят исторические факты и ссылки на авторитеты, чтобы доказать, что царица Македа жила именно в Аксуме, откуда и совершила поездку к Соломону. Они сообщают даже такие подробности, как то, что Македе было 50 лет, когда она поехала в Иерусалим, и что умерла она в 986 году до новой эры. Доказывая это, эфиопы ссылаются на Книгу псалмов (псалм 45, стих 11—18), где прямо говорится о визите Македы в Иерусалим и о том, что ее сопровождала дочь тирского царя Хирама. Кроме того, утверждают они, в Эфиопии много религиозных обрядов, которые напоминают древнееврейские, или, точнее, семитские, обычаи и которые вряд ли могли укорениться в стране без поддержки со стороны верховной власти. Здесь и соблюдение субботы, и деление животных на чистых и нечистых, и религиозные танцы, и даже титул императора Эфиопии, который именуется «царем Сиона». Сторонники эфиопского происхождения царицы Савской указывают, что ее сын Ебна Хакем дал законникам из иудейского колена левитов право составлять законы и толковать их. Более того, небольшая религиозная группа абиссинских иудеев — фалаши считается потомками иудеев, прибывших в Аксум из Иерусалима. Ведь в «Кебра Нагаст» говорится, что вместе с Ебна Хакемом в Аксум из Иерусалима прибыли также первенцы жителей города, изгнанные Соломоном. Собственно «фалаша» и означает «эмигрант», что подтверждает, по-видимому, их неэфиопское происхождение.

Осенью 1961 года я совершил специальную поездку в Эфиопию, чтобы осмотреть Аксум и его исторические памятники.

Маленький самолет, подпрыгнув и пробежав сотню метров по дорожке аэродрома в Асмаре, подруливает к зданию аэровокзала, увитого цветущими кустами роз. Прохладный воздух насыщен ароматом полевых цветов и эвкалипта. Асмара находится на высоте 2400 метров, и контрасты климатов жаркой и влажной Ходейды на

йеменском побережье Красного моря и Асмары особенно хорошо чувствуешь.

Я останавливаюсь в гостинице «Альберго Италия» и сразу же интересуюсь, где можно найти автомашину для поездки в Аксум, расположенный в 190 километрах от Асмары.

— Лучше всего вам обратиться к Бондини, синьор. Я дам вам провожатого, — сказал метрдотель.

И вот я шагаю за стройным шоколадным мальчугом, который ведет меня к гаражу Бондини. Несколько минут ходьбы по улочкам залитого осенним солнцем городка — и я останавливаюсь у внушительных металлических ворот гаража. Переговоры были недолгими, и на следующий день у входа в гостиницу стоял маленький «Фольксваген». Большие старомодные часы в вестибюле гостиницы пробили шесть утра, когда мы тронулись в далекий путь.

Дорога до Ади-Угри протяженностью около 60 километров довольно сносная. Машина мчится по серебристому от утренней росы шоссе. Вокруг расстилаются красные земли Эритреи. В глубоких впадинах еще утренний туман, а на зеленых холмах, то тут то там, уже пасутся стада овец, коз и горбатых коров — зебу. Выскочив из тумана, мы вдруг прямо упираемся в огромное стадо коров и несколько минут стоим, пока пастухи прогоняют животных. Как и все абиссинцы, пастухи закутаны в светлые покрывала. Над стадом вьются целые полчища мух, и только метелки, которыми служат приделанные к деревянной рукоятке коровьи хвосты, могут защитить пастухов от назойливых насекомых.

Вдали показывается и быстро приближается ажурная арка — мост через реку Марерб. Мутный, коричневого цвета поток быстро несется посреди широкой долины, усыпанной мелкой галькой. На обрывистых берегах поднимаются эвкалипты, туя, видны заросли испанского дрока. Через два километра от первого моста мы попадаем на мост, соединяющий берега второго рукава Маререба. Вода здесь чистая и прозрачная. Берега заросли густым кустарником. Где-то в этих местах находится источник минеральной воды, которую подают всем транзитным пассажирам в асмарском аэропорту.

Зеленые равнины постепенно сменяются холмами, заросшими кустарником и рощами колючих акаций и та-

мариндов. Обработанные поля засеяны кукурузой, дуррой, пшеницей. В этой зеленой массе копошатся разноцветные пернатые. Желтые ткачики свили в придорожных кустах гнезда, которые похожи на маленькие, подвешенные на тонкую веточку корзиночки с входом снизу. Красные птицы величиной с нашего снегиря раскачиваются на высоких метелках дурры. Птицы с темно-сизым оперением, чуть больше скворца, бодро перебегают дорогу. Большие дикие голуби с бородавчатыми пятнами вокруг глаз и розовыми крыльями копошатся в навозе и нехотя взлетают перед автомашиной. Вдоль дороги бегают хохлатые удоды, один из предков которых принес весть царю Соломону о царице Савской. На огромных баобабах, поднимающихся, как великаны, среди зеленых холмов, важно сидят грифы.

Я ловлю себя на мысли, что эти картины, пробегающие за окном автомашины, я где-то уже видел: Африку так себе и представляешь — зеленые холмы, баобабы, пестрый птичий мир.

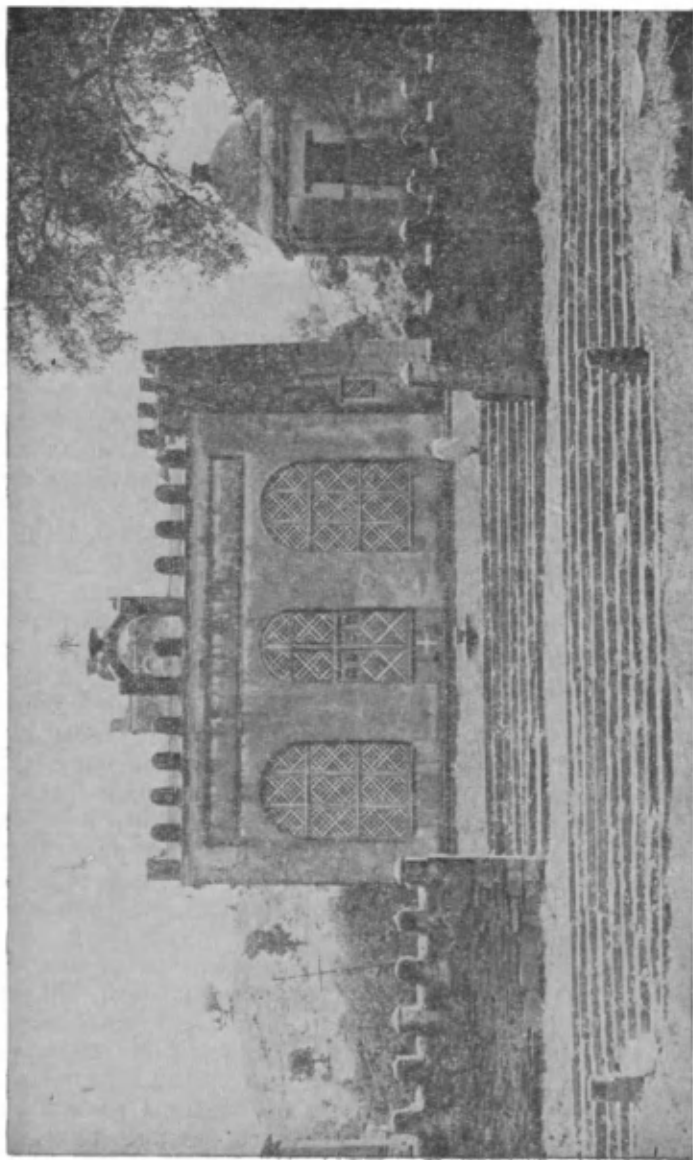
По обочине идут мужчины в длинных штанах, похожих на наши галифе, только с менее объемными карманами, в белых накидках и с обязательными палками на плече. Головы у большинства не покрыты, но у некоторых есть головной убор — белый тюрбан. Женщины одеты в белые длинные платья. Как правило, за спиной — грудной ребенок. Еще в Асмаре я видел, как эфиопка усаживает за спину ребенка. Кусок кожи с четырьмя отверстиями для рук и ног перехватывается двумя веревками или ремнями, которые затем закрепляются на животе и плечах женщины. Дети, видно, привыкли к такому способу передвижения, и в Эфиопии я не слышал детского плача ни в одном городе. Особенно примечательна у женщин прическа: волосы, заплетенные в мелкие косички и перехваченные на затылке, на концах распущены. У некоторых пожилых женщин голова просто выбрита. У девочек косички иногда уложены поперек головы. Возможно, это наряд невесты или просто парикмахерская фантазия.

Мы оставляем позади последний город перед Аксумом — Аби-Адва. Точнее, это несколько крупных деревень, расположенных вдоль дороги, которая соединяет два магистральных шоссе: Асмара — Гондар и Асмара — Аддис-Абеба.

Приехав в Аксум и отдохнув в небольшом туристском ресторане, который содержит итальянец, мы отправляемся на центральную площадь города, к огромной колонне. Колонна из светло-серого гранита высотой около 20 метров и шириной 2 метра врыта прямо в землю на небольшом холме, выложенном серыми плитами, «отполированными» до блеска тысячами босых ног не одного поколения. В одной из плит, прямо перед обелиском, сделано четыре углубления, видимо, для курения благовоний. К самой площади от обелиска ведет несколько ступенек. На его наружной стороне выбиты изображения окон и дверей с замысловатым засовом. Конусообразный обелиск заканчивается полукругом, который когда-то, вероятно, был покрыт железом: книзу от верхушки идут ржавые подтеки. Площадь, мощенная гранитными плитами холм и обелиск кажутся каким-то языческим храмом на открытом воздухе. Сам обелиск со своими «окнами» и «дверями» очень напоминает небоскреб. Большая колонна окружена тремя необтесанными конусообразными обелисками меньшего размера. Видимо, здесь был и четвертый. Местные ребяташки, с которыми я познакомился на площади, подтвердили эту догадку: четвертый обелиск был увезен итальянцами в Рим. Глядя на это сооружение, я вспоминаю свидетельства первых мусульманских авторов о дворце Гамдан, который был построен химьяритами в Сане. Он имел 20 этажей и золотую крышу, что очень поразило первых мусульман, попавших из бесплодной пустыни в «Счастливую Аравию».

Второй достопримечательностью Аксума считается храм девы Марии, одна из главных святынь христиан Эфиопии. Храм сложен из небольших серых камней, скрепленных глиной, замешанной на рубленой соломе. Здание несколько сужается кверху. По углам стены возвышаются над крышей и сделаны в виде закругленных зубцов, посередине — небольшой позолоченный купол. Окна закрыты деревянными решетками. На небольшой площадке, перед квадратным зданием храма, разбросано несколько гранитных монолитов, по форме напоминающих неглубокие тяжелые шведские кресла. Некоторые утверждают, что это место коронации эфиопских императоров и дальше этих камней женщинам ходить не разрешается.

Аксум. Храм дэвы Марии

У ворот храма стоит небольшая медная пушка. Храм закрыт, и, чтобы попасть внутрь, нужно получить разрешение настоятеля храма. У дома, настоятеля мы встречаемся с молодым, наголо выбритым монахом Хайле, который идет докладывать настоятелю о просьбе. Мы стоим около часа у обитой жестяным листом двери дома, и мне уже хочется отказаться от мысли войти в храм. Однако мой провожатый уговаривает меня: в храме много золота и мне непременно все покажут.

Наконец появляется Хайле и говорит, что нас ждут наверху. В небольшой квадратной комнате в кресле сидит человек среднего роста, с темным морщинистым лицом и редкой бородкой. Он закутан в белое покрывало, на его голове — тюрбан. Рядом с креслом стоит радиоприемник и маленький столик с бумагами. На одной стене — лубочные изображения в нескольких картинах легенд о царице Савской и царе Соломоне, портреты императора и императрицы Эфиопии. На другой стене на простом листе бумаги нарисован шестиконечный щит Давида с крестом, что как бы символизирует слияние элементов иудаизма и христианства, характерное для религии современной Эфиопии. Вся обстановка комнаты, как и одежда настоятеля, более чем скромна.

Настоятель соглашается показать мне храм, и после нескольких минут ходьбы по узким пыльным улицам Аксума мы вновь оказываемся перед храмом девы Марии. Поднимаемся по широкой каменной лестнице. Сопровождающий нас Хайле массивным ключом открывает грубо сколоченные рассохшиеся двери, и я переступаю порог храма, построенного 400 лет тому назад.

Храм девы Марии разделен на две части. В первом, прямоугольном, зале пол устлан циновками. Прямо перед входом в другое помещение стоит пюпитр — две полочки с натянутой кожей. За пюпитром — каменное кресло, застланное грубым, домотканым ковром. Подлокотники настолько отполированы, что блестят в сумрачном полумраке пропахшего ладаном зала. На полу лежит несколько барабанов; некоторые из них выдолблены из ствола дерева, некоторые сделаны из глины. Их используют для музыкального сопровождения при молебных и ритуальных песнопениях, которые проходят здесь лишь в воскресенье — утром и вечером. Во вто-

*Аксум. Гранитный обелиск
на городской площади*

ром помещении, занимающем примерно две трети храма, на четырех колоннах развешаны выполненные на холсте картины из святого писания. Это обычные для Эфиопии лубочные изображения девы Марии с младенцем, захоронение Христа и др. Картины скрыты под покрывалами из выцветшего шелка. В центре этого зала под куполом висит старая люстра с белыми гипсовыми подвесками. В углу сложены барабаны. Передняя стена, где, видимо, находится алтарь, закрыта цветным покрывалом.

После осмотра храма меня ведут к маленькой часовне, построенной несколько лет назад по указанию императрицы. Около часовни на столе, покрытом итальянским гобеленом, стоят три короны. Первая принадлежит царю Фасиле, построившему само здание храма. По форме корона представляет собой два сложенных основаниями конуса. Корону венчает крест. Посередине расположены эмалевые миниатюры на библейские темы, к которым прикреплены подвески из различных дра-

гоценных, плохо обработанных камней. Вторая корона, сделанная в виде полукруглой с золоченым верхом шапки с библейскими миниатюрами у основания, более тонкой работы. Ковчега завета мне не показали, и настоятель храма уклонился от разговора на эту тему. Однако о царице Савской он беседовал весьма охотно. Да, царица Савская и ее предки жили в Аксуме. Здесь же, за городом, находится ее могила, которую мне предложили осмотреть.

Действительно, за городом, метрах в пятистах от дороги, прямо в пшеничном поле лежит несколько гранитных плит с обелисками, подобных тем, которые я видел на центральной площади Аксума. Мой гид показал на одну, ничем не примечательную плиту размером 5×1,5 метра, под которой якобы и похоронена легендарная царица. Под двумя другими обелисками, как мне объяснили, покоится прах еще двух царей Аксума, а на горе, виднеющейся у горизонта, похоронен Менелик, сын царицы Савской и царя Соломона.

Уже по дороге в Асмару я перебирал в памяти факты, вспоминал легенду о царице Савской, записанную в Аксуме, обелиск на площади, храм девы Марии, царское кладбище в пшеничном поле, храм Аввам в Марибе. Где здесь правда, где древние мифы, а где банальные истории, заготовленные на потребу охочим до сенсаций туристам из заморских стран? Ведь детальные исследования археологов, в частности изучение найденных в Марибе надписей и каменной кладки, свидетельствуют о том, что храм Аввам был построен во второй половине VII века до новой эры, поэтому он уж во всяком случае не имеет никакого отношения к гостье царя Соломона, правившего в середине X века до новой эры. Однако народная молва, соединившая в романтическом сказании имена царя Соломона и царицы Савской, не желает считаться с историческими фактами, и сказители на обоих берегах Красного моря, в Йемене и в Эфиопии, из поколения в поколение передают захватывающие легенды о пылкой страсти любвеобильного израильско-иудейского царя Соломона к красавице Билкис.

На родине напитка бодрости

Я отправляюсь в большое путешествие по Йемену. Мой путь лежит из Таизза в Моху, небольшой порт на берегу Красного моря, затем вдоль морского побережья до Ходейды и далее в Сану, откуда я предполагаю спуститься снова к Таиззу. Общая протяженность пути — около тысячи километров по бездорожью, пустыне и шоссейным дорогам.

Грунтовая дорога на Моху вьется светлой лентой по горам. В долинах, где из земли бьют чистые ключи, зеленеют поля сочного клевера, чеснока, лука. Я попадаю в узкое ущелье, по дну которого течет небольшой ручей. Вода, бьющая веером из-под колес автомашин, заливает сплошную стену тропического леса. Здесь свой микроклимат. Обилие солнца и воды, плодородная наносная почва преобразили природу настолько, что струдом узнаешь в могучих деревьях с густой кроной низкорослые пальмы дум-дум, которые минуту назад видел на обочине дороги. Листья бананов такие огромные, что каждым из них можно укрыться, как одеялом. Каменные склоны покрыты мимозой, смоковницей и гигантскими кактусами.

В этом зеленом уголке жизнь бьет ключом. Маленькие ткачики, громко вереща, перелетают с ветки на ветку. Большие птицы с крупным крючковатым клювом и ярким синим оперением сидят на высоких деревьях и деловито чистят клювы о суковатые ветки. Птичий гам и крики обезьян-павианов заглушают серебристый звон воды. Обезьяны — их хитрые и ловкие враги. Часто можно видеть, как седые самцы ростом с новорожденного теленка и небольшие самки с детенышами, сидящими у них верхом на загривках, направляются на кукурузное поле, выбранное ими для грабежа. Обезьяны выставляют сторожа, который забирается на высокое дерево или гору и осматривает окрестности, чтобы предупредить о приближающейся опасности занятых воровством собратьев. Павианы не боятся собак и никогда не бегут сломя голову при приближении человека. В первую очередь с поля уходят самки с детенышами, а затем уже самцы.

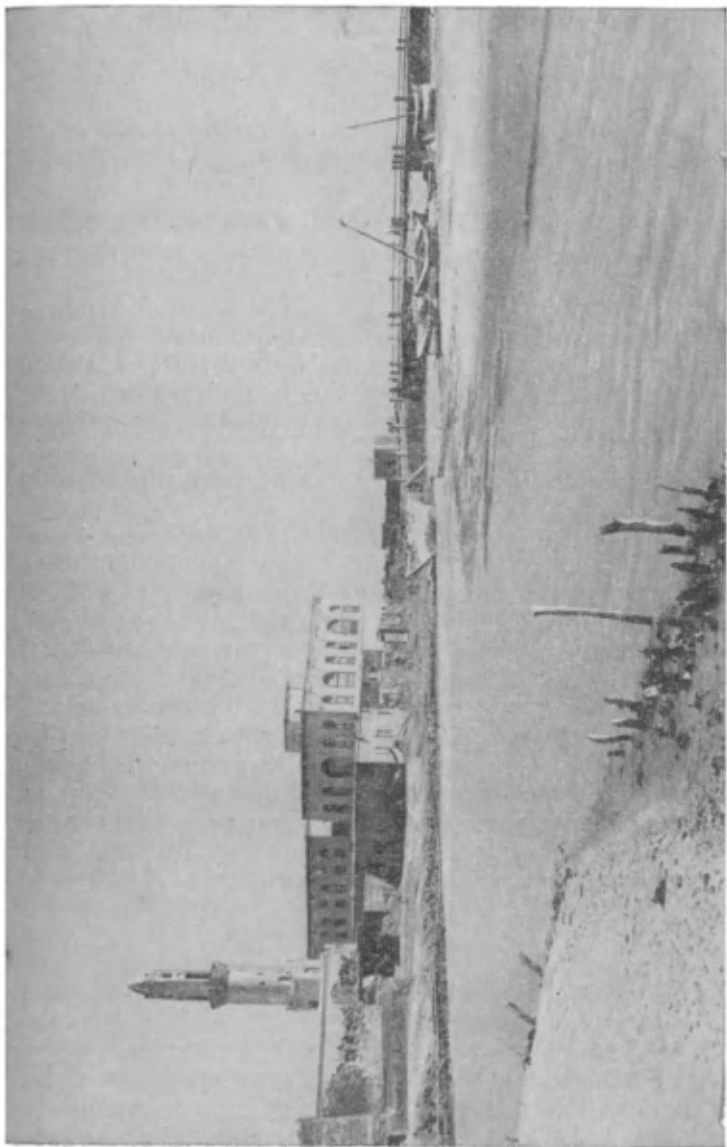
На половине пути между Таиззом и Мохой протекает большой ручей. Он дает жизнь целой роще стройных

финиковых пальм, раскинувшихся на несколько километров. Здесь всегда много народу. Тут можно встретить и путников, идущих издалека и присевших отдохнуть у воды, и кочевников, перебирающихся со своим убогим скарбом в другое место, и пассажиров автомашин, курсирующих между Таиззом и Мохой. После ручья дорога идет по плоскогорью, сплошь усеянному мелкими камнями. По обочине поднимаются невысокие, отдельно стоящие горы с очертаниями вулканов: ровные, пологие склоны, покрытые черной базальтовой коркой, и плоские, срезанные вершины. Это на самом деле конусы вулканов, действовавших здесь миллионы лет назад.

На горизонте показываются белые строения Мохи. Еще несколько километров асфальтированной полузасыпанной песком дороги мимо башен старого форта с ржавыми стволами ядерных пушек — и перед глазами открывается синяя гладь Красного моря. В средние века порт Моха служил одним из центров экспорта йеменского кофе. Лучшие сорта кофе в то время, да и сейчас, так и называются «мокко».

Мне на память приходит легенда о распространении кофе в Йемене и в Европе, я вспоминаю о тех предприимчивых купцах и путешественниках, которые с опасностью для жизни доставляли кофейные зерна в Европу.

...У горы Сабр, близ Таизза, стоял мусульманский монастырь Шахада. Однажды ночью пастухи, пасшие монастырских коз на отрогах горы, заметили, что козы не спят, блеют, дерутся. Следующей ночью повторилось то же самое. Встревоженные пастухи обратились к монастырским мудрецам с просьбой объяснить причину столь странного поведения животных, и те посоветовали проследить, какие растения жуют животные днем. На следующий день пастухи принесли в монастырь ветки, на которых среди плотных глянцевиных листьев прятались темно-красные ягоды. В твердой мясистой оболочке ягоды скрывались два светло-зеленых зернышка, которые с удовольствием и грызли козы. Монастырские мудрецы долго и безуспешно искали в пыльных фолиантах указание на найденное растение. Наконец кто-то из них догадался, что это, видимо, одно из растений, доставленных сюда из-за границы. И действительно, монахи вско-

Мелководный причал порта Можайска

ре определили, что это растение было завезено в Йемен эфиопскими христианами из провинции Каффа, высажено на йеменской земле, но скоро одичало. Монахи на себе попробовали действие отвара зерен и убедились в его возбуждающем действии. Они назвали его «кофе» по имени провинции Каффа или же «кава», что по-арабски означает «быть сильным», «активным», «укреплять». Но у арабов есть и еще другое поэтическое название кофе — «бинт аль-Йаман», т. е. «дочь Йемена». Это прямое указание на Йемен весьма знаменательно, так как именно здесь впервые в мире стали готовить отвар из кофейных зерен.

Эта легенда была записана маронитским монахом Антонио Фаусто Наироне в 1671 году. Однако существует другая легенда. ... Пророк Мухаммед был больным и страдал от тяжелой бессонницы. Аллах, чтобы помочь ему, послал архангела Гавриила, который доставил ему неизвестный доселе напиток. Этот напиток был черным, как камень Каабы. Назывался этот черный горький эликсир «кахва».

Сейчас трудно определить точную дату, когда монахи горного монастыря в Йемене впервые попробовали отвар кофейных зерен. Однако точно известно, что великий медик Ибн Сина (Авиценна, род. в 980 году) знал о существовании кофе. Он называл его не «кава», а «бон», так же как сегодня именуют йеменцы и абиссинцы кофейные зерна и приготовленный из них напиток.

В период раннего средневековья этот напиток был распространен мало. Арабы и персы пили его, однако кофейное дерево не культивировалось ни в Персии, ни в арабских странах. Кофейные зерна привозили из Эфиопии и Сомали, и их высокая стоимость делала кофе доступным лишь для состоятельных людей. Более того, точно известно, что отвар кофейных зерен употребляли прежде всего как лекарственное средство.

В Национальной библиотеке в Париже есть рукопись шейха Абд аль-Кадера, который утверждает, что кофе стал известен в Йемене только в 1450 году. Возможно, это и верно, но лишь в том отношении, что именно в этот период йеменцы научились выращивать кофейное дерево. Это сделало земледельцев независимыми от импорта из Эфиопии, и кофе стал более доступным для населения.

Кофе получил название «вина мусульман», хотя именно в мусульманских странах в средние века употребление этого напитка запрещалось, а его любителей сурово наказывали. В этой связи мне вспоминается описание богословского спора относительно кофе, который случился в Мекке в 1511 году во дворце Хейр-бека, наместника египетского султана. Спор продолжался несколько дней, но богословы не пришли к единому мнению. Под давлением султана они только согласились считать кофе «макрух», т. е. «нежелательным напитком». Однако ретивый наместник послал свою охрану в город, которая разгромила несколько кофеен, а их посетителей заключила в тюрьму. Употребление кофе было запрещено, и многочисленные караваны из Мекки разнесли эту новость во все части мусульманских стран. Мусульманский мир скоро оказался расколотым на сторонников и противников кофе. И те и другие консолидировали свои ряды и лихорадочно подбирали доводы, доказывающие правоту их убеждений. Однако политические события вскоре заслонили религиозные распри: в 1517 году турецкий султан Сулейман I присоединил к своей империи Египет и Аравийский полуостров. В Османской империи кофе считался напитком воинов, которых он поддерживал в период больших походов, а также философов, которым он прибавлял мудрости. Женщины его употребляли наравне с мужчинами, и считалось, что, если во время родов супруг роженицы откажется подать ей кофе, это уже может явиться достаточным поводом для развода.

Кофе стал национальным напитком турок и, так же как хлеб и вода, продуктом постоянного спроса. Позиции противников кофе были подорваны, и в 1554 году два сирийских купца открыли в Стамбуле, на берегу бухты Золотой Рог, первую публичную кофейню. Она именовалась «Мактаб аль-ирфан», что условно можно перевести как «Клуб образованных людей», а кофе стал называться «молоком шахматистов и мыслителей».

Европейские путешественники и ученые, которых манил опасный и загадочный Восток, привозили в Европу сведения о диковинных животных и растениях. В 1548 году о кофейном дереве писал Антонио Менавино в своем труде о напитках, употребляемых турками, а десятью годами позже Пьер Белон в списке растений Аравии упо-

мянул кофейное дерево, при этом указав на его африканское происхождение.

Аугсбургский медик Леопольд Раувольф в 1582 году выпустил книгу «Путешествия в страны Востока». В 1573—1578 годах он странствовал по Среднему Востоку и даже добрался до Персии. «Среди прочих полезных вещей, — писал он, — у них есть напиток, которому они придают большое значение и который называют „шаубе“. Этот напиток черен, как чернила, и очень полезен при многих болезнях, особенно при желудочных. Они имеют обыкновение пить его утром и даже на людях, не боясь того, что их увидят. Они пьют его из маленьких глиняных или фарфоровых, довольно глубоких чашечек настолько горячим, как только терпят губы. Они часто подносят чашечку к губам, но пьют маленькими глотками... Они готовят этот напиток из воды и зерен, которые жители называют „бунну“. Эти зерна очень похожи по виду и размеру на ягоды лаврового дерева и заключены в две пленки. Это питье очень распространено. Вот почему на базаре всегда можно видеть купцов, которые торгуют либо напитком, либо зернами».

Другой ученый, профессор ботаники в университете итальянского города Падуи, Проспер Альпини в 1592 году опубликовал книгу о растениях Востока. В этой книге фигурирует название *Arbog Bon*. «В саду одного турка по имени Хали-бей, — пишет Альпини, — я видел дерево, дающее зерна „бон“ или „бан“. Из них и арабы, и египтяне готовят напиток, который употребляется вместо вина и который они продают публично в тавернах, как у нас вино. Напиток называется „кава“. Эти зерна привозят из Счастливой Аравии». Альпини также указывает на тонизирующее свойство кофе, укрепляющее утомленное тело и нервы.

Кофейные зерна в Европу первым доставил в 1596 году немецкий натуралист Беллус. В 1614 году итальянец Пьетро делла Валле совершил путешествие на Восток. В своем письме из Стамбула, датированном 1615 годом, он пишет: «Турки имеют один черный напиток, который летом освежает, а зимой согревает... Они готовят его из зерен или ягод дерева, растущего в Аравии. Если им верить, напиток этот благотворно влияет на здоровье, помогает пищеварению, укрепляет желудок и препятствует возникновению катаров. Они утверждают также, что пос-

ле ужина он не дает человеку заснуть. Именно поэтому тот, кто намерен ночью учиться, его употребляет». 12 лет спустя Пьетро делла Валле вернулся в Италию и познакомил итальянцев со способом приготовления кофейного напитка. Он стал вторым человеком, который привез в Европу кофейные зерна.

Сэр Томас Герберт, один из представителей английской аристократической семьи, часто упоминаемой в произведениях Шекспира, в 1626 году во главе специальной миссии был отправлен в Персию. В одном из своих отчетов он упоминает кофе, приводя при этом мусульманскую легенду о его происхождении. Томас Герберт пишет, что после принятия этого напитка, доставленного Гавриилом пророку Мухаммеду, последний почувствовал себя настолько сильным, что «смог бы выбить из седла сорок мужчин и удовлетворить более чем сорок женщин».

В 1646 году в Марсель из Стамбула прибыл богатый французский аристократ де ла Рок, который привез жареные зерна кофе и металлический горшочек для его приготовления. В 1664 году другой француз, Тревено, опубликовал книгу «Рассказ о путешествии в Левант», где среди прочих экзотических вещей он довольно верно описывает способ приготовления кофе: «Кофейные зерна поджаривают на противне или другой металлической посуде, поставленной на огонь. Затем их толкут в тонкий порошок и кладут в большой носатый кофейник, называемый „ибрик“». Далее он описывает свойства кофе и замечает, что, «когда нашим купцам предстоит много писать и они должны работать ночью, они выпивают вечером одну-две чашки кофе».

В 1666 году в переводе на французский язык появилась вышедшая годом раньше на немецком языке в Гольштинии книга «Путешествие Адама Эйлшлагера к московитам, татарам и персам», в которой автор и сопровождавший его поэт Пауль Флеминг рассказывают об употреблении кофе на Востоке. Наряду с достоверными описаниями он приводит много неправдоподобных историй, которые, по-видимому, остроумные персы рассказывали дотошным немцам. Так, Эйлшлагер пишет, что один персидский царь так часто и в столь большом количестве пил кофе, что с отвращением отказывался от общения с собственными женами.

Диковинный восточный напиток постепенно входит в употребление у европейской знати. В 1652 году открылась первая кофейня в Лондоне, в 1671 году — в Марселе, в 1672 году — в Париже.

Однако широкое распространение кофе в Европе связано с именем польского офицера Георгия Кольчинского. В августе 1683 года огромная турецкая армия во главе с великим визирем Кара Мустафой стояла под стенами Вены. Христианские государи Центральной Европы, считая, что падение Вены откроет туркам дорогу и в другие европейские страны, объединили свои усилия, чтобы дать отпор грозному противнику. Кольчинскому, находившемуся в осажденной Вене и владевшему турецким языком, было поручено передать депешу герцогу Шарлю Лоранскому, командующему объединенной армией союзников, состоявшей из поляков и отрядов германских князей.

Кольчинский блестяще выполнил поручение, и ему была обещана награда в размере двух тысяч флоринов из тех трофеев, которые будут захвачены у турок. В знак признания его заслуг было обещано также сделать его почетным гражданином Вены и выдать документ, разрешающий ему заняться в городе любым делом, которое он сочтет для себя выгодным.

В результате ожесточенного боя поляки и немцы одержали победу. В руки победителей и изголодавшихся в долгой осаде венцев попала огромная добыча: 20 тысяч шатров, 20 тысяч быков, буйволов, верблюдов и мулов, 10 тысяч баранов, 100 тысяч мешков зерна. Баварские драгуны на дунайском острове Леопольдштадт захватили среди прочей добычи 500 мешков темных зерен с приятным ароматом, назначение которых никто не знал. Правда, лейтенант, командующий этим отрядом, слышал, что этими зернами турки вроде бы кормят верблюдов, но, поскольку верблюдов в Европе нет, он приказал выбросить мешки в Дунай. Население острова запротестовало, и тогда ретивый кавалерист приказал развести костры, куда полетело несколько мешков. Возникла потасовка, и в этот момент здесь появился Кольчинский. Уж он-то знал об употреблении этих зерен и поспешил вмешаться. Бравому поляку не могли ни в чем отказать, и вскоре почти 500 мешков кофе, отбитых у турок, стали его собственностью. Кольчинский получил разрешение

на открытие публичной кофейни в Вене, близ башни св. Стефана.

Богатые виноградники вокруг столицы, вытопанные и сожженные турками, на несколько лет лишили венцев вина, к которому они привыкли, и им ничего не оставалось, как попробовать напиток, приготовляемый в таверне у башни св. Стефана. Но скоро разыгрался скандал. Слишком свежо было воспоминание о турецком нашествии, чтобы горожане, просидевшие в осаде несколько месяцев, могли спокойно дегустировать кофе по-турецки. Но Кольчинский был не только храбрым офицером, но и предприимчивым дельцом. Если кофе по-турецки вам не нравится, будем готовить кофе по-венски, решил он. И вот в кипящую воду он засыпает размолотый кофе, фильтрует его, добавляет на чашку три ложки молока и немного меда, и кофе по-венски готов. Изобретение Кольчинского повергло в ужас пленных турок, но пришлось по душе венским мещанам. Когда же Кольчинский заказал у венского булочника Крапфа булочки в виде полумесяца, называемые «кипфель», патриотические чувства венцев были вполне удовлетворены. Отныне редкий житель Вены отказывал себе в удовольствии утром выпить чашку кофе по-венски с булочкой в форме ненавистного полумесяца, украшавшего знамена турок, шедших на приступ Вены.

Кофейни открывались повсеместно, и никакие запреты не могли помешать их распространению. Великий визирь Османской империи Кёпрюлю отдал приказ закрыть публичные кофейни в Стамбуле под тем предлогом, что «люди, выпившие кофе, становятся недовольными и много болтают о политике. Однако он был вынужден скоро отменить свой запрет. Итак, напиток, приготовленный из кофейных зерен в горном Йемене, победно шел по Европе.

Растущий спрос на кофе, естественно, вызвал стремление у европейцев завязать непосредственные торговые отношения с Йеменом, чтобы прямо в стране закупать драгоценные кофейные зерна. Первая такая попытка была предпринята французскими купцами, которые посетили порт Моху дважды: в 1708—1710 и 1711—1713 годах. Выходец из семьи де ла Рок, упоминавшийся нами, собрал письма моряков из бретанского порта Сен-Мало и издал в Амстердаме в 1716 году специальную книгу. Вот

как в этой книге описывается кофейный рынок в городе Бейт-эль-Факихе, расположенном в 100 километрах к северу от Мохи: «В Бейт-эль-Факихе покупается кофе для всей Турции, — пишет он. — Купцы из Египта и Турции приезжают сюда для этой цели, грузят большие мешки кофе на верблюдов, которые доставляют кофе к небольшому порту на Красном море, лежащему на широте Бейт-эль-Факиха, в 10 лье от него. Здесь кофе грузят на небольшие суда, которые перевозят его на 150 лье в другой порт, более крупный, называемый Джидда. В этом порту кофе перегружают на турецкие корабли, которые доставляют его в Суэц, откуда снова на верблюдах он направляется в Египет и на судах по Средиземному морю — в другие провинции Османской империи. Именно из Египта ранее к нам доставлялся кофе, который употребляли во Франции до тех пор, пока мы не предприняли это путешествие». В 1737 году французам удалось подписать торговое соглашение с йеменским имамом и начать регулярный товарный обмен. Европейцы вывозили кофе из Йемена в основном через Моху.

...Вечером я сижу на перевернутой лодке на низком берегу и думаю о тех смелых капитанах, которые ходили сюда вокруг Африки за грузом йеменского кофе. Красное солнце, похожее на большой медный таз, опускается прямо на глазах в серую воду. По морю идет зыбь — ее поднимает северный ветер, несущий мелкий песок из Тихамы. Песок, как поземка, бежит по земле и больно хлещет по босым ногам. С заходом солнца море мрачнеет и тяжело катит свои свинцовые волны. Когда последний красный ломтик солнца ныряет в воду, сразу наступает тропическая ночь.

Почему это море, протянувшееся более чем на две тысячи километров между двумя великими континентами, названо Красным? На земном шаре есть Белое, Черное и Желтое моря, и те, кому довелось повидать их, утверждают, что они в известной степени оправдывают свои названия.

Первая версия объясняет происхождение названия этого моря от неправильного чтения семитского слова, состоящего из четырех букв: «' (а)», «х», «м» и «р». Из этих букв в древних надписях составлено имя семитского народа химваритов, жившего в Южной Аравии до ее завоевания арабами. В семитских языках краткие глас-

ные звуки графически не изображаются на письме. Поэтому можно предположить, что при расшифровке арабами южноаравийских надписей сочетание «'а)», «х», «м» и «р» — «'ахмар» (химьяриты) было прочитано как «ахмар» (красный).

Другая версия ставит название моря в зависимость от той или иной части света. В мифических сказаниях многих народов мира стороны света связаны с определенными цветовыми оттенками. Например, красный цвет символизирует юг, белый — восток, черный (у ряда народов Азии) — север. Отсюда название «Черное море» означает не «море с темной, черной водой», а «море, находящееся на севере». Ведь турки называли это море Кара-дениз, древние греки — Понтес Эвксинос, древние племена, говорившие на иранских языках, именовали его Ахшаена, т. е. Темное, а скифы — Тама, что также связано со значением «темный». Что касается Красного моря, то слово «красный», по-видимому, указывает на его южное месторасположение, а не на цвет морской воды.

По третьей версии название Красного моря происходит от греческого «erythra» (красная) из-за плодородных красных земель, лежащих на африканском побережье этого моря.

... Из Мохи мой путь лежит на север вдоль морского берега. Дороги нет, и машина идет прямо по полосе прибоя, давая высохшие водоросли и пустые ракушки. Недалеко от берега, на мелководье, важно гуляют фламинго с розовым оперением. Стайки чаек шаловливо бегают по воде и взлетают в воздух при приближении автомашины. Низко над морем, как тяжелые самолеты, идущие на посадку, пролетают пеликаны.

К десяти утра солнце стоит почти в зените. Недалеко от моря видны песчаные барханы и ровные озера застывшего волнами песка. Несколько раз приходится переезжать заболоченные места, заливаемые водой во время прилива. Обычно в таких местах море выбрасывает водоросли, которые, разлагаясь под солнцем, распространяют вокруг ужасное зловоние.

Небольшой поселок Хоха населен рыбаками и крестьянами, сеющими в окрестностях дурру на песчаной земле. Мелкую сардину, которую в больших количествах вылавливают рыбаки, здесь же на берегу немного присаливают, сушат на пальмовых циновках, упаковывают в

циновочные мешки и отправляют в Ходейду. Местные рыбаки утверждают, что море у берегов Хохи преснее, чем в других местах, а на глубине пяти-шести метров можно наткнуться на массы пресной воды. Это, по-видимому, подводные ключи или в море выходят воды Вади-Сувейдара.

Мы едем через Хейс на Забид. Слева от дороги — однообразный серый пейзаж, оживляемый редкими кустарниками тамариндов и акаций, справа в голубой дымке возвышается хребет Джебель-Дубас. Сейчас здесь проходит отличная автомобильная дорога, построенная при содействии Советского Союза. В период строительства сонный Хейс, все население которого умещалось в небольшой средневековой крепости, стал одним из мест, где жили советские и йеменские специалисты и находились склады оборудования и стройматериалов. Вскоре на горизонте показывается стена Забида, религиозного центра шафиитов Тихамы и столица независимого средневекового княжества. Здесь мне предстоит провести ночь.

Забид — один из центров кустарного производства тканей. Вокруг города раскинулись плантации хлопчатника, однако суровые белые нитки, служащие полуфабрикатом для изготовления местных тканей, привозят из Пакистана и Индии. Я видел, как после окраски нитки растягивают двумя ярусами на деревянной прямоугольной основе, смачивают жидким клейстером и протирают жесткой щеткой, чтобы они стали грубее и не развалились. Затем два ткача приступают к работе. Они садятся вдоль основы лицами в одну сторону. Внутрь челнока — полую гладкую деревяшку длиной до 50 сантиметров — вставляют моток смоченных водой ниток. Один из ткачей бросает между двумя ярусами челнок другому, который ловит его и длинной палкой прибавляет нить к краю основы или уже сотканной материи. Первый дергает за веревку, и ярусы меняют положение, а второй ткач, в свою очередь, бросает первому челнок, прибавляет нитку и меняет положение ярусов. Затем вся процедура начинается сначала. Несмотря на примитивность такого ткацкого станка, работа спорится, и за 12 часов они могут растянуть основу и соткать полосатую хлопчатобумажную шаль длиной 3,5 метра и шириной 1,5 метра. Однако работа не считается законченной, если к сотканному куску не пришиты узорчатая четырехцветная кайма и кисти.

Городские ворота Забида

Станок, на котором ткется кайма, имеет четыре яруса и несколько челноков с разноцветными нитками. Ярусы меняются при помощи четырех ножных педалей. За 12 часов работы один ткач может изготовить кайму и кисти к трем шалям. После того как кайма и кисти готовы, ткань поступает к другому ремесленнику, который отбивает ее на плоском камне большим деревянным молотком, смазанным хлопковым маслом. Сама ткань во время отбивки смачивается клейстером. В результате такой обработки она становится очень плотной и блестящей, как кожа.

Ткачи Забида специализируются на изготовлении полосатой желто-черной ткани для матрацев и подушек, а также темно-синей ткани, пользующейся большим спросом у племен Центрального и Северо-Восточного Йемена. Для изготовления последней кусок старой полотняной материи опускают в кипящий раствор натурального индиго, затем ткань сушат, погружают в жидкий горячий клеевой раствор и отбивают на камне деревянными молотками. Во время отбивки ткань мажут густо разведенной анилиновой краской темно-фиолетового цвета.

Я покидал Забид в полдень. Городские ворота, у ко-

Йеменские крестьяне на пахоте

торых сидела стража, были предупредительно открыты, городское начальство и дети — добровольные гиды — провожали меня до шлагбаума, наперебой рассказывая, как быстрее добраться до Бейт-эль-Факиха. Я увозил из города кусок полосатой ткани кустарного производства и воспоминание об исключительном гостеприимстве и радушии жителей этого маленького городка, затерявшегося в Тихаме.

Бейт-эль-Факих виден издалека. Он стоит на небольшом пригорке, с восточной стороны которого поднимается старая турецкая крепость. Этот город — центр племени зараник, мужчины которого отличаются необыкновенной храбростью и силой. Считается, что каждый из них может загнать газель, вскочить без помощи рук на верблюда и пробыть под водой не менее одной минуты. Люди этого племени невысокого роста, с отлично развитой мускулатурой рук и ног, с курчавыми волосами, собранными в пучок на макушке и закрепленными серебряным обручем. Некоторые из модников надевают серебряные обручи и на руки. Они носят джамбии с богато отделанной серебром рукояткой. Сам клинок густо смазывается вазелином, чтобы в условиях влажного клима-

та он не ржавел. Племя зараник придерживается шафитского толка ислама, однако многие йеменцы убеждены, что они «нечистые мусульмане», так как в тайных местах отправляют некоторые обряды доисламских языческих культов. У племени своеобразный диалект, и я с трудом его понимал. Однажды я наблюдал, как они бросали тяжелые тюки с товарами на грузовую автомашину и мускулы у них играли под темно-бронзовой кожей. Я поинтересовался, есть ли сейчас в городе кофе, чем город славился в прошлом. Нет, кофе сейчас уже не продается, хотя они и слышали об этом от старых людей.

Я выезжаю в Ходейду уже в сумерках. Недалеко от дороги раскинулся изумрудный ковер. На крохотных участках, обильно поливаемых колодезной водой, здесь выращивают овощи, табак, хлопчатник, а также растение, из которого добывают индиго. Скрип колес, при помощи которых достают воду из колодцев, слышен издали и похож на заунывную песню. К Ходейде подъезжали уже ночью. Свет автомобильных фар выхватывал из ночного мрака редких обитателей этих мест, выбравшихся ночью из своих нор: шакалов, мелких лисиц с облезлыми хвостами и крошечных зайцев. Городской шлагбаум уже закрыт, и сидящий у сторожевой будки полицейский громко кричит в темноту:

— Мин? (Кто?)

— Руси (Русский), — откликаюсь я из автомашины, и шлагбаум медленно поднимается, открывая дорогу во второй по значению город Йемена. Мне даже не пришлось предъявлять свои документы и пропуск, которым меня снабдили официальные власти Таизза.

Дружба между народами Советского Союза и Йемена имеет свою историю. Первые контакты относятся к 1927 году, когда независимый Йемен перед лицом интриг Англии искал союзников и друзей для укрепления своих международных позиций. В конце этого года через индийского журналиста Икбаля, который долгое время жил в Ходейде и Сане и путешествовал по Йемену и Хиджазу, в Джидду в советское представительство было доставлено письмо имама Яхьи, составленное в цветистых выражениях. Имам предлагал установить дружественные отношения с Советским Союзом, что было встречено с большим пониманием. Однако прошел год, пока 1 ноября 1928 года в Сане был подписан Договор о дружбе и

торговле между СССР и Йеменом, по которому Советский Союз признавал полную и абсолютную независимость Йемена. Развитие наших отношений с Йеменом связано с именем Керима Хакимова, генерального представителя Государственного управления по торговле с Востоком, работавшего в Йемене с 1929 по 1932 год. Башкир по национальности, организатор татарской бригады в гражданскую войну, заместитель В. Куйбышева по политработе среди солдат Туркестанского фронта, Хакимов был весьма колоритной фигурой, и в настоящее время в Сане и в Ходейде есть старики, которые, говоря о нем, уважительно добавляют Керим-паша.

Конец 20-х годов в этом районе был необыкновенно сложным, и советским представителям следовало быть чрезвычайно осторожными, чтобы правильно проводить линию государства рабочих и крестьян, делавшего первые шаги на пути установления прочной дружбы с арабскими народами.

Йемен вызывал огромный интерес у многих иностранцев. Кроме Икбаля этот район облюбовал Анис-паша, богатый египтянин. У него был самолет, он сам летал на нем, что приводило в трепет правоверных мусульман Аравии, в частности Йемена, впервые видевших в небе «сказочную птицу Рух». Американский филантроп Крайн в 1928—1929 годах командировал Твичела, свое доверенное лицо, в Йемен и Хиджаз, вменив ему в обязанность раздавать арабам водяные помпы. Дело Твичела по распространению насосов не принесло больших успехов. Однако в результате поездки по Йемену и Хиджазу он собрал богатый материал и написал интересную книгу. В 1930 году в Йемен на короткий срок приезжал лингвист из Гамбурга.

Наиболее активно действовали итальянцы, проявлявшие повышенное внимание к стране — соседке их колониальных владений в Африке. В Йемене работали итальянские врачи, на патронном заводе в Сане — несколько техников. Итальянцы пытались монополизировать экспорт йеменского кофе, серьезно интересовались древней историей страны. Однако попадались и авантюристы. Один из них продал имаму несколько старых, оставшихся от первой мировой войны самолетов из расчета один серебряный талер Марии Терезии чеканки 1780 года, которые в то время обращались в Йемене, за один кило-

Крестьянские дети из Тихамы

грамм веса самолета. Самолеты по воздуху перегнали в Ходейду, разобрали, погрузили в разобранном виде на верблюдов и отправили в Сану. Естественно, после получения денег ловкий итальянец исчез из Йемена.

В этом районе действовал и знаменитый французский контрабандист Мансфред, торговавший оружием, наркотиками и спиртными напитками. Он написал несколько книг, которые дают представление о его опасной, пол-

ной приключений жизни. Этот авантюрист обосновался на африканском берегу Красного моря близ Джибути. Французские власти выдали ордер на арест Мансфреда, однако заполучить этого ловкого дельца было не так-то легко. По тогдашним законам Французского Сомали человека можно было арестовать только в светлое время дня. Поэтому Мансфред днем куда-то исчезал, а с заходом солнца открыто развлекался в портовых кабаках Джибути. Иногда он появлялся и в Ходейде, где, получив звонкой монетой большую сумму за доставленное оружие, долго искал надежное место, куда бы спрятать деньги: ведь каждый талер Марии Терезии весит 28 граммов, и для перевозки больших сумм денег уже необходим специальный транспорт.

Наши представители прилагали все усилия для развития и укрепления советско-йеменских отношений. Советские пароходы «Тобольск», «Ильич» и «Михаил Фрунзе» возили йеменских паломников в Джидду и обратно, в стране работали советские врачи, на рынках появились советские товары. Сын имама Яхьи—Мухаммед рекомендовал советским товарищам двух солидных купцов, которые выступили гарантами наших сделок. В Сане это был Саид Захра, а в Ходейде — Омар аль-Мизгаджи. Сделки заключались устно в присутствии гаранта и всегда выполнялись: ведь по нормам мусульманского права достаточно было показания двух свидетелей, чтобы достигнутую на словах договоренность считать юридически законной и действительной. Советский Союз смонтировал первую электростанцию в Ходейде и открыл первую больницу, где бесплатно лечили больных. Советская киноорганизация Межрабпромфильм в 1929 году сняла первый фильм о Йемене. Один из авторов этого фильма и интересной книги о Йемене—Владимир Адольфович Шнейдеров, еще недавно бывший председателем телевизионного «Клуба кинопутешествий».

После второй мировой войны наши отношения с Йеменом получили дальнейшее развитие. В 1955 году был возобновлен договор 1928 года и подписано соглашение об экономическом сотрудничестве. Конкретным выражением советской помощи йеменскому народу явилось строительство нового порта Ходейды в заливе Хор-эль-Катиб. Вот уже десять лет, как новый порт, о котором веками мечтал йеменский народ, стал реальностью. В но-

В новом порту Ходейда

вом морском порту могут одновременно обрабатываться три сухогрузных судна водоизмещением до десяти тысяч тонн каждое и один танкер. Построены нефтебаза, ремонтные мастерские, оборудованные современными советскими станками, поселок для портовых служащих, гостиница, клуб.

В этой гостинице я и остановился после своего приезда в Ходейду. Прямо под окна выведен кран с водой, куда стройные смуглые женщины из близлежащих кварталов Ходейды ходят за водой с большими тяжелыми кувшинами или жестяными банками. Одеты они очень живописно: цветастые юбки до пят и кофты. На некоторых — небольшие короткие кофточка, оставляющие открытой часть тела, на других — длинные, немного выше колен кофты. Это женщины ахдам, которых в Тихаме вообще и в Ходейде в частности больше, чем в других районах Йемена.

«Ахдам» в буквальном переводе означает «слуга». Ахдамы — потомки смешанных браков арабов с персами и эфиопами, которые в V и VI веках новой эры пришли в страну как завоеватели. Наиболее вероятно, что здесь даже тройная смесь. Во многих городах Йемена часто можно встретить группы танцоров и танцовщиц. В ос-

Женщина из группы ахдам

новном это ахдам. Арабы-мусульмане только в крайнем случае развлекают зрителей, поскольку профессия артиста с их точки зрения считается недостойной. Женщины и девушки, которые поют и танцуют на улицах йеменских городов, считаются полупрофессиональными проститутками. Это знают все, и все открыто их презируют, но в то же время всегда готовы воспользоваться их услугами. Многие из проституток заболевают венерическими болезнями, рожают детей и опускаются до последней грани нищеты.

В гостинице всегда очень оживленно. Работает столовая для специалистов, есть спортивные игры. Йеменский парень, который моет посуду в столовой, за какой-то проступок закован властями в кандалы, но, несмотря на это, он так классно играет в настольный теннис, что выигрывает у своих русских противников. В буфете я знакомлюсь с другим арабом родом из города Хариба, расположенного на крайнем востоке страны. Он великолепно сложен, и кажется, что на конкурсе культуристов он бы мог занять призовое место. Среди горячих новостей об-

суждается визит в Ходейду американского эсминца «Стронг». Американские моряки играли с местной командой в футбол и проиграли ходейдцам, бегавшим босиком по песчаному полю, со счетом 4:1. Свидетели рассказывают, что на стадионе стоял гомерический хохот.

Вечером, накануне отъезда в Сану, я еду взглянуть на затихший после трудового дня порт. Сонно стоят прислонившиеся к причалу морские суда, замер буксир у нефтяного пирса, закрыты склад и мастерские. У дверей склада на высоком, похожем на трон стуле сидит, явно скучая, молодой аскер. Винтовка в чехле висит на гвозде, вбитом в спинку стула. Он из Саны, год как женат, но детей у него еще нет. Аскер говорит, что ему трудно живется, и я интересуюсь, чего же ему не хватает. Тут он оживляется. Загибая пальцы, он перечисляет, чего ему недостает для красивой жизни: хорошей одежды, хорошей еды, хорошей второй жены в Ходейде и хорошего ката. Говорю, вот работай и все это у тебя будет. Парень вдруг задумывается на секунду и затем переспрашивает: «А зачем работать?!».

Уже поздним вечером я возвращаюсь в гостиницу и смотрю на светящееся под луной море. Город засыпает. Муэдзин с невысокого минарета глинобитной мечети призывает правоверных на последнюю молитву.

Прямая как стрела дорога, начинаясь от Ходейды, упирается в темнеющие вдалеке горы. Машина несется к синееющим вдали горам. Мимо мелькают небольшие деревушки из глинобитных домиков, покрытых сухой травой, стеблями дурры и кукурузы. Небольшие рощицы акаций и тамариндов сменяются ярко-зелеными заплатками полей: здесь на поливных участках круглый год собирают урожай клевера и овощей. На глубине 30—100 метров от поверхности земли находятся водоносные слои, и их использование может превратить этот край в цветущий сад. Справа показывается обнесенный стеной город Баджилль. Рядом, на крутой лысой горе, стоит военная крепость, к которой серпентиной вьется дорога.

По мере удаления от моря и постепенного подъема к предгорьям рощицы акаций, тамариндов и кустарниковой азалии начинают встречаться все чаще. Гора изрезана ущельями, по которым бегут быстрые ручьи. Ущелья поросли невысокими рододендронами с пышны-

ми розово-белыми цветами, пальмами дум-дум, огромными кактусами. Горные склоны террасированы. Отдельными пятнами белеют дома йеменских крестьян. После двух часов крутого подъема я попадаю в Манаху, город, запирающий перевал и спуск в Центральный Йемен. Манаха представляет собой естественную крепость, которая не раз в прошлом являлась препятствием для турецких завоевателей, рвавшихся к столице страны. В районе Манахи, в труднодоступных горных ущельях Джебель-Бени-Исмаил, живут члены мусульманской секты исмаилитов.

С крутого обрыва открывается изумительная картина горного Йемена. Причудливо нагромождены темно-голубые и светло-розовые скалы, на террасах около белых, прижавшихся к горам домов йеменских крестьян, зеленеют плантации ката и кофейного дерева. По светлой ленте шоссе карабкаются окутанные сизым дымом груженные доверху автомашины, по белым ниточкам троп идут люди, погоняющие маленьких осликов. Крики людей, понукающих животных, и надсадный рев автомобильных моторов разносятся далеко вокруг. Здесь, в окрестностях Манахи, находится один из важных районов производства кофе. Кофейное дерево растет в горных районах Йемена, расположенных на высоте от 800 до 2000 метров. Дерево начинает плодоносить на четвертом-пятом году жизни и дает в год около 10—12 килограммов сырых кофейных зерен. Самым урожайным считается сорт «бурай», выведенный в Джебель-Бура, близ города Сохны (провинция Ходейда), и дающий в год 16—17 килограммов кофейных зерен. В период созревания кофейное дерево покрыто красными, похожими на вишню ягодами. Сбор кофейных коробочек начинается осенью. Их собирают в большие корзины, затем на три-четыре дня высыпают на плоские крыши домов. После первой просушки коробочки засыпают в мешки и ставят на два-три дня в темное помещение. Потом коробочки вновь сушат на крыше в течение четырех дней. После этого кофе лущат жерновами, разведенными на величину кофейной коробочки. Когда лущение закончено, чистые кофейные зерна провеивают, подбрасывая на специальных больших плетеных из пальмовых листьев блюдах «минсаф». Кофе очищают от внешней и внутренней шелухи, упаковывают в цинковую тару и отправляют

в Ходейду или Аден, где сортируют дополнительно. Сладковатый отвар твердой шелухи «кишр» — широко распространенный в Йемене напиток.

В Ходейде я посетил предприятие, где очищался и сортировался кофе, привезенный с гор. Процесс очистки довольно интересен. На большом плетеном блюде женщины, которые в основном занимаются этим, подбрасывают кофейные зерна таким образом, чтобы к краям блюда через несколько минут собирался мусор: целые коробочки «джафаль» и кусочки верхней кожуры «дакка». Затем женщины волнообразным движением сбрасывают мусор на пол, а чистые зерна — в плетеную корзину. После первичной очистки кофе перебирают руками прямо на полу, удаляя почерневшие зерна «суда» и расколотые зерна «габса». Этой работой занимаются не только женщины, но и дети семи-восьми лет. Третья стадия очистки кофе — провеивание на механической веялке, удаляющей внутреннюю тонкую кожуру «буса». После этого кофе ссыпают в мешки, по 80 килограммов в каждый, маркируют и отправляют на склады.

Все сорта йеменского кофе называются по имени тех районов, где они выращиваются. Сорты отличаются своими вкусовыми качествами в зависимости от плодородия и влажности почвы, обилия солнечных лучей и других условий произрастания кофейного дерева. Лучшим сортом кофе здесь считается «матари», выращиваемый в районе Бени-Матар, близ Саны. Зерна этого сорта, имеющие шафрановую окраску, меньше по размеру, чем зерна других сортов. Йеменцы называют его «бун аль-лордат», т. е. «кофе лордов», поскольку почти весь урожай этого кофе, составляющий всего 100 тонн в год, вывозится в Европу и в силу своей дороговизны доступен только состоятельным людям. Сорт кофе «шарки» выращивается в районах Анс, Джебель-Хараз (близ Манахи), Джебель-Махвит и других горных районах страны.

После двух часов пути от Манахи я минуя самую высокую гору Йемена — Наби Шаиб и еще через час выскакиваю на равнину, раскинувшуюся зеленым морем. Шоссе подкрадывается к городу незаметно. Еще несколько километров — и я останавливаюсь у Баб аль-Йемен — главных ворот Саны, города, основанного, согласно библейской легенде, Симом, сыном спасшегося от всемирного потопа Ноя.

Тайны королевских дворцов Йемена

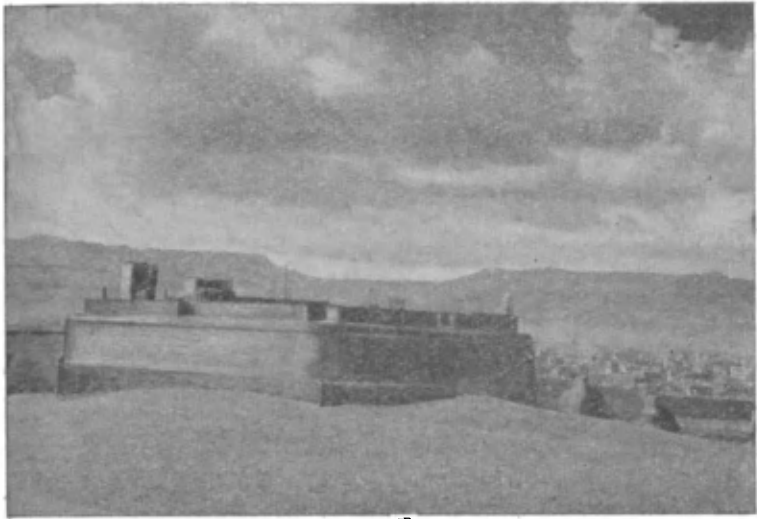
Йеменский историк Хасан аль-Хамдани в книге, написанной в X веке новой эры, приводит библейскую легенду, согласно которой первое поселение на месте Саны было основано Симом, сыном Ноя. Затем на этом месте был построен замок Гамдан, самая высокая башня которого имела 20 этажей. Этот один из первых в мире небоскребов был главным центром различных, сменявших друг друга в Йемене религиозных культов.

Другой историк, Ибн аль-Каляби, сообщал, что четыре фасада дворца Гамдан были разного цвета: красного, белого, желтого и зеленого. В центре возвышалась семиэтажная башня, причем каждый этаж имел высоту около 40 дра *. На самом верху размещался зал приемов, выложенный алебастром. Потолок был сделан из одного куска алебастра. В каждом углу стояла фигура льва, и, когда дул ветер, львы издавали злобное рычание. Если ночью в этом помещении зажигали огни, то весь дворец сверкал, будто озаренный светом молнии. Когда же йеменские короли собирались в этом дворце и зажигали свечи, то его было видно на расстоянии нескольких дней пути.

Историк XIII века Закария ибн Мухаммед ибн Махмуд аль-Казвини в своей книге «О странах и народах» пишет о столице Йемена не менее восторженно: «Сана — самый лучший город по своим постройкам, город с самым здоровым климатом, самой сладкой водой, плодородной почвой и наименьшим количеством болезней. Говорят, если водой побрызгать в домах, то будет пахнуть амброй. Здесь мало болезней, мух и гадов. Если человек заболел в другом месте, его привозят в Сану, чтобы он выздоровел. Если заболели верблюды, их пригоняют сюда, и они выздоравливают. Мясо целую неделю здесь не портится». Аль-Казвини особенно подробно рассказывает об искусстве йеменских ремесленников, обрабатывающих полудрагоценные камни, в том числе и солнечный сердолик. Этот камень, вделанный в серебряные перстни, носят на Арабском Востоке преимущественно мужчины, потому что по восточному преданию сердолик приносит счастье и сохраняет от болезней. Недаром и сегод-

---

* Йеменская дра — около 46 сантиметров.

Городской форт Саны

ня сердолик обычно употребляется с прилагательным «йеменский» — «аль-акик аль-йамани», и его высоко ценят во всех арабских странах.

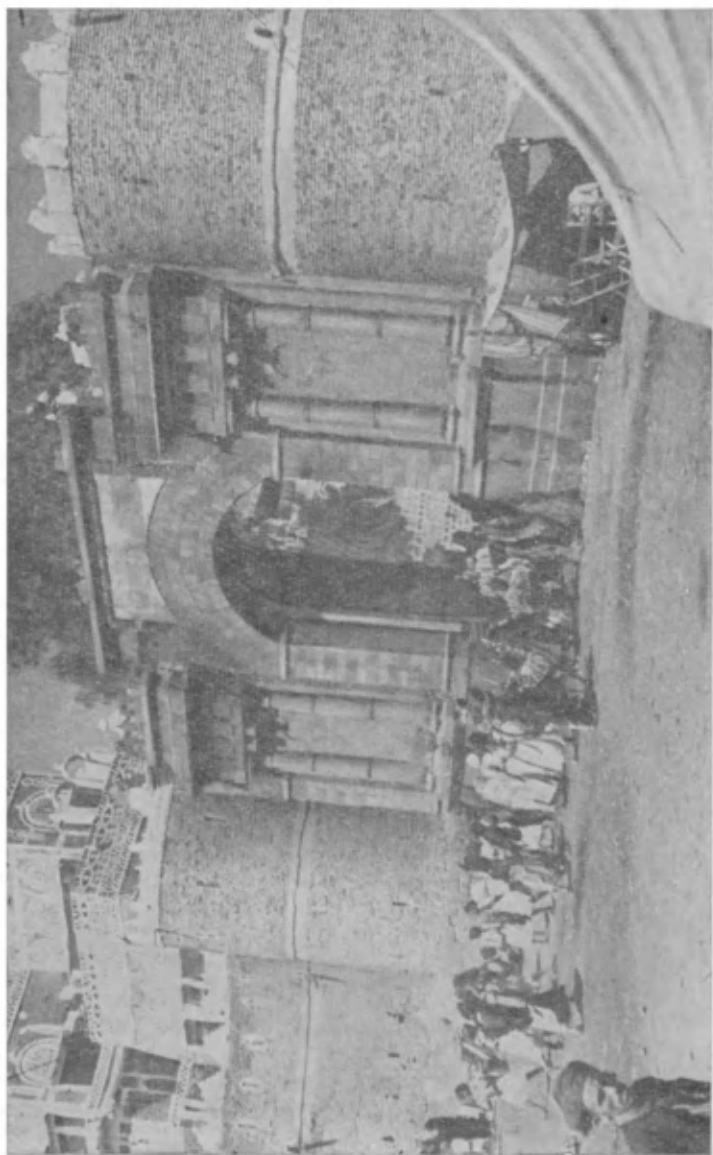
Во время эфиопского нашествия Сана продолжала оставаться столицей государства; дворец Гамдан стал резиденцией эфиопского наместника Абраха. Во времена господства эфиопов в Сане была построена христианская церковь, материалы и мастеров для строительства которой прислал византийский император. После принятия ислама дворец Гамдан разрушили фанатичные мусульмане, а камни дворца были использованы на строительстве Большой мечети. В западной стене этой мечети я сам видел черные гранитные глыбы с химьяритскими письменами: это все, что осталось от одного из первых в мире «небоскребов».

Сана делится на три части: старый квартал города, обнесенный глинобитной стеной; Бир аль-Азаб, т. е. «Колодец сладкой воды», где в прошлом жили турецкие чиновники и местная знать, и бывший еврейский квартал Каа Яхуд («Еврейская долина»). Над старым кварталом возвышается гора Джебель-Нукум, где находится

турецкая крепость. Склоны горы изрыты пещерами: в них имамы хранили оружие и гноили своих политических противников. В X веке, во времена религиозной войны между зейдитами, карматами, яфуридами и аббасидами, Сана была разрушена, но затем восстановлена вновь. Большинство построек старого квартала относится к средним векам. Этот город сохранился даже внешне в основном таким, каким он был в далеком прошлом.

Старый город — своеобразный музей йеменской архитектуры. Толстые глинобитные стены с круглыми сторожевыми башнями окружают старый квартал. Семь ворот с тяжелыми красного дерева створами выходят на дороги, связывающие столицу с семью провинциями страны. Центральные ворота Баб аль-Йемен выходят на южный тракт, соединяющий Сану с Таиззом. Городские ворота распахиваются с восходом солнца, а с заходом солнца наглухо запираются, и запоздавшему путнику или каравану приходится ждать до утра, чтобы попасть в город. В старом квартале нет ни одной европейской постройки. Нижние этажи пяти- и шестиэтажных домов, постепенно сужающихся кверху, сложены из обтесанных камней, а верхние — из необожженного кирпича. Жилые комнаты располагаются в верхних этажах, где больше воздуха и света, а внизу размещаются различные службы: кухня, кладовые, конюшни, домашняя мельница. Часто в богатых домах строится небольшой внутренний дворик с колодцем, откуда при помощи бурдюка на длинной перекинутой через деревянное колесо веревке достает воду осел или верблюд.

На узкую улицу, где едва могут разминуться два груженых осла, выходят низкие тяжелые двери с металлической колотушкой. Посетитель обычно несколько раз ударяет колотушкой и в ответ на вопрос «Мин?», несущийся откуда-то сверху, громко называет свое имя. Хозяин дома или кто-либо из домочадцев, не спускаясь вниз, дергает веревку, которая через систему блоков соединяется с добротным засовом. Дверь открывается, и гость входит во дворик или прямо в дом. Он закрывает за собой дверь и, поднимаясь наверх, громко повторяет «Алла́, Алла́». Это делается для того, чтобы женщины, если они находятся на лестнице или в открытых помещениях, успели спрятаться на свою половину. В богатых домах почетных гостей встречает сам хозяин или его

Сана. Баб аль-Йемен

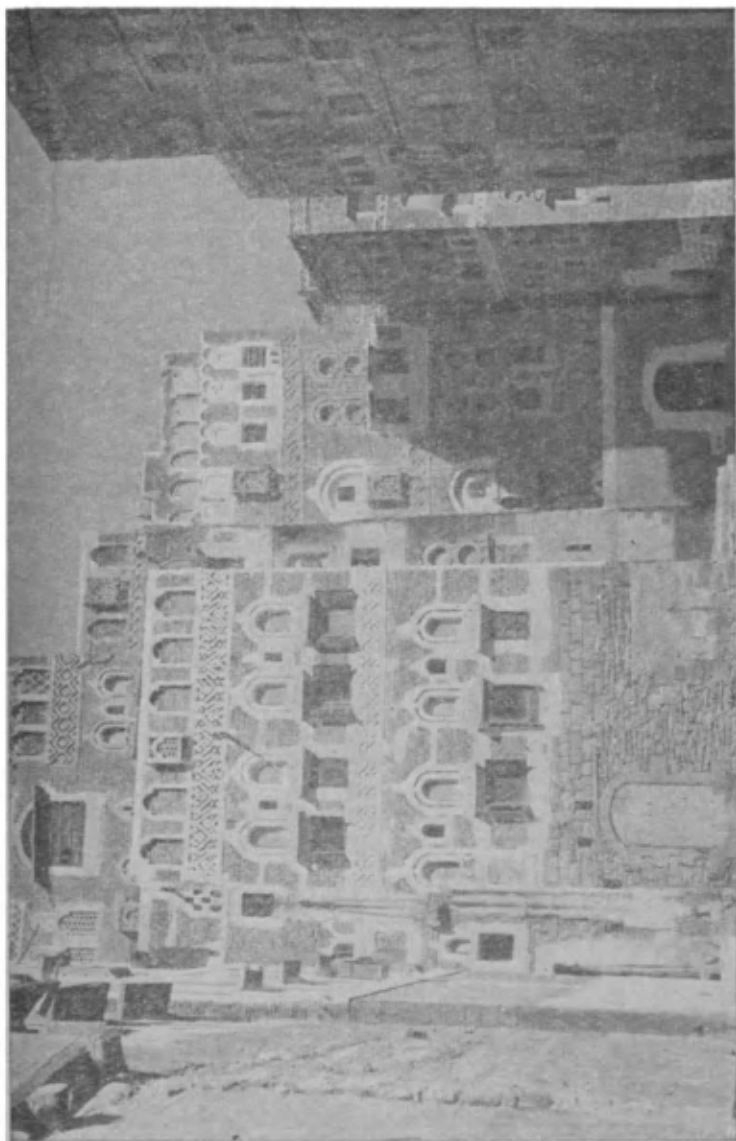
сын, а в крайнем случае — «дувейдар» — мальчик-служка лет восьми-десяти, который бежит впереди, показывая дорогу, и громко кричит «Алла́», «Алла́».

Дома́ в старом квартале богато украшены орнаментом из белых, нанесенных известью полос и геометрических фигур. Несмотря на свою простоту и незатейливость, орнамент придает зданиям нарядный вид. Окна зданий также обводят белыми полосами. До последнего времени в окна вставляли тонкие алебастровые пластинки, дающие мягкий опаловый свет. Даже сейчас в Сане можно встретить дома, где в окнах вместо стекол вставлены алебастровые пластинки.

В Сане 25 мечетей. Их высокие минареты, разукрашенные белыми полосами и геометрическими фигурами, уходят в голубое небо. Самая важная из них — уже упоминавшаяся Большая мечеть. Насрани в мечеть не пускают, но знание арабского языка помогло мне обмануть бдительного стража и осмотреть здание и библиотеку. В библиотеке мечети собрано несколько тысяч книг преимущественно религиозного содержания. Поскольку она находится на территории мечети, о существовании библиотеки мало кто знает. По словам хранителя, в последние 25 лет библиотеку посетило всего несколько египтян и индийцев.

Библиотека размещается в левом крыле мечети в трех небольших комнатах, расположенных одна над другой и соединенных винтовой лестницей. На втором этаже оборудована служебная комната, где выдаются книги, стоящие на стеллажах. В рамке на стене висело несколько любопытных объявлений о правилах пользования библиотечными книгами. Одно из них гласило: «Читателям запрещается: 1) входить в библиотеку с большими или малыми книгами; 2) пользоваться карандашом или пером при чтении книг, а также делать на полях страниц пометки; 3) брать книги со стеллажей без разрешения служителя библиотеки». В следующем объявлении я прочел: «Каждый читатель может взять с собой книгу домой под определенный залог, размер которого определяется хранителем библиотеки. Книги, особо ценные или имеющиеся в одном экземпляре, брать домой не разрешается».

Оба эти объявления, очень напоминающие общепринятые правила наших библиотек, были написаны и за-

Небоскребы Саны

верены красной королевской печатью имама Яхьи в 1937 году.

Большинство книг в библиотеке — рукописные. Это толкования Корана видных мусульманских деятелей, легенды о жизни пророка Мухаммеда, комментарии к Корану, мусульманские законники и судебные решения, которые при аналогичных судебных разбирательствах рассматриваются в качестве юридических прецедентов.

В библиотеке хранится один из древнейших дошедших до наших дней Коранов, написанный, как мне сказал хранитель библиотеки, 1350 лет назад во время правления халифа Османа, одного из сподвижников пророка Мухаммеда. Его начал писать Али ибн Али Аби Талерб, зять пророка, ставший впоследствии четвертым халифом. Дописывал Коран его соратник Зейд ибн Табет.

Древний Коран величиной с чемодан немалых размеров мне показали. Он написан на 540 пергаментных страницах, по-видимому, расщепленной палочкой, которую обмакивали в краску, по цвету похожую на наш столлярный клей. В тех местах, где краска выцвела, буквы подновили черной густой тушью. В начале каждой суры, а иногда прямо в середине предложения сделаны заставки и украшения в виде орнамента, выполненного очень просто, но раскрашенного синей и красной красками сочного тона, которые хорошо сохранились. В некоторых местах время и сырость все-таки сделали свое дело: страницы изъедены грибком, почернели и покоробились, но это не мешает прочитать написанный крупными буквами текст.

Кроме Корана мне показали четвертый том сочинения средневекового арабского грамматика Сибавейхи на 500 страницах и сборник стихов одного доисламского поэта «Диван Зи ар-Рамма» (201 страница), который был составлен уже после принятия ислама. Последняя книга была в очень плохом состоянии.

За то короткое время, что я провел в библиотеке, очень трудно даже приблизительно узнать, какие книги хранятся в этой, видимо, самой малопосещаемой библиотеке в мире. Но этого времени вполне достаточно, чтобы убедиться, что в старой мечети, затерянной среди плоскогорья небольшой страны Аравийского полуострова, хранятся документы и книги огромной исторической и культурной ценности, которые ждут своих исследователей.

Одни из интереснейших общественных учреждений Саны — бани. Впервые они были введены здесь в практику турками, которые не могли привыкнуть мыться дома, как это делали йеменцы. Сейчас посещения общественных бань в Йемене, совершаемые обычно в четверг или предпраздничный день, стали необходимым элементом общественной жизни города. В Сане 17 городских бань, куда ходят преимущественно люди богатые и среднего достатка, так как вход в баню стоит около 20 букшей, что составляет немногим менее дневного заработка местного чернорабочего. Богатые люди в своих домах имеют личные бани, в которых моются в компании своих друзей и близких знакомых.

Самой «модной» баней в городе во время моего пребывания в Сане считалась баня сейида Али, сооруженная в цокольном этаже большого дома. В эту баню с улицы шла крутая каменная лестница, которая вела вначале в прохладный предбанник. Справа и слева от входа в землю были вделаны неглубокие, выдолбленные из туфа корыта, наполненные водой, где каждый вошедший с улицы моет ноги. В центре квадратного помещения, свод которого покоился на четырех расширяющихся к потолку колоннах, располагался бассейн с чистой водой. Небольшие ниши в стенах, застланные циновками, служили местом для переодевания.

Йеменцы в бане никогда не моются обнаженными. Мужчины оставляют нижние светлые панталоны или надевают специальный передник. Женщины меняют одежду на банную рубаху из легкой одноцветной хлопчатобумажной ткани, в верхнюю часть которой вставлена резинка, не дающая рубахе упасть. Руки они продевают в специальные отверстия, а волосы распускают по плечам.

Богатый горожанин или его жена редко отправляются в баню одни. С ними, как правило, идут или кто-нибудь из слуг, либо сын или племянник в возрасте до десяти лет. Слуга или мальчик несет большой узел с банными принадлежностями — простыни, халат, шерстяную рукавицу «кис», которую используют как мочалку, а также фрукты, чай, печенье и другие сладости. Слуга помогает своему хозяину раздеться и затем остается в предбаннике или выходит на улицу. После переодевания в банный костюм на ноги надеваются деревянные башмаки с ши-

роким поперечным ремнем, похожие на старые театральные котурны. От них идет пар, они страшно горячие, так как, прежде чем принести, их окатили крутым кипятком.

И вот, громко стуча по каменному полу деревянными башмаками, вы отправляетесь в первое после предбанника, прохладное, отделение. Здесь моются те, кто плохо переносит высокую температуру. Если вы не боитесь жары, в бане есть жаркая парная, пристроенная к большим водяным котлам. Пол и стены всех отделений выложены приятным серо-желтым туфом, а свет проникает из зарешеченных отверстий в потолке. К каждой стене на высоте около метра от пола приделаны большие гранитные раковины, к которым подведены краны с холодной и горячей водой. В раковинах разводят воду нужной температуры, а затем вычерпывают ее при помощи кружки или лейки. Как правило, раковин для всех не хватает, и моющиеся, обычно хорошие знакомые, располагаются вокруг раковины полукругом прямо на полу. Пол теплый: под ним проходят трубы с горячей водой.

В бане йеменцы редко употребляют мыло. Обычно распаренное тело они трут шерстяной рукавицей до тех пор, пока с тела вместе с грязью не слезает верхний слой кожи. Вы можете пригласить банщика, который за дополнительную плату не только вас помоеет, но и сделает отличный массаж. Женщины-йеменки позволяют банщице мыть только спину, ноги и руки. Часто приятели или знакомые, встретившиеся в бане, помогают друг другу мыться, обмениваясь последними городскими новостями и сплетнями.

Наконец визит в баню, продолжающийся, как правило, от двух до четырех часов, заканчивается. В прохладном предбаннике быстро сбрасывается мокрый передник или рубаха и надевается халат. На чистом полотенце уже приготовлено угощение, принесенное из дому: фрукты, чай, печенье, конфеты. Недосказанные в парной истории продолжают уже здесь за чаем и фруктами. После отдыха йеменцы отправляются домой: они пришли в баню рано утром, а возвращаются домой к полуденной молитве.

Центром кустарной и торговой деятельности Саны и одной из его достопримечательностей является местный рынок — сук. На рынке, раскинувшемся на большой пло-

щади старого квартала, несколько специализированных рядов: «сук аль-мильх» («соляной ряд»), где продается соль, доставляемая из восточных районов, зеленой ряд, дровяной ряд, площадь, где продается зерно, лавки ремесленников, изготавливающих традиционные йеменские кинжалы, украшения из серебра и полудрагоценных камней: сердолика, оникса, агата, халцедона, добываемых в близлежащих горах. В многочисленных арабских харчевнях на длинных лавках сидят йеменцы, пьющие из маленьких чашечек отвар кофейной шелухи (кишр), чай с молоком или сладкую воду с сиропом. Здесь заключаются торговые сделки, знакомятся, рассказывают друг другу городские новости. Почти в каждой харчевне орет во всю мощь батарейный радиоприемник или тренькает на каком-либо щипковом инструменте незамысловатую мелодию местный музыкант, и редкий не спешащий на работу прохожий не остановится у дверей харчевни послушать музыку и выпить чашечку кишра. На рынке не только продают и покупают, но изготавливают все, что может понадобиться заезжему пахарю, скотоводу или горожанину. В темных прохладных подвалах рынка кипит работа: жмут конопляное масло, пекут серые пышки — хубз и белый хлеб — рути, шьют юбки — футы и жилетки — садрия, грубые сандалии — хаза.

Я отправляюсь на экскурсию по городскому рынку и попадаю прежде всего в ювелирный ряд. Кругом разносятся перезвон чеканных молоточков, сухой шелест серебряных и золотых пластин, всхлипывающие звуки мехов, рев кузнечного горна.

Небольшая лавчонка-мастерская вся увешана дутыми ножнами и ручными женскими браслетами, связками больших, величиной с грецкий орех пупырчатых полых шариков, из которых по заказу покупателя можно делать ожерелье на любую сумму: три риала — один шарик, шесть риалов — два шарика. В специальном ящике я вижу талеры Марии Терезии, королевские имади и ахмади и монеты в полриала с напаянными дужками. Последние часто покупают бедняки для своих жен и дочерей, а те вдевают в дужку тесьму и вешают на шею. Среди этих ювелирных сокровищ я увидел небольшую серебряную пластинку в виде полумесяца с крупным красным самоцветом посередине. К внешней стороне полумесяца, усеянного серебряными точками, припаяны дужки,

а к каждой из них прикреплены монетки и по два крохотных бубенчика. Когда берешь эту пластинку в руки, бубенчики издают мелодичный перезвон. Я купил эту вещь и позже, рассматривая через лупу припаянные мелкие монеты, среди индийских рупий и турецких пиастров обнаружил редкую монету, отчеканенную в Забиде в XVI веке местным эмиром из династии Расулидов. В Йемене можно относительно легко купить старые монеты, которые сохраняются местными жителями часто на протяжении многих поколений. Так, в Сане я встречал у купцов венецианские золотые монеты.

Продолжаю свою прогулку по городу и выхожу в квартал Бир аль-Азаб, который в прошлом построили турки для того, чтобы не жить в стенах всегда враждебного им города. Сейчас здесь расположились городская больница, средняя школа, духовное училище Дар аль-Улум, гостиница, дворцы богатых купцов и сейидов, окруженные фруктовыми садами, виноградниками и деревьями черного перца. Большинство домов этого квартала построены из светло-серого и розового туфа, имеют колодцы, откуда с помощью бурдюков достают «сладкую» воду. Если остановиться в каком-нибудь тихом переулке и прислушаться, можно явственно различить разноголосый скрип немазанных деревянных колес, через которые перекинута толстая веревка с привязанными на концах бурдюками.

Сразу за воротами старого города начинается площадь, на которую выходит фасад городской гостиницы, называемой Дар ад-Дияфа. Здесь всегда оживленно. В тени перичного дерева над деревянной доской склонились головы мальчишек в расшитых шапочках, проворные пальцы загоняют шашки в лузы. Эта популярная в Йемене игра напоминает бильярд. Рядом сидит коробейник, продающий благовония. Кусочки ладана и душистых смол разложены в свернутые фунтиками пакеты. В крошечных пузырьках с корковыми пробками — душистые масла, привезенные из Швейцарии, Индии, Египта, Англии и других стран. Арабы дают им различные названия, например «Блаженный рай», «Духи богов», «Гордость женщин». Духи в Йемене считаются добрым подарком. Их употребляют и женщины, и мужчины. Женщины, вынув пробку, проводят ею по ложбинке на груди, дотрагиваются до мочек ушей и висков. Мужчины

Знатный сейид со своей охраной

мажут усы, бороду, грудь. Часто йеменцы при встрече, чтобы благоухали руки, душат их. Вот за гостиницей красильщики раскладывают для просушки покрывала, вынутые из чанов. Ткани окрашены крапом — красящим веществом красного цвета, полученным из корней марены. Эта краска сохраняет чистоту оттенков в течение многих лет.

В Бир аль-Азаб расположены бывшие дворцы имама и его семьи, где после революции 1962 года разместились государственные учреждения, иностранные посольства. Вот дворец имама Яхьи Дар аль-Вусуль, который хотя и построен в черте старого города, но всеми окнами выходит на площадь Бир аль-Азаб. В подвале этого дворца — монетный двор, где на ручном прессе изготавливались большие серебряные имади и ахмеди и мелкие разменные монеты — букши. Расположенный за гостиницей дворец имама Ахмеда Дар ас-Саада, где он держал в заточении своих жен, сейчас занят Республиканским советом. Недалеко находится Дар аль-Башаир — дворец имама Мухаммеда, откуда он бежал в сентябре 1962 года, когда дворец был осажден восставшими офицерами.

Собственно, к каждому дворцу скорее подошло бы слово «зámок», так как все дворцы знати представляют собой высокие, обнесенные стеной шести- или семиэтажные каменные крепости, в нижних этажах которых располагалась охрана. Я смотрю на эти замки феодальных правителей Йемена и думаю: сколько трагедий и кровавых расправ видели эти стены? Сколько женщин погибло здесь, заживо замурованных в четырех стенах гарема?

Из последних имамов Йемена Ахмед, правивший с 1948 по 1962 год, оставил самый кровавый след в истории страны. Еще при жизни отца он получил прозвище «шайтан» — дьявол, и имам Яхья настолько его боялся, что никогда не держал его у себя во дворце более трех дней и никогда не принимал его один на один. Ахмед прославился жестоким подавлением восстания племени зараник в Тихаме, своим умением плести интриги. Еще будучи принцем, он имел личных агентов, которые доставляли ему донесения в свитках длиной в несколько метров. Страсть к чтению отчетов своих соглядатаев он сохранил на всю жизнь и, став имамом, продолжал внимательно изучать письма своих агентов, не обращая внимания на государственные бумаги, требующие его решения.

Надо сказать, что имам Ахмед был очень способным и ловким человеком. В 1948 году, когда заговорщики в главе с Абдаллой аль-Вазиром убили его отца, он находился в Таиззе. Заговорщики, имевшие своих сторонников в Таиззе, планировали убить и Ахмеда. Он знал об этом. На второй день из дворца вышли две автомашины — один грузовик с солдатами и джип Ахмеда. Не доезжая до шлагбаума, имам покинул свой автомобиль и укрылся в грузовике среди солдат, который благополучно прошел шлагбаум. Когда к шлагбауму подъехал джип Ахмеда, заговорщики бросились к нему, но напрасно: имама в автомобиле не было. Во всех городах Тихамы заговорщики подкарауливали Ахмеда, но он с помощью различных хитростей ускользал от них. Его противники несколько раз уже объявляли о смерти имама, и, когда Ахмед живым и здоровым появлялся в Ходейде, это производило на жителей необычайное впечатление. Из Ходейды Ахмед, направляясь в Сану, доехал до Баджиля. Он стал рассылать приказы шейхам племен и губернаторам городов Южного Йемена. Его не признавали,

но вскоре к нему пришел один шейх, затем еще один и т. д. Вскоре Ахмед с помощью своих сторонников добрался до Хаджда и объявил себя имамом Йемена. Оттуда уже во главе большого племенного ополчения он двинулся в Сану. За несколько часов до его подхода Абдалла аль-Вазир был схвачен и передан Ахмеду, который приказал его казнить. Имам Ахмед не вошел в Сану, а вернулся в Таизз. Три дня и три ночи племена грабили город, не щадя никого. Это была плата имама Ахмеда племенам за их поддержку. Со времени смерти отца он был в Сане один раз, и притом всего один день, когда в Йемен приезжал король Саудовской Аравии. Его дворец Дар ас-Саада занимали его жены и многочисленные наложницы.

В 1955 году в Таиззе вспыхнуло восстание. Армейские части окружили имамский дворец. После нескольких дней осады Ахмед верхом на коне выскочил на площадь и, крикнув «Кто посмеет поднять руку на ставленника пророка, пусть стреляет», добился перехода солдат на свою сторону. К этому времени во главе верного войска подоспел его сын аль-Бадр, который после этого был провозглашен наследным принцем. Имам выдал солдатам вознаграждение за переход на его сторону, но затем высчитал из их жалованья по два риала за каждый использованный во время осады дворца патрон.

Имам Ахмед обладал поразительной работоспособностью. В королевском Йемене существовала обратная субординация, и для решения любого вопроса правительственный чиновник мог обратиться лично к имаму по телеграфу, оплатив ответ имама на свой запрос. Прежде никого не удивляло, что чиновник, особенно если он из семьи сейидов, испрашивает разрешения у имама жениться, сотрудник министерства иностранных дел просит имама дать автомашину, чтобы перевезти тещу, акушерка просит оплатить билет до Каира и обратно, куда она везет своего сына. Мне известен случай, когда имам лично подписал документ о выдаче со склада нескольких веников для уборки его вертолета. Правда, в последние годы правления больной и усталый имам все больше отходил от государственных дел и приказывал сжигать мешки с документами, которые ему приносили. «Если дело важное, напишут еще раз»,— говорил он своим приближенным.

Имам Ахмед в 50-х годах пристрастился к наркотикам. Впервые морфий ему ввел итальянский врач, а затем уколы Ахмеду стала делать его племянница Насира. Имам ее очень любил и доверял настолько, что просил разбирать государственные донесения. Вообще у имама Ахмеда было своеобразное отношение к людям. Я был свидетелем, как королевский конюх выезжал на личном самолете короля в Рим, где ему должны были вырезать аппендицит, а государственный министр, отправлявшийся с поручением имама в Европу, ждал рейсовый самолет эфиопской авиакомпании.

Имам Ахмед не был равнодушен к женщинам, хотя и не считался вполне здоровым мужчиной: в возрасте около 40 лет он упал с лошади. С тех пор он уже не мог заниматься конным спортом и был вынужден, чтобы сохранить здоровье, прибегнуть к массажу. У имама было несколько массажисток. В специальной комнате обрабатывали Ахмеда одновременно три массажистки: одна ходила по его спине, держась руками за специальную перекладину, другая массировала руки, третья — ноги. Люди, приближенные к дворцу, утверждают, что массажисток имам покупал в Тихаме и они считались его рабынями. Однажды после массажа у имама начался фурункулез, и он приказал заковать массажисток в кандалы и сослать в самое нездоровое место Тихамы.

Одна из массажисток в 1950 и 1952 годах родила Ахмеду мальчиков Абдаллу и Аббаса. Они были смуглее, чем горные йеменцы, так как их мать — уроженка Тихамы. Имам усыновил ребят, и они стали носить титул сейф уль-ислам, т. е. «меч ислама», но на их матери он не женился, хотя к этому времени у него было только две жены: йеменка из города Хадджи и полуангличанка. Последняя жена, палестинка, была подарена ему королем Саудовской Аравии Ибн Саудом во время его официального визита в Джидду, где был подписан тройственный пакт между Саудовской Аравией, Египтом и Йеменом.

Самой влиятельной женой имама считалась первая, из Хадджи. Она родила Ахмеду двух дочерей. Вторая жена, полуангличанка, приехала в Йемен вместе со своим отцом-йеменцем, и вскоре ее сосватали, а скорее всего, просто отдали во дворец. Ведь даже сейиды дарили имаму своих дочерей по мусульманским праздникам и счи-

тали за честь, если такой подарок имам принимал. Спустя некоторое время вторая жена потребовала развода, и ее объявили сумасшедшей. Действительно, разве не безумие требовать развода у имама, который оказывает честь знатным сейидам, если соглашается взять в гарем их дочерей. Кстати, мать наследного принца аль-Бадра была разведена с имамом. Некоторые йеменские богословы ставили под сомнение правомочность аль-Бадра называться даже сыном имама, так как он был зачат еще в то время, когда не был подписан брачный контракт и прочитан Коран. Однако в 1955 году, когда аль-Бадр был провозглашен наследным принцем, эти тонкости не были приняты во внимание.

В 1961 году в Таиззе вдруг распространился слух о том, что 68-летний имам Ахмед женится. Он берет в жены 14-летнюю девушку из Ибба, из семьи Мутаваккилей. Были устроены смотрины, и на них пригласили наших советских врачей. Ниже я дословно привожу рассказ С. Светловой, переводчицы советского врача А. А. Михайловой, с которой они и попали на это торжество.

«Нас провели на второй этаж. Две колоссальные по длине комнаты тянулись вправо и влево. Женщины сидели у стен друг против друга цветастыми лентами, а те, что сидели в конце комнаты, сливались в яркий букет, и их лиц совсем нельзя было разглядеть. Женщины курили кальян, и трубки, переплетаясь, тянулись во все концы комнаты. Сизый дымок смешивался с запахом благовоний. Лучи солнца, потоками льющисся из широких окон, ослепительным блеском зажигали золото украшений. Нам дали стулья и усадили у входа одной из комнат. Гостей стали угощать чаем, который разносили на больших подносах, и катом. Служанки вносили на голове огромные корзины, наполненные аккуратно завернутым в сухие листья и перевязанным в пучки катом. Их рассыпали у ног сидящих женщин так, чтобы каждая, протянув руку, могла угостить другую листиком. Кат был действительно первейшего сорта: уже очищенный, без стеблей, чуть влажный. Щеки женщин быстро раздувались, а пол устилался сухими листьями от обертки ката.

Нам сообщили, что невеста одевается и сейчас выйдет, но это арабское „сейчас“ вылилось в добрых полтора часа. Ожидание невесты так затянулось, что некото-

рые из гостей уже собрались уходить. Послали девочку узнать: скоро ли? Девочка, запыхавшись, вернулась и доложила: „Уже идет“. Двери в конце длинной комнаты распахнулись, и появилась процессия женщин. Две несли на головах большие подносы с сахарным песком и перцем (ведь брак и сладок, и горек), с яйцами в скорлупе и шестью зажженными свечами. Две другие женщины несли по одному подсвечнику с зажженной свечой, каждый из которых был обвязан большим пучком душистой травы. За ними катили кресло, покрытое молитвенным пестрым ковриком, а далее... шла невеста во всем белом. Кресло подкатали прямо к нам, и в него усадили нареченную короля. Она из Ибба, из знатной, но не богатой семьи. Говорят также, что у ее матери умерли все дети и потом долго их не было. Женщина очень хотела ребенка и дала обет: если у нее родится дочь, она отдаст ее имаму. Очень скоро она забеременела и родила девочку, уже обещанную имаму.

Со странным чувством любопытства, жалости и сострадания я смотрела на невесту. Девочка лет 14—15, тоненькая, хрупкая, с чуть заметной грудью, она была одета в длинное тяжелое парчовое платье с расклешенной юбкой, открытое у шеи, с рукавами до талии. Тонкие кисти рук были украшены золотыми браслетами, нежную детскую грудь отягощало широкое жемчужное ожерелье, а хрупкую шейку подпирало широкое золотое кольцо. Ее головку клонила тяжелая трехзубчатая венчальная корона, искусно укрепленная в ее взбитых черных густых волосах, коротко подобранных на европейский лад. Над венцом легким белоснежным облаком пеннилась газовая фата. Миловидное полудетское тонкое личико было густо напудрено, и без того черные брови подведены, а огромные черные глаза опущены длинными ресницами. Она не смела их поднять и все время смотрела только вниз, редко-редко вскидывая их и тут же опуская. Она ни разу не улыбнулась, она была только до бесконечности удивлена и смущена всем, что с ней проделывали. Казалось, позволь ей, и она тут же сбросит эти тяжелые дорогие одежды и украшения и убежит играть в сад. Но приходилось быть послушной и покорной. Она как-то неестественно двигалась. Ее, как заводную куклу, усадили в кресло; сложили, как следовало, ей руки на коленях, подняли кверху совсем опущенный подбородок, набросили на

лицо шарф и отвернули от любопытной толпы, хлынувшей из коридора. Ей позволили немного посидеть, а потом вся процессия медленно двинулась в другую комнату, где невесту усадили в самом конце и повернули лицом к стене от жадных и чрезмерно любопытных глаз.

Мы поднялись уходить, благодарные, что для нас было сделано исключение: ведь обычно вывод невесты происходит в 11 часов вечера. Предварительно ее ведут в баню, где родственники будущего мужа осматривают ее, потом она отдыхает, а часов за пять-шесть до вывода начинается сложный процесс одевания. Сегодня ей предстоял и второй выход, ночью.

...Когда она станет королевой, ей будут целовать ноги».

...Продолжаю свою прогулку по Сане. По узкой улице мимо дворца Дар аль-Башаир я выхожу к ничем не примечательному дому, называемому Бейт аль-Харази. В этом доме в 1928 году помещалось советское представительство, и многие йеменцы зовут его не по имени старого владельца, а Бейт ар-рус (Русский дом). Кстати, и сегодня это здание занимают советские специалисты.

Выхожу на широкую пыльную улицу и через несколько минут попадаю на площадь перед городской радиостанцией. Здесь возвышается «небоскреб», принадлежавший брату имама, принцу Али, и небольшой трехэтажный, обнесенный высоким глинобитным забором дом, бывшее владение другого брата имама, принца Касема.

В доме Касема сейчас находится посольство СССР, и я был первым советским человеком, который переступил порог этого дома. Это произошло в начале ноября 1962 года, т. е. почти сразу же после революции, в сентябре того же года покончившей с королевским режимом. В доме и прилегающем к нему саду стояла египетская часть, и после ее ухода он походил на разоренный муравейник, обитатели которого внезапно куда-то исчезли. На каменном сером полу коридоров с узкими, красного дерева дверями валялись разорванные книги, груды свернутых трубочкой записок, старые газеты. Имущество было вывезено республиканцами и египтянами, и весь этот бумажный хлам за ненадобностью был оставлен нетронутым в коридорах и комнатах дворца. Огромный дом с многочисленными неизвестными переходами в городе, жившем напряженной жизнью в связи с непре-

кращающимися вылазками монархистов, внушал мне какой-то страх. Я не мог заснуть несколько ночей и, чтобы скоротать время, стащил в одну комнату весь бумажный хлам и терпеливо принялся его разбирать, предвзвительно закрыв все двери на тяжелые засовы.

Моя кропотливая и однообразная работа была вознаграждена интересной находкой. Сейчас, вспоминая это, я ясно представляю длинную комнату на третьем этаже, брошенный на пол тюфяк, где я сижу на корточках и при свете яркого керосинового примуса копаюсь в собранном мною архиве. Среди деловых бумаг, касающихся сложных, запутанных отношений между Касемом, владельцем земли, и арендаторами, и записок о поставках зерна и фруктов к столу принца, я вдруг обнаружил пакет с несколькими фотографиями. Вот элегантный, в европейском костюме и феске молодой мужчина. Он же, полулежащий на диване в национальном албанском костюме с огромным кинжалом. Опять он с сидящей на стуле женщиной. У нее миловидное, типично славянское лицо. Лихорадочно перебрав оставшиеся снимки, нахожу еще одну небольшую фотографию этой женщины с трогательной надписью на русском: «Не забудь твою Ludmilla, которая тебя очень-очень любит. С. Петербургъ. 1.IV.04». Затем мне попало несколько фотографий уже значительно постаревшего франта в турецкой феске, и, наконец, я натыкаюсь на его же фотографию, датированную 1947 годом. Ба! Да ведь это же Рагиб-бей, бывший наместник турецкого султана в Йемене, перешедший на службу к имаму Яхье и исполнявший при нем вплоть до своей смерти обязанности министра иностранных дел. Умный, европейски образованный, владеющий несколькими языками, он в молодости был блестящим турецким дипломатом, затем, в начале XX века, — первым секретарем посольства Османской империи в Петербурге, где, видно, и познакомился с Людмилой Волковой. Кем была для него эта русская женщина? Мимолетным увлечением или серьезной, большой любовью? Где она сейчас, осталась ли в России, или сопровождала Рагиб-бея в его скитаниях по восточным странам, променяв холодный, строгий Петербург на шумный Стамбул? Как попали сюда, в дом Касема, эти фотографии?

В эту ночь мне не давали заснуть мысли о тех русских, с которыми я знакомился во время своей работы

за границей. В Сирии, Ливане, Иране и Турции я встречал сильно сдавших гвардейских офицеров, которые бежали с Врангелем из Крыма в надежде вернуться в Россию на белом коне победителя. Их мечты не сбылись, и сейчас многие из них уже без прежней злобы толкуют о «правлящих в Москве комиссарах», гордятся гигантским взлетом России, покоряющей космос, и по-стариковски передают друг другу последние сплетни зарубежной русской эмиграции. Многие из них обзавелись семьями, сменили царские паспорта и сейчас доживают свой век, нянча смуглых внуков, которым на хорошем французском, ломаном турецком или арабском языке рассказывают русские сказки.

В Йемене я также встречал русских эмигрантов. Самой колоритной фигурой среди них был окулист Сергей Сергеевич Головин, руководитель французской медицинской миссии в Таиззе. Сын известного русского окулиста С. Головина, именем которого назван один из переулков в центре Москвы, он был кадетом и в 1918 году бежал из России в Европу, затем окончил университет в Праге и несколько десятков лет работал в бывших французских колониях в Африке. Его отношение к советскому строю, несмотря на видимую непримиримость и враждебность, можно было считать вполне лояльным, хотя он и осуждал матроса Железняка, от которого чудом ускользнул на Украине, а также продолжал носить булавку в галстук и перстень с двуглавым царским орлом. С. С. Головин считал себя монархистом, сохранил царский паспорт и открыто презирал другого русского эмигранта, тоже врача, фтизиатра Пьера Мальцева, который за время своих скитаний на чужбине успел сменить несколько паспортов.

В королевском гареме в Таиззе работала гинеколог Антонина Мошевец, выехавшая из Советского Союза в 1928 году. Она была в курсе интимных дел всех королевских жен и наложниц, однако всегда избегала говорить на эту тему, боясь выболтать какую-нибудь страшную тайну. «Вот заработаю денег на старость, — говорила Антонина Ефимовна, — уеду в Бейрут к дочери и напишу книгу о королевском гареме. У всех волосы дыбом встанут».

Она уехала из Йемена после революции 1962 года, но книги пока не написала, хотя я не сомневаюсь, что у

нее собран богатейший материал о порядках, царивших в королевском гареме и в семьях богатых сейидов.

На следующий день после своей находки я разослал по Сане гонцов с просьбой привести людей, которые могли знать Рагиб-бей. Через час предо мной предстал Муттахир Аднан, по его словам, «частный зубной врач». Как оказалось, за определенную плату он просто надевал на здоровые зубы своих пациентов золотые коронки. Его рассказ о Рагиб-бее, которому он якобы приходится внуком, в общем подтвердился сведениями, полученными из других источников.

После провозглашения независимости Йемена в 1918 году Рагиб-бей с рядом своих чиновников перешел на службу к имаму Яхье и остался в Сане. У него была жена, которая приехала с ним из Стамбула. Она не знала арабского и турецкого языков, и Рагиб-бей разговаривал с ней по-французски. От этой женщины у него родились две девочки. Одна из них, Азиза, стала женой принца Касема, а вторая уехала в Стамбул. Азиза была светловолосой и считала себя чистокровной турчанкой. Мать ее умерла в начале 30-х годов, когда Азиза была еще маленькой. Рагиб-бей после смерти первой жены женился вторично и поселился в доме принца Касема. Здесь в конце 40-х годов он умер.

После этого мне многое стало ясным. И многочисленные конверты со стамбульским адресом, по которому писали Азиза и Рагиб-бей, и французские книги, и турецкие марки, кем-то старательно отклеенные от конвертов. Я припоминаю семью принца Касема, его сыновей, которые, развлекаясь верховой ездой, сломя голову носились по узким улицам города. После революции они бежали из Саны и на стороне монархистов вели борьбу против республиканского режима.

Королевские дворцы Йемена, которые после революции заняты государственными учреждениями республиканского режима, хранят еще много тайн. Возможно, когда-нибудь и будет написана история бурного правления Ахмеда-дьявола, падения его режима и становления республиканского строя. И в ней будет немало страниц о мужественной борьбе йеменских патриотов, разбудивших Йемен от летаргического сна.

Серебряный узор джамбии

Каждого иностранца, впервые попавшего в Йемен, непременно удивит одна деталь одежды йеменца — кривой с широким лезвием кинжал, называемый джамбией. По обычаям страны, каждый мальчик, которого уже не пускают в баню вместе с женщинами, так как он достиг возраста мужчины, начинает носить кинжал, который считается, как в свое время борода в допетровской Руси, признаком его мужского достоинства. Этот обычай неукоснительно соблюдается особенно в богатых семьях, имеющих возможность не только прокормить и одеть детей, но и преподнести им оставшуюся от дедов джамбию.

Джамбии в Йемене бывают различных форм, размеров и отделки. Это зависит не только от социального положения йеменца, но и от района, где он проживает. Наиболее интересный элемент национального кинжала — «туза», или «тума», — серебряная чеканная или филигранная пластинка, покрывающая деревянные ножны. Полуфабрикатом для ее изготовления служат талеры Марии Терезии или саудовские риалы. Туза, изготовленная из талеров Марии Терезии, содержащих до 90% серебра, считается первосортным материалом и называется «мухлас», т. е. «чистая», «без примесей». Пластинка из саудовских риалов — уже второсортный полуфабрикат; она называется «халит», т. е. «смесь», «сплав».

Во время своих продолжительных поездок по Йемену я встречал несколько видов ножен, которые отличались по своей отделке и украшению. Туза, выполненная в стиле «мансурия», представляет собой серебряную пластинку, на которую в зависимости от замысла ремесленника наносятся с помощью витых серебряных проволочек различные узоры: цветы, листья, растения, геометрические фигуры. Большими мастерами по изготовлению таких филигранных ножен считались ремесленники-евреи, которые, выехав в 1948 году в Израиль, увезли с собой секреты своего изумительного мастерства. Кстати говоря, йеменские евреи, живущие сейчас в Израиле, — и в этой стране самые искусные мастера по серебру. Хорошие, действительно красивые ножны, сделанные в стиле мансурия, сейчас в Йемене найти нелегко: большинство их принадлежит состоятельным йеменцам, которые умеют ценить красивые вещи и редко расстаются с ними да-

же за большие деньги, а те ножны, которые случайно оказались в продаже, раскуплены иностранцами, весьма охочими до таких сувениров.

Однако йеменцы больше ценят ножны в стиле «абадия»: на серебряную пластинку с чернью при помощи чеканки арабской вязью наносятся изречения из Корана, а также часто имя ремесленника, ее сделавшего, место и дата изготовления.

Третий тип ножен, называемых «сабики», распространен только в северо-восточных районах страны. Сабики представляют собой довольно длинные, около 60 сантиметров, ножны, обернутые серебряной пластинкой с напаянными на нее каплями серебра и редкой чеканкой. Этот стиль по сравнению с двумя предыдущими не отличается изяществом отделки, но тем не менее также представляет большой интерес как произведение йеменского прикладного искусства.

Кроме указанных трех стилей выполнения ножен можно часто встретить солдатские джамбии, ножны которых обернуты простой зеленой тесьмой. Обернутые кожей ножны джамбий, из которых торчит серебряная рукоятка кинжала, носят жители Тихамы, а ножны, круто загнутые сверху, с серебряными набалдашниками и отдельными каплями серебра вы найдете у жителей провинции Эль-Бейда и в Бейхане. В районах Южного Йемена есть также характерные для той или иной местности ножны.

Рукоятки джамбии различаются и по материалу, из которого изготовлены, и характерной расцветкой, и рисунком. Рукоятки сегодня делают из пластмассы, имитирующей слоновую кость, из рога крупного рогатого скота и даже из дерева, которое затем покрывают серебряной пластинкой, но рукоятка джамбии из рога носорога — предел мечтаний йеменца. Мне называли три вида рукояток из рога носорога: «сайфия» — широкая и темная, «зурафа» — широкая и светлая и, наконец, «мазраа», — отличающаяся особым рисунком: прожилками, вкраплениями темных и светлых точек. «Зурафа» в переводе с арабского означает «жирафа». Рукоятки для йеменских кинжалов делают и из рога жирафы, и мне говорили, что такая рукоятка, стоившая баснословные деньги, была у джамбии имама Ахмеда. Рукоятка из рога жирафы — золотистого цвета и очень похожа на рукоятку из рога но-

сорога. Может быть, поэтому один из видов рукояток из рога носорога назван «зурафа».

Чем объяснить, что рукоятка для йеменского национального кинжала изготавливается из рога носорога? Ведь этих животных никогда не было в Йемене, и простой йеменец имеет о них весьма смутное представление.

Историк Филострат, живший в III веке, писал: «В Индии ловят диких ослов с рогом на лбу, которым они защищаются. Из рога делают кубки. Кто выпьет из такого кубка, тот излечится от болезней. Если раненый сделает глоток вина из чудесного кубка, то исчезнут все боли. Выпив из кубка, человек может пройти сквозь огонь невредимым. Поэтому эти кубки считаются королевской посудой. Кроме короля, никто не имеет права охотиться на носорогов». Интерес к носорогу подогревался суеверием, которое приписывало рогу чудодейственную силу. Считалось, что отравленное вино, налитое в кубок из рога носорога, меняет свой цвет. Рога этих животных в средневековой Европе продавались за бешеные деньги, что, в свою очередь, еще больше способствовало распространению легенд. Тот факт, что рог носорога стал материалом для изготовления рукояток для дорогих йеменских кинжалов, по-видимому, не случаен. Активная торговля древнего Йемена с Индией, где ловили «диких ослов с рогом на лбу», способствовала распространению легенд о чудодейственной силе этого рога и в Йемене.

В одной из таизских лавок, где продавали рукоятки для кинжалов из рога носорога, я поинтересовался у купца и находившихся там йеменцев, почему рукоятку делают именно из рога носорога. Никто из йеменцев не мог толково ответить на вопрос, но все твердили одно, что ручка из рога носорога, которая под влиянием солнечного света способна менять оттенки своего цвета от светло-золотистого до темно-коричневого, оберегает человека от многих болезней и несчастий и служит своего рода талисманом. В этом сообщении нетрудно увидеть влияние древней легенды.

На другой день в этой же лавке я стал свидетелем одной торговой сделки. За несколько рогов носорога весом в 12 килограммов, которые были доставлены контрабандистами из Эфиопии, купец просил 450 риалов, сумму колоссальную по йеменским нормам. Покупатель, по-видимому ремесленник, предлагал 420 риалов. Громко кри-

ча и размахивая руками, он хватал мешок и вскидывал себе на плечо, затем бросал его на пол, услышав от немолчаливого купца цену, и уходил, бранясь и причитая. Через несколько минут он вновь возвращался, и все начиналось сначала. Во время его третьего «захода» я имел неосторожность обратиться к купцу с просьбой продать самый маленький и тонкий рог, который бы сгодился для диковинной вешалки в московской квартире. Ремесленник несколько секунд остолбенело смотрел на меня, а затем, поняв, что я выступаю в качестве его конкурента, обрушился с бранью. Из его быстрых тирад, вылетающих со слюной из заросшего седой щетиной рта, можно было понять, что он не отдаст ни одного грамма рога носорога насрани, а уж если мне хочется купить сувенир, то пусть он купит у него подделки из слоновой кости, привезенные из Африки. Здесь же я узнал, что фунт слоновой кости в Кении стоит 23 шиллинга, а фунт рога носорога — более 80 шиллингов. Старик-ремесленник не обманывал меня относительно ценности рога носорога. На всем земном шаре этих животных осталось, по подсчету немецких зоологов Урсулы и Вольфганга Ульрих, немногим более 13 тысяч. Охота на носорогов запрещена, а пойманные браконьеры сурово наказываются. Ясно, что йеменскому ремесленнику, в руки которого попали 12 килограммов драгоценного рога, из которого можно сделать не один десяток превосходных рукояток для кинжалов, не хотелось упускать этого случая, и поэтому вмешательство насрани, явно ничего не смыслящего в этом деле, сильно его возмутило.

Рукоятка джамбии украшается небольшими серебряными или золотыми пластинками и пуговками. Золотые или серебряные пуговицы, которые прикрепляются к верхней и нижней части рукоятки, называются «шамсия». Золотая пуговица имитирует венецианскую или португальскую золотую монету. В Йемене такие подделки изготавливает на специальном прессе практически каждый золотых дел мастер. По просьбе клиента он может сделать «монету» тонкую или толстую, в зависимости от достатка покупателя. Самая нижняя часть рукоятки стягивается серебряным обручем «мабсам». Его орнамент, как правило, повторяет рисунок серебряных ножен или представляет собой простую серебряную плетенку. Самое узкое место рукоятки иногда перетягивается широкой се-

ребриной полосой «махляка». Ее орнамент похож на орнамент пуговицы «шамсия». Иногда наружная часть дорожной рукоятки покрывается серебряной пластинкой, называемой «сафиха», чтобы от продолжительной носки рукоятка не стерлась об одежду и не портилась.

От прикосновения сальным пальцем к начищенному клинку он покрывается ржавыми пятнами, и его необходимо отчистить. Для этого весьма трудоемкого процесса, занимающего несколько часов и выполняемого в обычной мастерской по изготовлению джамбий и клинков, служат самый простейший набор камней, которые собирают в вади, и простая доска, на которую прикрепляют клинок. Сначала на отчистку идет самый грубый камень — «мафхас», который сдирает ржавчину. Следующий камень называется «малин», третий — «матыб» и четвертый, самый тонкий и светлый, — «маскаля», от арабского «сакаля» — «полировать», «придавать блеск». Поэтому ремесленник, который отчищает клинки, именуется «саккал». После тщательной обработки клинка камнями, которые, как говорят йеменцы, «очищая клинок, полируются сами», ржавчину соскребают обломком рашпиля и напильника. Серебряные части клинка, так же как и ножны, чистят с помощью белого порошка магнети. В жарких и влажных районах Тихамы и Южного Йемена клинок после отчистки покрывают тонким слоем кокосового масла. Им же смазывают и рукоятку, которая прямо на глазах впитывает это пахучее масло. Кстати, этим маслом йеменские женщины и мужчины мажут волосы.

Йемен всегда считался пуританской страной, где ислам и его каноны оказывали огромное влияние на формирование общественной жизни йеменцев, их быт, культуру и обычаи.

Мусульманское право — шариат и сегодня регулирует общественную и семейную жизнь йеменцев. Многоженство, разрешенное Кораном, — довольно распространенное в стране явление. У самого имама Ахмеда, умершего в 1962 году, как уже упоминалось, было четыре жены. Наместник имама в провинции Ибб — Ахмед Саяги имел четырех жен и 12 сыновей. У наместника Саны — Али Забара было четыре жены и 50 детей.

В разговоре с одним старым сейидом из свиты короля я спросил его, зачем ему четыре жены. Старик был весьма польщен таким вопросом и охотно объяснил мне, что Коран разрешает каждому мусульманину иметь четырех жен в том случае, если он сможет содержать их и «делить поровну между ними свою любовь и радость». Обычно состоятельный юноша женится, по его словам, довольно рано, в 18—19 лет. К 30 годам он берет вторую жену, к 40 — третью и к 50 годам — четвертую жену. Самый желанный возраст невесты в Йемене 14—15 лет, однако у моего собеседника, который по виду лет пятнадцать тому назад отпраздновал свое пятидесятилетие, была четвертая, молодая, восемнадцатилетняя жена. Загибая пальцы, старик упоенно объяснял, что первая жена нужна ему «для совета», вторая ведет домашнее хозяйство, третья воспитывает детей, а четвертая нужна «для утех».

— Стол — и тот держится на четырех ножках, — многозначительно заметил старик, подняв в небо заскорузлый палец, украшенный серебряным перстнем с йеменским сердоликом.

Брак и раздел имущества после смерти главы семьи регулируются изложенным в книге «Тадж аль-Музаххаб» сводом норм шариата, представляющим собой описание различных юридических прецедентов, под один из которых подгоняют разбираемый случай.

Брак по любви — явление довольно редкое даже в сегодняшнем, республиканском, Йемене. Обычно родители молодого человека, которому, по их мнению, пришла пора жениться, подыскивают ему невесту среди девушек семей своего круга и социального положения. Самое действенное участие в таких поисках принимает мать или сестра будущего жениха, которые могут проникнуть на женскую половину и сообщить молодому человеку подробные сведения о красоте и других достоинствах его будущей жены. Иногда к поискам привлекается сваха, называемая «хатыба».

Когда подходящая девушка найдена, отец жениха отправляется на переговоры к отцу невесты с подарками. В случае договоренности устанавливаются сроки подписания брачного контракта, размеры выкупа, называемого в Йемене «шарт» и получаемого отцом невесты, и подарка от жениха, «фитташа», невесте. Размеры шарта за-

висят от красоты, здоровья, молодости, знатности рода, приданого и величины наследства девушки. Шарт за вдовую или разведенную женщину, вторично выдаваемую замуж спустя три месяца после развода, обычно в два раза меньше, чем за девушку. В богатых семьях размер шарта во время моего пребывания в Йемене составлял 700—800 риалов, в бедных он колебался в пределах 10—20 риалов.

Среди йеменских женщин распространено убеждение, что муж крепче любит «дорогую жену», сватовство на которой стоило ему немалых денег. Поэтому девушка часто добивается того, чтобы ее отец требовал у родителей жениха большего шарта.

Мне рассказывали, что в 1959 году в Таиззе человек среднего достатка требовал за свою дочь, далеко не блиставшую достоинствами, шарта в размере 700 риалов. Это сразу отпугивало всех женихов. Настойчивые просьбы девушки снизить размеры выкупа скаредный отец не принимал во внимание. В один из вечеров девушка исчезла с «кули» (чернорабочим), ремонтировавшим крышу дома ее родителей. Пойманная в Иббе со своим возлюбленным, она была возвращена домой. Избитая отцом до полусмерти, девушка отказалась жить в отцовском доме, заявив, что считает себя «бинт аль-хукума» — дочью правительства. В письме, посланном на имя имама Ахмеда, она просила лишить отца, не выполнившего своего отцовского долга, родительских прав. Вмешались власти, и девушка осталась с полюбившимся ей юношей.

Мне известен также и другой конец подобной истории, случившейся в Сане за два года до моего приезда в Йемен.

Бежавшие из родительского дома парень и девушка около четырех дней шли пешком в сторону города Амрана и, добравшись до небольшой горной деревушки, попросили приюта у шейха. Старик впустил молодых влюбленных, слушая их рассказ о трудном побеге из родительского дома, сочувствовал им. Но шейх лицемерил. В тот же день он послал гонца в Сану с письмом, в котором сообщал родителям парня и девушки их местонахождение. Через несколько дней беглецы были схвачены и доставлены в Сану. Их закопали по горло в землю, и каждый проходивший бросал в них комок грязи или камень, осуждая тем самым нарушение двумя влюб-

ленными законов ислама. Они умерли на второй или третий день.

За два дня до свадьбы невесту ведут в баню. Мать жениха и несколько его ближайших родственников, готовые принять в число своей родни девушку, идут в баню вместе с ней, моют ее, трут шерстяной рукавицей «кис». Эта церемония — второй этап смотрин, ибо будущему мужу подробно докладывают обо всех недостатках и достоинствах невесты вплоть до таких подробностей, где и сколько у нее родинок. У йеменских женщин немного развлечений, и ни одна из них не упускает возможности отправиться в баню с нареченной своего родственника. Поэтому банные процессии женщин во главе со смущающейся невестой, как правило, бывают довольно многочисленными.

После бани лицо невесты разрисовывается разведенными на воде темными порошками «кухль» и «авс». Этим занимается специально приглашенная женщина «музейина», что значит «украшающая». Она рисует на лбу невесты крест, а на щеках, подбородке и руках — от запястья до локтя — длинные волнистые линии. Каких-то твердых правил в своей работе музейина не придерживается, и многое зависит от ее фантазии, однако сдержанность и скромность в украшении обязательно соблюдаются. Ладони и ступни невесты окрашивают темно-красной хной, причем делают это настолько добросовестно, что молодая женщина несколько месяцев спустя после свадьбы ходит с разукрашенными ладонями и ногами. Эта процедура преследует цель оттенить белизну кожи лица и рук девушки. Кроме того, хна на Востоке всегда считалась средством, способствующим сохранению молодости и здоровья.

В день свадьбы невесту одевают в белое платье. На голове корона, на руки надевают тонкие золотые браслеты, на щиколотки ног — дутые серебряные обручи с утолщенными шестигранными концами, на шею — бусы и другие украшения, при изготовлении которых широко используются добываемые в Йемене и шлифованные в Сане самоцветы. пышность украшений невесты зависит от материального состояния ее родителей. бедняки часто берут напрокат украшения для свадьбы своей дочери у богатых односельчан, люди состоятельные — их покупают.

Приглашенные на свадьбу мужчины и женщины собираются к 11 часам дня в назначенный день в доме жениха, каждый на своей половине. Женщины поют и танцуют, угощаются сладостями, мужчины, как правило, жуют кат, закупленный в больших количествах женихом. Йемен — страна «сухого закона», и в данном случае кат можно рассматривать как спиртные напитки, обычно подаваемые к столу в дни свадебных торжеств в других странах. Собравшиеся гости поздравляют прежде всего отца жениха, затем его самого и всех родственников. Приветствие и добрые пожелания выражаются обычно в стихах, сочиняемых экспромтом.

В полночь к дому девушки прибывает жених вместе со своими родственниками и друзьями и просит отдать ему невесту. Одетая в белое платье и укутанная в покрывало, она выходит на порог дома под причитания женщин. Невеста и жених во главе процессии идут к дому, где им предстоит жить. Их встречают отец жениха и его родственники. У порога дома бьют яйца или брызгают на землю кровью только что зарезанного барана. Это делается для того, чтобы в новой семье было много детей и злые духи не мешали счастью молодых. Отец и ближайшие родственники жениха вводят в дом молодоженов, а все остальные остаются за дверями. Девушка немного приоткрывает свое лицо, и жених проводит рукой по ее волосам. Этот жест означает, что рука жениха считается первой мужской рукой, прикоснувшейся к девушке, ибо она чиста и непорочна. Затем жених берет невесту за правую руку и слегка наступая правой ногой на ее туфлю. Этот жест означает, что муж всегда будет главой семьи. Некоторые девушки из знатных семей, недовольные своим браком с мужчинами менее знатного происхождения, норовят первыми коснуться ногой ботинка мужа и утвердить тем самым свое главенство в семье.

У дверей спальни молодых встречает мать жениха. Она желает им счастья и многочисленного потомства, успокаивает девушку и объясняет, в чем отныне будут состоять ее супружеские обязанности. Она наливает им чашечку кофе, и жених, сделав один глоток, передает чашечку невесте. Затем они переступают порог спальни. Парень пытается снять с девушки закрывающее ее лицо покрывало. Она отказывается и просит жениха сделать ей свадебный подарок. Получив его, девушка позволяет

парню открыть лицо, которое он, возможно, и знал по рассказам женщин своей семьи. Иногда рассказы о красоте невесты бывают преувеличенными, и обманутый жених находит в себе силы воспротивиться воле отца. В этом случае он выскакивает на улицу и сообщает еще не успевшим разойтись родственникам о своем отказе жениться на выбранной для него девушке. Если дело кончается разрывом, отец невесты возвращает шарт, но невеста сохраняет за собой фитташу. Однако такие случаи чрезвычайно редки, ибо они затрагивают честь как семьи жениха, так и семьи невесты и могут стать причиной вражды между этими семьями на протяжении ряда поколений.

Когда девушку готовят к брачной ночи, хной и специальной глиной выводят на теле все волосы, чтобы она была «гладкой, как сливочное масло». Если первая ночь прошла удачно, то жена и муж рисуют на ладонях хной специальные знаки, говорящие о том, что они получили большое удовольствие и остались довольны друг другом.

Свадебные обряды в основном повторяются по всей стране с большей или меньшей точностью, роскошью и организованностью. В городах Йемена, особенно в Таизе и Санае, можно часто видеть шумные свадебные процессии богачей на автомашинах, когда вокруг разбрасываются петарды, стреляют из ружей в воздух. Свадьбы бедняков проходят скромно и незаметно.

Вероучение зейдитов отвергает разрешенную шиитской догматикой форму временного брака, называемого «заввадж аль-мута». Пророк Мухаммед, по мусульманскому преданию, строго осуждал прелюбодеяние и, чтобы избежать его, считал допустимым временные браки, от одного месяца до нескольких лет, для мусульман, находящихся вдали от семейного очага. Непризнание зейдитами подобной формы брака — одно из отличий вероучения этой шиитской секты от общих положений шиитского направления ислама.

В книгах многих авторов, посвященных мусульманскому Востоку, можно нередко встретить описание семейной идиллии в доме мусульманина, имеющего несколько жен. Авторы этих книг знают о положении женщины обычно со слов их мужей, которые, загибая пальцы на руках, сообщают, когда и какие подарки они вручили своим женам, заточенным в четырех стенах гарема. Мой

близкие йеменские знакомые и друзья, государственные служащие и представители деловых кругов, как правило, состояли в браке с несколькими женами. В беседах с ними я пытался узнать, что вынуждает их брать в дом вторую или третью жену, какие мотивы играют основную роль при решении вопроса о многоженстве. Кроме заявлений типа «стол — и тот держится на четырех ножках» есть несколько серьезных моментов, объясняющих многоженство.

Все мои йеменские знакомые, обсуждавшие как-то этот вопрос у меня дома, сошлись на том, что в решении вопроса, взять ли в дом вторую, третью и четвертую жену, решающее слово принадлежит отцу или ближайшим родственникам по мужской линии. Иметь одну жену человеку богатому, да еще и знатному, считается часто неприличным, может вызвать насмешки и в известной степени отразиться на авторитете и положении в обществе. Лично я слышал весьма не лестные отзывы о сыне имама Ахмеда, принце аль-Бадре, от некоторых представителей административной верхушки в связи с тем, что у него было только две жены. Примерно то же самое говорили и о младшем брате имама, принце Абд ар-Рахмане, который был женат на ливанке и отказывался взять в дом вторую жену.

В привилегированной прослойке сейидов женитьба обычно рассматривается как своего рода династический союз. В Йемене, по неофициальным данным, — около 30 тысяч сейидов. Основные семьи, такие, как Мутаваккили, Хамид ад-Дины, Забара, Абу Талебы и Шами, состоят между собой в родственных связях. При королевской канцелярии была даже специальная должность «судьи дворца», который вел летопись генеалогического древа семей сейидов и давал справки при возникающих в судах разборах имущественных споров о дележе имущества.

Первая жена, как правило, категорически возражает против того, чтобы ее муж взял в дом «дурра», т. е. вторую жену, конечно, если ее об этом спрашивают. Правда, редко, но случается обратное, когда первая жена, погибающая от скуки в четырех стенах гарема, просит взять в дом вторую жену. В данном случае она рассматривает дурра не как соперницу, а, скорее, как подругу, с которой можно поболтать и провести время.

Об этом редком случае дружбы нескольких жен старого придворного короля Ахмеда мне рассказала С. Светлова, как я уже говорил, работавшая в Таиззе переводчицей у советских врачей. В середине сентября 1960 года к советскому врачу-гинекологу А. А. Михайловой пожаловала семья — муж, высокий худой старик лет шестидесяти, и его три жены. У него была еще и четвертая, восемнадцатилетняя, жена, но она не пришла со всеми к врачу. Муж ожидал за дверью кабинета, пока женщин осматривал врач. Старик, навещавшийся изредка в Таизз (здесь жила его семья) из Ходейды, где в то время находился имам Ахмед, решил взять с собой в Ходейду любимую (третью) жену. Хотя поездка ее и соблазняла, ей не хотелось расставаться с остальными женщинами. Об этом она и сказала мужу. Тогда он в гневе заявил женам, что выгонит одну из них, возьмет в Ходейде новую жену и у него снова, как разрешается Кораном, будут четыре жены одновременно. Любимая жена упрекнула мужа в черствости и пригрозила, что, если он кого-нибудь прогонит из дому, она уйдет тоже и уведет остальных. По-видимому, эта угроза сыграла свою роль: старик вернулся в Ходейду один.

В одну из поездок на гору Сабр я долго беседовал с местными крестьянами, которых можно отнести к категории сельских богачей. Многие из них были многоженцами, и я попытался выяснить, какими мотивами они руководствовались, беря в дом вторую жену. У меня сложилось впечатление, что основная причина этого — прежде всего стремление заполучить в дом новую работницу. Женщина-крестьянка работает в поле значительно больше мужчины: она возделывает небольшие участки орошаемой земли, выпалывает грядки, собирает урожай овощей и ката; продает их на рынке и делает нужные в городе покупки. Мужчина в горном Йемене, где развито овощеводство и культивируется кат, в лучшем случае вспашет деревянной сохой землю. Если к этому прибавить, что женщина ведет домашнее хозяйство, воспитывает детей, выделывает домотканые ковры, станет понятно, какая работа ложится на ее плечи. Во всяком случае, те крестьяне, с которыми я говорил, утверждали, что четыре женщины всегда смогут прокормить одного мужчину и что чем больше в доме женщин, тем меньше мужчине приходится работать. Именно в этой среде чаще всего

забитая и обремененная непосильным трудом женщина просит своего мужа взять в дом вторую жену, которая снимет с нее часть забот по хозяйству и воспитанию детей.

Йеменцы очень любят детей. Рождение ребенка в семье, особенно мальчика, — большое событие и праздник. На третий день после рождения ребенка мать принимает поздравления от подруг, родных и знакомых. Она выносит младенца. Его глаза уже с первого дня подводят темным порошком сурьмы, в чепчик кладут стебли свежей мяты. В южных районах страны в семье, где родился ребенок, готовят угощение, и прежде всего кофе с добавлением кардамона. Этот кофе называется «кахва ситтуна Фатима», т. е. «кофе госпожи нашей Фатимы». Фатима — единственная дочь пророка Мухаммеда, которая оставила после себя потомков. Она почитается покровительницей женщин. На 40-й день после родов, когда «женщина очистится», она вновь принимает родных и подруг, для которых готовит «кахва ситтуна Хадиджа» — «кофе госпожи нашей Хадиджи». Хадиджа — первая жена пророка Мухаммеда. Этот напиток, хотя и называется «кофе», делается не из кофейных зерен. Для его приготовления берется горсть белого риса, 100 граммов очищенного миндаля, восемь-десять зернышек кардамона. Вся эта смесь толчется в ступе и высыпается в кипящее молоко. Напиток разливают по чашкам, которые ставят на поднос вокруг свечки. Гости берут чашки осторожно, чтобы не погасить свечу, которая должна сгореть дотла.

По распространенному в народе мнению, йеменская женщина, богатая или бедная, предпочтительно должна рожать на овчине. Только тот ребенок будет сильным и крепким, который рожден на овчине. Чтобы роды прошли быстрее, знахарка, принимающая роды, ставит в ногах роженицы свечку, так как «на свет ребенок появляется быстрее». Ранние браки, частые роды, тяжелая домашняя работа, затворническое положение женщины — все это отражается на ее здоровье. Я встречал в Йемене семьи, где 14-летняя женщина уже имела двух детей, а 29-летняя — нянчила своих внуков.

Быть бездетной — большое горе для йеменки и первая причина для развода. В Ходейде у последнего дома поселка, где жили советские специалисты, расположена

могила мусульманского святого, к которой по пятницам совершают паломничество женщины, еще не изведавшие счастья материнства. Мне часто приходилось видеть, как одетые в темное женщины приходили к холодному могильному камню и, прижавшись животом к нему, молили помочь им родить ребенка.

На полпути от Таизза в Ибб, по дороге к мечети Джанад, несколько в стороне от проезжей дороги, я посетил маленькую часовню с куполом и двумя входами. В одном углу — «кибла», показывающая направление на Мекку, в другом — углубление в виде ниши со множеством приклеенных, прибитых и прицепленных лоскутков материи, кожи, волос. Здесь есть пуговицы, сережки и незатейливые украшения. Существует поверье, что бесплодная женщина должна прийти в эту часовню помолиться и оставить здесь что-нибудь. Богатые люди иногда режут у входа в эту мечеть баранов.

У могил мусульманских святых везде, и близ Саны, и близ других городов Йемена, можно видеть скорбные процессии женщин, направляющихся к холодному могильному камню, который дарит им надежду стать матерью.

Нормы мусульманской религии в том виде, в каком они продолжают существовать в Йемене, низводят женщину до положения рабыни сначала отца, а затем мужа. В 8 лет йеменка закрывает лицо плотной тканью, в 13 лет она выходит замуж, а в 30 лет становится бабушкой. Девушка не имеет права голоса при выборе жениха, замужняя женщина может быть изгнана из дому мужем, которому чем-либо не угодила или не родила ему детей. Достаточно мужу при свидетелях три раза сказать слово «талак», как жена считается разведенной и может отправляться к своим родителям. Женщина же может потребовать у мужа развода только в том случае, если он не выполняет по отношению к ней супружеских обязанностей. Поэтому в большинстве своем очень суеверные и религиозные женщины, которым не милы их мужья, прибегают к услугам разных магов и волшебниц, которые могут помочь им выдвинуть против мужа подобное обвинение в шариятском суде. Главным исполнителем воли женщины, желающей получить повод для развода, выступает музейина, которая украшала ее перед свадьбой и разрисовывала кухлем и авсом ее лицо и руки. Самым

распространенным и поэтому «верным» средством для достижения цели среди целого арсенала колдовских приемов считается заколачивание в землю гвоздя, обвитого подобранным на подушке волосом мужа. Эта операция сопровождается различными заклинаниями и причитаниями и, по мнению йеменов, действует безотказно. Мужчина, который не хуже женщины знает о подобных колдовских приемах и пытается как-то спасти свою честь и авторитет, публично заявляет, что он-де «масмур», т. е. «заколочен гвоздем», и на этом основании сам дает развод своей жене. Вдове и разведенной йеменке, если она бедна и не блещет красотой, уготована тяжелая участь. В лучшем случае ее может взять второй раз в жены какой-либо мужчина, но она будет женой, полученной за небольшой выкуп, и поэтому вряд ли может рассчитывать на большое уважение.

Известный арабист, доцент В. Н. Красновский, рассказывал мне в начале декабря 1971 года о своей беседе с молодой арабкой по имени Саида, которая по своему социальному положению может быть отнесена к категории малообеспеченных или неимущих слоев городского населения Адена. По прошествии четырех месяцев после развода она продолжала жить в доме мужа, с тем чтобы он смог убедиться, что она не беременна. Саида объяснила, что уже сейчас она по своему общественному положению — вдова, и по обычаю на бугорках ее ладоней музейна написала соответствующие знаки, похожие на елочки. Поэтому любой интересующийся мужчина, если ему удастся увидеть руки Саиды, сможет определить ее положение. Мужчина может взять вдову в дом до трех дней, чтобы «ее попробовать» как хозяйку и женщину, и, если она понравится ему, женщина рисует на руке другие знаки, свидетельствующие о том, что она уже имеет предложение или просьбу стать женой, но еще не дала своего согласия. Иными словами, она может согласиться войти в дом к другому человеку, но только на один день. Однако история Саиды еще не закончена. Однажды вечером все были всполошены ее громкими криками. Оказывается, дежуривший на часах солдат пытался увлечь ее в укромное место, однако женщина отчаянно сопротивлялась. Когда подоспевшие на помощь люди стали увещевать и стыдить солдата, он ответил, что не совершил ничего предосудительного, поскольку на ее ладонях на-

рисованы знаки, говорящие о том, что она «ищет мужчину». Подобная история трудно укладывается в жесткие рамки мусульманского права и, по-видимому, служит одним из проявлений доисламских религиозных представлений населения Южной Аравии.

С горячим желанием каждой женщины иметь ребенка связано распространенное в Йемене и усиленно поддерживаемое женщинами убеждение о продолжительности беременности. Йеменские женщины, а с ними нередко мужчины из простого народа и даже образованные люди считают, что беременность может продолжаться один, два и даже три года. Когда мужчина обращается с упреками к жене, не родившей ему ребенка, она, как правило, отвечает, что уже беременна и ребенок «живет у нее под сердцем». «Злоупотребления» женщин и манипуляция со сроками беременности стали как-то даже предметом обсуждения Верховного религиозного суда, где разбиралось дело о разводе видного сейида. Сейид настаивал на разводе, ибо жена не родила ему сына, а женщина утверждала, что она вот уже второй год как беременна. Верховный религиозный суд постановил считать срок беременности в три года. Отсюда можно объяснить и повышенный интерес йеменских женщин из состоятельных семей к больнице, куда они ходят большими группами, как на прогулку. Во время визита в больницу они, как правило, посещают рентгенолога и делают снимок. Часто этот непонятный непосвященным снимок — единственный документ, доказывающий беременность и спасающий ее от развода.

Понятия о методах и средствах лечения в Йемене отличаются своеобразием. Йеменец всегда с недоверием смотрит на врача, когда он дает несколько таблеток и утверждает, что это может помочь излечить его недуг. Другое дело уколы «шарангия». Это действенное средство, и на него можно положиться. Кстати, некоторые шарлатаны в корыстных целях используют повышенный интерес йеменцев к уколам, которым они за определенную плату делают инъекцию... дистиллированной воды или в лучшем случае физиологического раствора. Особенно часто к этому прибегают местные фельдшера, которые по-своему расшифровывают рецепт врача.

Тяжелые условия жизни основной массы населения и низкая санитарная культура приводят к тому, что в Йе-

мене случаются вспышки эпидемии оспы, брюшного тифа, распространены венерические болезни, малярия, трахома и простудные заболевания. Однако в целом горная часть Йемена имеет сухой и очень здоровый климат. Повышенная солнечная радиация в течение значительной части года убивает болезнетворные бактерии, а подвижный образ жизни и четкий ее ритм, умеренное питание и пребывание большей части дня на открытом воздухе способствуют продлению жизни йеменца, хотя это в конечном счете зависит от благосостояния и индивидуальных особенностей человека. В Йемене редко встречаются болезни «цивилизованных» стран: гипертоническая болезнь, инфаркт миокарда, атеросклероз, нет полных и тучных людей. Здесь много пожилых, но здоровых людей, и даже в йеменской армии я встречал 70-летних солдат, которые наравне с молодыми несли все тяготы солдатской жизни.

При всем своем мусульманском благочестии йеменцы верят в многочисленные приметы, колдовство, магические заклинания. Почти у каждого йеменца есть бумага с заклинаниями от всех опасностей, которыми чреват жизненный путь человека. Такое заклинание — клочок затасканной в кармане или закрепленной у пояса бумаги с магическими знаками и цифрами — пишется местным магом на базаре за несколько медных монет. Йеменцы убеждены, что местные колдуны общаются с дьяволами, беседуют с ними, могут достать с их помощью любую вещь. При всех своих связях с нечистой силой йеменские колдуны считаются благочестивыми мусульманами и не могут осквернять себя добычей запрещенных Кораном спиртных напитков и свиного мяса. В период моего пребывания наибольшей известностью в Таиззе пользовался местный маг Абд аль-Кадер из города Мравия. Несмотря на свою молодость, он изучил, по словам моих йеменских друзей, книгу черной и белой магии и успел натворить таких чудес, о которых «говорит весь Йемен».

Кроме Абд аль-Кадера в Таиззе «работали» еще два мага. Один из них, Али Халед, был специалистом по превращению медной бейсы, монетки достоинством в полбукши, в золотую гинею. Другой, суданец, чинивший на городском рынке часы, был известен тем, что без шарта женился на самых красивых женщинах. Ходейда из-

вестна своими колдуньями, которые ловко превращают полюбившихся им юношей в ослов, приводят их в дом, а затем вновь возвращают им человеческий облик. Интересно, что самого короля Йемена имама Ахмеда йеменцы считали колдуном. В народе было распространено мнение, что его невозможно убить, так как он насквозь видит человека, который пришел к нему со злым умыслом. Сам имам Ахмед поощрял распространение подобных слухов, а несколько неудачных покушений на его жизнь давали обильную пищу для рассказов о неуязвимости короля.

Я безуспешно пытался через своих друзей познакомиться с каким-нибудь йеменским колдуном, однако они всячески уклонялись от того, чтобы оказать мне такую услугу. По мнению многих из них, для европейцев йеменские колдуны вряд ли что-либо смогут сделать, так как насрани едят свинину и пьют вино.

На ступеньку выше магов и волшебников в Йемене стоят народные лекари. В их арсенале — и горячий песок для остановки кровотечений, и отвар амбры на масле уд, привозимого из Индии, в качестве стимулирующего препарата, и противоядия от укусов змей, и чесночные примочки и плесень для лечения гнойных ран, и опасные и безопасные бритвы, служащие лекарям хирургическими инструментами, и многие другие всевозможные мази и притирания, приготовляемые по их собственным, только им известным рецептам. Молитвы и заклинания тоже считаются действенным средством врачевания физических недугов.

Темно-серое или буровато-серое вещество амбра, или морской воск, иногда находят на берегу, в полосе прибоя. Амбра образуется в кишечнике кашалотов в результате сложных химических превращений роговых клювов кальмаров, которыми эти киты питаются. На йеменском побережье Красного моря амбру находят редко. Ее привозят из портовых городов Южной Аравии и продают за баснословные деньги. В Сане за 10 риалов я купил кусочек амбры величиной с половину спичечного коробка.

Уже давно обнаружено, что небольшое добавление порошка амбры в духи, притирания и ароматические бальзамы делает их необычайно стойкими. Лучшие французские духи отличаются стойкостью, ибо они изго-

тавливаются на натуральной амбре. В Йемене делают специальное снадобье из порошка амбры и масла уд, которое, по мнению йеменцев, помогает от многих болезней. Для приготовления этого снадобья на единицу уд берется треть мелко наструганной бритвой или толченой амбры. Амбру высыпают в бутылочку с маслом, которую крепко закрывают корковой пробкой и погружают на 10—15 минут в кипящую воду. Серая в порошок амбра в масле становится черной и, растворившись в нем, придает ему темный цвет. Полученная тягучая жидкость имеет приятный, стойкий, но не сильный запах, чем-то напоминающий запах увядших лепестков розы. По словам йеменцев, приготовленное снадобье в течение десяти лет сохраняет свои лечебные свойства.

Способность амбры противодействовать укусам змей и скорпиона йеменцы объясняют следующим образом. Яд поднимается по крови к сердцу и парализует его. Принятая сразу после укуса амбра стимулирует работу сердца, блокирует яд в кровеносных сосудах, не давая ему подняться до сердца. Амбра не служит абсолютным противоядием, она лишь задерживает паралич сердца. Йеменцы так и говорят: «Амбра отгоняет яд от сердца». Однако выигранного времени может быть достаточно, чтобы отсосать яд из раны или доставить больного в больницу. Ни в коем случае нельзя мазать амброй укушенное место, ибо действие будет обратное: амбра «погонит яд к сердцу» и ускорит наступление смерти. Безусловно, многие снадобья йеменских лекарей проверены многовековой практикой и, видимо, действительно могут оказать помощь больным и страждущим.

Я провел в Северном Йемене четыре с половиной года. И сейчас, оглядываясь назад и вспоминая свои первые робкие шаги арабиста и востоковеда в этой стране, я не могу не отметить, что знакомство с историей и культурой, нравами и обычаями йеменского народа представляет одну из самых интересных и увлекательных страниц в моей жизни.

ПО БИБЛЕЙСКИМ ХОЛМАМ ИОРДАНИИ

В старом Иерусалиме

Путь на Дамаск лежит через Иорданию. Протрясясь 16 часов в автобусе по Сирийской пустыне, мы прибываем в Мафрак, откуда дорога ведет в столицу Иордании — Амман. Через час езды мы въезжаем в Амман. Белые изящные виллы, двух- и трехэтажные дома легко взбегают к вершинам семи холмов, на которых лежит город, оставляя в котловине старые кварталы, затянутые сизой пеленой выхлопных газов автомашин и автобусов.

Плодородная земля и обильные источники сделали обитаемыми холмы, на которых раскинулся сегодняшний Амман еще задолго до новой эры. К 1200 году до новой эры Раббат Амман, как назывался город в глубокой древности, стал столицей государства аммонитов, которые воевали против библейских царей Израиля. В Библии говорится о том, как царь Саул победил Нахаша, а царь Давид разбил армию другого аммонитского царя, Хануна, захватил и разорил его столицу. В III веке до новой эры на зеленых холмах Аммана появились войска египетского владыки Птолемея II Филадельфа. Он перестроил город и нарек его своим именем — Филадельфия. Следующими завоевателями были цари из династии Селевкидов, которые в 218 году до новой эры захватили этот «город вод», как его именует Библия. Здесь были и римляне, о пребывании которых свидетельствуют многочисленные памятники. Это античный театр, раскинувшийся против современного отеля «Филадельфия», акрополь и другие сооружения. В византийский период Амман стал резиденцией христианского епископа Петры и Филадельфии. После захвата его арабами он достиг своего расцвета, однако постепенно, после падения

Омейядского халифата, жизнь здесь захирела. Только в конце XIX века на месте древней Филадельфии возникла деревушка, населенная преимущественно черкесскими эмигрантами.

Покружив по крутым улицам Аммана, мы выезжаем через богатые предместья в открытое поле с буро-красной землей и быстро мчимся по отличной дороге к Иерусалиму. Через несколько минут проезжаем черкесскую деревню Наур с одноэтажными, примыкающими друг к другу домиками с плоскими крышами. Черкесы, переселенные сюда турецким правительством в качестве военных колонистов после русско-турецкой войны 1877—1878 годов, представляют в сегодняшней Иордании влиятельное национальное меньшинство. Они составляют королевскую охрану, некоторые из них занимают высокие государственные посты. После Наура опускаемся ниже уровня моря. Об этом сообщает большой голубой щит, прикрепленный у обочины. Около него толпится группа туристов: кому же не хочется сфотографироваться «на уровне моря». Дорога продолжает опускаться все ниже и наконец вырывается на просторы иорданской долины. На противоположной стороне видны горы, за которыми лежит Иерусалим — цель нашего путешествия.

Река Иордан, давшая имя целой стране, — своего рода географический феномен. «Иордан» в переводе с иврита означает «падающая». Река вполне соответствует своему названию. Она рождается из трех источников на горе Хермон, лежащей у юго-восточной границы Ливана на высоте 323 метров над уровнем моря. Затем водный поток выходит на равнину и впадает в небольшое озеро Хула. Вытекая из него, Иордан на протяжении 16 километров падает на 270 метров, после чего впадает в Тивериадское озеро. После Тивериадского озера река представляет собой все еще капризный поток, который постепенно успокаивается и на равнине Иерихона превращается в спокойную, тихую речку около 15 метров шириной, прокладываяющую себе путь среди песчаных берегов, заросших ивами, туей и тамариском. Иордан впадает в Мертвое море двумя заболоченными рукавами, проделав, таким образом, путь с 323 метров над уровнем моря до 392 метров ниже уровня мирового океана, где лежит это почти лишенное живой жизни соленое озеро.

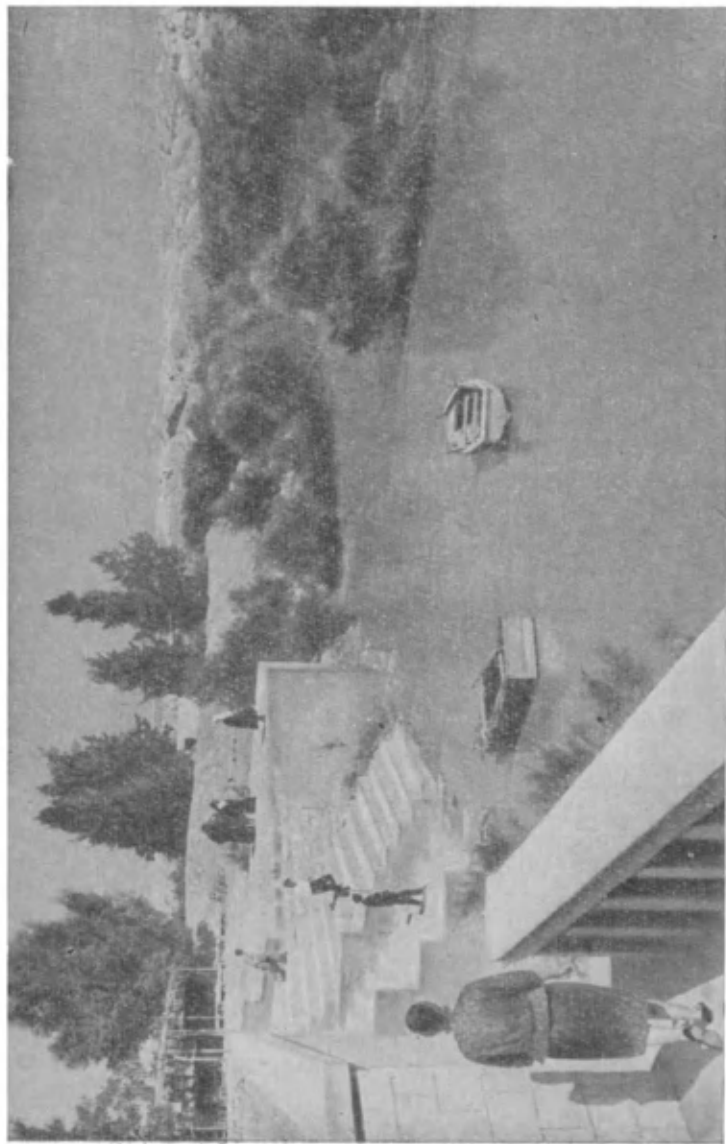
Сразу за мостом короля Хусейна через Иордан — по-

ворот направо, к месту, где по библейской легенде был крещен Христос. Здесь стоит небольшая часовня, от которой к воде ведут ступеньки каменной лестницы. Я вижу, как две молодые монахини, зачерпнув ладонью светло-коричневую воду Иордана, омывают лицо и истово крестятся. У небольшой площади, где останавливают машины туристы и паломники, идет бойкая торговля темными флаконами с иорданской «святой» водой.

Мы возвращаемся на главную дорогу. Еще несколько километров — и мы покидаем «морское дно» и, петляя среди голых холмов, сплошь покрытых паутиной козьих троп, поднимаемся к Иерусалиму. С дороги открывается вид на Оливковую гору, один из холмов, окружающих Иерусалим. Холм венчает высокая звонница расположенного здесь монастыря, называемая «русской свечой». Этот монастырь и приютившаяся у подножия горы церковь Марии Магдалины с восемью маковками построена русскими, которых зовут здесь по-старому, москвитями.

Старый Иерусалим окружен стеной с семью воротами. Мы останавливаемся у Дамасских ворот, или Баб аль-Амуд, как называют их арабы. Эти огромные ворота построены в XVI веке на месте прохода в стене, сделанного еще царем Иродом. И сейчас в основании стены у ворот можно увидеть гигантские тесаные блоки, оставшиеся от древнего сооружения. Мы входим в город и медленно движемся вперед по наклонной, мощенной каменными плитами мостовой. Улица разделяется надвое, мы берем влево и выходим на шумный восточный рынок. Эта улица, вливающаяся в рынок, была проложена римлянами и пересекала город по прямой с севера на юг. И сейчас в стенах лавок старого рынка можно заметить мраморные римские колонны, которые украшали главную улицу Aelia Capitolina, как в то время называли Иерусалим. На открытых витринах овощных лавок выставлены огромные, величиной с ручной мяч баклажаны, белоснежная цветная капуста, карминно-красные, блестящие на солнце помидоры, оранжевые горки мандаринов. В мясных лавках алеют бараньи и говяжьи туши. Пряный запах восточного базара щекочет ноздри и возбуждает аппетит.

В этой живописной толпе восточного города привычно снуют священнослужители всех культов и монахи. В темно-коричневых шерстяных рясах, перепоясанные

Река Иордан. Место, где, по преданию, был крещен Христос

толстой витой веревкой, в сандалиях на босу ногу идут два францисканца. В длинной черной рясе с библией в руке стоит негр, внимательно читая прикрепленную к стене таблицу, сообщающую, что Христос, несший крест на Голгофу, упал здесь в третий раз. Во главе с кардиналом в черной рясе, подпоясанной малиновым кушаком, и в малиновой шапочке, прикрывающей тонзуру, шествует группа католиков. Мимо правоверных мусульман в красных фесках пробегают стайки девочек из монастырских школ. Они одеты в одинаковые, скромных тонов форменные платья и часто крестятся. Их опекают строгие, с блеклыми лицами монахини в крылатых белых чепцах.

Мы заворачиваем за угол и оказываемся на небольшой продолговатой площади, ведущей к храму Гроба господня, самой большой святыне христианского мира.

В 1844 году прусский консул в Иерусалиме Шульц сообщил о том, что на расстоянии 150 метров от храма он обнаружил остатки стен и колонн. Это открытие заинтересовало археологов, и в ходе последующих раскопок были найдены два монумента, относящихся к двум разным эпохам: две колонны с капителями и арка, а также стены, соединенные под прямым углом. В 1883 году раскопки в этом месте продолжали представители русской православной церкви, возглавлявшиеся архимандритом Антонином. Место раскопок впоследствии было приобретено миссией русской православной церкви и сейчас известно под названием Александрийского подворья и Русских раскопок.

Интерес русской православной церкви к Палестине был не случайным. Падение Константинополя ознаменовало собой падение восточной церкви. Император Константин был убит в схватке с турками, а его брат Фома Палеолог, ставший законным наследником престола захваченного Царьграда, в 1463 году вступил в Рим в качестве почетного беженца. С ним были двое сыновей, Андрей и Мануил, и дочь Зоя, которая в 1472 году при содействии римских пап Павла II и Сикста IV стала под именем Софьи женой великого московского князя Ивана. С тех пор все московские князья и русские цари считали себя законными наследниками «второго Рима» и на этом основании выступали как защитники христиан православной церкви в границах бывшей Османской империи.

Со времени падения Константинополя русская православная церковь официально поддерживала и распространяла идею о провиденциальной роли русского народа в освобождении христиан от турецкого султана. Царь Алексей Михайлович часто принимал греческих купцов, прибывавших с товарами в Москву, просил их передать «священникам и монахам молиться за меня... ибо по их молитвам мой меч сможет рассечь выю моих врагов». Об этом свидетельствовал архидиакон Павел Алеппский, находившийся неоднократно при дворе московского царя. Об усилении связи греческой церкви с Москвой свидетельствует и тот факт, что в суде над старообрядцами принимали участие греческие патриархи Макарий Антиохийский и Паисий Александрийский и их помощники, газский митрополит Паисий Лигарид и афонский архимандрит Дионисий. Под их влиянием собор 1667 года признал старообрядцев еретиками.

Восточные патриархи, попавшие в тяжелое положение в связи с турецким нашествием, всячески настраивали русское православие на роль защитников вселенской церкви и ее святынь в Османской империи. Иерусалимский патриарх Паисий в 1649 году высказывал царю пожелание, чтобы «бог сподобил его наследовать престол царя Константина». С момента падения Константинопольской церковники на Руси учили, что подлинной и единственной хранительницей древнего благочестия стала русская церковь, что Москва — это «третий Рим», наследник Рима первого и Рима второго — Царьграда, которого бог покарал за отступление от правой веры и отдал во власть неверных, и что «четвертому Риму не бывать». Естественно, что в этом направлении развивалась и военная экспансия царской России, которая претендовала, открыто или тайно в зависимости от политической ситуации, на проливы Босфор и Дарданеллы. Поэтому укрепление позиций в Палестине было одной из сторон политической деятельности царской России, которая добилась в этом больших успехов.

Во время посещения Иерусалима я захожу в Александрийское подворье, и встречающие меня монахини любезно показывают тяжелые стены, сложенные из белых известняковых, положенных прямо на скалу глыб, арку и колонны — одну с коринфским капителем, другую — явно византийского происхождения. Белые глыбы похожи

на те, из которых сложены ворота Ирода, и, по-видимому, были построены в одно и то же время.

Историк Иосиф Флавий сообщал, что в 70-м году, когда римские войска осадили Иерусалим, на этом месте находилась одна из башен крепостной стены, защищаемая иудеями во главе с Кастором. Осажденные мужественно оборонялись, но, видя, что падение укрепления неизбежно, они подожгли башню и по подземному ходу отступили в крепость Антония. Топографические исследования, почерневшие и треснутые от огня плиты и глубокая яма, ведущая, вероятно, в подземелье, свидетельствуют о том, что именно на месте Русских раскопок находилась упоминаемая Иосифом Флавием башня.

Сопровождающая меня монахиня с особым благоговением показывает закрытый стеклом кусок скалы. Это бывший порог городских ворот, который по библейской легенде переступил приговоренный к распятию Христос, несший на себе крест на холм, называемый Голгофа и напоминающий по форме человеческий череп. По обычаю древних народов смертную казнь всегда приводили в исполнение за пределами городской черты, поэтому можно предположить, что именно через эти ворота, ближе всего находившиеся к Голгофе, и выводили приговоренных к казни преступников.

Первые христиане считали это место святым и были крайне возмущены действиями римского императора Адриана, который, чтобы помешать им исполнять религиозные обряды, приказал в 135 году соорудить здесь языческий храм, посвященный Юпитеру и Венере. 190 лет спустя после римского богохульства византийский император Константин, причисленный церковниками к лику святых, привел Голгофу в первоначальный вид и построил грандиозную базилику, которая была разрушена персидским царем Хосровом, взявшим Иерусалим в 614 году. Халиф Хакем в 1009 году приказал разрушить все христианские сооружения, и лишь после его смерти христиане вновь смогли построить небольшие часовни на месте почитаемых ими святынь.

Я продолжаю осматривать Александрийское подворье. Под стеклянными витринами маленького музея сложены тяжелые вериги, которые несли на себе во время «хождения в святую землю» русские паломники, а также вышитые бисером и жемчугом украшения, изготовленные

монахинями. В подворье — картинная галерея, где есть полотна И. И. Репина и других великих русских художников.

В XII веке Иерусалим стал столицей христианского государства крестоносцев. В 1130—1149 годах они построили помпезное здание, которое, несмотря на последующие многочисленные переделки, реставрации и пристройки, составляет основу сегодняшнего храма Гроба господня. Особенно большие работы провели в 1808 году представители греческой ортодоксальной церкви, восстановившие сожженную при пожаре центральную ротонду. Однако представители католической церкви выступают против бесконтрольного хозяйничанья греков и по сей день, не стесняясь в выражениях, упрекают их за строительное рвение в период реставрации, когда были уничтожены ценные памятники крестоносцев, такие, как надгробия могил короля Годфруа и его наследников, колонны центрального зала храма и т. д. Надо сказать, что греки не остаются в долгу и при очередной перепалке напоминают католикам, как крестоносцы, поощряемые первосвященниками Рима, направляясь через Константинополь в Палестину, украли, а затем распилили и продали по кускам крест, на котором, по преданию, был распят Христос; украли и заложили в Венеции терновый венец Христа; продали во Франции обломок копья, которым был пронзен «пречистый бок Христа»; украли золотые и серебряные сосуды из храма Софии в Константинополе, расплавили их и начеканили монет; ободрали свинцовые крыши дворцов и домов богатых горожан Константинополя.

Через низкую дверь мы попадаем на внутренний, молчаливый камнем дворик храма и оказываемся перед центральным входом. Фасад здания, сохранившийся еще со времен крестоносцев, снабжен двумя смежными входами, один из которых замурован мусульманами после падения Иерусалима. По совету бывалых людей берем гида и вступаем под своды храма Гроба господня. Сразу у входа, направо вверх, ведет крутая лестница. Она приводит к месту, где, по преданию, стоял крест, на котором был распят Христос. Это место разделено массивными колоннами на два нефа — один принадлежит греко-православной, другой — римско-католической церкви. В православном притворе блещут в свете свечей золотые и по-

золоченные лампы и оклады икон, у стены стоит небольшой алтарь, под которым на полу помещен серебряный диск с отверстием в середине, обозначающим место, куда был вставлен крест. В католическом притворе лишь мозаичные картины на библейские темы, выполненные в современном стиле, украшают стены и потолок. В одной из колонн, разделяющих два нефа, — украшенное драгоценными камнями скульптурное изображение дeвы Марии. По словам нашего гида, на его изготовление, стоившее около трех миллионов долларов, собирали пожертвования во многих странах мира.

По скользким, стесанным тысячами туристов ступенькам спускаемся в темный и мрачный храм, пропитанный запахами ладана и благовоний. Слева от лестницы — небольшая часовня, где видны простые, сложенные из камня надгробия. Это могилы христианских королей Иерусалима — Годфруа и Бодуэна I, разрушенные греками в 1810 году. Закопченные тысячами свечей своды храма поддерживают леса, поставленные англичанами еще в 1927 году, после небольшого землетрясения. Кованые металлические скобы стягивают давшие трещины колонны. В общем храм производит впечатление недостроенного здания.

В центре зала стоит небольшая часовня с куполом в московском стиле. Здесь находится мраморная плита, под которой, по преданию, был похоронен Христос. Вход в часовню, построенную греками в 1810 году, сделан очень низким, и поэтому любой человек, входящий в полутемное, освещенное только восковыми свечами помещение, невольно склоняется в низком поклоне. В крохотном зале, где едва могут поместиться пять человек, собственно, и находится мраморное, вделанное в стену надгробие. Часовня формально принадлежит трем церквям — греческой, армянской и католической. В дни христианских праздников торжественные богослужения нередко заканчиваются безобразными драками между представителями этих церквей, считающих друг друга еретиками.

— Ключи от храма хранятся у мусульман, — говорит наш гид. — Если передать ключи христианам, то в первый же день может произойти кровавая междоусобица.

Простившись с гидом, мы решили несколько минут побродить по храму одни. Весь храм разделен на небольшие притворы, которыми владеют различные церкви и

монашеские ордена. Осматривая храм, мы убедились в верности слов нашего гида, что самые богатые притворы принадлежат католикам, которые содержат их в образцовом порядке.

Против часовни с надгробием расположен большой зал, принадлежащий православной церкви. На богато отделанном золотом алтаре видны четыре большие иконы московских мастеров с изумительными, необычайно тонкой работы серебряными окладами. Во время нашего посещения храма в этом помещении стоял в окружении целого леса свечей стеклянный саркофаг с мощами Саввы Благоверного, который похитили крестоносцы из православного монастыря. По указанию римского папы мощи были возвращены прежним владельцам. Присланный из Венеции саркофаг встречала процессия с хоругвями, во главе которой шли все патриархи Иерусалима и высшие священнослужители представленных здесь церквей. Мы видим, как толпящиеся здесь христиане по очереди подходят к саркофагу и лобызают его. Это же проделал папа Павел VI, посетивший Иерусалим в январе 1964 года, что было расценено как один из шагов на пути примирения враждующих уже не одно столетие православной и католической церквей.

Мы покидаем храм Гроба господня и, миновав рынок, спускаемся по ступенчатой улице, которая когда-то была склоном холма. По этому склону, согласно библейской легенде, Христос нес кипарисовый крест на Голгофу. Проходим мимо так называемой «шестой станции», где построена часовня св. Вероники. Эта блудница, обтеревшая пот со лба Христа, который остановился здесь в шестой раз, была причислена церковью к лику святых. Ниже часовни находится несколько мастерских ремесленников, изготавливающих на токарных станках подсвечники и вазочки из сучковатого оливкового дерева. После обработки на станке и полировки изделия из этого дерева приобретают теплый золотистый оттенок, который хорошо гармонирует с темно-коричневыми замысловатыми рисунками, остающимися на месте сточенных сучков. Проходим «третью станцию» — место, где Христос упал первый раз. Здесь на средства польских солдат-католиков из старой турецкой бани сооружена небольшая часовня.

Мы продолжаем путь по «Дороге страданий», как на-

зывают церковники путь, который прошел Христос с крестом на плечах, и выходим к месту, где был расположен римский преторий. Здесь, в северо-восточном углу дворца Ирода, находилась укрепленная башня Антония, где, по библейской легенде, римский прокуратор Понтий Пилат творил суд над Христом. Перед башней была выложена мощенная камнем площадь, на иврите — Габбата, где произошел знаменитый диалог между Пилатом и собравшимися иудеями, потребовавшими распятия Христа. Меня поражает, насколько точно это место описано М. Булгаковым в его романе «Мастер и Маргарита». Сегодня здесь стоит часовня, содержащаяся францисканцами. Она украшена современными мозаичными картинами, рассказывающими о суде над Христом.

По улице царя Давида мы выходим к Баб аль-Сильсия и через эти ворота вступаем на гору Мориа. Здесь находится скала, где Авраам чуть не принес в жертву своего сына Исаака. Сейчас над скалой построена мечеть Кубба ас-Сахра, которая вместе с мечетью Аль-Акса считается второй после Мекки святыней мусульман. Ветры истории пронесли над Мориа, здесь лилась человеческая кровь, и сегодня сотни тысяч паломников со всех концов света едут в Иерусалим, чтобы посетить эту гору.

На нашей планете немало мест, которым поклоняются приверженцы той или иной религии, но гора Мориа, пожалуй, единственное место, почитаемое и христианами, и иудеями, и мусульманами. Здесь Авраам собирался принести в жертву Исаака, по этому холму шел Иисус Христос на Голгофу, отсюда пророк Мухаммед вознесся на небеса.

По библейской легенде, на третий месяц после исхода из Египта израильтяне расположились лагерем в пустыне напротив горы Синай и Моисей, поднявшись на вершину, получил от бога Яхве ряд законов и литургических предписаний, которые должны были стать основой общественной жизни израильтян. После очередного подъема на Синай и встречи с Яхве Моисей принес от бога две каменные скрижали с десятью заповедями и указание, как построить ковчег завета и скинию — святилище, где надлежало его хранить. Был организован сбор золота, серебра и драгоценных камней, и вскоре два мастера, Веселиил и Агалиав, приступили к работе. Они построили ковчег из твердого дерева пустынной акации ситтим,

обложили его золотом изнутри и снаружи и на крыше поставили двух херувимов, которые закрывали своими крыльями табличку, на которой было написано, что в ковчеге поселился Яхве. Моисей положил в ковчег скрижали с десятью заповедями и тексты других синайских законов и водрузил ковчег в скинию, сделанную в виде шатра, затянутого красными и синими бараными шкурами. Только верховный жрец имел право входить в святилище, где стоял отлитый из золота жертвенник с дымящимися благовониями, стол с освященным хлебом и бронзовый светильник с семью лампадами, а за занавесом стоял, сверкая золотом, ковчег завета с сокровищами израильского культа.

В те далекие времена, когда царь Давид сделал Иерусалим своей столицей, город занимал лишь один склон горы Мориа. Плоская вершина горы стояла открытая всем ветрам и часто использовалась для молотьбы. И там, где когда-то стоял скромный жертвенник Авраама, царь Давид возвел новый, где приносились в жертву агнята и бараны и курился благовонный ладан.

Поскольку израильтяне были кочевниками, они не имели постоянного храма и обходились для богослужения разборной скинией. Сын Давида, Соломон, приказал построить храм на горе Мориа. Это строительство началось в 969 году до новой эры, и через семь с половиной лет постройка храма была завершена. Соломон не стремился к тому, чтобы перещеголять массивные постройки египтян. Он избрал форму ковчег завета в качестве архитектурного образца для здания, и храм превратился скорее в святилище, нежели в место, где могли молиться множество людей. Два ангела, вырезанных из оливкового дерева, стояли, охраняя и осеняя крылами ковчег завета. Золотые цепи отделяли место, где находился ковчег, от остального помещения. Все здесь было золотым: и канделябры, и ритуальные одежды, и даже цветы на алтаре. Пол застилали шкуры. Каменные стены были отделаны панелями из ливанского кедра, полученного от тирского царя Хирама, с резьбой в виде пальмовых листьев и двойных цветов. Ступени также были украшены богатой резьбой. За ними темнел портик, по бокам которого возвышались двойные колонны из меди. Перед портиком находился бронзовый чан длиной 15 метров, который лежал на спинах быков.

Чума спасла Иерусалим от жестоких орд ассирийского царя Синахериба, стоявшего у стен города в 701 году до новой эры. Но в 586 году до новой эры вавилонский царь Навуходоносор II взял Иерусалим и разрушил храм Соломона. Оставшихся в живых жителей отправили в плен на далекие берега Евфрата. Полвека пребывали они в рабстве, а гора Мориа была покрыта обломками храма. Когда персы разгромили Вавилон, Саргон не только вернул евреев на родину, но в порыве благородства повелел возвести в Иерусалиме храм, и притом за счет царской казны. Было приказано вернуть даже золотую и серебряную утварь и другие ценности, взятые Навуходоносором. Но среди возвращенных предметов ковчега завета не оказалось.

Иерусалимом правили греческие владыки между 332 и 167 годами до новой эры. Селевкидский царь Антиох IV (175—163 годы до новой эры) возмутил спокойствие иудеев тем, что водрузил скульптуру бога Зевса в храме на горе Мориа. Народ запротестовал, а Антиох выразил свое удивление; он не понял, почему, по каким причинам отказывается Иерусалим от греческой культуры. Начались восстания, а затем последовала 25-летняя война, известная в истории под названием Маккавейской, в результате которой иудеи обрели политическую независимость, но лишь на незначительное время.

Когда в 63 году до новой эры Помпей въехал в Иерусалим, любопытство привело его на гору Мориа. Тактично, ничего не трогая, он выразил восхищение золотыми украшениями, которые окружали алтарь. А затем без всякой задней мысли он отодвинул занавес, закрывающий алтарь, и вошел в святая святых. Его новые подданные, стоявшие поодаль, были ошеломлены: ведь только верховному священнослужителю было дозволено входить в алтарь, да и то лишь один раз в году, поэтому они никогда не смогли простить гордому римлянину его святотатства. Пока бушевали страсти, Помпей вышел из-за занавеса и сообщил, что не видел ни одного изображения бога.

На пороге новой эры Иерусалим находился в руках царя Ирода. Он был мудрым государственным деятелем и принес мир и процветание Палестине, неизвестные со времен Соломона. Он много строил, и одним из первых сооружений был храм на горе Мориа. Прежде чем воз-

вести новый храм, Ирод должен был разрушить старый, пятисотлетней давности храм на горе, не вызвав возмущения народа. И Ирод нашел выход. Он собрал тысячу священнослужителей, обученных строительному делу. Они по камню разобрали древний храм и в то же время начали строить новый с помощью 18 тысяч обыкновенных каменщиков. Возведение этого храма началось в 20 году до новой эры и длилось 83 года. Сам Ирод так и не увидел этого сооружения.

Иосиф Флавий писал, что при восходе солнца «храм блистал так ярко, отражая солнечные лучи, что никто не мог смотреть на него. А на расстоянии он выглядел как сверкающая снегами горная вершина. Террасы храма состояли из огромных гранитных глыб до 20 метров длиной. Эти каменные блоки были тщательно подогнаны друг к другу, с тем чтобы их не сдвинуло даже землетрясение. Местами они возвышались сплошной стеной до 150 метров высотой. Стена заканчивалась двойной колоннадой, которая окружала храмовый Двор для неевреев. От него поднимались лестницы к девяти золотым и серебряным воротам. Они вели во Двор для женщин и Двор для израильтян, куда был разрешен вход только верующим в Яхве. Над ними располагался Двор для священников, а еще выше поднимался 50-метровый фасад собственно храма. Все сооружения были украшены белым мрамором и золотом, и даже шипы на крыше храма, сделанные специально, чтобы голуби не садились на нее, были золотыми.

Построенный Иродом храм просуществовал всего шесть лет. Римский император Тит в 70 году вошел в Иерусалим и приказал разрушить город и святыни иудеев. Вплоть до арабских завоеваний робкие попытки иудеев и христиан возвести какое-либо сооружение над священной скалой заканчивались неудачей.

После взятия Иерусалима в 638 году халифом Омаром скалу несколько дней очищали от мусора, скопившегося здесь за много веков. В 685—691 годах по приказу халифа Абд аль-Малика ибн Мирвана была построена мечеть Кубба ас-Сахра. Однако во многих работах западных исследователей она называется «мечетью Омара», не имевшего к настоящему зданию никакого отношения. Некоторые арабские историки, правда, указывают, что после взятия Иерусалима Омар встретился с греческим патри-

архом Софроном, который сопровождал его в прогулке по горе Мориа и указал на запущенную и требующую опеки священную скалу. Омар действительно построил в Иерусалиме мечеть, но ученые расходятся во мнении относительно ее расположения: была ли она сооружена над скалой или в другом районе города.

История сохранила имена строителей мечети. Это Раджа ибн Хайят Джуд аль-Кинди и Язид ибн Салам. После завершения работ от суммы, выделенной на строительство, осталось 100 тысяч динаров, и халиф, удовлетворенный работой, приказал передать их строителям. Однако они отказались, заявив, что готовы добавить к этой сумме драгоценности своих жен, с тем чтобы еще роскошнее украсить мечеть. Из оставшегося золота были сделаны пластины, которыми покрыли двери и купол. Чтобы золото дольше сохранилось, изготовили также войлочные кошмы, которыми покрывали купол во время ненастья. Омейядские и аббасидские халифы отпускали деньги на уход и ремонт здания мечети.

Кубба ас-Сахра с первых дней своего существования стала одним из важных мест почитания мусульманского мира. Каждый четверг и пятницу служители мололи шафран, смешивали его с мускусом, амброй и розовой водой и оставляли до понедельника, чтобы этим составом протереть скалу длиной 17 метров, шириной 13 и высотой 3 метра. Затем они приглашали мусульман, и те, как и в Мекке перед Каабой, несколько раз с молитвами обходили священную скалу.

Крестоносцы захватили Иерусалим в 1099 году и почти 100 лет контролировали положение в Палестине. Они превратили мечеть в церковь, назвав ее *Templum Domini*, водрузили на скале алтарь, у входа — фигуру Христа, а над куполом — золотой крест. Крестоносцы окружили скалу железной решеткой от своих не в меру ретивых единоверцев, варварски откалывавших куски камня для продажи пилигримам. В эпоху крестоносцев Кубба ас-Сахра стала образцом для строительства храмовых сооружений в средневековой Европе. Так, по ее образцу в Париже была построена церковь Сен-Шапель.

Султан Салах ад-Дин Айюб захватил Иерусалим в 1187 году и вернул мечети ее первоначальный вид: золотая статуя Христа была выброшена и христианский крест на куполе был заменен полумесяцем. Султаны ди-

насти Айюбидов считали своим долгом и большой честью для себя в дни посещения Иерусалима собственноручно подметать священную скалу и окроплять ее розовой водой. Турецкие султаны, во владения которых входил Иерусалим, также прилагали усилия для украшения мечети. Правительства арабских стран до оккупации Иерусалима Израилем выделяли специальные суммы на обновление позолоты купола и ремонт редких по красоте и изяществу витражей, мозаики и росписи, над которыми трудились искуснейшие мастера Индии, Египта, Марокко, Турции и других стран мусульманского Востока.

...Медленно поднимаемся по белым ступенькам, оканчивающимся изящной аркадой (по-арабски «мавазин»), на искусственное возвышение в центре площади и, разувшись у входа в мечеть, входим под ее своды, освещенные многоцветными витражами. Пол застлан толстым зеленым ковром, закрывающим персидские ковры, подаренные султаном Абдул Хамидом II. В центре зала, гигантского восьмигранника, на котором покоится золоченый купол, — жертвенная скала, окруженная деревянной и металлической решетками. В Кубба ас-Сахра — четыре двери, ориентированные по четырем частям света. Однако каждая из них имеет свое собственное название. Так, северный вход в мечеть называется Баб аль-Джанна, т. е. Врата рая, восточный — Баб Дауд, т. е. Врата Давида. Южный вход считается центральным и находится против мечети Аль-Акса.

Толстые ковры скрадывают шаги посетителей, которые, как и мы, любят изразцовыми украшениями стен и купола, великолепными витражами. Преобладают голубые и зеленые цвета. Наибольший интерес представляют выложенные из фаянса изречения из Корана. Для этого использованы лучшие образцы турецкого, персидского и арабского фаянса. Подходим к священной скале, простой белой известняковой глыбе с отверстием в середине и узким проходом, который ведет в небольшой грот, устланный персидскими коврами. Сколько человеческой крови пролито из-за этого холодного камня! И как нужно было верить в своего бога, чтобы идти на смерть ради обладания этой скалой!

Мы покидаем Кубба ас-Сахра и, спустившись мимо фонтана для омовений, оказываемся перед мечетью Аль-Акса, воздвигнутой тем же халифом Абд аль-Маликом

ибн Мирваном в 693 году. Сняв обувь, входим в зал, где могут одновременно находиться пять тысяч молящихся. Мечеть Аль-Акса построена в виде прямоугольника, все пропорции которого четко соблюдены. По сравнению с Кубба ас-Сахра она выдержана в более строгом, пуританском стиле. Длинный зал поделен двумя рядами колонн на три равные части. Из окон-витражей, помещенных высоко под потолком, льется мягкий свет. Толстые ковры устилают пол огромной, длиной 80 метров мечети. То тут то там сидят небольшие группы мусульман, читающих Коран. Их обувь вложена в длинные деревянные ящики, помещенные вдоль стен и у колонн. У михраба невысокий, одетый в европейский костюм и феску араб зорко следит за тем, чтобы кто-либо из чрезмерно любопытных туристов не приближался слишком близко к молящимся.

Очень красивы художественные надписи, исполненные на голубой глазури, и светильники из ноздреватого хевронского стекла. Самое интересное сооружение в мечети — старинная кафедра, откуда священнослужитель произносит перед собравшимися проповедь. Она сделана в Алеппо (Халебе) и в 1187 году победителем крестоносцев Салах ад-Дином доставлена в Иерусалим. Эта кафедра, состоящая из тысячи деревянных звездочек, набранных и никрустированных из ливанского кедра, считается самым тонким и великолепным по мастерству исполнения предметом этого назначения на Ближнем Востоке.

В северном крыле мечети есть место, откуда, по мусульманскому преданию, пророк Мухаммед вознесся на небо. Оно называется Макам Азиз и особенно почитается мусульманами. Кстати говоря, «аль-акса» в переводе с арабского означает «наисвященнейшая». В отличие от Кубба ас-Сахра мечеть Аль-Акса имеет огромное подвальное помещение длиной около 100 и шириной около 70 метров. Это помещение древней постройки известно под названием Соломоновых конюшен. Во времена крестоносцев в мечети Аль-Акса была расположена штаб-квартира ордена тамплиеров, и подземные помещения действительно использовались ими в качестве конюшен.

В стене, окружающей Аль-Харам аш-Шариф — место, где находятся мечеть Аль-Акса и Кубба ас-Сахра, десять

ворот, название которых любопытно и связано с богатой историей Иерусалима. В восточную часть стены встроены трое закрытых в настоящее время ворот, одни из которых называются Баб аль-Бурак, или Баб аль-Джанаиз, т. е. Ворота похоронной процессии. Около этих ворот и находится почитаемая иудеями Стена плача, именуемая арабами тоже Баб аль-Бурак. Аль-Бурак — имя мифического животного, на котором, по мусульманскому преданию, пророк Мухаммед совершил путешествие из Мекки в Иерусалим.

Мы стоим перед Стеной плача, куда в субботу приходят иудеи и, встав лицом к ней, шепчут свои молитвы. Она достигает длины 156 и высоты 56 метров и сложена из огромных каменных монолитов. Среди камней встречаются глыбы высотой 5 и более метров. Иудеи считают, что это часть стены крепости царя Ирода, построенной в начале новой эры. Мне трудно судить об этом, но по характеру кладки и размерам каменных монолитов Стена плача напоминает остатки сооружений Ирода у Дамасских ворот и в Александрийском подворье.

Другим архитектурным памятником, восходящим к первым векам новой эры, относятся так называемые Золотые врата в восточной стене Аль-Харам аш-Шариф, бывшие также и стеной старого города со стороны долины Кедрона. Эти ворота, заложенные турками по военным соображениям, состоят из двух частей — Баб ар-Рахма (Врата милосердия) и Баб аль-Тауба (Врата раскаяния). Кто и когда назвал их «золотыми», неизвестно. Христиане верят, что именно через эти ворота Христос вошел в Иерусалим в вербное воскресенье. Крестоносцы держали их на замке и открывали лишь дважды в году — в вербное воскресенье и в праздник креста. Через эти ворота в 639 году вошли в город византийцы, победившие персов. Может быть, поэтому они и были названы «золотыми».

Наша прогулка по «святым местам» заканчивается вечером, и, полные впечатлений, мы идем к Дамасским воротам. Многочисленные церкви с золочеными куполами, тяжелые крепостные стены в свете заходящего октябрьского солнца бросают длинные тени. С шумом закрываются лавки, торгующие сувенирами, где на любой вкус и за любую цену можно найти четки, поделки из оливкового дерева, сотканые из грубой овечьей шерсти

сумки и т. п. «Святой город» собирается отдыхать. И я вижу простых иерусалимцев — торговцев, ремесленников, грузчиков, толкающих перед собой скрипучую тележку, усталых женщин — всех тех, кто одевает, кормит и поиг большой город, тех, кого часто и не разглядит суетливый турист, для которого набившая оскомину легенда о Христе заслоняет живого человека. Собственно, и я был таким туристом, который с утра до вечера бродит по отполированной до блеска тысячами ног мостовой узких иерусалимских улиц, «вооруженный» картой города и путеводителем. И бывает очень грустно и обидно, что ритм современной жизни, столь характерный для европейцев, и их стремление спешить всегда и везде не дают возможности узнать поближе жизнь простого народа Иерусалима.

Уже покидая город, у Дамасских ворот мы видим, как бородатый араб, щедро брызнув жидким клеем на камни древней стены, развернул скатанный в трубку лист бумаги и ловко прилепил его на стену. Это реклама советского фильма «Судьба человека». В Иордании в 1965 году началась первая в ее истории неделя советских кинофильмов. У рекламы останавливались люди, живо обменивались репликами, и мне показалось, что судьба простого советского человека, его страдания и борьба за человеческое счастье их интересовали больше, чем набившая оскомину проповедь о райских куцах и небесных херувимах.

В разбойничьем гнезде набатеев

В Иордании очень трудно рассчитать свое время. На территории этой небольшой страны столько памятников старины, что порой бывает очень трудно отдать предпочтение тому или иному историческому месту. Иерихон, Вифлеем, Хеврон, Кумранские пещеры, Мертвое море, Джераш, Петра... Куда поехать? Что посмотреть? После долгого раздумья и советов друзей, проживших в Иордании несколько лет, мы решаем посмотреть Иерихон, где недавно обнаружено древнее городское сооружение, Вифлеем, где, по библейскому преданию, родился Христос, и Петру — столицу набатеев на юге Иордании.

Иерихон — самое теплое место в стране и единственное в иорданской долине, где растут финиковые пальмы.

По библейскому преданию, израильтяне с Иерихона начали завоевание Ханаана и после смерти Моисея под руководством Иисуса Навина впервые, перейдя Иордан, встали у стен этого города. Сидевшие на крепостных стенах горожане надменно взирали на новых завоевателей. Израильтяне применили необычайную военную хитрость. Они молчаливой толпой шесть раз обошли городские стены, а в седьмой — дружно крикнули и затрубили в рожки, да так громко, что грозные стены рухнули. Отсюда и пошло выражение «труба иерихонская». Так говорят о человеке, который слишком громко разговаривает.

Систематические раскопки в Иерихоне проводились с 1907 года, когда здесь стала работать германо-австрийская миссия под руководством Селлина и Ватзингера. В 1913 году были опубликованы первые результаты раскопок, в том числе и описание городской стены, относящейся к середине бронзового века. Вопрос, та ли это стена, которая упала перед израильтянами, больше всего занимал археологов. И это вполне закономерно, поскольку священнослужители всегда ждали подтверждения фактов, упоминаемых в Библии. Данные раскопок показали, что крепость Иерихона пала примерно за 100 лет до появления израильтян и поэтому Иисус Навин не мог применить столь необычный метод разрушения именно этой крепости. Большинство археологов сходятся также и на том, что Иерихон был уничтожен не израильтянами, а каким-то другим древнееврейским племенем или же был разрушен во время землетрясения и пожара. Во всяком случае, пожар в крепости был, и его следы можно обнаружить, бродя по глубокой узкой траншее, в которую мы спустились.

Важные открытия во время раскопок Иерихона сделала англичанка Кэтлин Кэньон, работавшая здесь в 1952—1958 годах. Она обнаружила, что Иерихон в VII и VI тысячелетиях до новой эры уже был хорошо укрепленным городом, раскинувшимся на площади около пяти гектаров и окруженным каменными трехметровой толщины стенами с угловыми башнями. Кэньон определила две фазы докерамического периода неолита, каждая из которых продолжалась несколько веков. Первая фаза характеризуется выделкой необожженного выгнутого кирпича в форме «свиной спины», вторая — гипсовыми полами в постройках. Радиоуглеродным методом было

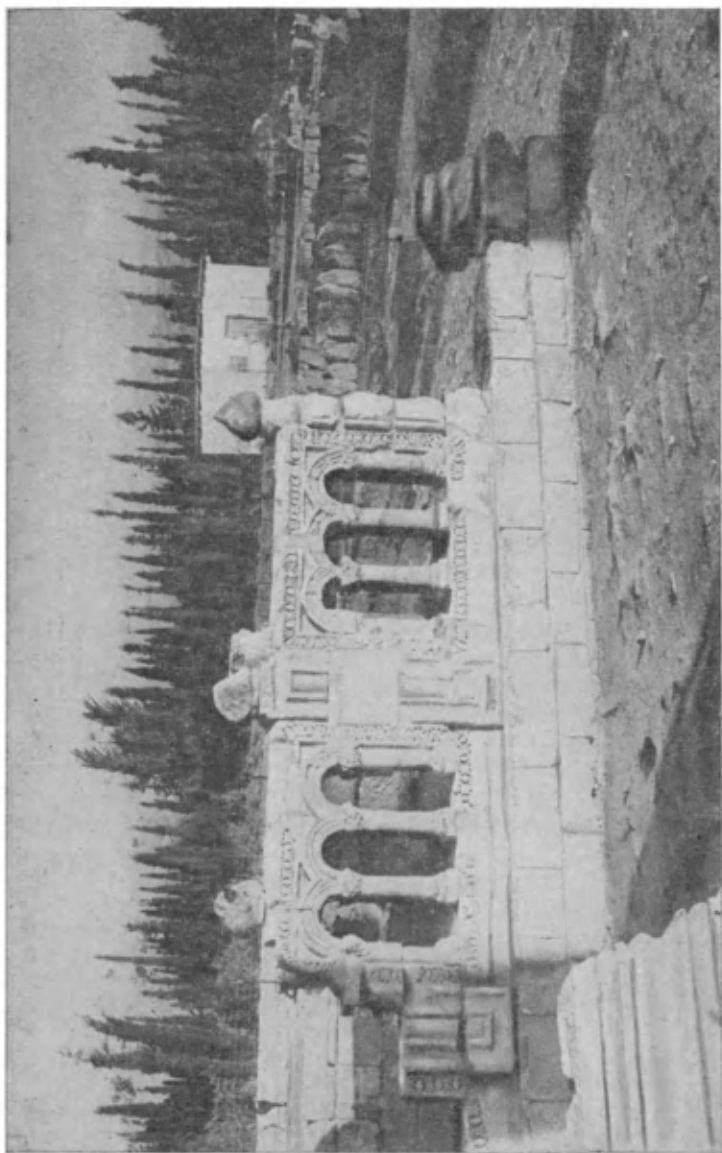
установлено время создания этих построек — VI тысячелетие до новой эры.

Иерихон считается первым поселением «городского» типа в период докерамического неолита, открытым в Старом свете. Здесь найдены самые первые ставшие известными постоянные постройки, захоронения и святилища, стены которых сложены из земли или маленьких округлых сырых кирпичей. Обычная гробница состояла из портика, поддерживаемого шестью деревянными столбами, широкой комнаты — передней и большей по размеру внутренней комнаты. Внутри и вокруг постройки нет обычных домашних предметов, но зато здесь множество фигурок животных, а также лепных изображений фаллоса. Культ мужского начала был широко распространен в древней Палестине, и его изображения встречаются и в других местах.

Самым удивительным открытием в Иерихоне были лепные фигурки людей. Они сделаны из местной известняковой глины, называемой «хавара», с каркасом из тростника. Эти статуэтки — нормальных пропорций, но плоские анфас. Подобные фигурки в то время не были известны археологам.

И вот теперь мы на развалинах Иерихона. Входим на территорию раскопок и сразу оказываемся перед мощной, сложенной из больших каменных глыб башней, ушедшей глубоко в землю. К башне вниз ведет металлическая лестница. Через узкое отверстие в основании башни протискиваемся внутрь, проходим башню насквозь и попадаем в траншею. Мы находимся на глубине около 30 метров, и отсюда на голубом фоне неба видны фигуры людей, которые, как и мы, несколько минут назад побывали здесь. Выбираемся тем же путем на холм, под которым погребены остальные развалины Иерихона. С путеводителями в руках бродят паломники. Некоторые группы возглавляют монахи или монахини, которые при упоминании имени Христа истово крестятся и шепчут молитвы.

В северо-западном направлении виднеется гора, где, по преданию, Христос, искушаемый дьяволом, провел свой 40-дневный пост. К ней можно добраться пешком, минуя холм Телль-эс-Султан и находящийся рядом источник. Этот источник называют фонтаном Елисея. По библейской легенде, жители Иерихона как-то посетовали проро-

Иерихон. Развалины дворца Хишма

ку Елисею на плохую воду в источнике, и он превратил соленую воду в сладкую, которую до сих пор пьют жители города. Светлой полосой в середине горы, как пояс, выделяется греческий монастырь. Монахи живут прямо в пещерах, выдолбленных в горе. У одной из них, где, по преданию, находился Христос, стоит небольшая часовня.

С горы открывается великолепный вид на окрестности Иерихона. На севере — два источника Айн Дук и Айн Нуайме, которые круглый год орошают своими водами красивую долину, покрытую нежной зеленью. На юге — развалины Иерихона и в пяти километрах от них — Харбет аль-Мафджар, остатки дворца омейядского халифа Хишама ибн Абд аль-Малика, жившего в первой половине VIII века. Арабы называют это место Дворцом Хишама и настоятельно рекомендуют его посетить. На юго-востоке раскинулась серая гладь Мертвого моря и холмы Кумрана.

Спускаемся с горы и вскоре оказываемся на обширной площадке дворца Хишама с аккуратно разложенными остатками колонн и капителей, ванн и бассейнов. В центре — большая розетка в форме пятиконечной звезды, украшенная арабесками. Основная достопримечательность дворца Хишама — богатейшая мозаика, которая не имеет себе равных по разнообразию мотивов. Очень интересна известная мозаичная картина «Древо жизни». У ствола ветвистого дерева, усыпанного золотистыми плодами, изображены три газели и лев, напавший на одно из животных. Халиф Хишам известен в арабской истории как большой любитель охоты, женщин и других мирских радостей. Поэтому изображение древа жизни в его дворце вряд ли можно считать случайным. Эта картина заботливо закрыта деревянным навесом.

Мы провели в Иерихоне почти целый день.

Заходящее солнце золотит белый камень развалин дворца Хишама. Туристы и паломники, которых здесь гораздо меньше, чем на иерусалимских холмах, тянутся к автомашинам и автобусам. Рабочий день для них заканчивается, однако у нас еще впереди поездка к Кумранским пещерам и к Мертвому морю.

Мертвое море — это редкий феномен природы. Оно расположено на 392 метра ниже уровня Средиземного моря и имеет воды с таким содержанием солей брома, хлора и магния, что существование живых организмов в

нем практически невозможно. С водами реки Иордан в Мертвое море попадает мелкая рыбешка, которая засаливается и выбрасывается на топкий заболоченный берег горькими волнами, не принимающими ничего живого. Именно поэтому раскинувшееся на 75 километров в длину и 16 километров в ширину море, похожее в лучах заходящего солнца на тусклое серебряное зеркало, называется Мертвым. Арабы называют его сегодня Бахр Лот, т. е. Море Лота, а древние греки и иудеи называли его Асфальтовым озером и Соленым морем.

Не доезжая нескольких километров до гостиницы на берегу Мертвого моря, мы сворачиваем на юго-запад и мимо полицейского участка держим путь к Кумрану, холмам, обрывающимся к берегу Мертвого моря. Это место стало известно с 1947 года и с тех пор не сходит со страниц научных журналов, освещающих историю древней Палестины.

Весной 1947 года два маленьких пастушонка перегоняли своих коз через эти голые холмы. Вездесущие козы, карабкавшиеся на высокие кручи за каждой травинкой, нередко терялись среди холмов, и ребята старательно обыскивали все места, где могло затеряться животное. Неожиданно мальчики обнаружили узкую щель, ведущую в скалистый грот. Ребята протиснулись в щель и увидели в пещере (длина ее — восемь метров, ширина — два метра) закрытые крышками глиняные кувшины. В них они обнаружили свитки из кожи. Ребята оказались сообразительными: они жили в Палестине и кому как не им было знать, что любой предмет, найденный среди развалин старых городов, покупается за большие деньги торговцами и учеными.

Первые рукописи из Кумранских пещер прошли тернистый путь, прежде чем попали на стол исследователя. Американский археолог Олбрайт, считающийся крупнейшим специалистом по библейской истории Палестины, которому Американская школа восточных исследований в Иерусалиме направила фотографии этих рукописей в марте 1948 года, лаконично ответил: «Сердечно поздравляю с самой крупной находкой рукописей нашего времени». Это была сенсация.

В результате кропотливых исследований рукописей, найденных в первой и других пещерах Мертвого моря, большинство ученых пришли к выводу, что они были на-

писаны представителями древнееврейской секты ессеев, которые в результате ожесточенной борьбы с представителями других замкнутых каст, саддукеев и фарисеев, ушли в пустынные пещеры Кумрана и основали там товарищество, в основу организации которого были положены принципы, ставшие впоследствии образцом для раннехристианских общин. Учение ессеев, изложенное в найденных рукописях, которые относятся к периоду между II веком до новой эры и II веком новой эры, настолько напоминало христианское учение, что богословы объявили рукописные свитки Мертвого моря и их расшифровку самым большим вызовом христианству со времени появления дарвинизма.

И вот теперь мы стоим перед высоким обрывистым холмом с темными провалами пещер. Оказавшийся рядом араб предлагает свои услуги в качестве гида, но наступающая ночь вынуждает нас отказаться от рискованного путешествия по обрывистым скалам и вернуться в Амман.

В 16 километрах от Иерусалима находится город Вифлеем, где, по библейскому преданию, родился Иисус Христос.

После Иерусалима Вифлеем считается вторым по значению «библейским» городом, и сюда тянутся паломники, чтобы взглянуть на место, где родились библейский царь Давид и Иисус Христос.

От Дамасских ворот в Иерусалиме в сторону Вифлеема регулярно курсируют автобусы и легковые такси. Мы минуем на автомашине городской ров Иерусалима и карьеры, именуемые Царскими пещерами. Здесь добывался белый камень для строительства зданий во времена Соломона и Ирода. Здесь же расположено здание Палестинского музея, где собрана богатая коллекция древних памятников. Музей построен, содержится и проводит археологические исследования и раскопки на средства фонда Рокфеллера. Автомашина пересекает долину Кедрона, проезжает небольшую базилику у Гефсиманского сада и взбегает на холм Рас-эль-Амуд, который отделяет южный склон Оливковой горы от горы Батен-эль-Хава, или горы Скандала. Это уже пригород Иерусалима.

Отсюда открывается панорама древнего города. Отчетливо видны Золотые врата, ярко сверкает купол

Кубба ас-Сахра, на голубом фоне выделяются звонницы христианских церквей и католических соборов.

Еще несколько километров по хорошей дороге — и мы останавливаемся у указателя с надписью «Вифлеем — 14 километров». Дорога сбегает в зеленую долину, покрытую рощами оливковых деревьев. Плодородная земля здесь красноватого цвета. Скрюченные и сучковатые стволы оливок с блекло-зеленой матовой кроной представляют собой незабываемое зрелище. Это место называется «Вади-эн-Нар» («Долина огня»). Со склона холма открывается вид на пустыню Иудеи до долины Иерихона, на Мертвое море, горы Моаба.

Дорога вьется среди холмов, покрытых оливковыми деревьями, и небольших деревень. Дома сложены из белого известняка. Камень добывается прямо на месте, и склоны многих холмов испещрены гротами. Почти на каждом километре встречаются памятники, связанные с библейскими персонажами или лицами средневековой истории.

Вот грот в Вади-эль-Джоуз (Ореховой долине), где волхвы провели ночь. Через три километра — укрепленный монастырь Мар Илия, построенный в V и реконструированный в XII веке. Еще полтора километра — и мы минуем крепость ордена госпитальеров Тантур, далее, через километр, — могилу Рахили, любимой жены Иакова. И так вплоть до Вифлеема.

На центральной площади Вифлеема расположено здание храма Рождества, заложенного еще в первые века христианства. По библейской легенде, Мария и Иосиф, не найдя приюта на постоялом дворе, расположились в пещере, которая служила стойлом для скота. Сейчас эта пещера, где родился Христос, и другая, где, по преданию, находились ясли, куда Иисус был положен, считаются величайшей христианской святыней. Священнослужители не могут простить императору Адриану того, что он осквернил пещеру Рождества, водрузив в ней статую «любownika Венеры» Адониса, и с большим воодушевлением рассказывают о византийской императрице Елене, построившей в 326 году упомянутый храм, закрывший две пещеры. В 531 году император Юстиниан расширил эту церковь. Персы, захватившие Палестину, сохранили церковь только потому, что на картинах волхвы были изображены в персидских одеждах, и персы соч-

ли неудобным осквернять это помещение. Храм Рождества всегда находился в ведении восточной православной церкви, и историки с удовлетворением отмечают, что в отличие от тех раздоров и ссор, которые происходили между православными и католиками по поводу службы в храме Гроба господня, в период крестовых походов приверженцы и той и другой религии совместными усилиями сохраняли храм. После ухода крестоносцев в храме до 1757 года служили католики, а затем творение византийских императоров вновь перешло в руки православной церкви.

Через очень низкую дверь, вырубленную в толстой стене, мы попадаем в небольшое помещение, откуда широкая дверь ведет в просторную церковь, разделенную четырьмя рядами колонн из красного мрамора на пять нефов. На колоннах и стенах заметны остатки росписи на библейские темы, сделанной еще византийцами. В глубине — большой алтарь, богато позолоченный. Слева — большая икона девы Марии со стеклянным ящичком для подношений. Чего здесь только нет: бумажные купюры всех стран мира, монеты, пуговицы, ракушки, брошки и даже небольшая детская машинка. Видимо, ящичек давно не опорожнялся, и его содержимое по замыслу монахов, вероятно, должно свидетельствовать о щедрости верующих.

В 1932—1934 годах, когда ремонтировалась передняя часть храма, английские археологи заложили несколько глубоких траншей с целью определить, что находится под каменными плитами пола. Им удалось открыть мозаичный пол времен императора Константина. Однако последующие работы были запрещены. Возможности серьезного археологического исследования памятников поклонения христиан, таких, как храм Гроба господня на Голгофе или храм Рождества в Вифлееме, фактически сведены к минимуму.

Монахи, отличающиеся необыкновенной любезностью и предупредительностью, охотно и подробно отвечают на все наши вопросы, связанные с библейскими сказаниями. Но как только пытаешься провести исторические параллели, сравнить факты библейских сказаний с изложением исторических данных в трудах древних авторов, очевидцев суровых событий времен иудеев или первых лет христианства, сразу наталкиваешься на ненависть и през-

ренше: в Иерусалиме и Вифлееме паломнику и туристу не пристало сомневаться в правдоподобности библейских сказаний.

Эти мысли приходят в голову, когда по одной из узких лестниц спускаешься в пещеру, где, по преданию, дева Мария родила божественного младенца. В этой пещере площадью 36 квадратных метров, с потолком из каменной кладки, в неглубокой нише устроен небольшой алтарь, перед которым горят десятки свечей. В мраморный пол вделана серебряная звезда с надписью по-латыни: *Hic de Virgine Maria Jesus Christus natus est* (Здесь девою Марией рожден Иисус Христос). В четырех шагах от звезды можно спуститься в грот, где находились ясли. Пол пещеры покрыт коврами, которые скрадывают звук шагов сотен посетителей, спускающихся в это подземелье. Многие из них, пристроившись прямо здесь в уголке, пишут письма своим близким на открытках с изображением серебряной звезды и латинской надписью.

Миф о пещерах, где якобы родился и провел первые дни Иисус Христос, полон противоречий. Никто из раннехристианских историков не оставил описания этого места. В «Послании Павла», самом древнем письменном источнике до Евангелия, ничего не говорится о рождении Христа в Вифлееме, а Иероним, посетивший Вифлеем до строительства храма, с возмущением писал, что в этой пещере язычники оплакивали Адониса. Апокрифические тексты Евангелия утверждают, что Христос родился на обратном пути из Вифлеема, в пещере Рахили, которую мы миновали на пути из Иерусалима в Вифлеем. Однако все это не влияет на существо веры. И сотни паломников и туристов, притулившись на мраморном полу в пещере Рождества, пишут открытки своим родным и близким, а покинув храм, взирают на большую звезду, которая вспыхивает над входом ярким неоновым светом в христианский праздник Рождества.

Самый значительный небиблейский памятник — развалины Петры, древней Селы, столицы царства набатеев, — расположен в области, лежащей южнее Мертвого моря (в Иордании). Греческие географы Страбон, Диодор и Птолемей называли эту область Nabateae или Аравией Петрейской и описывали ее столицу как расположенную на высокой, труднодоступной скале. Отсюда и ее название — Петра, т. е. Скала.

Интерес к этому району проявляли многие ученые и путешественники. Петру в начале XIX века искал немецкий ученый Зестцен, которому покровительствовало правительство России. Он почти дошел до нее, однако не смог найти туда проводника. Заслуга открытия Петры в 1812 году принадлежит известному востоковеду Бурхардту. За время своих путешествий по Аравии он сделал немало открытий, но посещение Петры было самым сенсационным.

Петра лежит в долине Вади-Муса и на возвышающейся над городом горе Хор, где, по библейской легенде, был похоронен единокровный брат Моисея первосвященник Аарон, умерший по дороге из Египта в Ханаан. Бурхардт, выдав себя за шейха Ибрагима, уговорил одного бедуина сопровождать его на гору Хор, где он якобы намерен был принести жертву. Проводник повел Бурхардта узким ущельем между красными скалами, и ученому открылся монументальный фасад вырубленного в скале храма. Мнимый шейх Ибрагим не смог удержаться и, оказавшись в Петре, направился не к горе Хор, а к развалинам. Возмущенный проводник чуть было не разгадал мистификацию; в этом случае отважного путешественника ждала бы смерть: бедуины полагали, что во всех развалинах древних городов запрятаны несметные сокровища и неверные пытаются всеми способами их заполучить.

Более удачным был визит художника Леона де Лаборда, который в 1830 году не только пробрался в Петру, но и сделал семьдесят гравюр, давших представление о руинах города и дикой местности, его окружающей.

Уже со времени открытия Бурхардта Петра стала привлекать к себе внимание не только ученых, но и многочисленных туристов. До первой мировой войны труднодоступность столицы набатеев ограничивала число туристов, но и одновременно увеличивала ее романтическую и таинственность. Появление автомашины и строительство дорог несравненно облегчило посещение Петры. Сейчас добраться до нее не составляет труда.

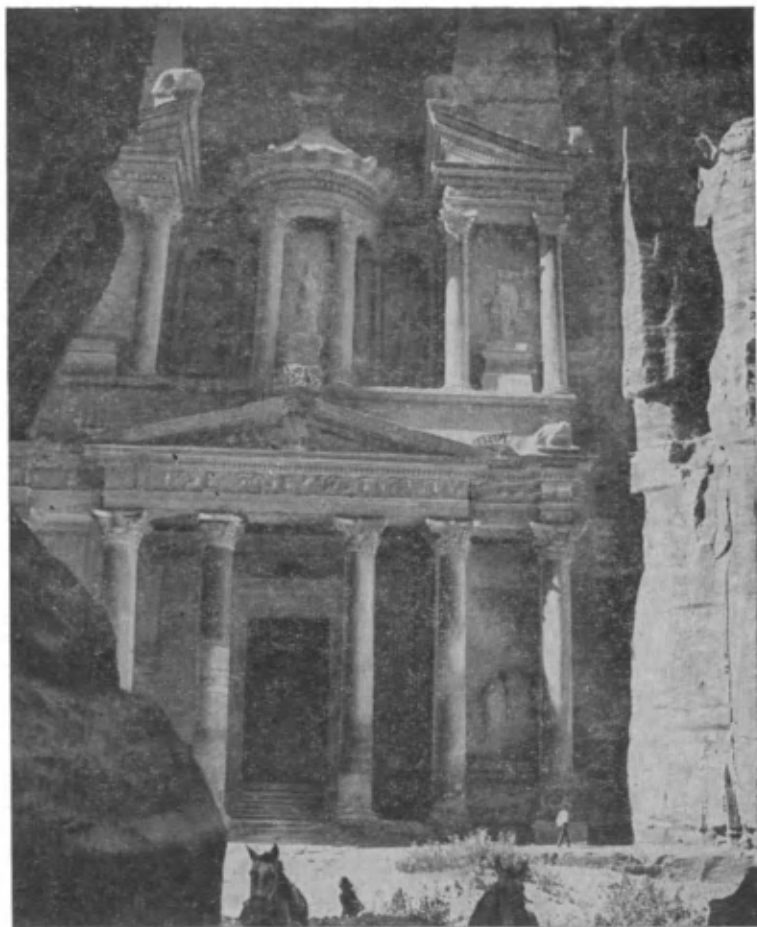
Через шесть часов быстрой езды по новой пустынной дороге, связывающей Амман с портом Акаба, мы останавливаемся у небольшой гостиницы, вырубленной прямо в известняковой скале. Вокруг гостиницы — несколько палаток. Здесь можно взять напрокат лошадь, и про-

водник, держа ее под уздцы, довезет вас до прохода, ведущего в столицу Эдома. Но мы отказываемся от этих услуг и, как многие туристы, желающие почувствовать себя первооткрывателями, пускаемся в путь пешком по сухому руслу, заваленному валунами.

Час быстрой ходьбы — и мы у высоких красных скал, меж которых зияет естественный проход, называемый Сик. Путь в город лежит через этот проход. Длина прохода составляет два километра, а его ширина иногда достигает более десяти метров. Зрелище действительно незабываемое: стены коридора вздымаются красноватыми и коричневатými скалами высотой до 100 метров, вверху синее небо, а под ногами шуршит крупный гравий и песок. Теперь становится ясно, почему римлянам не удавалось в течение нескольких лет взять Петру: его жители, блокировав единственный узкий проход, ведущий в город-крепость, могли небольшими силами сдерживать целую армию. То здесь то там в мягком песчанике, из которого сложены скалы, видны барельефные изображения, имитирующие архитектурные украшения. Как будто это сделано специально, чтобы подготовить путника, идущего в Петру, к восприятию необыкновенных, высеченных в скалах сооружений, о которых пишут все туристические справочники по Иордании и книги по древней истории Палестины. Красные скалы лишены растительности, но кое-где наверху, где дожди и ветры разрушили мягкую породу, поднимается то куст, то небольшое дерево, резко контрастирующие с голыми скалами и подчеркивающие суровость этих мест. Пахнет сыростью и плесенью.

Два километра Сика преодолеть не так уж легко. На исходе часа пути, уже приближаясь к выходу из ущелья, мы застываем в изумлении: в отверстие в темном коридоре, метрах в двухстах от его конца, отчетливо видно освещенное солнцем розовое здание с колоннами и изящным фронтоном. Еще несколько минут терпения — и перед нами Ад-Дейр, монументальный храм Петры. Храм вырублен в скале настолько искусно, что, до тех пор пока не подойдешь совсем близко к нему, об этом трудно догадаться.

Исследования известных историков архитектуры подтвердили вывод археологов о том, что главные памятники Петры, вырубленные в скалах, посвящены памяти

Развалины Петры. Ад-Дейр

умерших. Петра уникальна тем, что целый ряд находящихся в городе холмов представляет собой святилища под открытым небом. Так, памятник, открытый в 1934 году, — это дорога процессий в виде замкнутого круга, в центре которого — священная скала. Святилище расположено на самом высоком месте в Петре, и найденные здесь монеты и посуда свидетельствуют о том,

что оно действовало уже в I веке до новой эры и вплоть до христианства. Набатеи были арабским племенем, и их религиозные представления, по-видимому, имели много общего с религиозным культом других арабских племен.

Мы спешим к холму Робинсона. Это самое старое святилище, выдержанное в строгих традициях древних израильтян, было открыто английским исследователем Робинсоном в 1900 году на самой высокой части гребня горы Зибб Атуф, к югу от хорошо сохранившегося римского театра. Крутая, выбитая в скале лестница ведет на прямоугольную площадку, углубленную на полметра в скальную породу. Прямо на запад от углубления находятся высеченные из целой скалы круглый и квадратный алтари. В Библии упоминаются подобные молитвенные холмы, где летом праздновались религиозные торжества. Близ храма Робинсона возвышаются высеченные из целой скалы два обелиска. По предположению ученых, они были построены лишь в «классический», набатейский период, с I века до новой эры до 106 года новой эры, т. е. до захвата Петры римлянами. Последующие века характеризуются «строительной горячкой». Так, непосредственно за временем правления набатейского царя Ареты IV Филодема, который сыграл большую роль в украшении столицы, были воздвигнуты два мавзолея — Аль-Казна и Каф Фараун. Оба памятника, как и другие этого же периода, характеризуются простыми формами эллинских фронтонов и карнизов.

Тот факт, что в начале новой эры Петра достигла своего расцвета, совсем не случаен. Именно в это время в Петру, ставшую богатым купеческим городом, приходили сотни караванов с аравийскими благовониями, зерном из Египта, тонкими винами и шелками Сирии. Сокращение караванной торговли в связи с развитием торгового мореплавания в Красном море сделало ненужным город, лежащий на перекрестке караванных путей. Еще несколько лет Петра служила приютом разбойникам, а затем и эти «рыцари удачи» оставили свое гнездо, так как в окрестностях просто некого было грабить. Это случилось в III веке.

Приближается вечер, собираются тучи, и оставаться в Петре довольно рискованно. Проводники назидательно рассказывают, как год тому назад здесь утонула группа

французских туристов, которых гроза застала в Сике. Хлынувшие во время дождя потоки воды с отвесных скал быстро превратили узкий коридор в бурный поток с отвесными берегами. Мы заканчиваем осмотр Петры и присаживаемся на минутку отдохнуть на каменные скамьи римского театра. Подходят арабские ребята и предлагают купить пробирки, наполненные слоями разноцветного песка. Это самый распространенный сувенир Петры. Еще несколько минут отдыха, и, возглавляемые проводником, мыдвигаемся в обратный путь.

По дороге в Амман, в пяти километрах от Петры, шофер притормаживает автомашину у источника. Считается, что именно в этом месте Моисей, выведивший евреев из египетского плена, ударил посохом о землю и исторг из нее источник сладкой воды. В свете автомобильных фар я припадаю на колени и пригоршнями пью воду из источника, который спас от мучительной смерти целый народ.

20 ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ ПО МЕСОПОТАМИИ

В святых городах шиитов

В арабских странах каноны ислама продолжают играть важную роль в повседневной жизни человека независимо от того, в какой стране он живет и насколько передовые взгляды и убеждения исповедуют руководители той или иной страны. Многие обычаи ислама настолько глубоко вошли в быт народа, что давно уже потеряли свою религиозную оболочку, стали народной традицией. «Нет, я не верующий, — говорил мне мой иракский знакомый. — Но я соблюдаю пост, так как не хочу нарушать установившейся традиции». И это в значительной степени верно.

Ислам — самая молодая религия, и нам известны основные моменты биографии ее основателя Мухаммеда, родившегося 29 августа 570 года в племени курейш в Мекке. Первым биографом Мухаммеда был Ибн Исхак (умер в Багдаде в 767 году), вторым и наиболее известным — Ибн Хишам (умер в 833 году в Египте). Первое описание жизни пророка, составленное немусульманским автором, относится к началу IX века. Этим автором был византийский летописец Теофанос, озаглавивший свое сочинение «Некоторые факты о главаре сарацинов и псевдопророке».

Ирак, лежащий на северных окраинах Аравии, где зародился ислам, сыграл важную роль в его развитии. Признанный в качестве официальной религии страны ислам и сейчас играет огромную роль в общественной и личной жизни иракцев. В соответствии с его канонами заключаются и расторгаются браки, решаются имущественные споры и вопросы наследства, строятся общественные отношения. В мусульманский праздник жертвоприношения, называемый Большим праздником, государст-

венные учреждения не работают четыре дня. Во время праздника разговения нерабочими считаются три дня. Отмечается день рождения пророка Мухаммеда. Большинство иракцев соблюдают мусульманский пост рамадан, когда не разрешается есть, пить и курить до тех пор, пока «черную нитку не отличишь от белой». В сумерки каждого дня поста пушка, стоящая у моста Аль-Джумхурия, извещает жителей Багдада о том, что можно начинать трапезу, и рано утром еще раз стреляет, предупреждая о начале поста. В рамадан государственные учреждения работают на час меньше. В последнее время даже национальные праздники стали сопровождаться выполнением мусульманских обрядов. Иракская печать сообщала, что 14 июля 1965 года по случаю седьмой годовщины революции и образования Иракской республики был совершен мусульманский обряд обрезания 500 мальчикам.

Основатель ислама Мухаммед умер в 632 году, и мусульмане провозгласили главой общины и преемником пророка его ближайшего соратника Абу Бекра. Он принял титул «халиф», что означает «преемник». Через два года Абу Бекр умер, и халифом стал другой сподвижник Мухаммеда — Омар, правивший более десяти лет. За это время ему удалось подчинить своей власти все племена Аравийского полуострова и начать активные завоевания за его пределами.

Вторжение мусульман в Южный Ирак, который они называли Севадом, началось еще до смерти Мухаммеда. Мусульманский полководец Халид ибн аль-Валид привлек на свою сторону многочисленное и могущественное племя бекр ибн ваил, населявшее центральные и северо-западные области Аравии, и захватил город Хиру, столицу арабского княжества лахмидов, основанного в Южном Ираке выходцами из Йемена. Однако скоро мусульманам пришлось испытать горечь поражения от объединенных сил лахмидов и иранцев. Боевые слоны иранцев повергли в ужас и обратили в бегство бедуинов, не встречавших животных крупнее верблюдов. Но после 635 года мусульманам вновь стала сопутствовать удача. Они одержали верх над персами в районе Бувейбе на Евфрате и взяли Хиру. В конце мая 637 года арабы разбили при Кадисии большое иранское войско и через три дня вступили в Ктесифон. Шахиншах Иездигерд III бежал с

придворными в Иран. Продвигаясь на север, арабы в 641 году взяли Мосул и нанесли иранцам поражение под Хамаданом. Через три года они вышли через Белуджистан к границам Индии, в 649 году взяли Истахр. В 651 году под городом Мервом был убит Иездигерд III и завоевание арабами Сасанидской империи, в состав которой входил Ирак, было завершено.

В 644 году Омар пал от руки иранского раба, и халифом стал Осман. Он был одним из ранних последователей Мухаммеда, в чем немалую роль сыграла его любовь к одной из дочерей пророка. Осман женился на ней, а после ее смерти взял в жены ее сестру, за что получил почетное прозвище «дважды зять посланника Аллаха». Как и его предшественники, он использовал свое положение для личного обогащения, обогащения своих родственников и приближенных. Огромные ценности, стекавшиеся в Аравию из завоеванных стран, разворовывались верхушкой мусульманской общины, вызывая глухой ропот и недовольство ее рядовых членов. Некоторые из них, ссылаясь на высказывания пророка, требовали равномерного распределения всех поступавших средств между всеми мусульманами. Однако халиф и его приближенные продолжали присваивать награбленное имущество и захватывать большие участки плодородных земель. Особенно сильное недовольство проявляли арабские племена Ирака.

В 656 году Осман был убит в своем доме мусульманами, выступавшими против разграбления казны. Восставшие провозгласили халифом Али, двоюродного брата и зятя Мухаммеда, женатого на его дочери Фатиме. Он быстро подавил сопротивление, так сказать, нуворшей в Мекке и Медине и в 656 году нанес поражение их войскам при городке Хурейб, под Басрой. Эта битва в истории ислама называется «верблюжьей», потому что вдова пророка Айша, провозглашенная «матерью мусульман» и получавшая огромную пенсию, присутствовала на этом сражении, сидя на верблюде. Она выступала против нового халифа и во время сражения была взята в плен.

Наиболее серьезным соперником Али выступил наместник богатой провинции Сирии Муавия, представлявший интересы мусульманской аристократии. В борьбе против Муавии халиф Али мог рассчитывать на арабские

племена в Ираке, недовольные правлением Османа. Поэтому первым его шагом был перенос столицы халифата в город Куфу, основанный мусульманами в 636 году в Южном Ираке.

В 657 году в северной части Междуречья, называемой арабами Эль-Джазира, при Сиффине, находящемся сейчас на территории Сирии, произошло крупное сражение между войсками Муавии и иракскими отрядами халифа Али. Ни те, ни другие не достигли успеха. По сообщениям арабских историков, сирийские войска уже начали отступать, когда наместник Египта Амр, бывший в войсках Муавии, приказал сирийским солдатам поднять на мечах и копьях листы Корана и призвал своих противников прекратить кровопролитие и решить спор мирным путем на основании предписаний Священной книги. Хитрость и коварство египетского наместника победили: Али под давлением своих влиятельных приверженцев отдал приказ прекратить бой. Эта уступчивость халифа Али послужила причиной возникновения среди мусульман первого сектантского движения хариджитов. Они выступили против судебного разбирательства спора о выборе халифа и уступчивой политики Али. 12 тысяч хариджитов покинули лагерь под Куфой и направились вверх по Евфрату к Багдаду, бывшему в то время небольшой деревушкой. К хариджитам примыкало все больше сторонников, которых привлекала решимость хариджитов бороться с оружием в руках за осуществление своих принципов. Первым требованием их было провозглашение суверенитета мусульманской общины, которая назначает и смещает своего главу — халифа. Причем главой общины мог быть любой человек, сумевший подтвердить свое благочестие.

Имея в тылу столь опасное движение, халиф Али, решивший было возобновить военные действия против Муавии после неудач третейского суда в 658 году, пришел к Нахрвану, где стояли лагерем хариджиты. Призывы халифа прекратить враждебную пропаганду и примкнуть к его войску привели к расколу среди хариджитов.

Часть из них вновь встала под знамена Али, часть ушла в Иран и Мекку. Наиболее непримиримые хариджиты численностью около 2800 человек во главе со своим эмиром Ибн Вахбой, дав друг другу клятву «встре-

тяться в раю», вступили в бой против превосходящих их сил и были перебиты.

Несмотря на разгром у Нахрвана, хариджитское движение не умерло. Примкнувшие к войску Али отряды вскоре ушли из Куфы, объединились со своими единомышленниками в Иране и Ираке и возобновили войну со сторонниками Али. Как свидетельствуют мусульманские историки, хариджиты приняли решение убить халифа Али, Муавию и Амра, с тем чтобы провозгласить халифом своего ставленника. В 661 году выходящий из мечети после пятничной молитвы Али был ранен отравленным мечом бросившегося на него хариджита. По мусульманским преданиям, раненый Али завещал в случае своей смерти казнить преступника, а свое тело привязать к верблюду, и верблюда выпустить в пустыню, и там, где он опустится на колени, похоронить тело. Через три дня Али умер, хариджит был обезглавлен, а верблюд с телом Али, пройдя 20 километров, опустился на колени. Приверженцы Али похоронили его, насыпали над могилой большой холм, вокруг которого разбили свои палатки. Так возник иракский город Неджеф, что в переводе означает «холм», «бугор». Над могилой Али сейчас стоит роскошная мечеть с золотым куполом и минаретами.

Столица халифа Али, Куфа, сегодня небольшой, но оживленный населенный пункт на берегу Евфрата, куда в пятницу и мусульманские праздники стекается много мусульман не только из Ирака, но и из Ирана. На его западной окраине — четырехугольная, сложенная из камня и кирпича крепость с полубашнями, в которую ведут высокие, украшенные изразцами ворота. В таких крепостях селились мусульмане-завоеватели вместе с семьями, ибо в первые годы ислама они, как правило, не жили вместе с местным населением и смешанные браки были запрещены. В этой крепости при выходе из мечети и был убит халиф Али.

Рядом с крепостью, даже сейчас весьма внушительного вида, на небольшом холме стоит крошечный домик с голубой куполообразной крышей. Здесь, по преданию, жил Али. На пороге дома он разбирал споры и улаживал разногласия.

По улицам Куфы, как и по улицам всех иракских городов, семят ослики. Только здесь они впряжены в низкие тележки с тентами. Тележки курсируют по опре-

деленным маршрутам, и часто можно видеть, как ребята со стопками книг да женщины в темных накидках, абаях, возвращающиеся с базара с пучками пахучей зелени и салата, едут домой, усевшись на низкую скамеечку этого экипажа.

Куфа — оживленный речной порт и перевалочный пункт. Грузы, идущие из Багдада на юг, иногда доставляются сюда на автомашинах и затем на баржах сплавляются вниз по течению. Когда я был в Куфе, прямо у набережной стояло несколько барж, на которые со складов таскали мешки с зерном.

Вдоль всего берега реки день и ночь скрипят водоподъемные колеса. В зависимости от высоты берега они бывают разных размеров. В Куфе у гостиницы берег низкий, и колеса с металлическими черпалками невысоки, всего около двух метров. Через зубчатую передачу колесо соединено с другим, горизонтальным, которое вращает осел или лошадь с шорами на глазах. Вода поступает в небольшой бассейн и оттуда, разливаясь по мелким канальчикам, бежит на усадьбы. В нижнем Ираке этот тип водоподъемного колеса — весьма распространенный способ орошения. В Центральном Ираке, особенно на Тигре, в районе Багдада, употребляют другую оросительную установку, называемую «каррада». Из колодца глубиной три-пять метров воду достают при помощи огромной кожаной бадьи, сшитой обычно из четырех-пяти шкур. Одним концом она прикрепляется к веревке, перекинутой через колесо, а другим — к упряжке вола. Обычно «майдан» — место, где ходит взад и вперед вол, погоняемый крестьянином, — прикрывается легкой крышей, спасающей летом от солнца, а зимой от пронизывающего ветра и дождя. В Багдаде названия трех больших жилых массивов включают слово «каррада». Один из них, Каррада Мариам (каррада Марии), находится на берегу Тигра у президентского дворца, другой, Каррада Шаркия (Восточная каррада), — на противоположном, левом берегу реки. Здесь же расположен и третий квартал — Каррада Джоу (Внутренняя каррада).

В 20 километрах от Куфы лежит город Неджеф, центр шиитов всего мира. Здесь живут главные духовные авторитеты шиитов (муджтахиды), построены шиитский университет и несколько десятков религиозных школ, основанных выходцами из различных стран мира.

Эти школы располагаются в красивых небольших особняках, на фасадах которых изразцами выложено название школы и время ее строительства. В Неджефе есть Бакинская школа, основанная колонией выходцев из Нахичевани, прибывших сюда еще до революции.

Здание шиитского университета Аль-Мадраса — аль-Джаафария построено три года тому назад на средства иранского текстильного фабриканта Хаджи Иттифака. Он пожертвовал на строительство 400 тысяч туманов. Трехэтажное здание с полукруглым широким вогнутым фасадом, богато отделанное мрамором и керамическими яркими плитками, вначале было сделано, как и все старые религиозные школы, без крыши, с открытой площадкой в центре. Однако впоследствии была построена стеклянная крыша. Во внутренний двор выходят кельи, где живут студенты. Убранство келий весьма скромное: ковер на полу, в углу несколько подушек и матрац. В келью входят босиком, и обувь студентов без задников, чтобы ее было удобнее снимать и надевать, стоит у каждой двери. Кельи убирают сами студенты. У каждого из них свой веник и кувшин, из которого сбрызгивается ковер водой. На каждом этаже — по два умывальника. Духовные наставники весьма гордятся чистотой санузлов и всегда подчеркивают, что они построены с учетом сегодняшних понятий о санитарии и гигиене. В мусульманской религии обряд омовения рук, ног и рта перед молитвой весьма важен и не случайно, что санузлы в школе сделаны весьма чисто и добротно.

В университете учатся 160 студентов из Ирака, Ирана, Индии, Пакистана, Афганистана и других стран мусульманского Востока. Срок обучения — восемь лет. Университетская библиотека состоит из восьми тысяч книг преимущественно религиозного содержания. Это Кораны, его толкования, своды мусульманских законов, философские трактаты на арабском и персидском языках.

Самая большая достопримечательность города — мечеть халифа Али. Это круглая, обнесенная стеной площадь, называемая «сухн», в центре которой находится мавзолей — продолговатое здание с несколькими входами. У каждого из них обычно сидит служитель, которому можно сдать на хранение свою обувь, так как проходить в обуви в помещение мавзолея нельзя. В купольном зале с потолком, инкрустированным перламутром, стоит

большое надгробие, закрытое со всех сторон серебряной решеткой. Стены мавзолея изнутри до половины облицованы мрамором, а затем их украшают обычный орнамент и роспись с позолотой. Я не был в усыпальнице халифа Али, ибо немусульманам посещать мечети и тем более такую, как мечеть Али, не разрешается. Но я знаю со слов своих иракских друзей о ее богатейшем внутреннем убранстве, об изяществе и тонкой работе простого по форме решетчатого надгробия. Шииты, больные и калеки, приезжают к гробу Али и лбызают переплетения этой решетки в надежде получить исцеление. Серебряные трубки полые, и во время целования под сводами мечети слышны громкие отрывистые звуки, напоминающие чирканье воробьев. Купол центрального зала снаружи покрыт тонкими листами золота. Минареты видны изда-лека, и они горят в лучах солнца. На широкой стене, окружающей сухн, есть невысокая невзрачного вида башня с часами, показывающими европейское время. Над куполом самой мечети — другие часы, отмеряющие время по восходу солнца.

Город Неджеф ежегодно посещают десятки тысяч паломников, которые привозят с собой различные подношения. Все подарки находятся в двух местах. Одно хранилище сделано прямо в стене, окружающей мечеть. Здесь собраны золотые подсвечники, украшенные алмазами и рубинами, подвески и Коран, написанный рукой Али, редкие жемчужины, называемые в отличие от общепринятого арабского «лулу» словом «дурр», т. е. «перл». Здесь хранится также букет из 24 веточек, каждая из которых включает девять жемчужин, большой рубин и изумруд. Второе хранилище расположено за пределами мечети. В нем собраны иранские ковры, оружие, большая люстра из чистого золота, которая ранее была подвешена над усыпальницей Али. Среди ценнейших ковров здесь находится старый персидский ковер длиной 92 метра и шириной 1,8 метра. Он считается самым дорогим в мире и оценивается в 2,5 миллиона долларов. Среди прочих подарков следует отметить несколько бриллиантов, которые по своим размерам, как утверждают иракцы, превосходят знаменитые бриллианты британской короны.

Последнее сообщение, возможно, и неверно, но факт существования огромных ценностей в мировом цент-

ре шиитов не вызывает никакого сомнения и документально подтверждается в ряде письменных источников.

В период моего пребывания в Ираке в Неджеф привезли двери для мавзолея халифа Али, на изготовление которых пошло более трех тонн золота. Очевидцы рассказывают, что даже у самого надгробия сегодня лежат различные золотые и серебряные украшения, жемчуг и драгоценные камни. Если учесть, что уже тысячу лет сотни миллионов мусульман поминают в своих молитвах халифа Али и не упускают случая послать ему подарок, можно предположить, что рассказы об огромных ценностях отнюдь не плоды фантазии и большого воображения.

Каждый шиит считает самым почетным для себя быть похороненным недалеко от усыпальницы Али. Поэтому в Неджефе сегодня находится одно из самых больших в Ираке кладбищ, которое продолжает расширяться. Сюда привозят покойников в дощатых гробах, покрытых парчовым, а иногда и домотканым шерстяным покрывалом, которое привязывают к крыше автомашины. В зависимости от состояния умершего и его семьи в Неджеф на похороны направляется большее или меньшее число родственников, друзей и знакомых. Однажды я насчитал в траурном кортеже 34 автомашины. Для захоронения на неджефском кладбище покойников привозят даже из-за границы. Многие богачи имеют здесь семейные склепы. Погребение в Неджефе в простой могиле стоит десять динаров. Строительство же склепа, сделанного, как правило, в виде круглого мавзолея с голубым куполом, требует огромных денег. Посещение кладбища немусульманами считается большим оскорблением памяти умерших. Поэтому лишь издалека я смотрел на знаменитое кладбище, из-за высокой стены которого выглядывали голубые маковки мавзолеев богачей.

Неджеф сейчас переживает период реконструкции. Через толщу старых, построенных несколько столетий назад домов пробиваются новые улицы, расчищаются площади вокруг мечети, прокладываются новые трассы водопроводов и канализации.

У четырех высоких ворот, ведущих на сухн, керамические изразцы для которых были доставлены из Ирана, толпятся мальчишки с глиняными кувшинами тунак, наполненными водой. Запотевший кувшин, обмотанный тряпками, держится на боку с помощью широкой тря-

пичной перевязи. Вода бесплатная: состоятельный мусульманин, желающий быть замеченным Аллахом, нанял мальчуганов, и сейчас они раздают воду в неглубоких медных тарелочках любому жаждущему. Иногда ребята позванивают тарелочками, как кастаньетами, приглашая прохожих освежиться холодной водой. Тунаками называют все глиняные сосуды с двумя небольшими ручками у узкого горлышка. В зависимости от цвета и размера нанесенного орнамента они носят разные названия. Так, сосуд средних размеров называется «маджидия», больших — «тирбаля» и «зирна». Самым лучшим тунаком по качеству считается «хадравия» — сосуд, сделанный из зеленоватой глины.

Одни из четырех ворот мечети выходят к большому крытому рынку. Между лавками и магазинами, забитыми тканями, четками, башмаками без пяток, встречаются и ювелирные мастерские. Здесь продают золотые ножные дутые браслеты, цепочки и подвески, серьги, кулоны из мелкого жемчуга, серебряные филигранные поделки, золотые монеты самой различной чеканки, размера, веса и стоимости. Как правило, всем этим изделиям не хватает тонкости и изящества. Самые распространенные украшения — браслеты и кулоны с золотыми английскими гиньями и иранскими риалами. Их приносят в Неджеф бедняки-паломники из Ирана, Индии и Пакистана, которые иногда всю жизнь копят деньги на дорогу к святым местам. Состоятельные люди, как правило, наличные деньги не привозят. Они уже привыкли даже в святых местах пользоваться чековой книжкой.

Целая улица на рынке занята торговцами благовоний. В больших бутылках, которыми заставлены полки небольших лавок, налиты зеленая, голубоватая, коричневая и золотистая жидкости — благовонные масла и эссенции. Здесь продают розовое масло, амбру, жасминовую настойку, мирру, мускус и многие другие, известные только владельцу благовония. Любители благовоний в каждый день недели употребляют особые духи: в воскресенье — мускус, в понедельник — амбру, во вторник — уд, в среду — кадах (герань), в четверг — лилию, в пятницу — розы, а в субботу — нарцисс. Самое дорогое благовоние — духи «Семь роз». Один маленький пузырек стоит 1250 филсов, в то время как уд, мускус и амбра — 600, а герань и «Неджефская роза», состав которой был приду-

ман в Неджефе, — всего 300 филсов. Владельцы парфюмерных лавок наливают в пузырьки покупателей «Неджефскую розу» из больших бутылок с европейскими наклейками, но такая мелочь не может поколебать убеждение в правоте их слов относительно качества товара и его происхождения. Благовония довольно дороги и не по карману бедняку. Но иногда в городе появляются оптовые покупатели — иностранные туристы. В крошечные пузырьки, которые они скупают десятками, на вес и на капли отмеряются пахучая жидкость и ароматные смолы. Перед тем как закрыть бутылку, торговец аккуратно вытирает пробкой горлышко сосуда, точно так же как это делал египтянин-скопец, продававший мирру Суламифь, которой предстояло свидание с Соломоном.

В 80 километрах к северу от Неджефа лежит город Кербела, центр одной из трех провинций Среднего Евфрата. Население этой провинции составляет 80 тысяч человек и состоит только из шиитов. Пребывание суннитов в городе нежелательно, не говоря уже о христианах, которым запрещено жить и работать в Кербеле. И это понятно. В городе расположена одна из самых почитаемых святынь шиитов — могила внука пророка Мухаммеда — имама аль-Хусейна.

Среди иракских историков нет единого мнения о происхождении названия «Кербела», однако большинство из них сходятся на том, что на месте сегодняшнего города еще в древние времена были поселения. Считается, что название «Кербела» скорее всего происходит от сочетания таких слов, как «карб аль-илаха» («рядом с богами»), или «кур Бабель» («район Вавилона»), или «аль-курб ва аль-бала» («скорбь и беда»). В сознании простого иракца Кербела ассоциируется прежде всего с находящимися здесь могилами убитых сыновей Али, имама аль-Хусейна и аль-Аббаса, и он не представляет себе иного, кроме третьего, объяснения относительно происхождения названия города.

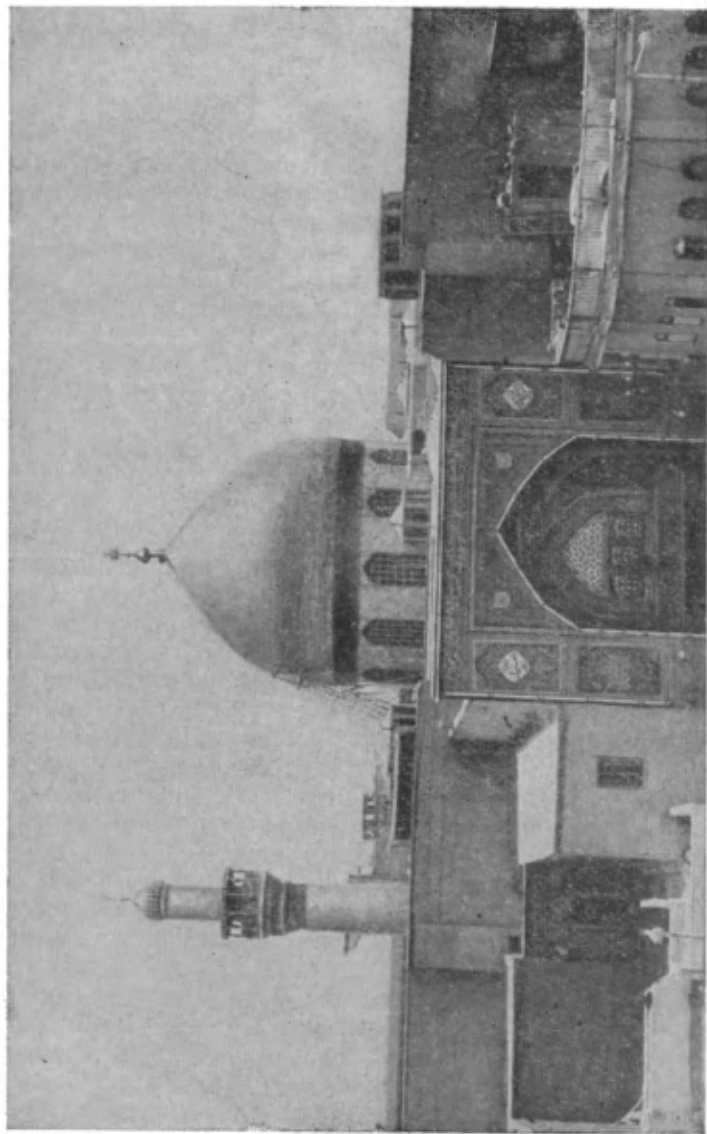
Восемьдесят километров, разделяющие Неджеф и Кербелу, паломники раньше проходили за четыре дня. Для отдыха в пустыне, в 200 метрах от теперешней асфальтированной дороги остались старые постоянные дворы, четырехугольные, крепостного вида сооружения с башнями и толстой кирпичной стеной. Первый из них — «хана-руба», второй — «хана-нысф», и третий — тоже «ха-

на-руба». «Хана» — «постоялый двор», «руба» — «четверть» и «нысф» — «половина». Пройдя за день четверть пути, путники ночевали в хана-руба, на следующий день, покрыв еще четвертую часть пути, они отдыхали в хананысф, затем еще отрезок пути — и остановка в хана-руба. К вечеру четвертого дня путники прибывали в Кербелу.

Сейчас паломники лишь мельком успевают взглянуть из пронсящих на огромной скорости современных междугородних автобусов и автомашин на пустые постоянные дворы, дававшие уют их дедам и служившие зачастую надежной защитой от разбойников и грабителей. Редко какой-нибудь турист-мечтатель свернет с шоссе, чтобы осмотреть постоянный двор. Ветер носит по его центральной площади бумагу, в углах свалены пустые консервные банки, кирпичные стены исцарапаны надписями. Лишь бедуины, пасущие стада в пустыне, любят отдохнуть в жару в тени широких стен.

Шииты признают право на главенствующую роль в мусульманской общине только за прямыми потомками пророка, т. е. детьми его дочери Фатимы и халифа Али. Поэтому второй сын халифа, Али аль-Хусейн, человек решительный и смелый, решил начать борьбу за власть, опираясь на иракских шиитов. После смерти халифа Муавии он отказался присягнуть в верности его наследникам и переехал в Мекку, где стал готовиться к выступлению. Иракские шииты посетили его и заверили в своей верности и поддержке. Родственник аль-Хусейна, посланный им в Куфу, сообщил, что население мусульманской столицы Ирака готово выступить на его стороне. Однако события развивались не в пользу аль-Хусейна. Горожане в Куфе не выступили в его поддержку. В 680 году около Кербелы наместник халифа во главе большого отряда встретил аль-Хусейна, которого сопровождало лишь 300 человек из его ближайшего окружения. Отряд аль-Хусейна занял оборону. Наступающие засыпали канал, идущий к его лагерю. Оставшись без воды, воины аль-Хусейна продолжали стойко держаться. На седьмой день они отпраздновали свадьбу Касема, одного из родственников аль-Хусейна. На другой день также в семье родственника аль-Хусейна родился младенец, которому осаждавшие отказали в воде. Изнывающие от жары и ослабевшие от жажды люди на десятый день осады бросились в бой. В безнадежном сражении отряд

Золотой минарет и купол мечети аль-Хусейна в Кербеле

был перебит. С тех пор это событие шииты называют «трагедией Кербелы» и ежегодно месяц мухаррам отмечают как месяц траура и скорби по великому мученику аль-Хусейну.

Мечеть, возведенная над могилой аль-Хусейна, не отличается по своей архитектуре от мечети Али в Неджефе: те же четверо высоких ворот, выложенных изразцами с изображениями растительного орнамента и инкрустированных перламутром, тот же обширный сухн, в центре которого находится мавзолей с усыпальницей за серебряной решеткой. Купол и два минарета сплошь покрыты золотыми пластинами. Над ними в знак вечного траура развеваются черные знамена.

Сухн в некоторых местах покрыт циновками, на которых спят в рамадан мусульмане. Я видел через открытые ворота, как мальчишки играли в «салочки» в мечети и, зажав в зубах подола длинных рубах, бегали друг от друга, перепрыгивая через спящих. А прямо за воротами, в тихих уголках, начертив на земле сетку, девочки, как все девочки в мире, играли в «классики». Они бросали в квадраты пустую банку из-под гуталина и, придерживая спадающую с узких плеч абу, старательно прыгали на одной ноге. В Кербеле женщины не могут появиться на улице без абы, и даже маленькие девочки, играя в свои нехитрые игры, надевали эту черную шелковую хламиду.

В другом конце города, над могилой аль-Аббаса, брата аль-Хусейна по отцу, убитого вместе с ним в бою, построена вторая мечеть, копия первой по архитектуре и внутреннему убранству. Но она несколько скромнее отделана снаружи: купол покрыт золотыми пластинами, но минареты облицованы простой керамикой.

Над стенами, окружающими мечети аль-Хусейна и аль-Аббаса, и примыкающими к ним зданиями трепещут на ветру зеленые, черные и красные полотнища. Зеленый цвет — традиционный цвет ислама. Под зеленым знаменем мусульмане завоевали половину известного им мира. На лубочных картинках, завезенных из Ирана, пророк Мухаммед и халиф Али всегда изображаются в зеленых чалмах. Черное знамя аббасидских халифов принято ими в знак траура по убитым потомкам Али. По мусульманскому преданию, отряд имама аль-Хусейна сражался с халифскими солдатами под красным знаменем. Вот почему в дни мусульманских праздников над глинобитными

хижинами, «сарифами», в иракских деревнях вместе с государственным флагом Ирака полощутся зеленые, черные и красные знамена. В святых городах эти знамена вывешиваются и в будни.

По обе стороны одних ворот, ведущих в мечеть аль-Хусейна, расположились лавочки. Разноцветными гроздьями висят четки, стопками поднимаются аккуратно сложенные круглые, прямоугольные и ромбовидные глиняные плитки «турба» с выдавленными на них незамысловатым орнаментом и надписями. Они изготавливаются из глины, добываемой в Кербеле в том месте, где, по преданию, произошел бой и был убит аль-Хусейн. Во время молитвы шииты кладут перед собой этот кусочек глины, впитавший капли крови аль-Хусейна, и во время поклонов касаются его лбом.

Четок в Кербеле великое множество: от дешевых, сделанных из глины, стоимостью в 10 филсов, до перламутровых, ценой 500 филсов и более. Обычно четки состоят из 33 зерен, разделенных двумя плоскими косточками на три равные части. У светло-серых пластмассовых четок, называемых «сулеймания», разделительная пуговка сделана в форме купола мечети. Это «щугуль». Вытянутая же бусина, замыкающая концы нитки, по-арабски «умм щугуль». Есть и шиитские четки с 99 зернами. Самые известные из последних называются «хусейния». Их мелкие черные зерна насажены на длинную нитку. Шииты старательно их перебирают, шепча про себя слова молитвы.

В Кербеле для столяров и плотников, именуемых здесь «джаввавин», отведен специальный ряд. Возникновение и развитие этого ремесла связано с семьей Абу Шамта. Раньше все члены этой семьи работали в одной мастерской. Глава семьи по имени Махди Абу Шамта собирал изготовленные ими изделия, продавал их на рынке и затем распределял вырученные деньги. Дерево для работы доставлялось на судах по каналу Эль-Хусейния. Из далеких мест приходили сюда «ахль аль-джарибат» (так здесь называли крестьян), чтобы купить нужные изделия.

Об этом мне рассказал местный плотник по имени Джаафар. В его живописной лавке, расположенной прямо у мечети аль-Хусейна, большинство предметов предназначены для крестьян и изготовлены ручным способом. Многие из них явно устарели. Тем не менее Джаа-

фар, пытаясь конкурировать с фабричными изделиями, упорно продолжает работать и бывает несказанно рад, когда после изнурительного торга, обычного на восточных базарах, ухитряется продать заезжему земледельцу свои деревянные изделия. Вот в углу лежат «джаун» — ступка и «миджна» — пестик, похожий на добротный молоток с утолщенной, длинной в рост человека рукояткой. Рядом «мальчаха» — заступ с металлическим, похожим на клюв концом. Здесь же другие сельскохозяйственные инструменты: «фадан» — соха с металлическим сошником, черенки для лопат, «дуса» — специальное приспособление у черенка, на которое наступают ногой при перекапывании земли, «дача» — бороны, «мишан» — оглобли. Джаафар делает и добротную мебель для бедняков: «хазаз» — детскую колыбель, «хаджла» — приспособление, с помощью которого ребенок учится ходить, стулья и кровати. Можно только удивляться, как этот мастер, обладая простейшим набором инструментов, может изготавливать такой ассортимент изделий.

Джаафар, несмотря на свою видимую бедность, доволен своей профессией и гордится ею. Говоря о себе, он подчеркивает свою принадлежность к цеху плотников. По его словам, плотники преимущественно женятся на девушках из семей своих коллег. Во время свадьбы они закрывают свои лавки и отправляются вместе с женихом в свадебную процессию вокруг мечетей аль-Хусейна и аль-Аббаса. Они гордятся своей религиозностью, истово участвуют в различных шествиях, читают каждое утро Коран и всем цехом хоронят умершего собрата. Рабочий день Джаафар начинает с тщательного подметания улицы перед своей мастерской, называемой «ханут», и никогда не стрижет ногти перед входом, а также не позволяет это делать другим, чтобы не разориться и не пустить семью по миру.

Мой разговор с Джаафаром внезапно был прерван приходом постоянного покупателя. В долг плотники не продают, а торговля и спор по поводу цены и достоинств товара, можно сказать, находятся на грани искусства. Я оставил двух спорщиков и, выйдя из ханута Джаафара, направился в лавку рыжего иранца, торговца сувенирами. На витрине разложены изготовленные из филигранного серебра бабочки, кулоны в виде туфелек, кувшинчиков с бирюзовой капелькой посередине, медные та-

релки с чеканными узорами. Здесь же продаются керамические и медные тарелки нескольких фасонов с именами пророка Мухаммеда и его последователей, вазы и даже самовары, работающие на керосине. Эти самовары сделаны в Иране, и, хотя они заманчиво сверкают хромированными боками, иракцы покупают их неохотно. Другое дело тульский самовар, пусть старый, с помятыми боками, но зато прочный, ставший сейчас почти антикварной вещью.

В Кербеле живет около 30 тысяч иранцев. Поэтому, так же как в Куфе и Неджефе, подавляющее большинство населения говорит здесь на персидском языке. В Кербеле находится Генеральное консульство Ирана, много отделений различных иранских религиозных и культурных учреждений, клубов и библиотек.

В городе много больных и калек, приехавших издалека в надежде найти исцеление у могилы аль-Хусейна. Когда они переходят улицу с помощью сердобольных прохожих или ребятишек, идущие машины и фаэтоны останавливаются и пропускают их через дорогу. Почти на каждой улице можно видеть баки с водой «хибб». Они поставлены для паломников состоятельными людьми, которые не забывают написать на баках свои имена. У баков или выведенных на улицу водопроводных крапов на длинных цепочках висят простые жестяные кружки. Над некоторыми из них прикреплены черные полотнища с надписями: «Пей и помни о погубленном аль-Хусейне!», «Пей, о жаждущий прохожий!», «Пей воду и проклинай Язида!». По мусульманскому преданию, аль-Хусейна в бою под Кербелой убил омеядский халиф Язид ибн Муавия.

Ежегодно в месяц мухаррам, на десятый день которого был убит аль-Хусейн, в Кербелу приезжают тысячи паломников. Точное их число назвать никто не может. Они оккупируют многочисленные гостиницы и постоянные дворы, устраиваются на ночлег прямо вокруг усыпальниц аль-Хусейна и аль-Аббаса. 10 мухаррама — день страстей по дому Али. По-арабски он называется «ашур», а у нас более известен как «шахсей-вахсей». В этот день к четырем часам утра в Кербеле у двух мечетей собирается огромная толпа народа и начинается «аза» — «процессия огорчения». Аза устраивается трех видов. Во главе самой простой и скромной процессии идут люди, бьющие себя

в грудь. Они одеты в черные рубахи. За ними и перед группой сопровождающих выступает «хади», руководитель процессии, громко рассказывающий о «трагедии Кербелы» и гибели аль-Хусейна. Второй по сложности процессией огорчения считается «аза занажиль». Небольшая группа одетых в черные длинные рубахи мужчин бьет себя по плечам и спине цепями. Иногда к цепям припаиваются мелкие гвоздики, разрывающие рубаху и рассекающие тело. Как и в первом случае, идущий за ними хади рассказывает о битве при Кербеле и гибели аль-Хусейна. Третий и самый сложный вид аза называется «аза камат». Камат — обоюдоострый длинный палаш, которым наносят себе удары по голове мужчины, выступающие во главе этого траурного шествия. Ими бывают, как правило, фанатики или лица, давшие обет принять участие в аза камат, если аль-Хусейн поможет в исполнении их желаний. Я знал одного иракца, который дал обет трижды принять участие в аза камат, если у него родится сын.

Мужчинам, идущим во главе аза камат, выбривают на голове ото лба к затылку широкую полосу. Три-четыре раза они ударяют по этому месту острием палаша и рассекают кожу. Кровь струится по лицу, по белой рубахе, но они продолжают бить себя по голове палашом, но уже плашмя. Некоторые в экстазе ударяют себя так сильно, что теряют сознание и их увозят в ближайшую больницу на санитарной автомашине, которая сопровождает эту процессию. После окончания шествия рану на голове залепляют глиной с добавлением каких-то народных лекарств.

Все процессии начинаются у мечетей аль-Хусейна и аль-Аббаса и к ним возвращаются. Они проходят в музыкальном сопровождении: ритм отбивают барабан и медные тарелки, а все присутствующие скандируют или фразы, выкрикиваемые хади, или звукосочетания в ритм барабанному бою «та-та хайдар», «та-та хайдар». Такие траурные шествия 10 мухаррама устраиваются также в Куфе, Неджефе и Эль-Казимайне, где похоронены два шиитских имама.

За несколько дней до траурных шествий в Кербеле и других религиозных центрах шиитов устраиваются «ташабах» — театрализованные представления, в которых показывается битва под Кербелой во всех деталях, отме-

чаются «день Касема» со свадебными обрядами, «день младенца» и др. Зрители часто бросают грязью и камнями в убийцу аль-Хусейна, на роль которого трудно найти исполнителя. Королевское правительство Ирака запрещало устраивать ташабих и аза, которые были весьма удобны для проведения антиправительственной пропаганды. Часто хади вместе с рассказами об убийстве аль-Хусейна проводил аналогии с современным положением в стране. Король Ирака и его правительство были суннитами, так же как и солдаты халифа, убившие аль-Хусейна, поэтому у шиитов, представлявших в большинстве своем неимущие слои населения, к классовой ненависти в отношении правителей королевского Ирака примешивалась религиозная неприязнь.

После окончания месяца траура устраивается большой праздник. В семьях состоятельных людей готовят пшеничную кашу «гариса». Ею оделяют родственников, соседей и знакомых, которые заходят в этот вечер.

У западных ворот, ведущих в сухн мечети аль-Хусейна, стоит небольшая часовня. И мало кто знает, что в небольшом зале часовни под одним из двух надгробий, обтянутых зеленым репсом, покоится прах Физули Мухаммеда ибн Сулеймана, непревзойденного поэта средневекового Востока.

Физули не оставил после себя автобиографии. Многочисленные исследователи его творчества как в Советском Союзе, так и за рубежом восстанавливали факты его жизни главным образом по его собственным произведениям, так как авторы средневековых «тезкире» (антологий) не всегда с достаточной точностью излагали события. Время и место рождения Физули точно не известно. Предполагают, что он родился в конце XV или начале XVI века. Одни исследователи считают местом его рождения Багдад, другие — Хиллу, лежащую в 105 километрах от столицы Ирака, третьи — Кербелу. Советский литературовед Г. Араслы, анализируя исторические документы, пришел к выводу, что Физули родился в Кербеле. О семье Физули ничего не известно, но можно предположить, что его отец был довольно состоятельным человеком, поскольку дал сыну блестящее по тому времени образование. Искусству стихосложения Физули научился еще в школе. Юный поэт, сочинявший нежные любовные стихи, понимал важность знаний, науки. В предисловии

к одному из своих диванов он писал: «Украшательница моей логики не сочла приемлемым, чтобы красота моей поэзии сверкала на груди эпохи без украшений просвещенности. Ювелир моего высокого дарования не согласился с тем, чтобы нить моих стихов могла стать ожерельем всего света без жемчужины науки. Ибо поэзия без науки подобна стене без основания, а стена, не имеющая основы, ненадежна...». Физули в совершенстве овладел арабским и персидским языками и одинаково свободно слагал стихи на обоих языках. В своих поэтических произведениях он упоминает имена Алишера Навои, Низами, Абу Нувваса, а в философских работах — Платона, Аристотеля и Гераклита. Такая разносторонность и глубина знаний завоевали ему право называться «мауляна» — «наш господин».

Вершина творчества Физули — поэма «Лейли и Меджнун». Тема трагической любви и гибели влюбленных характерна для литературы многих стран мусульманского Востока. Эта легенда арабского происхождения живет уже несколько тысячелетий. Предания о любви Лейлы и Меджнуна передавались из уст в уста. Впервые в поэтической форме этот сюжет был разработан Низами Гянджеви. Вслед за его поэмой последовали и работы других авторов — Хосрова, Навои и др. Однако поэма Физули стала наиболее любимой из всех, созданных на эту тему. Рукописи поэмы ходили по всему средневековому Востоку.

Физули создал новое, оригинальное произведение. Герои поэмы Физули — это живые, реальные люди с их страданиями, надеждами и утратами. Язык поэмы сочен, красочен и выразителен. Введенные им газели, которые декламируют герои поэмы, Лейли и Кейс-Меджнун, настолько гармонируют с настроением тех, кто их произносит, что неотделимы от всей поэмы, написанной в традиционной форме. В поэме много реалистичных, взятых из жизни сцен. Таковы, например, сцены в школе, где впервые встречаются Кейс и Лейли, сцены сватовства Кейса. Описания природы в поэме сопутствуют поворотам сюжета и подчеркивают то или иное состояние героев. О весне, благоуханной, сверкающей цветами и зеленью, поэт пишет в тот момент, когда Лейли приходит на свидание с Меджнуном. А приход зимы, «разграбившей сады», символизирует смерть, и Лейли умирает:

Пришла зима. И месяц дей — грабитель
Утехи все из цветника похитил.
Стал храмом скорби сад, а был, что рай,
И горестно звучал вороний гай.
Стал кипарис Меджнуном обнаженным,
И, как Лейли, тюльпан исчез со стоном*.

Поэма завершается обращением к читателям с просьбой о снисхождении:

Завистник, не ругай меня, речист,
Не говори, что жемчуг мой не чист.
Пойми мою печаль и беспокойство,
От бедствия времен мое расстройство.
Что тут сказать, коль гнет невыносим,
Но оставаться я не мог немым...
Но я и так собой не дорожил,
Всю душу я в свои стихи вложил**.

Несмотря на известность, Физули остаток своей жизни провел в лишениях. Он умер в 1556 году в Кербеле и здесь же был похоронен. Физули заслуживает того, чтобы благодарные потомки увековечили его память. Ведь он славил в своих касыдах, рубай, газелях любовь и верность, жизнь во всех светлых и лучших ее проявлениях. Они не увядают до сих пор и, как родник, питают мастерство поэтов многих стран Востока.

В Баку, столице советского Азербайджана, есть улица, носящая имя Физули. И видится мне, что на одной из площадей Багдада или Хиллы стоит памятник поэту Азербайджана, жившему в Ираке и славившему его, как символ дружбы и извечного стремления человека к добру, красоте и совершенству.

Есть ли у женщины душа?

«Женщина! Прикрой свое тело!» Этот призыв написан на большом металлическом щите при въезде в Неджеф. Он означает, что женщины не могут появиться на улицах этого города без черной абы, оставляющей открытым только лицо, или любого другого костюма, закрывающего все тело, кроме лица. В этой фразе, как в

---

* Физули, Лейли и Меджнун, пер. А. Старостина, М., 1958, стр. 323—324.

** Там же, стр. 351.

капле воды, отражается положение женщины, освященное в Коране, продолжающем во многих случаях регулировать семейные и общественные отношения в Ираке и других мусульманских странах.

Свадебные обряды, похороны, рождение ребенка, имущественные отношения и повседневная жизнь еще во многом регулируются положениями мусульманского права. Прежде всего это заметно на существующих в Ираке с некоторыми местными особенностями свадебных обрядах и обычаях, с которыми я познакомился во время долгого пребывания в стране.

Обычно в дом, где есть девушка на выданье, приходят несколько женщин из семьи, где живет холостой мужчина. Эту группу возглавляет его мать или тетка, вторая по старшинству родственница, либо «хатыба» — сваха. Все знают цель визита этой делегации, принимаемой с почестями, однако об этом не принято говорить. В другой комнате, если это происходит в семье среднего достатка, одевается будущая невеста, которая затем должна сервировать стол для чая или подать какое-либо угощение. Когда эти своеобразные смотрины подходят к концу, мать или старшая по возрасту тетка предполагаемой невесты как бы невзначай задает ей вопрос: «Хочешь ли ты выйти замуж?» Смущенная девушка обычно отвечает: «Как прикажете, маменька!». После такого ответа в случае согласия родителей с кандидатурой жениха первый шаг к браку молодых уже сделан. Девушке вручается первый подарок от имени будущего мужа, называемый «шабака» и состоящий, как правило, из нескольких драгоценностей. Возможно, это случайность, но «шабака» в переводе с арабского означает «сеть», «тенета».

Как правило, еще до сватовства главы семейств должны познакомиться друг с другом. Инициативу проявляет отец жениха, который отправляется к отцу невесты, прихватив с собой небольшой гостинец «нишан». Этот обычай соблюдается всегда и называется в Ираке «машшая».

Мои иракские друзья обращали мое внимание на необходимость получения согласия невесты на брак с тем или иным мужчиной. Этот элемент брачного обряда стараются соблюдать особенно в шиитских семьях. По преданию, Мухаммед, у которого кто-либо из мусульман просил руку его дочери, всегда спрашивал ее согласия. Он

садился перед палаткой, где жила его дочь, и громко говорил: «Такой-то произнес твое имя». Согласие могло быть выражено не только словами, но и простым молчанием. Если дочь выбрасывала за порог глиняный кувшин, считалось, что она против брака. Как пишут арабские историки, когда Мухаммед сообщил своей дочери Фатиме о том, что ее двоюродный брат Али просит ее руки, она сначала промолчала, а затем громко протестовала против брака с молодым, покрывшим себя ратной славой, но бедным мусульманином. Однако уговоры отца, ссылавшегося на ее роковое молчание, сделали свое дело: Фатима стала женой Али.

До свадьбы объявляется помолвка, или «акд аль-куран». К этому времени между двумя семьями достигается согласие о размерах суммы «мукаддам», которую вручает жених и его семья на приобретение мебели и имущества для дома молодоженов. Эта сумма колеблется от 100 до 2500 динаров в зависимости от состояния той и другой стороны.

Сразу же определяются и размеры «муаххар», суммы, которая выплачивается в случае развода. Как правило, муаххар, выплата которого может быть растянута на несколько лет, считается своего рода алиментами на содержание разведенной жены.

Большие размеры мукаддам, приобретение подарка для невесты, расходы на организацию свадебных торжеств часто становятся главным препятствием на пути молодого человека, решившего жениться. В сельских местностях молодые крестьяне иногда по несколько лет работают у богатых односельчан с единственной целью скопить сумму, необходимую для свадьбы. Только среди арабов, обитающих на островах южных озер страны, где еще живучи родовые обычаи и свадьба — важное событие в жизни всего рода, жениху помогают нести бремя свадебных расходов. На озерах почти все молодые люди, достигшие 18-летнего возраста, женаты, что служит предметом большой гордости населения этого края.

Время от времени в иракских газетах мелькают сообщения о необходимости отказаться от старых свадебных обычаев, предоставить свободу молодым людям в выборе спутников и спутниц жизни. Но дальше статей дело не идет. Родители сегодня, как и раньше, решают судьбу своих детей и лишь иногда, для приличия, спрашивают

их согласия, при этом будучи почти уверенными, что дети не посмеют их ослушаться.

Сама церемония помолвки довольно интересна. На эту церемонию, рассматриваемую как формальное закрепление достигнутого соглашения, приглашается шариатский судья — кади. Мужчины, одетые в темные костюмы, собираются в небольшой прихожей. В центре внимания — судья, одетый в темно-коричневую накидку с широкими рукавами, называемую «джалоба», и красную феску, перевязанную зеленым платком, и смущенный жених в окружении друзей. За дверью, ведущей в другую комнату, слышатся приглушенные женские голоса: там невеста, женщины ее семьи и мальчишки не старше десяти лет. Вот кади, откашлявшись, подходит к дверям и ударяет пальцами по их верхней части. Разговоры на женской половине стихают, и кади громко обращается к спрятавшейся невесте: «Скажи: „Да, ты мой представитель”». Этой шариатской формулой, которая звучит по-арабски «Кули, наам, анта вакили», невеста поручает судье заключить от ее имени брак. Судья повторяет ее 14 раз, и все 14 раз невеста отвечает: «Наам, анта вакили». Во время этой церемонии все присутствующие очень внимательно прислушиваются: невеста от смущения еле шепчет ответ, и кади, прильнув ухом к двери, ловит каждое ее слово.

Часто эта церемония — последняя надежда девушки избежать брака с нелюбимым, не дав судье требуемых ответов. Нередко на женской половине над непокорной устраивают расправу и вынуждают ее в слезах и рыданиях произнести поручение судье оформить брак. После ответа невесты прочитывают суру из Корана, гостям предлагают конфеты и прохладительные напитки, а главы семей удаляются с кади для оформления брачного контракта.

Через полтора-два месяца после помолвки должна состояться свадьба «зифаф», или «зиффа», после которой молодожены впервые остаются наедине. Ведь до свадьбы им могут разрешить, да и то только в культурных семьях, лишь иногда вместе сходить в кино. Помолвленные жених и невеста носят на правой руке на безымянном пальце обручальные кольца, которые после свадьбы надеваются на другую руку. Иногда в Ираке церемонию свадьбы называют «лейлатуль дахля» — «ноч-

ное вхождение». Этим хотят подчеркнуть, что жених впервые после сватовства остается с невестой в комнате наедине.

В день свадьбы, которая назначается на вечер, невесту ведут в баню. Эту процессию возглавляет ее мать, но среди других женщин обязательно присутствует кто-нибудь из ближайших родственниц жениха, чаще всего его сестра. Невесту моют, трут мочалками, расчесывают распущенные по плечам волосы, мажут ступни и ладони жидкой хной. Остатки хны забирают с собой, чтобы потом вымазать ею двери мечети и ее забор. Во время своих поездок по провинциальным городам Ирака я не видел ни одной мечети, на которой не было бы отпечатков рук невесты и женщин из ее свиты. Дома невесту убирают в белый свадебный наряд, волосы укладывает специально приглашенная женщина — «машшата». Лицо невесты закрывает белый платок «никаб». Его снимает жених своей рукой уже в спальне.

В день свадьбы в доме жениха тоже идут большие приготовления. Хлопоты настолько велики, что в настоящее время некоторые предпочитают праздновать свадьбу в ресторане. Обязательным условием хорошей свадьбы считается катание на автомашинах по городу — от дома жениха до дома, где будут жить молодожены, причем выбирается не самый короткий путь! В обмен за отбираемую невесту в доме ее родителей оставляют символически немного сахара, зерна, риса и растительного масла.

Мужчины и женщины, присутствующие на свадьбе, находятся в разных помещениях. Жених сидит в окружении приятелей и сверстников. Самый близкий из них, что вроде нашего дружка, называется «сардуж». Когда жених встает, приятели шлепают его легонько ниже спины. Часа два-три спустя жених и невеста удаляются в спальню, а веселье продолжается на мужской и женской половинах до утра. Обычай показывать простыни молодым гостям, продолжающим гулять на свадьбе, сохранился только в самых глухих местах Ирака.

Утром, одетая в свадебное платье, молодая женщина принимает поздравления и подарки от родственниц. Чаще всего дарят деньги, реже какие-нибудь украшения, ткань или другие вещи. Близкие родственники, например тетка, дают по десять-пятнадцать динаров, а соседки мо-

гут ограничиться одним-двумя динарами. Такие подарки называются «субхия».

Если молодожены не отправляются в свадебное путешествие, свадьбу празднуют целую неделю.

Поиски жениха, переговоры родителей жениха и невесты по вопросам мукаддам и другие церемонии, предшествующие свадьбе в городе Хадите, на севере Ирака, куда я попал во время своих поездок по Ближнему Востоку, в целом немногим отличаются от того, что было рассказано выше. Так же как и во всех мусульманских семьях, родители играют основную роль в выборе жениха и невесты, хотя здесь, в сельском районе, у молодых людей больше возможностей познакомиться и узнать друг друга. Обычай ортокузенного брака, называемого «нахи», когда преимущественное право на девушку имеет ее старший двоюродный брат по отцовской или материнской линии, довольно распространен среди кочевых и оседлых арабов западной пустынной части Ирака. По его нормам, сложившимся еще в доисламский период и закрепленным в Коране, предпочтительным женихом для девушки считается ее старший двоюродный брат. Последний может отказаться от брака, тогда это право переходит ко второму, третьему брату и т. д. В случае своего отказа от брака двоюродный брат может потребовать определенного возмещения от другого мужчины, сватавшегося к его двоюродной сестре, если он, конечно, не ее родственник.

Одна из особенностей свадебных церемоний в Хадите заключается в том, что брачный контракт оформляется между матерью девушки и женихом или его представителем, причем сейид, который заверяет указанный документ, спрашивает мнение девушки в присутствии выбранного им свидетеля мужчины. После оформления контракта назначается свадьба в доме жениха, где в течение нескольких дней идут большие приготовления, в которых принимают участие все родственники и соседи. Праздник начинается после полуденного времени песнями и танцами.

Как и в любой стране, песни и танцы, которые исполняются на свадьбе, отличаются большим разнообразием, однако есть среди них наиболее любимые. В Хадите на свадьбе больше всего танцуют чуби в сопровождении барабана и двустольной дудочки «матба», называемой в

других местах «мизмар». Вот одна из свадебных песен, которую поют женщины:

Очи наши, наши повелители! О сердце наше,
наш повелитель!
Железный мост рухнет от силы его шага!
Вот как... видала ли ты таковых!
Ты крепкий и сильный, ты совершишь омовение.
Ты моешь рыбу бунни и не будешь стыдиться меня!
Аллах, угадывающий желания, услышал меня
и дал бесподобного,
Он, хотя и жил на Западе, но женился на арабке!

Наступает вечер, и один из родственников молодого мужа предлагает отправиться за его супругой. Женщины издают приветственные крики. Мужчины выкрикивают своеобразные присказки, называемые здесь «хавазидж», поскольку они написаны традиционным стихотворным размером «хазадж»:

У нашего соседа прибавление!
Мы привели ее и пришли сами, о племянник!
Дом осветился с ее приездом!
Объявлены помолвка и ее совершеннолетие!
Ты юноша, а она совсем еще девочка!
Дочь шейха мудрого мы привели к сыну шейха мудрого!
Он ждал ее и желал ее!

Веселая компания без молодого человека прибывает к дому девушки. Она выходит в сопровождении двух подружек. Сзади несут финики, небольшую циновку и небольшую сплетенную из пальмовых листьев корзинку — «гашву». Женщины приветствуют появление невесты и затягивают подобающую этому случаю песню:

Семь ночей, две ночи да одна ночь,
А в большой дом отца ее мы еще не прибыли.

Мужчины стреляют в воздух. Пальба продолжается все время, пока праздничная процессия не доберется до дверей жениха. К приходу молодой жены у дверей ставится глиняный кувшин «гук» либо сосуд, наполненный водой или сладостями и финиками. Иногда вместе с финиками кладут пригоршню мелких монет. Переступая через порог, она толкает гук ногой так, чтобы он упал и разбился. Ее отводят в спальню, где на супружеском ложе набросано зерно, что должно принести благополучие и счастье новой семье.

Как только девушка доставлена в дом, родственники и гости отправляются за ее мужем. Веселые крики и пальба также сопутствуют этому шествию. Друзья молодого человека легонько колют его булавками пониже спины. Этот обычай распространен в районах Ирака, прилегающих к сирийской границе, и называется «баабас». Супруга впускают в спальню, и тогда пальба из ружей достигает своего апогея. Мне объясняли, что это делается для того, чтобы вселить мужество и смелость в парня, который смущается не меньше девушки. Отец и родственники парня рассаживаются у дверей спальни и терпеливо ждут его выхода. Вот он появляется, и первый вопрос, который ему задают отец и родственники: «Хамама лав гураб?» — «Голубка или ворон?». Если он отвечает «голубка», дом сотрясается от всеобщих криков ликования и пальбы, если же говорит «ворон», его успокаивают, ободряют, дают наставления и призывают быть смелым и решительным. После этого молодой супруг вновь отправляется к невесте, а все гости расходятся.

Утром следующего дня родственники мужа собираются у него дома, беседуют с молодой женщиной, оказывают ей всяческие знаки внимания. Подобные визиты и встречи продолжаются в течение трех дней и служат для того, чтобы молодая женщина смогла познакомиться со всеми родственниками мужа, войти в их семью, стала родной и близкой. Ее также навещают подружки, которые приносят еду, называемую «никлян».

После семи дней гулянья и веселья жизнь супругов входит в обычную колею. Все эти дни молодая жена продолжает находиться на правах гостьи; ее оберегают от повседневных хлопот по хозяйству и дому, оказывают внимание и уважение. На седьмой день она приглашает своих подруг и соседок, заваривает хну, которой женщины намазывают руки и ступни ног, раздает гостям сладости. Последний девичник молодой женщины заканчивается в полночь после протяжных песен и медленных танцев.

Если супруг в первую же ночь удачно выполнил свои супружеские обязанности, он чувствует себя героем и ведет себя соответствующе: пинком ноги открывает дверь спальни, да так, что поставленный у двери кувшин с водой падает на пол, держится с достоинством и гордостью. В противном случае он оказывается перед

своими собравшимися родственниками и знакомыми в весьма деликатном положении. Его гордость и мужское достоинство попораны, ему стыдно смотреть в глаза девушке, которая фактически еще не стала его женой. Поскольку церемония вхождения в спальню, или «лейлатуль дахля», происходит при стечении людей, невозможность выполнить свой долг вряд ли можно объяснить в первую очередь физическими недостатками молодого человека. Однако здесь, в глубинных районах, мало кто вникает в существо этого вопроса, и среди собравшихся ползет липкий слухок «марбут», «маакуд», «мачдуб», «мачбус». Все эти слова означают одно и то же, а именно, что мужчина вследствие колдовства потерял силу и не может выполнять свои супружеские обязанности.

В мусульманской литературе со всей серьезностью рассматривается казус первой брачной ночи, его причины и следствия. В книге «Благословение в медицине и мудрости», изданной в Каире и цитируемой в брошюре иракского исследователя Абд аль-Хамида аль-Алучи, говорится, что если причиной казуса стал джинн, то импотенция может продолжаться месяц-два, но, если к этому приложил руку «бени адам», т. е. человек, подобное может продолжаться пять-десять лет и более. Как считают в Ираке, подобное колдовство среди мужчин осуществляет мулла, шейх мечети или сейид, а среди женщин — «аль-ильвият», или «кашшафа». Иногда колдунью еще называют «наффаса», т. е. «плюющая», потому что в Коране и его толкованиях многие колдовские обряды связаны с определенной церемонией, в заключение которой колдун или колдунья плюет на пол, на землю или какой-либо предмет.

В народной иракской традиции среди тех предметов, которые колдуны употребляют для нанесения порчи, фигурируют кухль, порошок сурьмы для подкрашивания глаз, замок и ключ к нему, косточки удода и другие атрибуты черной магии. Так, например, в Северном Ираке тот, кто хочет околдовать жениха, бросает кусочки сурьмы в воду. После того как шейх мечети во время колдовства прочитает над порошком 84 раза стих из Корана: «Если спросят тебя о горах, ответь — Господь мой разрушит их полностью» и 12 раз: «И снял оковы он с наших сердец», он бросает кухль в реку. Однако наиболее любопытные манипуляции проделываются с замком.

В момент заключения брака достаточно злоумышленнику защелкнуть висячий замок, повернуть ключ, а затем бросить его в реку или закопать в могилу, и можно считать, что жених заколдован.

С замком связан еще один довольно любопытный обычай, касающийся уже взаимоотношений супругов. Если муж хочет уберечь свою жену от прелюбодеяния, он берет замок с ключом, четыре раза читает, глядя на головку ключа, суру «Пещера» из Корана и в заключение просит, чтобы его супруга была «запретна другому», затем закрывает замок ключом и прячет ключ и замок отдельно друг от друга. Некоторые арабские историки полагают, что распространившийся в средневековой Европе в период крестовых походов обычай мужей надевать на женщин «пояс целомудрия», или «пояс Венеры», во время своего долгого отсутствия связан с указанным выше мусульманским обрядом, восходящим к первобытным языческим представлениям семитских народов.

Среди иракцев существует мнение, что если подвесить к одежде жениха косточку удода, то он будет заколдован. Интересно, когда и в связи с чем эта красивая птица, повсеместно встречающаяся в Ираке, стала в представлении народа орудием исполнения злого умысла. Иракский ученый Абд аль-Хамид аль-Алучи приводит рассказ английской исследовательницы И. Стивенс, ставшей свидетельницей подобного колдовства: «В полнолуние с удодом отправляются на кладбище. Колдун выбирает могилу, разводит на ней огонь и ставит на огонь сосуд с водой. Отвернувшись от могилы, он, держа удода за спиной, убивает его, затем опускает в кипящую воду и варит до тех пор, пока не останутся одни косточки. Затем он выбирает косточки из сосуда и бросает их в реку или текущую воду. Косточка, которая поплывет против течения, и есть нужная, волшебная».

В окрестностях города Самарры при колдовстве предпочитают обращаться к Корану. Это вполне объяснимо, так как здесь, в бывшей столице аббасидских халифов, находится шиитская святыня — мечеть Али аль-Хади аль-Аскари и его сына Хасана, построенная в XIII веке. Так, например, на клочке бумаги 84 раза пишут разведенным шафраном уже упоминаемые стихи из Корана: «Если спросят тебя о горах...» и 12 раз: «И снял оковы...», затем бросают бумажку либо в кувшин, откуда пьет воду

жених, либо в его стакан для чая. Эти же стихи несколько раз читают и над иглой, которую скручивают таким образом, что ее острие входит в ушко, и затем бросают в глубокое место реки.

Узел сам по себе считается важным элементом колдовства черных магов, и об этом говорится во всех их пособиях. Сделать узел из шелковой нитки, из веревки, из «яшмага» — головного платка, из нитки, вытащенной из одежды жениха, — все это служит исполнению колдовских замыслов. Не менее важно, куда поместить узел, лист бумаги с заговором и т. п. Чаще всего для этого используются могила, глубокое место в реке, а также печь, угол дома, «место, куда не попадает солнце», «место, от которого бежит луна» и т. д.

Совершенно естественно, что раз есть злые колдуны, которые по наущению злодеев могут испортить жизнь молодым, то существуют и добрые колдуны, могущие возвращать пострадавшим утраченные силы. Имена этих чудотворцев широко известны в народе, и человеку, нуждающемуся в исцелении, не составляет особого труда их отыскать. Так, например, в Эль-Казимайне и по сей день живет сейид Хан аль-Мавсави, который исцеляет «заколдованных» женихов. Он утверждает, что вернул силы человеку, который около 30 лет был импотентом. Этот случай стал хрестоматийным и приводится во всех книгах по народным обычаям в Ираке.

Простой народ рассматривает добрых колдунов как медиумов между заколдованным и Аллахом. Чудотворцы пользуются уважением и имеют безупречную религиозную репутацию. Это прежде всего сейиды, служители культа религиозных сект, странствующие дервиши, муллы и т. д. Основные средства, к которым они прибегают при выполнении своих обязанностей, также связаны с молитвами и заклинаниями либо с бумагами, на которые наносятся магические письмена.

Так, упоминавшийся Хан аль-Мавсави вылечивает тем, что вкладывает в бутылку клочок бумаги с загадочными письменами. Заколдованный муж, перед тем как войти в спальню, должен разбить бутылку небольшим металлическим молотком. В этом же городе заколдованные лечатся тем, что прикладываются к серебряному перстню известного в прошлом сейида Хашима. Этот перстень хранится у наследников сейида, и на печатке

его выгравировано: «Я прибегаю к силе Аллаха, я прибегаю к могуществу Аллаха, я прибегаю к словам Аллаха». В городе Ане, на северо-западе Ирака, шейх мечети лечит мужчин тем, что берет маленький молоток «чакуча», обматывает его шерстяной ниткой и бросает в Евфрат. Как только нитка всплывает, к супругу возвращается неукротимая мужская сила. В Самарре заколдованного укладывают на живот, на спину ему становится шейх (или сейид), который читает молитвы и выкрикивает заклинания. Затем пишет магические слова на бумажке, которая подвешивается к одежде молодой жены, или царапает их на кусочке сладости, которую она потом съедает. В Басре один из шейхов, как мне стало известно, лечил так: он брал 14 спелых фиников, чертил на них стихи из Корана и предлагал половину фиников съесть мужу, а остальные — жене. В окрестностях Рамади многие обряды по освобождению от колдовства молодых связаны с куриным яйцом, притом предпочтительно от черной курицы. Яйцо варят, очищают от скорлупы и затем шейх изображает на нем магические знаки. Съевший это яйцо мужчина сразу чувствует прилив сил и энергии. Некоторые шейхи варят три яйца, по одному для мужа и жены, третье же рассекается пополам либо саблей, либо волосом невесты, после чего обе половинки съедаются.

Самое распространенное средство от злодейской порчи — магические знаки и письма, которые рисуют на коже, ткани, бумаге, лезвии ножа, печатке в перстне и других предметах, которые рекомендуется мужчинам и женщинам всегда носить с собой. Каждый колдун имеет свои собственные знаки, шифры и порядок их написания, и вывести какое-то общее правило практически не представляется возможным. В Багдаде, у мечетей и на базарах, писарь или гадальщик может в две минуты сотворить талисман, который будет отличаться своеобразным расположением букв, цифр и слов.

Чрезмерное внимание к вопросу о казусах «лейлатуль дахла» у простого народа Ирака вполне понятно и объяснимо. Создание новой семьи происходит при огромном стечении родственников и знакомых, затрагивает честь и достоинство мужчины, имеющих особое значение в странах арабского мира, связано с потомством. И отсюда вполне естественна попытка объяснить возможные

физические недостатки вмешательством в семейную жизнь потусторонних, дьявольских сил и стремление избавиться от них также с помощью колдунов и магов. Рассказы и присказки о злодейских проделках и чудодейственных исцелениях распространены в Ираке и составляют особую часть народных сказаний. Ведь жених оказался «вороном», как говорят в городе Хадите, птицей, в которую, согласно легендам всего мира, злые колдуны превращают могучих богатырей, и только волшебная сила может вернуть ему силу и человеческий облик.

Многоженство в настоящее время в Ираке — явление довольно редкое. По нескольку жен могут позволить себе иметь только богатые помещики и шейхи племен. Родители девушки, если они не очень бедны по сравнению с женихом и не руководствуются экономическими мотивами, отказываются выдать свою дочь за многоженца. Возрастная разница сейчас тоже постепенно нивелируется.

По мусульманскому праву девятилетняя девочка уже считается на выданье, однако большинство иракских девушек становятся невестами в возрасте 15—17 лет. В среде интеллигенции девушке дают еще кончить университет, и поэтому к моменту замужества она достигает возраста 22—23 лет. Между прочим, старых дев в Ираке немало. Это объясняется тем, что родители жениха стараются подыскать ему, как правило, совсем еще молодую девушку, а перезревшие невесты могут рассчитывать лишь на благосклонность вдовцов, разведенных мужей и седых старцев.

В Ираке распространена и признается вполне законной шиитской догматикой форма временного брака, называемого «заввадж аль-мутаа». По мусульманскому преданию, пророк Мухаммед строго осуждал прелюбодеяние и, чтобы избежать его, считал допустимым временные браки от одного месяца до нескольких лет. Это можно объяснить тем, что мусульмане отправлялись в дальние походы, продолжавшиеся по нескольку лет, оставляли свои семьи в Аравии и, чтобы не нарушать предписаний пророка, сочетались браком с чужестранками. По сложившимся шиитским нормам временный брак заключается кади письменно на определенный срок. На этот срок женщина принимает фамилию мужа. Рожденные от этого брака дети считаются законными наравне

с детьми от постоянной жены. Свадьба при временном браке не устраивается. Наибольшее число временных браков заключается в Ираке в религиозных центрах шиитов — Кербеле, Неджефе, Куфе и Эль-Казимайне, где живет очень много иранцев. В зависимости от того, какое место они считают своим постоянным домом, иранцы имеют временных жен, например, в Кербеле и постоянных в Иране, или наоборот.

Девушки, как правило, временными женами не становятся. В шиитских центрах сложилась прослойка своеобразных куртизанок, состоящая в основном из вдов и разведенных женщин, которые соглашаются на временные браки. Некоторые, отличающиеся красотой и прической, по словам моих иракских знакомых, успевают до десяти раз сочетаться временным браком. Однако дети от этих браков, как правило, живут с отцами.

Развод у шиитов, так же как и брак, оформляется у кади. По шиитской догматике существует два вида развода: окончательный и развод, который можно взять обратно. Во втором случае в течение года разведенные супруги могут вновь сойтись. Однако по истечении этого срока развод считается окончательным и мужчина должен выплатить муаххар. У суннитов бракоразводный процесс значительно проще. Мужчине достаточно три раза сказать «ина талик», и развод считается состоявшимся. Муж может произнести эту фразу один раз, через некоторое время — другой, однако супруги считаются разведенными в момент произнесения фразы в третий раз.

Как у суннитов, так и у шиитов существует специальный стодневный период с момента окончательного развода, называемый «уда», за время которого муж должен убедиться, не беременна ли его жена. Беременной женщине развод не дается, и разъезд супругов откладывается до рождения ребенка. Мусульманские богословы пытаются использовать уда в качестве доказательства гуманности старых обычаев. Однако это не так. По мусульманской догматике ребенок, даже находящийся во чреве матери, уже принадлежит отцу и именно поэтому он отказывается отпустить свою жену.

По мусульманским преданиям женщина — это исчадие ада. Ее не пускают в рай, так как еще не выяснено, есть ли у нее душа (об этом уже несколько столетий спорят мусульманские ученые!), а в раю особ женского по-

ла представляют гурии, услаждающие попавших туда мусульман.

Мусульмане могут жениться и заочно. Сейчас подобные браки бывают только в самых глухих местах. В случае отсутствия жениха на собственной свадьбе его место при оформлении брака занимает его доверенное лицо — «вакиль», который затем доставляет укутанную, как кокон, невесту в покои жениха. Женщина, особенно если она молода и блещет красотой, — лучший выкуп для племени, объявившего о мести за убитого сородича. Отец может подарить свою дочь какому-нибудь сейиду или смотрителю мечети, или просто шейху своего племени, если тот соблаговолит принять такой подарок. Сейид или настоятель мечети могут отдать ее кому-либо за выкуп, а шейх, имеющий не одно такое «подношение», обычно одаривает им своих друзей или родственников.

Один из самых чудовищных средневековых обычаев, бытующих в Ираке, особенно в сельской местности, и осуждаемых всеми прогрессивно настроенными людьми, — это убийство женщины, подозреваемой в прелюбодеянии. Ни в Коране, ни в основанных на его положениях канонах мусульманского права не говорится о доказательствах акта прелюбодеяния, возможных свидетелях нарушения супружеской верности и других деталей, а также точно не определяется, какое действие следует расценивать как прелюбодеяние. Арабы, живущие на болотах Южного Ирака, считают актом прелюбодеяния даже разговор замужней женщины с незнакомым мужчиной или ее улыбку в ответ на его приветствие. Беседа женщины или девушки с незнакомцем даже на самую безобидную тему считается недопустимой не только на болотах, ставших в Ираке синонимом дикости и невежества, но и в городах. Женщина, как правило, не отвечает на вопрос, как пройти на такую-то улицу, закутывается в абу и быстро исчезает. Кто может поручиться, что один из свидетелей, необходимых для обвинения ее в прелюбодеянии, не находится где-то рядом и не расскажет о виденном мужу или отцу.

«Прелюбодейку» убивает родной брат, дядя, отец или в крайнем случае муж. Мужчину, отказавшегося убить мнимую преступницу, презирают за проявленную слабость, не приглашают в гости и при встрече даже не подают руки. Если же он совершит убийство, о его «подви-

ге» будут долго рассказывать в назидание потомству и помогут скрыться от властей. Из полицейской хроники местных газет Багдада я узнал, что такие убийства, квалифицированные мусульманским правом как «гасль аль-аар», т. е. «смывание позора», не столь редки даже в столице и ее окрестностях. За такое преступление, рассматриваемое в шариатском суде, дают не более шести лет тюрьмы, хотя за обычное убийство, не мотивированное вопросами чести, положены каторжные работы сроком на десять-пятнадцать лет.

Мои багдадские знакомые, принадлежащие к различным слоям местной интеллигенции, говорили, что, как правило, убийство женщины, подозреваемой в прелюбодеянии, совершается по принуждению. Ни отец, ни брат, ни дядя не желают убивать виновную, пытаются как-то уклониться от выполнения этого обычая. Тогда собирается вся большая семья, детально рассматривает вопрос и принимает решение, чаще всего за убийство, ибо вопросы чести семьи всегда выше личных чувств каждого из ее членов.

Женщины в Ираке, как, по-видимому, и в других странах, суеверны. Они верят в заговоры, приметы и стараются соблюдать установленные предками обычаи и обряды, особенно если это касается детей, мужа и порядка в доме. Как знать, а вдруг нарушение обычая повлечет несчастье на семью? Например, в Хадите, как и на Руси, женщина никогда не выметает сор из дому после отъезда близких, а выждет день или больше, прежде чем сделать уборку. В противном случае поездка не будет удачной. Женщина в Ираке никогда не выльет на землю горячую воду, чтобы не ошпарить тех, кто «живет под землей». Особенно оберегают женщины детей от дурного глаза и порчи. Это понятно, так как дети — их гордость, надежда в старости и часто причина привязанности и уважения мужа. Верным средством, оберегающим ребенка от дурного глаза, в северо-западных равнинных районах Ирака считается зуб какого-либо животного, предпочтительно волка. Зуб, а лучше два оправляют в серебро или в серебряный обруч с дужкой и вешают на грудь либо на бок, а совсем маленьким детям его прикрепляют к волосикам на голове. Чаще всего талисман состоит из двух бусинок, одна из которых называется «вадаа», а другая — «хударма». Иногда на ребенка надевают кожаный

мешочек с надписанной каким-либо сейидом охранной грамоткой. При этом женщина не преминет произнести заговор: «Сбереженный с помощью Аллаха от глаза любого человека, от глаза твоей матери, твоего отца и от злого глаза твоего соседа». Женщина никогда не накажет своего ребенка при заходе солнца, так как это навлечет на него болезнь. Она не преминет подержать младенца животом вниз над тестом и мукой, чтобы на него сошло благословение, или уложить его среди книг, чтобы он стал умнее. Если ребенок упал на землю, мать, подняв его и успокоив, бросит щепотку соли в сосуд с водой и выльет на место, где упал ребенок, произнеся фразу: «Вода да соль, а я в мире с тобой». Женщины в Хадите считают, что ребенок падает потому, что ангел пожелал этого, и вот она, за добрив его водой и солью, просит его этого не делать. Но, если с ребенком случилось несчастье, женщины немедленно стараются обнаружить злоумышленника. В Хадите для этого мать ребенка или его бабка растапливает свинец, выплескивает его на веник из пальмовых волокон и внимательно всматривается в застывший кусок свинца, чтобы разглядеть лицо злоумышленника. Приближение несчастья, по мнению хадитских женщин, можно предугадать. Если маленькая девочка вдруг вздумает подмести дом, подерутся у порога воробьи, зачесется ладонь или послышится голос из «батыня» — сосуда из пальмовых листьев, обмазанного варом, в котором готовят тесто, неминуемо жди беды.

Самая большая беда для женщины — быть бездетной. В этом случае она делает все возможное, чтобы побыстрее стать матерью. Во время праздника дня рождения пророка Мухаммеда она устраивает праздник и приглашает гостей. В комнате, в центре ставится кувшин с водой, и, как только уходят гости, она спешит вымыться водой из этого кувшина. С этой же целью она закрепляет несколько свечек на куске дерева и пускает его по течению реки, а сама спешит домой. Или, например, она приходит в дом, где должна состояться свадьба, чтобы постоять в дверях, через которые должна войти невеста.

Смерть человека в Ираке всегда оплакивают публично. В Хадите я стал свидетелем похоронной процессии.

На пыльной дороге показывается траурная процессия, шествующая в сторону города. На носилках, покрытых парчовым покрывалом, лежит покойник. Оказавшие-

Водоподъемное устройство в Хадите

ся поблизости люди подходят, подставляют под носилки плечи и, пройдя несколько шагов, уступают место другим. Это дань уважения усопшему. Впереди процессии идет «мушай», человек, говорящий подобающие для этого случая фразы из Корана, которые вполголоса скандируют сопровождающие.

Как мне рассказывали, на кладбище покойника обмывают в специальном месте, называемом «магсаль», заворачивают в «кяфан» (саван) и кладут в нишу могилы на левый бок лицом в сторону Мекки. 40 дней продолжается траур. В первый день в доме усопшего собираются родственники и друзья. Женщины, возглавляемые «мулаей», оплакивают покойника, распускают волосы, бьют себя по лицу, груди и плечам. Вся церемония плача называется «лутам». Мужчины собираются в это время в другой комнате. Каждый вновь вошедший, усаживаясь на корточки выдыхает: «Фатиха», и кто-либо из присутствующих начинает снова и снова читать «Фатиху» — первую суру Корана. Оплакивание также может продолжаться 40 дней. Если умерли отец или мать, дочери стар-

ше 40 лет обычно носят вечный траур. Младшие дочери могут дать обет носить траур год-два или больше. Мужчины надевают черные галстуки, иногда отпускают бороду.

Эта траурная процессия, которую я наблюдаю с холма, где сижу со своим приятелем Ясином, никак не гармонирует с ярким весенним днем, наполненным ароматом цветущих апельсиновых деревьев.

— Через семь дней после погребения в семье усопшего приготовят халву из фиников; ее будут раздавать родственникам, знакомым и всем, кто посетит этот дом, — говорит Ясин. — Угощение это называют «аша аль-мейт» — «ужин усопшего». У нас считают, что каждая косточка использованного для приготовления халвы финика представляет собой свечку, зажженную в его могиле.

Вдруг серебристый прозрачный воздух разрывает тонкий женский крик. Сначала одна, потом другая, а потом уже несколько женщин на высоких нотах повторяют слова плача по усопшему, которые переводит мне с местного диалекта Ясин:

Смерть была частью вчерашнего дня,
Как завоет волк, остерегайся последствий.
Отрежьте волосы, дорогие мои подруги,
Плачьте горькими слезами вместе с ее родными,
Обильными слезами, обильными слезами,
Падающими на песок, ненасытный песок...

— В этом доме умерла женщина, — говорит Ясин. Ее муж должен определенное время воздерживаться от вступления в новый брак в знак уважения памяти усопшей. Если же он поспешит взять другую жену, то сестра умершей, если она сочтет второй брак оскорблением памяти сестры, отправится на кладбище и зароет в могильный холмик куриное яйцо, чтобы у покойницы «от стыда не вылезли глаза».

Уже в самой одежде иракской женщины-горожанки проявляется ее неравноправное по сравнению с мужчиной положение. Мужчина может позволить себе надеть костюм любого цвета, женщина же при выходе на улицу набрасывает на себя тяжелую черную абу. В старые времена женщины надевали две абы — одну шерстяную в виде халата с длинными или короткими рукавами и вторую, шелковую, поверх первой. На голове — темный пла-

ток, перетянутый на лбу черной блестящей тканью, называемой «чаргад». Другой черный платок — «фута» спускается от подбородка на грудь. В Багдаде и центральных районах страны девушка иногда может позволить себе вольность и надеть белую футу. Пожилая женщина носит белую футу только в том случае, если она совершила паломничество в Мекку и Медину. В первые годы ислама, когда арабские женщины принимали участие в боях наравне с мужчинами, они закрывали только часть лица тонким платком «химар», оставлявшим открытыми глаза. Впрочем, химар и сейчас носят в пустынных районах арабских стран даже мужчины, особенно во время песчаных бурь. Черный или белый платок, закрывающий все лицо и называемый в Ираке «пуши», в Багдаде женщины почти не носят. Только та, которая занимается самой древней в мире профессией, иногда закрывает пуши все лицо, чтобы пройти неузнанной в заведение, где она работает.

Одежда сельских женщин и малоимущих слоев населения отличается большой простотой. Сельская женщина готовит пищу, стирает белье, убирает дом, а также вместе с мужем работает на поле. Ее костюм должен отвечать прежде всего практическим потребностям повседневной жизни, однако основные детали женского туалета и в городе, и в деревне одинаковы, хотя и могут отличаться цветом. В районе Хадиты женщины покрывают голову футой, перетянутой чаргадом. Фута делается предпочтительно из тонкой шелковой ткани «газ». Чаргад здесь иногда называют «усбаа» или «усаба» и делают обычно из красного материала. Более нарядным головным убором в Хадите считается «хабрайя». На нем — богатая вышивка. Женское платье, называемое «дишдаша» или «шальха», шьется с разрезом на боку. Поверх шальхи надевают «забун» (типа кофты) разных цветов, а во время холодов — войлочную «лаббада», сделанную в форме жилетки. Иногда женщины носят платье, называемое «джунта». Оно похоже на мешок («шанта» — «мешок», «чемодан»; в Хадите произносится «джунта»), так как сшивается по краям, а сверху делается прорез для головы. На ногах у женщин в этом районе обувь, «шаххата», похожа на наши шлепанцы. Слово это произошло от корня «шахата», которое означает «чиркать». Отсюда название спичек в Ираке — «шихата». Иракские

женщины не знают чулок, но в деревнях среднего Ирака я видел, как они обматывают ноги полосками ткани.

Иракская женщина, как и женщина из любого уголка мира, любит драгоценности. Во время поездок по Ираку я не раз останавливался на дороге, чтобы посмотреть на украшения и даже послушать, как они звенят. От женщины исходит мелодичный перезвон многочисленных браслетов и монист. Как правило, это личные драгоценности, которые были подарены ей женихом или куплены мужем, если семья живет в достатке и довольстве. Но даже когда женщина бедна, она ухитряется скопить денег, чтобы купить себе украшение предпочтительно с золотой турецкой лирой или английской гинеей. На меньшее она не согласна, особенно если деньги накопила сама. Чистое золото они называют «абуль айба». Я так и не смог узнать, откуда пошло это название.

Наиболее распространены в Ираке монисты, набранные из золотых или серебряных монет, и серьги. В различных местах монисты называются по-разному. В центре монист, как правило, помещают крупную золотую пластинку, в которую вделан камень или бусина, называемая «айн», т. е. «глаз». Серьги на иракском диалекте называются «тарачия» и имеют самые разнообразные формы и размеры. Некоторые серьги, набранные из золотых пластинок или серебряных монеток, в длину достигают 30 сантиметров. Женщины в иракских деревнях вставляют в крыло ноздри золотую или серебряную запонку — «варда» («розочка»). В центр варды помещают голубую или зеленую бусину.

На изготовление бижутерии в основном идет золото, а затем уже серебро. На мусульманском Востоке считается, что бирюза приносит счастье и благополучие, поэтому каждая женщина стремится купить украшение с бирюзовой бусиной, а в случае крайней бедности — приобрести безделушку хотя бы с голубым стеклом или камнем, имитирующим бирюзу. Самую красивую бирюзу привозят из Ирана, но здесь, в Ираке, можно встретить и бледно-голубую, линялого цвета бирюзу из Китая, которая ценится дешевле иранской. В ювелирных рядах Багдада и других иракских городов много изделий из жемчуга, однако арабки из сельских районов Ирака редко обзаводятся такими украшениями, несмотря на их доступность по цене. Мне говорили, что жемчуг все еще счи-

тают в народе «слезами рыб». Ну а кто же согласится украшать себя слезами!

В Ираке, как нигде в других странах, сельские женщины широко прибегают к татуировке лица и тела. Татуировка распространена среди племен анайза, дафир и среди арабов, живущих на болотах и в провинциях Эн-Насырия, Дивания и Басра. Некоторые ученые, в частности английский полковник Диксон, проживший около 25 лет в Кувейте и получивший известность своими работами по этнографии арабов Кувейта и Северной Аравии, полагают, что живущие на болотах Южного Ирака арабы — это потомки древних шумеров, от которых они и унаследовали обычай татуироваться. Он приводит некоторые образцы татуировки женщин болотных арабов и племен мунтафик, которые были собраны его женой. Мужчины никогда не делают татуировки, считая это позорным, но для женщин татуировка даже в интимных местах вполне допустима и даже привлекательна.

Как в деревне, так и в городе мусульманка большую часть своего времени проводит в четырех стенах. Ее держат взаперти, чтобы оградить от соблазнов, выпускают на улицу лишь в сопровождении ближайших родственников, приказывают надеть абу, чтобы кто-либо из посторонних мужчин «не коснулся ее грязным взором». Общежития студенток в столичном университете запираются в восемь часов вечера. Наши ребята и девушки, студенты Багдадского университета, ходившие вместе в кино и на лекции, вызывали немалое удивление, но отнюдь не желание подражать.

В Ираке широко распространен обычай давать имена с приставками «отец (абу) такого-то» или «мать (умм) такого-то». Такие приставки называют «куния» и в обиходе, пожалуй, чаще употребляются, чем собственные имена. Если у матери несколько сыновей, ее называют по имени старшего, а если несколько девочек и один сын, будь он еще в колыбели, ее назовут именем сына. На озерах Южного Ирака муж к жене по имени не обращается, а зовет ее просто «вилич». С местного говора это можно перевести как «эй, ты». Известный иракский социолог, доктор Али аль-Варди признает, что положение женщины в Ираке более тяжелое, чем в какой-либо другой соседней мусульманской стране.

Но времена меняются. Все чаще на улицах Багдада

встречаются мусульманки без абы, в европейских платьях и костюмах. Это даже становится своего рода мерилом культуры в каждом городе. Так, один мой багдадский знакомый называл город Кут отсталым, так как там редко встретишь женщину без абы, в то же время о Дивании он говорил как о более прогрессивном городе, где многие женщины уже сняли черную накидку, а те, которых ревнивые мужья заставляют носить на улице абу, стараются все-таки одеться по-европейски. Модные платья, называемые «нафнуф», постепенно вытесняют «атаг» — длинное, до пят платье, которое похоже на ночную рубашку и которое раньше надевали под абу. Все большим спросом пользуются «скарбиль» — модные женские туфли на высоком каблуке, которые стала выпускать обувная фабрика в Куфе. На страницах местных газет все чаще мелькают имена женщин, получивших высшее образование и выступающих за эмансипацию. В конце июля 1966 года кувейтская театральная труппа поставила на сцене Национального театра в Багдаде пьесу молодого кувейтского автора Сакра Рашвада. В ней речь идет о борьбе нового и старого в кувейтских семьях, об отношении к женщине. В зрительном зале большинство иракских женщин были одеты в европейские платья. В общем, новое в жизни женщин Ирака все настойчивее пробивает себе дорогу.

В городе двух весен

Весна в Мосуле, лежащем в 400 километрах к северу от Багдада, считается самым лучшим временем года. Город находится на высоте 223 метров над уровнем моря в холмистой плодородной степи, недалеко от горных хребтов Сефин, Захо и Синджар. Весной пахнущий снегом восточный ветер с виднеющихся на горизонте белых гор гонит по небу кучевые облака, ходит волнами по зеленой щетине всходов пшеницы и ячменя, а мягкое солнце придает шоколадный оттенок бурному Тигру, несущему свои мутные воды через город. Зеленая холмистая степь с пьянящим запахом весенних цветов и трав манит людей из надоевшего за зиму города с его сутолокой и шумом, с ядовитым запахом отработанных газов, стоящих голубым облаком в узких туннелях серых, закопчен-

ных улиц. В Мосуле выпадает ежегодно 400 миллиметров осадков, т. е. в два с лишним раза больше, чем в Багдаде и Басре, и весной здесь почти каждую ночь идет дождь. Черный ячмень и пшеница, выращенные в Мосуле, пользуются большим спросом на мировом рынке, особенно ячмень, который вывозится в страны Западной Европы, где он идет на приготовление лучшего пива.

Первый раз я попал в Мосул осенью. Опали листья в фиштаксовых садах и городском парке, урожай на полях и огородах был собран, и овощной рынок играл всеми цветами радуги. Набегавшая грозовая туча, обгоняемая сполохами молний, терпкий запах увядающей травы, пустые поля и ломящиеся от овощей и фруктов лавки — все говорило об окончании лета и наступлении осени. Мосульцы считают прохладную осень таким же, как и весна, благодатным сезоном и любовно называют свой город «Умм ар-рабиайн» — «Мать двух весен».

На окраине Мосула находятся развалины Ниневии, последней столицы Ассирийской империи после Ашшура, Калаха (Кальху) и Дур-Шаррукина. Возвышение города, обязанного своим названием великой богине древнего Двуречья — Нин, связано с именем царя Синахериба, сделавшего его в VII веке до новой эры своей столицей. В то время Ассирия была одной из могущественных держав Востока. Ее воины стояли под стенами Иерусалима и иудейских крепостей, воевали в Сирии и Армении, штурмовали горные вершины в Северном Ираке. В 689 году до новой эры ассирийцы приступом взяли Вавилон, перебили его жителей, разрушили его дворцы и храмы, завалили каналы, разрушили дамбы и, погрузив на корабли несколько тонн вавилонской земли, отвезли ее к острову Бахрейн и там развеяли по ветру, символизируя тем самым духовное уничтожение своего извечного соперника. Военные суда ассирийцев спускались по Тигру, грабили Персию, сеяли смерть и разрушения. Кровавые деяния ассирийских правителей поражают своим размахом, масштабом насилия и изощренной жестокостью.

Ассирийского царя Синахериба волновали не только его ратные подвиги. Отказавшись занять трон в столице своих предков, этот одаренный и способный полководец с неуравновешенным и вспыльчивым характером сделал все, чтобы его новая столица Ниневия затмила славу прежних. Строительная горячка охватила царя и его

придворных. Они сносили целые кварталы старых построек, чтобы освободить место для своих гигантских дворцов, площадей и улиц. В западной части города был построен дворец царя, описать который у древних авторов не хватило слов. По дворцовому парку, засаженному деревьями редких пород и кустарниками, разгуливали дикие животные и птицы, привезенные царем из дальних походов. Ниневия была и крупнейшим торговым центром страны. Как писал один древний автор, в городе «купцов было больше, чем звезд на небе». Весь этот город, разбогатевший на крови покоренных народов и стран, окружала 25-метровая стена, которая «своим ужасным сиянием отбрасывала врагов».

... Я сижу на поросшем травой продолговатом холме, мягкие очертания которого теряются где-то вдаль. Это стена Ниневии. Она не отбросила врагов, пришедших к ассирийской столице, чтобы отомстить за разбой и унижения. Объединенная армия мидийского царя Киаксара и вавилонского царя Набопаласара в 612 году до новой эры осадила Ниневию и взяла ее штурмом. Мидийцы и вавилоняне поступили с городом так же, как в свое время ассирийцы поступали с покоренными странами: дворцы Ниневии и ее стены были разрушены, жители перебиты или угнаны в рабство, а богатства, свезенные со всех покоренных стран, разделены между победителями. Уцелевшая горстка жителей перебралась на холм (настоящее название — Куюнджик), где находился дворец Ашшурбанипала, внука Синахериба, и возвела разрушенные стены.

Деревня, лежащая у подножия холма, носит название Ниневия в память об огромном городе, шумевшем на берегах Тигра более 25 веков назад.

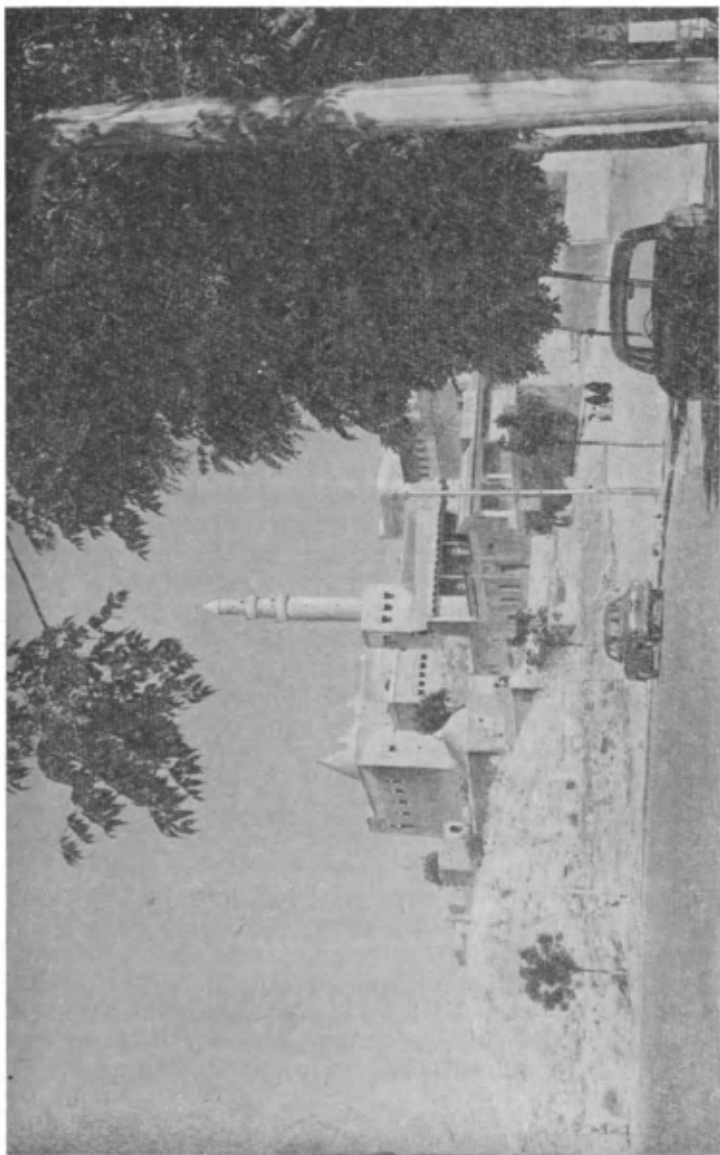
Открытие ассирийских древностей связано с именами англичанина Остина Генри Лэйярда и француза Поля Эмиля Ботта. Как и многие образованные люди начала XIX века, Ботта был одновременно путешественником, врачом и натуралистом, политическим деятелем, дипломатом и немного авантюристом в хорошем смысле этого слова. Еще юношей он совершил кругосветное путешествие, служил у египетского паши Мухаммеда Али, объездил весь Аравийский полуостров, был французским консулом в Александрии. В 1840 году Ботта получил назначение на должность французского консула

в Мосул и прибыл в этот город с горячим желанием продолжить свои путешествия.

На мосульской улице, идущей вдоль полотна железной дороги, примерно в том месте, где начинается пологий спуск к гостинице «Рафидейн», и сейчас стоит четырехэтажное кирпичной кладки строение, похожее на угловую башню средневекового замка. Узкие бойницы-окна начинаются только на уровне второго этажа, а крыша с флагом сделана в виде зубчатой стены. В этом здании находилось французское консульство, где с 1840 года в течение нескольких лет работал Ботта. Окончив скучную работу и закрыв свой кабинет, он либо садился на коня и выезжал за город, скакал по зеленым холмам в окрестностях Мосула, ломая голову над их происхождением, либо отправлялся бродить по лавкам местного базара и лачугам, покупая у мосульцев старинные изделия. Его интересовали антикварная посуда, кирпичи с неизвестными черточками, которые создавали впечатление, будто по сырой глине пробежало несколько птичек, оставивших отпечатки лапок, черепки с непонятным, явно немусульманским орнаментом. Не раз его вводили в заблуждение тем, что указывали на то или иное место, где якобы были найдены эти кирпичи с непонятными значками и черепки. Как-то на свой страх и риск Ботта начал раскапывать один из холмов, прилегающих к Куянджику, и нашел несколько кирпичей и осколков алебастровой посуды, так и не обнаружив развалин Ниневи.

И вот однажды в его кабинете появился араб и сказал, что может показать Ботта место, где видимо-невидимо кирпичей, испещренных непонятными знаками. Француз отнесся недоверчиво к этому сообщению, но все же послал с арабом своих людей. Маленькой экспедиции суждено было обнаружить древнейшую цивилизацию, существовавшую более двух с половиной тысячелетий назад. Это сделало имя Ботта бессмертным.

...Сейчас я стою на холмах Хорсабада, в 75 километрах от Мосула, куда араб привел помощников Ботта. Слева от дороги, ведущей в Айн-Сифни, где поселился глава таинственной религиозной секты езидов, лежит маленькая арабская деревушка. Здесь, наверно, и живут потомки того араба, который рассказывал Ботта, что именно из камней с клинописью, которые ищет француз, он и его односельчане сооружают очаги в домах.

Мосул. Мечеть наби Юнеса

Нужно было иметь большое воображение, чтобы под зелеными холмами разглядеть очертания столицы ассирийского царя Саргона — Дур-Шаррукин и его великолепного загородного дворца, сооруженного в 709 году до новой эры, после завоевания Вавилония. В 1843—1846 годах Ботта раскопал его гигантские стены, испещренные изображениями диковинных животных, барельефами бородатых царей и крылатых богов, его помещения с изумительными по форме вазам и предметам из алебаstra, рассыпавшимися от прикосновения в порошок. Все эти вещи говорили о величии открытой цивилизации. Они подтвердили, что «Арам Нахараим» («Сирия между двумя реками»), как называется верхнее Двуречье в Ветхом завете, действительно существовало со своими ужасными царями, несшими смерть и разрушения соседям. Открытия Ботта положили начало ассириологии как одной из ветвей археологической науки. Но после осмотра Хорсабада теряешь уважение к неутомимому французу. Жалкая прорытая траншея с гранитными глыбами да несколько камней, разбросанных вдоль дороги, — вот все, что оставил здесь предприимчивый француз.

...Мы сидим с Саидом, моим мосульским другом, на длинном зеленом пригорке, бывшем когда-то стенами Ниневии, и смотрим на расстилающуюся перед нами холмистую степь. Слева от нас находятся ворота Нергала, которые вели в древний город. В 1956 году они были обнаружены при раскопках. Здесь устроен небольшой музей. У восстановленных ворот стоят два стража — крылатые быки, над воротами — старинная роспись, подходы вымощены большими плитами. У нас за спиной поднимается Куюнджикский холм, куда после разрушения ассирийской столицы перебрались уцелевшие жители. Недалеке виден другой холм, сплошь застроенный домами. Среди строений выделяется мечеть пророка Ионы (как говорят арабы, наби Юнеса) с куполом в виде ребристого колпака и невысоким скромным минаретом.

Арабский историк XIII века писал, что бог послал в Ниневию пророка Иону, однако жители города отказались слушать его призывы. Наступила пора возмездия, начался мор, испуганные женщины и дети пришли на холм, обнажили головы и каялись в своей неверии. Бог внял их молитвам и снял с них кару. Это место называется «холмом раскаяния». Сейчас здесь построена упо-

мянутая мечеть. К ее толстым стенам какой-то местный богатей пристроил особняк затейливой архитектуры. С именем Ионы здесь связана легенда о существовавшей ранее водяной мельнице, которая останавливалась при словах «стой именем Юнеса». Вода текла по желобу, но огромные каменные жернова не вращались, пока мельник выгребал муку. Но стоило ему произнести: «Я закончил свою работу», как жернова вновь начинали вращаться. Эта легенда напоминает известную восточную сказку, в которой двери к разбойничьим сокровищам открывались при словах «Сим-сим, открой дверь».

Мой друг Саид стар. У него седая борода, загорелое морщинистое лицо с уже поблекшими голубыми глазами, коричневые, в толстых узлах вен руки. Обращаясь ко мне, он называет меня «аджи» — «мальчик», «паренек». У Саида мосульский говор, и я напряженно вслушиваюсь в его неторопливую речь.

— «Мосул» в переводе с арабского означает «мост», «проход», — говорит Саид. — Наш город всегда считали торговым мостом между Востоком и Западом. Именно торговле он обязан своим возрождением из маленькой, обижаемой всеми деревушки до большого современного города с полумиллионным населением. Мягкое произношение Саида выдает в нем коренного мосульца. Одна из фонетических особенностей мосульского говора — это легкое грассирование, кроме того, в конце каждого существительного они произносят долгое «и».

Действительно, место, где сегодня раскинулся Мосул, хорошо известно историкам. В V веке до новой эры город назывался «Машбалу», что в переводе с арамейского языка означает «низкое место» и отражает географическую особенность города. Живущие здесь издавна христиане прежде называли Мосул «Хусн убрайа», т. е. «Крепость на переправе». Название «Мосул» впервые появляется в 636 году, накануне мусульманского завоевания. Видимо, приход мусульман на берега Тигра связан с новым названием города, поскольку они всегда рассматривали это место как исходный рубеж для своих завоеваний.

— Мусульмане захватили Мосул в 640 году, — продолжает Саид, — и превратили его в укрепленную крепость, откуда ходили походами в Армению и Азербайджан. Уже с III века на севере Ирака жили арабские

племена теглиб, айяд, бакр, аль-нимр бен касем, а после мусульманского завоевания здесь можно было встретить и представителей племен тай, аль-азад, абд кейс, кинда, аль-хазрадж, шибан, сулюль и др.

Саид на минуту замолкает, собирается с мыслями. Я попросил его рассказать мне историю Мосула, и он очень добросовестно отнесся к моей просьбе. Большую часть своей жизни он провел здесь, в своем родном городе. Историю города он знает отлично и все собирается написать об этом книгу, да старческие недуги и многочисленные внуки отнимают у него свободное время.

— Наибольшего расцвета Мосул достиг в средние века, во времена правления атабеков. XII и XIII века были золотым временем для нашего города. Из Мосула и провинции вывозили пшеницу, ячмень, фрукты, мед, соль, знаменитые ткани и изделия местных ремесленников, а ввозили ковры и золото из Армении и Ирана, стекло и сахар из Сирии, шелк и фарфор из Китая, меха, клинки и кинжалы из Северной Африки. Средневековый историк Якуб аль-Хамави назвал наш город «караванной станцией», откуда можно добраться в любую страну. «Мосул — двери Ирака и ключ Хорасана, — писал он. — Отсюда можно попасть в Азербайджан. Я много слышал о том, что есть три великих города: Нишпур, ибо он дверь на Восток, Дамаск — дверь на Запад и Мосул, потому что любой путешественник, чтобы попасть в первых два города, его не минует. В этом городе можно найти все, чего нет в других».

Саид замолкает, устало дышит после длинной цитаты, произнесенной с большим подъемом. Мне на память приходят сказки из «Тысячи и одной ночи», в которых женщины «с волосами черными, как ночь расставания, и станом гибче кипарисовой ветви» при выходе на улицу закрывались от нескромных взглядов в шелковый мосульский изар. В средневековой Европе тончайшая ткань, выработанная в Мосуле и называемая поэтому «муслин», пользовалась огромным спросом. В Мосуле создавались ткани из хлопчатобумажной пряжи с добавлением шелковой нити, называемые «мухаррарат», ткани с золотым и серебряным шитьем, которыми восхищался Марко Поло, проезжавший Мосул, тяжелая золототканая парча. Мосул и сегодня славится своим текстильным производством. Здесь построен правительственный завод по про-

изводству нейлоновых носков и чулок и несколько частных фабрик, вырабатывающих добротные хлопчатобумажные ткани из выращиваемого в южных районах хлопка. Но и сейчас наряду с фабричным производством в Мосуле и окрестных деревнях можно встретить местных кустарей, которые выделывают прочные ткани, идущие на изготовление одежды и других предметов домашнего обихода.

По соседству с домом одного моего мосульского друга жила семья потомственных ткачей. Они уже не занимались своей профессией, и старый ткацкий станок стоял в большом и светлом сарае, бывшем когда-то цехом семейной ткацкой фабрики. Любого хорошего специалиста своего дела арабы уважительно называют «устаз», т. е. «профессор». На мосульском диалекте это слово укорочено и звучит как «уста». Уста имеет нескольких учеников, которые работают на него и одновременно обучаются этой профессии. Жена специалиста — по-мосульски «янча» («кузина») или «бинт амм» — дочь дяди по мужской линии. Именоваться «уста» и «янча» очень почетно. По этому поводу существует чисто мосульская притча, рассказанная мне одним мосульским ткачом.

Один уста, несмотря на свое старание и хорошее качество изделий, никак не мог принести домой достаточного для семьи количества денег. Его жена, расстроенная таким ходом дел, как-то стала уговаривать своего мужа бросить профессию ткача и заняться другим, более прибыльным делом. «Разве тебе недостаточно, что тебя называют „янча“, а меня „уста“?». Аргумент был настолько веским, что хозяйка дома не могла ничего возразить своему мужу.

Каждая женщина в Мосуле, особенно если она из простой и необеспеченной семьи, должна уметь прясть шерсть и хлопок. Здесь прядут на специальном веретене «магзаль» — длинной строганой палочке с крестовиной на одном конце и металлическим крючком на другом. Если женщина не умеет прясть, то ее дом никогда не будет полной чашей. Девушки учатся прясть еще в молодости, и часто можно встретить пожилую женщину с выводком девочек, которые под ее присмотром учатся этой незамысловатой, но нужной профессии. Они собираются в четверг и весь день работают. Сделанную пряжу женщина относит на рынок, продает ее и покупает девочкам

сладости, орехи, фисташки, которые раздает им в субботу. Иногда женщина на вырученные деньги покупает хну, которой девочки красят свои ладони в следующую пятницу.

В Мосуле есть сук «аль-газаль», специальный рынок для продажи пряжи, шерсти, хлопка и прочих изделий ткачей. Это настолько известное в городе место, что когда хотят сказать о чем-то само собой разумеющемся, то говорят: «Это же ясно, как тропинка на сук аль-газаль». На рынке обычно шумно: трещат веретена, стучат ткацкие станки, громко торгуются женщины. Крик стоит такой, что, как говорят в Мосуле, «аль-виляйди ма таараф валядага» («мать не может услышать своего дитяти»).

Прежде чем хлопок или шерсть попадает к прядильщику, они проходят через руки чесальщика, называемого «наддаф». Его рабочие инструменты — это «кус», выгнутая гибкая палка, закрепленная одним концом на толстом чурбане, и «жек» — короткий обрубок, которым наддаф ударяет по натянутой, как тетива лука, веревке, соединяющей оба конца куска. Наддаф работает на короточках. В Мосуле много поговорок, связанных с инструментами чесальщика. Так, например, если женщина высока ростом и немного сутула, ее сравнивают с кусом наддафа.

В средние века Мосул славился также изделиями своих медников, которые изготавливали предметы с серебряной и золотой чеканкой, отличающиеся совершенством формы и богатством узора. Мосульские мастера делали блюда, чаши, курительницы и прочую домашнюю утварь. Они покрывали изделия мелким геометрическим или растительным узором, в который вписывали изречения из Корана и высказывания мудрецов. Иногда в узорах вычерчивались медальоны с изображениями различных жанровых сцен. Характерным для того времени изделием является медный кувшин, изготовленный мосульским мастером Шаджаа ибн Манаа во второй половине XIII века. По поверхности кувшина, сделанного в форме восьмигранника, идут три полосы медальонов со сценами охоты, пира, конных скачек, танцев. Наиболее крупные чеканные медальоны, заключенные в узорчатую рамку, расположены в нижней части кувшина, несколько выше декоративной надписи. Среди других интересных произведений мосульских чеканщиков можно отметить бронзо-

вый таз атабека Бадр ад-Дина Лулу, изготовленный по его приказу в первой половине XIII века. Он представляет собой бронзовое блюдо диаметром 62 сантиметра, богато инкрустированное серебром. В центре блюда вычерчены четыре сфинкса и крылатые грифоны. В фон мелкого геометрического орнамента вписаны два пояса медальонов со сценами охоты, пиршеств, танцев и изображения, олицетворяющие Солнце, Луну, Юпитера и Венеру. В среднем поясе каллиграфическим «цветущим куфи», письмом, изобретенным в столице халифа Али — Куфе, сделана дарственная надпись.

— В 1393 году Мосул был захвачен Тамерланом, и с этого времени город не знал покоя, — грустно сообщает Саид. Один завоеватель следовал за другим, грабежи и поборы заставили жителей покинуть город и искать убежища в других странах. Только строительство железной дороги вдохнуло жизнь в город, считающийся сейчас больше сельскохозяйственным, чем торговым и промышленным центром.

Сейчас в Мосуле лето. Оно здесь жаркое. Ветерок вечером приносит сильный запах сероводорода от сернистого источника, который находится у развалин старой турецкой крепости Баштоба и зимой затопляется водой. В окрестностях Мосула есть еще несколько минеральных источников. Один из них называют «айн ад-дейр» — «монастырский источник». Он расположен близ монастыря Мар Илия. К югу от Мосула находятся горячие источники Хамам Алил и Айн ас-Сафра. К Хамам Алил в выходной день часто приезжают на отдых мосульцы, разбивают палатки или строят «аразиль» — шалаши из циновок, где спасаются от солнца.

Летом Тигр в Мосуле мелеет. На его песчаных берегах разбивают шалаши. Здесь собирается бедный люд выпить стакан чаю. Буйволы вброд переходят обмелевшую реку. Мосульцы ведут на веревочках послушных овец к реке, чтобы искупать их. Этих овец на мосульском диалекте называют «габаит» (от слова «рабата», производимом здесь как «габата»), т. е. «привязывать», «связывать». Обычно мосульцы весной покупают ягнят, держат их на привязи во внутренних двориках своих домов все лето и режут с наступлением зимы, чтобы из нежного мяса сделать бастурму.

Мосульская поговорка «Сейф — абуль фукаги» («Ле-

то — отец бедняков») означает, что летом у бедняка меньше забот, чем зимой: он легко может найти работу на пашне, строительстве домов, ему не надо беспокоиться о ночлеге, теплой одежде и пище. Еда дешевле летом, чем зимой, и вполне доступна даже бедняку. Лето в Мосуле начинается в июле. В этот месяц жители города выбирают вместе со своими спальными принадлежностями на крышу из душных жарких комнат. Большинство домов здесь построено из камня. Стены нагреваются за жаркий день и только к полуночи становятся прохладными. Поэтому летом многие мосульцы не ложатся рано спать, а предпочитают проводить время с друзьями и приятелями за столиками кафе или на берегу Тигра. Рано утром женщины выходят на стирку к Тигру. Они берут с собой речной ил, называемый «чиль» или «хатуг», и деревянную скалку, которой отбивают набухшее от воды белье. До строительства водопровода на заре весь левый берег Тигра был усеян стирающими женщинами.

По утрам на улицах и переулках Мосула появляются бродячие торговцы и ремесленники. Выкрики «джаххаша», погонщика ослов, заглушаются голосами продавцов буйволиных сливок и молока, взывающих: «Халиб! Халляйб! Халиб! Халляйб!» («Молоко! Молочко!»). Их крики перемежаются с призывами ремесленников: «Ми...наккаль инаккаль!», или «Байидун фагайаг!», или «Наджар иксар хашаб!» Эти ремесленники предлагают отремонтировать мебель, так как по-мосульски «фагиг» — это не только медная посуда, но и вообще вся домашняя утварь и мебель, и... напилить дров. То здесь, то там мелькает «абуль атик» (старьевщик), который зычным голосом будит заспавшихся горожан: «Кааамис атик! Забун атик!» («Старые рубахи берем! Старые зипуны берем!») После обеда мосульцы отдыхают. Но это не относится к ремесленникам и трудовому люду. Им неведома праздность. Прислушайтесь в это время, и вы услышите: «Яа аба джиб... джиб хаджаг... джиб джус... хуни джиб». Это работают строители, и короткие, произносимые нараспев слова означают приказание подать то гипс, то камни и пр.

В каждом старом мосульском доме устроены два летних помещения: первое — на крыше, где спят ночью, второе — полуподвал, отделанный мрамором, где проводят послеобеденный отдых. Полуподвал, углубленный на

метр и более от поверхности земли, называется «рахра». Часто в доме есть еще и другие полуподвалы, но они уже называются, как и в Багдаде, «сирдаб». Здесь свалена старая мебель, дрова и уголь на зиму. Раньше в подвалах многих мосульских домов хранились и самодельные ткацкие станки.

Обязательная принадлежность старого дома — это колодец. Иногда в доме два колодца: главный — во внутреннем мощном камне, мрамором или плиткой дворике, куда выходят двери всех комнат, называемые «хуш», и второй — в рахре. Любопытно отметить, что вода домашних колодцев не употребляется для питья, приготовления пищи и даже стирки. Для этих целей используется речная вода. В колодцы же опускают на веревках бутылки с речной водой, чтобы она охладилась, да моют колодезной водой посуду. Речную воду развозят водоносы на ослах и ломовых лошадях в бурдюках различной величины, называемых «джуд» или «гави». В каждом доме есть один или два «мазмали» (ванна или бассейн), который выдалбливают из целого куска камня, вмещающего до полутора кубов воды. Водонос на стене дома делает черту за каждый привезенный бурдюк воды и в конце недели отправляется по домам собирать деньги.

Мосул — город хлебный. Вокруг города раскинулись обширные поля, на которые осенью выходят комбайны и жнецы. «Провинция Мосул может прокормить весь Ирак», — говорят мосульцы, и, в общем, они недалеко от истины. Изобилие зерновых и определило, что основные, так называемые фирменные блюда в Мосуле готовят из белой пшеничной муки и крупы.

Одна из своеобразных картин летнего сезона в хлебном Мосуле — это выставленные как бы напоказ циновки, которые расстилаются на плоских крышах домов и на которых просушиваются пшеница и кукуруза, перед тем как быть убранными в кладовые и закрома. Дескать, вот какие щедрые дары дает мосульская земля!

Самой главной задачей любой мосульской семьи летом считается заготовка пшеничной крупы, называемой «бургуль» или «хинта бургуль». Первый шаг в этом деле — варка закупленной в деревне пшеницы в огромном, взятом напрокат медном котле. Котлы достигают гигантских размеров — метр, полтора и более в диаметре. Видеть такой котел, установленный на камнях, с бушующим

под ним огнем — зрелище весьма необычное. Зерно, прежде чем положить в котел, тщательно моют в тазах, отбрасывают кусочки земли, камни и колоски. Несмотря на повсеместное распространение нефтепродуктов, под котлом разжигают дрова и навозные лепешки. Это топливо очень распространено в безлесом Ираке. Как только вода закипит, к самому котлу подходят взрослые и дети, которые требуют дать попробовать «салика», т. е. вареного зерна. Когда зерно готово, воду сливают и отброшенную пшеницу высыпают на крышу, где она сушится несколько дней. После просушки зерно везут на своеобразную крупорушку, называемую «данаг». Основание данага представляет собой большой камень, по которому катается на оси тяжелое каменное колесо, влекомое ослом или мулом. Полученную крупу иногда еще измельчают на специальной ручной мельнице. Затем начинается не менее важный процесс просеивания и калибровки. Сита бывают трех видов и соответственно получаются три сорта бургуля. Крупный бургуль идет на приготовление каши, средний — «куббы», фирменного мосульского блюда, о котором я расскажу ниже, и тонкий, называемый «наими» или «чакчук», — на приготовление хлеба и лепешек.

На втором месте среди съестных припасов мосульского дома стоит пшеничная мука. Муку ранее делали лишь из крупного здорового пшеничного зерна на данаге, а сегодня для этого используют механические мельницы. Мука грубого помола «маддук» используется вместо риса или бургуля. Из муки тонкого помола «сандага» варят суп. Маддук используется для приготовления мосульского кушанья «кашяк». Для этого берут полусваренное тесто, смешивают его с дрожжами и крупной полевой репой «шалях» и эту спрессованную смесь для брожения помещают в «барнию» — глиняный горшок. Кишяк имеет кисловатый вкус и приятный запах, нравящийся мосульцам. Его подают на десерт, посылают друзьям, а также из него делают лепешки, которые сушат на солнце впрок.

Что касается куббы, то это распространенное в арабских странах кушанье, приготовляемое из бургуля с мясом. Кубба бывает разных размеров и форм, но самая известная — «кубба Мосул» — похожа на лепешку, в середину которой помещают наперченный и сдобренный специями по рецепту хозяйки дома фарш или рубленое мя-

со. Кубба может быть вареная и жареная. В домах своих мосульских друзей я не раз ел куббы, но все они были разного вкуса и размера. Вообще сделать хорошую куббу считается искусством, и мосульские женщины прилагают все свое умение, чтобы приготовить это блюдо вкуснее, чем у соседки.

За несколько дней до семейного торжества, будь то свадьба или мусульманский праздник, в мосульских домах начинается большая подготовка. Полагается, чтобы в это время на столах было изобилие кушаний и напитков. Самым мосульским угощением считается «кляча», сладкий жесткий пирожок. За два-три дня до праздника начинается готовка клячи. Пирожки эти готовятся по-разному, начинкой могут быть и финики, и орехи, и мед, и другие вкусные вещи. Но обязательна для всех обильная приправа теста специями — кардамоном, мускатным орехом, имбирем и др. Специи тщательно толкутся в медной ступке. Этим занимаются девушки, напевающие различные мелодии, да так громко, что все соседи узнают о том, что в доме стряпают клячу.

Тесто готовят из тонкой пшеничной муки, обязательно смолотой на мельнице с каменными жерновами. Мука из-под механической мельницы считается непригодной, и даже сегодня мосульцы, следующие традициям предков, ездят в дальние деревни, где еще сохранились данаги. На приготовление клячи идет масло, полученное из бараньих сливок. Лишь в бедных семьях для клячи используют более дешевый курдючный или внутренний бараний жир. В муку, рассыпанную ровным слоем, кладут масло (этим занимается лично хозяйка дома с двумя помощницами), добавляют молоко, розовую воду и толченые пряности. Одна из помощниц замешивает тесто и дает ему «отдохнуть». Затем начинается формовка, причем в этой операции принимают участие все женщины дома и даже соседи. Каждая женщина избирает особую форму и начинку. Здесь и круглые пирожки с медом или сахаром, и «узелки» с финиками, прожаренными в масле, и «коровьи глаза» с орехами, фисташками или миндалем, и «розовые бутоны», и «косынки», и др. Девочки помогают взрослым женщинам, перенимают у них умение. Слепленный пирожок еще нужно украсить каким-нибудь орнаментом, и тогда в ход идет все, что есть под рукой: баранья косточка, нож или гребень. Готовые пирожки складывают

на большие плетеные из ветвей тамариска блюда, которые привозят с гор, затапливают большую круглую печь «таннура», где обычно пекут хлеб. Дрова прогорают, и, как только угли немного подернутся пеплом, к работе приступает «хаббаз» — пекарша. Смазав яйцом пирожок, она прикрепляет его с внутренней стороны горячей печи. Вот теперь-то, пожалуй, и наступает самый ответственный момент... Готовые пирожки складывают в комнате остывать до следующего дня, когда начнется дегустация. Хозяйка дома угощает своих домочадцев, дети набивают пирожками карманы. Если у хозяйки женатые сыновья, она посылает им пирожки, причем любимой снохе хорошо поджаренные и вкусные, а нелюбимой — второсортные и невкусные. В Мосуле в праздничные дни многие молодые женщины по полученным от свекрови гостинцам могут узнать об ее отношении к ним.

Конец лета в Мосуле приходится на 14 сентября. В это время редкий мосулец, поговорив с соседом, не бросит фразу: «Шиль аль-багдади ва хут аль-магзиб». Эта присказка переводится примерно следующим образом: «Оставь сосуд для охлаждения воды и бери водомер для дождя». Иными словами, лето закончилось — надо готовиться к сезону дождей. 14 сентября — здесь большой праздник. Собственно, это христианский праздник Креста, но его отмечают все мосульцы независимо от вероисповедания. Гвоздем программы праздника становится большой фейерверк и огромные костры, которые жгут в окрестностях города в ночь с 13 на 14 сентября. Это связано с библейской легендой, по которой византийская императрица Елена, мать Константина, отправилась в Иерусалим, где в результате поисков на Голгофе обнаружила крест, на котором был распят Христос. Спеша сообщить христианскому миру эту новость, она приказала разжечь огромный костер, пламя которого было видно издалека. Византийские солдаты, находящиеся в нескольких десятках километров от Иерусалима, увидев пламя, зажгли свой костер и т. д. Так император Константин узнал о находке креста всего за какие-нибудь несколько часов.

Конец лета — пора заготовок на зиму не только продовольствия, но и различных вещей, необходимых для домашнего обихода. Некоторые семьи в Мосуле в это время запасают речной ил, чиль, который используется вместо мыла в бане и при стирке одежды. Чиль бывает двух сор-

тов—черный, добываемый у серного источника близ Баштоба, и зеленый, привозимый с берегов речушки Эль-Хусар, текущей в нескольких километрах восточнее города. В это время на улице можно встретить продавца с нагруженным чилем осликом. Он ходит по узким улицам и громко кричит: «Гарат чиль асвад, яа халава ва аш-шаиб ва ажуз биль бейт бальва!» («Мешок хорошего черного чилиа нужен в доме и молодым, и старым!»). Гарат—специальный большой мешок, который применяется в Мосуле для перевозки земли на ослах или лошадях. Когда чиль куплен, его складывают в большой таз, добавляют воды, тщательно промывают, удаляя мусор и камешки, и затем лепят шары величиной с кулак и высушивают на солнце.

Зима в Мосуле дождливая и неуютная. В домах нет центрального отопления, и для обогрева употребляются большие керосиновые лампы. Однако коренные мосульцы продолжают заготавливать древесный уголь. Этим делом занимается хозяйка дома. Уголь делится на три сорта: крупный, средний и мелкий. Иногда покупают угольную пыль; из нее делают большие шары, которые сжигают при наступлении слабых холодов. Во время же сильного холода хозяйка заправляет печь крупным углем. Чаще всего это делают в марте, когда зимняя сырость пропитывает стены дома, обогреть который можно только крупным углем. На этот счет даже существуют свои половицы: «Ли азар хаби, аль-фахмат аль-кубар» («Для марта побереги крупный уголь») и «Азар-аль-хаззар биги саба сальджат кубар маада ас-сугар» («В марте огонь бушует в топке, ибо в это время семь больших холодов, не считая малых»).

Осень в Мосуле, как в любом городе, связанном с периодом сельскохозяйственных работ, время больших свадебных церемоний. Свадебные обычаи здесь несколько отличаются от уже описанных мной, и это объясняется прежде всего тем, что в Мосуле живут лица различных национальностей и вероисповеданий. В 20 лет мужчина здесь считается созревшим для вступления в брак, и к этому возрасту родственники и близкие друзья часто задают ему многозначительный вопрос: «Когда же ты полностью исполнишь предписания твоей веры?» В Коране есть фраза «Зиввадж—нысф дин», т. е. «Брак—половина религии», и поэтому вопрос совсем не праздный, так как

брак это не прихоть, а долг и религиозная обязанность каждого мужчины. Иногда этот же смысл вкладывается в вопрос «Мата нафраху бик яа буна?» («Когда обрадуешь нас, сынок?»). Как правило, сынок уклоняется от прямого ответа, но не молчит, так как молчание расценивается как согласие.

Основные заботы по розыску подходящей невесты возлагаются на мать. Обычно у нее есть на примете несколько девушек, с семьями которых она связана родственными узами, так как здесь, как и в других частях Ирака, ортокузенный брак предпочтителен. Когда невеста найдена, ее кандидатура согласовывается с отцом, а затем ставится в известность и сам юноша. Чаще всего он знает выбранную для него девушку по детским играм и развлечениям.

Но иногда по тем или иным причинам невесту ищут на стороне. Этим делом также занимается мать, так как ее «кянна», сноха, должна прежде всего понравиться ей, а потом уже юноше и всем остальным. Как правило, первое знакомство происходит во время прогулок в парке Тахира, разбитом на острове за старым мостом через Тигр, куда мужчин не пускают и поэтому женщины позволяют себе снять тяжелую, закрывающую лицо косынку «перча». Проследив, куда пошла понравившаяся ей девушка, мать на следующий день отправляется в дом «испить воды». У дверей дома происходит ничего не значащий диалог, затем женщину впускают в дом и дают воды, которую ей, как правило, подает эта девушка. Мать юноши цепким взглядом оглядывает дом, его обитателей и дочь, внимательно прислушивается к репликам хозяев дома на ее откровенные комплименты девушке. Мать юноши старается не только осмотреть свою будущую сноху и насколько раз дотронуться до нее, но и обращает внимание на ее зубы, так как хорошие белые зубы — верный признак здоровья. Более того, уходя, она норовит поцеловать девушку, чтобы узнать, не пахнет ли у нее изо рта. Если результаты первого визита удовлетворили мать, то при согласии отца она заводит с сыном примерно такой разговор: «Нашла я девушку... Глаза, ну как часы, большие... зубы, как жемчуг... стройная, как стебелек мяты...» Одновременно ставятся в известность родственники, и тут начинается дотошное дознание состояния и положения семьи невесты. Семья невесты в ответ

занимается тем же, поскольку визит неизвестной пожилой женщины «испить водицы» и ее комплименты девушке прямо указывают на цель визита.

Через неделю семья жениха официально просит руки девушки, и при согласии оба семейства определяют «катаа», дату подписания договора, оговаривают сумму выкупа «махр», называемого здесь «накдия», и муаххар, сумму в случае развода. Решения эти сообщаются матерям, и затем семьи собираются в расширенном составе, чтобы уточнить договоренность отцов. Семья невесты в один голос превозносит достоинства девушки, «все ставит на невесту», как говорят в Мосуле, чтобы поднять ее престиж. Дотошно перечисляются приданое «по стоимости больше, чем махр», драгоценности, родители невесты заверяют семью жениха в том, что их дочь и впредь будет получать подарки от всей семьи, и т. д. Все это делается для того, чтобы вконец заговоренная мать жениха сказала ожидаемую от нее фразу: «Все, что принесет невеста из драгоценностей и одежды, останется ее собственностью и в новом доме». Мать жениха говорит эту фразу и тут же добавляет, что ее сын также подарит невесте украшение, а не возьмет их напрокат.

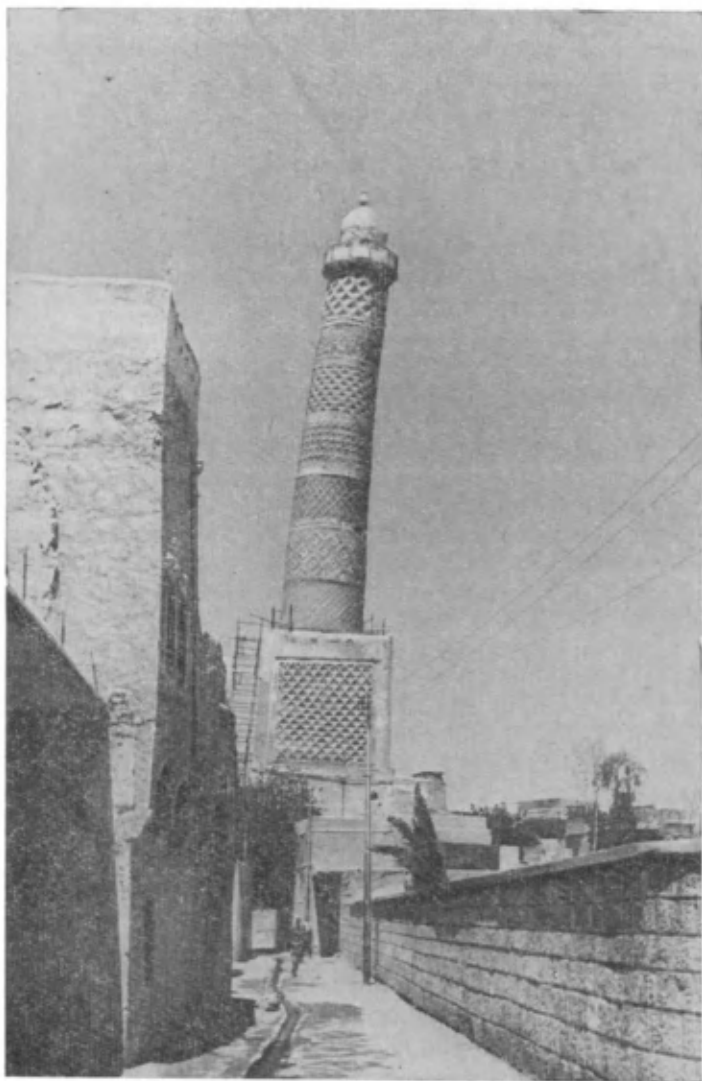
В отличие от Багдада и других мест в Ираке заключение брачного контракта происходит в доме жениха или же в доме одного из его родственников, но ни в коем случае не в доме невесты. После оформления документа из дома мужа отсылают махр, а присутствующие гости угощаются напитком из изюма. В окрестностях Мосула — богатые виноградники, и «шербет забиб», как называется виноградный напиток, широко известен и очень распространен. На сумму махр семья невесты готовит некоторую мебель и предметы домашнего обихода, которые отправляются в дом мужа, хотя семья девушки и старается представить дело так, что эти вещи якобы «якмаль фокаха», т. е. сверх махр. Перенос вещей из дома жены в дом мужа, происходящий незадолго до свадьбы, после тщательного изучения и ощупывания каждой вещи, особенно постельных принадлежностей, при стечении народа, называется в Мосуле «хамаля». Узлы, медные тазы и кувшины тащат мужчины, женщины и даже дети, а мебель перевозят на автомашинах. Эта процессия сопровождается песнями, приветственными криками женщин и хвастливыми заявлениями родственников жены, что злит и

выводит из терпения родственников мужа. Последние пытаются отыгаться и при вторичном осмотре в своем доме специально бракуют некоторые вещи, чтобы испортить настроение кичившимся еще несколько минут назад членам семьи девушки. Но подобные «семейные» ссоры, конечно, заканчиваются миром и согласием.

Но до свадебной церемонии еще не скоро. Семья мужа тянет с подготовкой, ссылаясь на то, что свадьба требует больших денег, поскольку нужно пригласить всех, даже самых дальних родственников. Семья девушки проявляет настойчивость и берет «противника» измором. Каждый день ее родственники, преимущественно свободные женщины, навещают в дом родителей молодого человека, обедают, ужинают, сидят допоздна и всем своим видом дают понять, что в интересах жениха завершить побыстрее начатое дело. Мужчин обычно изгоняют из дому, и они слоняются по улицам. После одного-двух таких визитов мужчины начинают принимать деятельное участие в подготовке свадьбы. Правда, гости приносят с собой подарки, большие головы сахара в корзинках, но это никак не компенсирует расходов семьи мужа на угощение родственников жены. Во время своих визитов родственники девушки не выражают радости по поводу породнения с новой семьей. Это считается тактически неверным и даже неприличным. Наоборот, женщины всем видом показывают, что они оказали честь этой семье.

Накануне свадьбы наступает «лейла хинна», т. е. «ночь хны», когда родственники мужа отправляются в дом жены, заваривают хну и красят руки и ступни ног девушке, а заодно всем ее родственникам и соседям. Заваренную хну щедро наносят на ладони и ступни ног, после чего заматывают их тряпками. Через некоторое время тряпки снимают и невесту моют. В этот день гости сидят допоздна, а затем уводят с собой девушку в дом жениха вместе с ее близкой родственницей и женщиной, которая «ее мыла в бане».

На седьмой день после свадьбы наступает банный день (хаммам сабаа). С утра родственники молодой жены снимают одну из общественных бань на целый день, куда приглашаются женщины из семьи мужа. Все берут с собой в баню фрукты и сладости. Эта компания приходит сюда не столько помыться, сколько потанцевать и развеселить юную супругу. В банный день молодая жен-

Мосул. Падающий минарет

щина раздает «халад», т. е. подарки родственникам мужа. Большой частью это одежда, верхняя и нижняя, или полотенца. При этом очень важно не забыть кого-нибудь из родственников, потому что обида в этом случае редко забывается. На восьмой день в дом молодых впервые приходит мать жены уже в качестве тещи. Когда гости, если они были, расходятся, муж громко спрашивает жену: «Кто у нас остался из гостей?». «Посторонних нет. Осталась только мама», — отвечает супруга. Тогда он берет за руку жену и, подойдя с ней к теще, целует тещу в голову. Затем начинается более близкое знакомство парня с тещей, и от того, как он поведет себя в первый момент, определяются его дальнейшие отношения с семьей жены.

Следующий день в доме мужа проходит под лозунгом «Фадд ас-самад, яа бейт хама!», что можно условно перевести так: «Кончился пир, о теща!» Посылкой гостинцев в дом родителей жены заканчиваются свадебные торжества. В последний день праздника часто вспыхивает назревавшая целую неделю ссора по поводу обидных намеков и сплетен о той или иной семье, высказанных во время свадьбы. На этот счет существует даже пословица «Баада аль-биклява таштагиль аль-адава» («После сладостей разгорается вражда»). Подобные разногласия обычно заканчиваются миром, и молодые, а также все родственники, принимавшие деятельное участие в устройстве их жизни, возвращаются к повседневным занятиям. Однако еще целый год родители молодой женщины, чтобы «дочь не краснела за родителей», посылают родственникам ее мужа гостинцы — сладости и другие съестные припасы. Если родители жены этого не делают или делают недостаточно хорошо, семья мужа пускает слух, что «у бедняжки нет никого, кто бы мог даже справиться о ее здоровье». Тогда родители молодой супруги наносят ответный «удар»: когда в доме молодоженов собираются гости, им как будто случайно, а на самом деле по сигналу дочери из дома ее родителей на больших блюдах приносят обильные угощения.

Эти свадебные обряды в последнее время претерпевают различные изменения под влиянием западных обычаев, общения с заграницей и прочих факторов. Но в целом они продолжают соблюдаться в мусульманских семьях среднего достатка, которые остаются хранителя-

ми старых обычаев и обрядов города, вписавшего свое имя в историю арабов.

...Свои бесконечные прогулки по Мосулу я заканчиваю вечером у главной башни крепости Баштоба, построенной турками на левом берегу Тигра в средние века. Затем, петляя по узким улицам, выхожу к центральной площади и по новому, возникшему в 1958 году мосту через Тигр перехожу на правый берег реки. Солнце уже село, рабочий день закончен, и кофейни, многие из которых расположены на плоских крышах домов, постепенно заполняются народом. На фоне розового заката отчетливо виднеется 50-метровый падающий минарет мечети, одна из достопримечательностей города. Через несколько минут я добираюсь до второго моста, построенного в 1934 году, и возвращаюсь обратно. У здания мосульского отделения банка «Рафидейн», отделанного местным мрамором, городские власти пробивают новую улицу, снося обветшалые лачуги. Около банка расположено квадратное, похожее на приземистую башню здание городского муниципалитета. Слева от него идет улица Ниневии, застроенная ровными двухэтажными домами. Еще несколько минут я брожу по городу и затем на шарабане отправляюсь к железнодорожному вокзалу, где находится одна из гостиниц города. Я засыпаю под пере свисты паровозов и протяжный гудок экспресса Багдад — Анкара.

В гостях у шаммаров

Старая дорога из Мосула на Эрбиль сначала тянется вдоль Тигра, а затем все больше и больше отклоняется на восток. Вдоль реки расположены самые плодородные участки затопляемой в паводок земли, которая дает фантастические урожаи. Километрах в десяти от Мосула вниз по течению Тигра расположена деревня Салями, где выращивают знаменитые мосульские арбузы, побившие сразу два рекорда — по своим размерам и по времени сохранности. Местные историки засвидетельствовали факт, когда в Салями был выращен арбуз, который даже осел не смог увезти. Возможно, это и преувеличение, но я лично видел в Багдаде длинный, похожий на бледно-зеленый гигантский огурец мосульский арбуз ве-

сом 36 килограммов. В прохладном «сирдабе», подвале, арбуз может храниться около полугода. В этом и заключается причина того, что арбузы, выращенные в Мосуле, получили известность еще в средние века далеко за пределами Багдадского халифата. Крестьяне сеют арбузы в мае, после того как сойдет паводок, прямо во влажную землю, и уже через два месяца можно собирать первый урожай.

Тигр считается самой беспокойной рекой Ирака. Выходя из берегов, он затопляет большие площади плодородных земель, прилегающих к его берегам, размывает глинобитные лачуги, уничтожает скот. Сообщения об уровне воды в период весеннего паводка напоминают сводки с полей сражения: они лаконичны и строги, но за каждым их словом или цифрой скрывается многое: будут ли крестьяне снимать урожай или, перебравшись на высокое место, им придется наблюдать, как бешеная река уносит выращенные с большим трудом посевы, смогут ли они сегодня спокойно лечь спать или, застигнутые стихией, будут сидеть на грозящей рухнуть крыше дома и искать воспаленными от напряжения глазами лодку своих спасителей.

Для защиты от наводнений построены две плотины: одна близ Самарры, защищающая Багдад, переживший в 1954 году разрушительное наводнение, другая в городе Куте. В районе Эски Мосул планируется строительство третьей плотины на Тигре. Весной 1966 года, направляясь от Кута к городу Эн-Наамании, я ехал по проселочной дороге по правому берегу Тигра. Река на протяжении почти 50 километров течет в своеобразном ложе с высокими, искусственно поднятыми берегами. 35 миллионов тонн наносов, которые несет ежегодно Тигр, частично осаждаются здесь, меняют ложе реки и вынуждают постоянно поднимать дамбы. Уровень воды в некоторых местах находится метра на два выше уровня земли, поэтому прорыв дамбы грозит затоплением огромной площади.

Недаром библейский миф о всемирном потопе родился в Месопотамии, единственной стране в Передней Азии, страдающей больше от избытка воды, чем от ее недостатка.

На 30-м километре от Мосула по эрбильской дороге есть поворот на восток к небольшой арабской деревне

Нимруд, расположенной у высокого, явно искусственного холма с ровно срезанной вершиной. За ним виднеется еще несколько холмов меньших размеров. Под горами серой земли здесь погребены развалины другой столицы Ассирийской империи — Калаха (Кальху), открытого и раскопанного Лэйярдом.

Горя желанием познакомиться с верхним Двуречьем, которое Лэйярд считал, как и многие его современники, колыбелью мудрости Запада, он в 1839 году оказался на пустынных берегах Тигра, близ Нимруда. Кучи нагроможденной земли, среди которой попадались осколки мрамора и алебаstra, интригующий пирамидальный холм, рассказы местных жителей о фигурах из черного камня и особенно созвучие названия деревни с именем правнука библейского Ноя, Нимрода, получившего в десятой главе Первой книги Моисея лестную аттестацию «сильного зверолова пред Господом», — все это заставило Лэйярда всерьез задуматься о раскопках. В 1845 году Лэйярд начинает работу и в течение трех лет делает открытия, поставившие его имя в один ряд с именами величайших археологов XIX века.

...Я стою перед фасадом дворца Ашшурназирпала II, раскопанного Лэйярдом. Справа, за спиной, — пирамидальный холм, некогда привлечший внимание английского исследователя своей необычной формой, слева — небольшая, сложенная из кирпича хижина сторожа раскопок, невысокого роста араба. Голова его полуприкрыта белым платком. На раскопках нет гида, и он взялся рассказать мне все, что узнал за десять лет своей работы в Нимруде.

С расстояния примерно десяти метров можно охватить взглядом весь фасад дворца с двумя порталами, ведущими в тронный зал. Они охраняются скульптурными изображениями богов Мардука и Нергала. Скульптура Мардука в виде крылатого человека-быка сделана из серовато-зеленого с белыми вкраплениями известняка, доставленного сюда на плотах с верховьев Тигра. Фигура поставлена в профиль, и мне отчетливо видны покрытое змеиной чешуей брюхо, мощные ноги и человеческая голова главного бога ассирийцев. Его крупный нос мягко очерчен, прямая борода заплетена в косицы, а усы лихо закручены. В некоторых местах темные металлические скобы скрепляют треснувшую скульптуру.

Две фигуры бога Нергала, крылатого льва с человеческим лицом, стоят анфас. Они сделаны из того же материала, но меньше по размерам и достают Мардуку лишь до подбородка. Один Нергал держит в руке ягненка, другой — сосуд с вином или маслом.

У восточного, лучше сохранившегося портала к стене между Мардуком и Нергалом приставлена каменная плита с барельефом третьего бога ассирийцев — Набу. Символизируя что-то недоброе, он изображен в виде крылатого человека со свирепым лицом: крючковатый нос нависает над плотно сомкнутыми губами, застывшими в злой усмешке, брови нахмурены. В правой руке, согнутой в локте под прямым углом, Набу держит какой-то круглый, похожий на лимон предмет, к мочке его уха прикреплена длинная, напоминающая ключ серьга. На сохранившихся вдоль стены фасада барельефах можно найти изображение и четвертого астрального бога ассирийцев — Нинурту. Этот бог, по-видимому, был самым младшим из четырех: размеры его изображения в виде орла составляют всего лишь четверть массивной фигуры Мардука.

Любой посетитель, некогда вступавший в тронный зал, будь то покоренный правитель другого государства или местный жрец, царский придворный или посол соседней державы, проходил мимо богов и каменных плит, на которых искусный скульптор изображал сцены, рассказывающие о смелости и храбрости царя в бою и его ловкости на охоте.

Фигуры богов должны были внушать благоговение, подчеркивать силу и могущество Ассирийской империи и ее владыки, сидевшего на золотом троне в южном конце тронного зала.

Лэйярд писал в своей книге: «Целыми часами я рассматривал эти таинственные символические изображения и размышлял об их назначении и истории... Какие более возвышенные изображения могли быть заимствованы у природы людьми, которые пытались найти воплощение своих представлений о мудрости, силе и вездесущности высших существ?! Что могло лучше олицетворять ум и знания, чем голова человека, силу — чем туловище льва, вездесущность — чем крылья птицы?!» *.

---

* Цит. по: Керам, Боги, гробницы, ученые, М., 1960, стр. 240.

Нимруд (Калах). Ассирийский бог Мардук

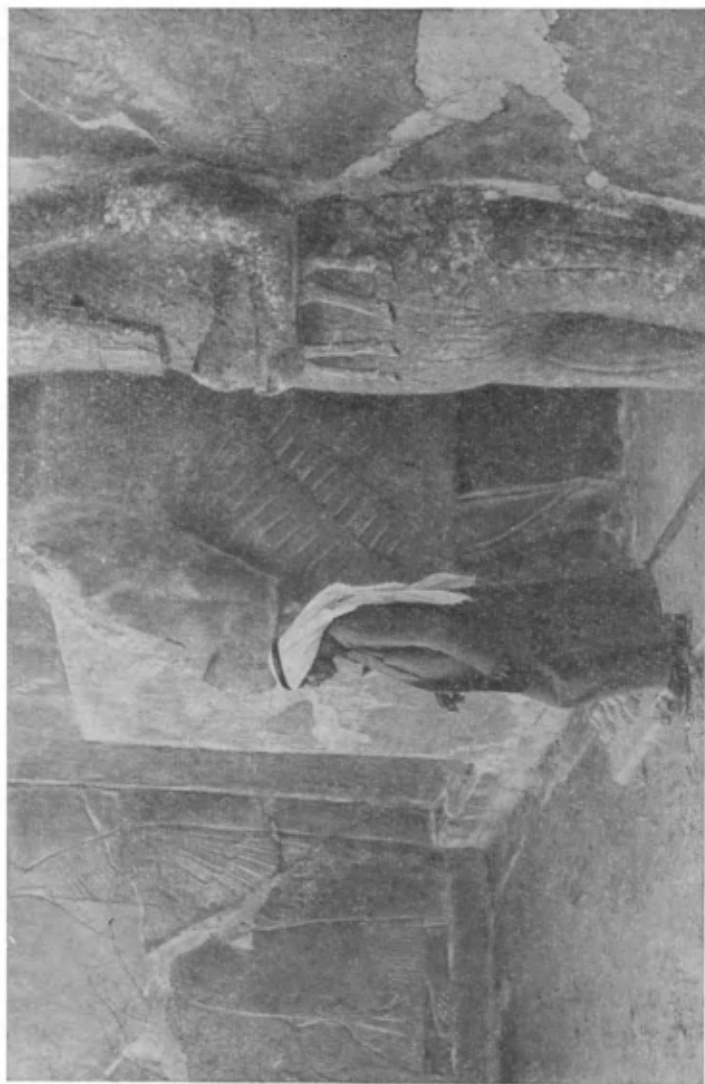
Прохожу через восточный портал. Большими пустыми глазами без зрачков смотрит перед собой Мардук, равнодушно отвернулся свирепый Набу, два близнеца Нергалы смотрят поверх моей головы на запад, на затянутые тучами горы. Примерно 25 столетий отделяют меня от тех дней, когда здесь кипела жизнь, благодаря искусству древнего камнереза застывшая сегодня на уцелевших барельефах и каменных плитах тронного зала.

Лэйярд, не только удачливый археолог, но и талантливый рассказчик, составил описания многих барельефов тронного зала. Вот одно из них: «На нем изображена батальная сцена: во весь опор мчатся две колесницы; в каждой колеснице — по три воина; старший из них, безбородый (вероятно, евнух), облачен в доспехи из металлических пластинок, на голове его — остроконечный шлем, напоминающий старинные нормандские шлемы. Левой рукой он крепко держит лук, а правой чуть ли не до плеча оттягивает тетиву с наложенной на нее стрелой. Меч его покоится в ножнах, нижний конец которых украшен фигурками двух львов. Рядом с ним стоит возничий, с помощью поводев и кнута он направляет бег коней; щитоносец отбивает круглым, возможно, чеканного золота щитом вражеские стрелы и копья. С удивлением отмечал я изящество и богатство отделки, точное и в то же время тонкое изображение как людей, так и коней. Знание законов изобразительного искусства нашло здесь свое выражение в группировке фигур и общей композиции»*.

Но сейчас тронный зал пуст. Отодранные от стен барельефы вместе с изображениями богов были погружены Лэйярдом на плоты, спущены вниз по Тигру и отправлены в Лондон. Испещренная клинописными знаками гранитная плита, на которой стоял трон ассирийских монархов, переправлена в Мосульский музей. Стены тронного зала аккуратно оштукатурены и обмазаны цементом. Только в нескольких местах на скрепленных известью осколках барельефов, не вывезенных лишь потому, что они могли бы раскрошиться в дороге, видны изображения воинов, шагающих вперед, части боевых колесниц да когтистая лапа раненного на охоте зверя, царапающего в предсмертной агонии землю.

---

* Там же, стр. 241.

Развалины Калаха и их сторож

Я следую по пятам за сторожем, который ведет меня по хорошо утрамбованной тропинке, петляющей среди поросших травой раскопов.

— Здесь хранилась царская казна, — говорит мой гид и показывает на глубокую яму, над которой проложены рельсы для вагонеток, используемых для вывоза земли, и несколько вертикально поставленных каменных плит с аккуратно нанесенным клинописью текстом. Наверное, это перечень налоговых ставок или опись царской казны.

— Здесь был кабинет царя, — продолжает араб, оставившаяся у следующей ямы. Вертикальные каменные плиты с клинописными значками торчат из земли. По-видимому, это тексты законов или договоров с соседними государствами.

— А вот царская баня, куда можно пройти прямо из кабинета, — сообщает мой спутник. Я вижу квадратный раскоп, в центре которого угадываются очертания круглого бассейна.

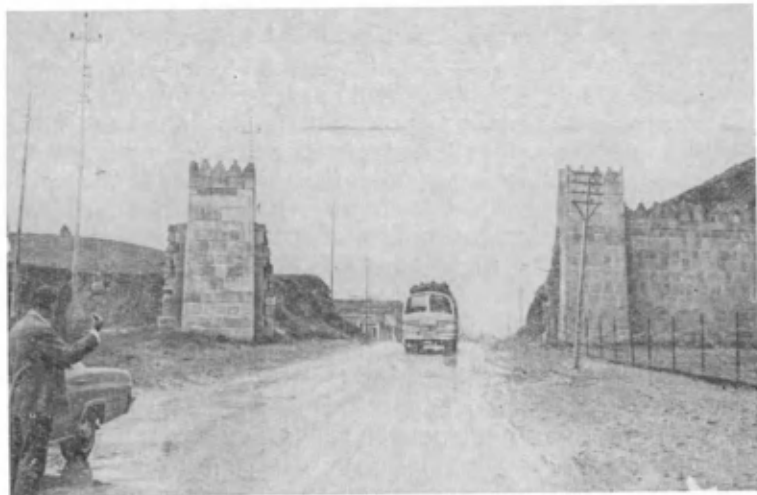
Осмотр закончен. Я выхожу на поросший травой и засохшими цветами высокий бруствер, упирающийся на востоке в пирамидальный холм. Это все, что осталось от городской стены. Впереди расстилается поле, по которому, чихая сизым дымом, ползут два трактора. За ними темнеют голые фисташковые деревья, а еще дальше, за рекой, в городе Хаммам-эль-Алиль, поднимается белесый дымок цементного завода. Начинает накрапывать дождик, и скоро его серая пелена скрывает работающие тракторы, сад и белую дымку завода. Я прощаюсь со сторожем и только сейчас замечаю, что его лицо удивительно похоже на изображение бога Мардука.

После открытия Калаха Лэйярд взялся за раскопки Ниневии, которую до этого безуспешно раскапывал Ботта. Умудренный опытом трехлетних археологических изысканий в Нимруде, он пробил в Куюнджикском холме вертикальную штольню и на глубине 20 метров наткнулся на слой кирпичей. Еще несколько недель ушло на устройство горизонтальных галерей, после чего Лэйярд объявил миру, что он нашел дворец одного из ассирийских царей. Этот дворец, как было подтверждено впоследствии, принадлежал царю Синахерибу. Однако самой значительной находкой Лэйярда в Куюнджике стала библиотека Ашшурбанипала, состоящая из 30 тысяч хорошо систематизированных и классифицированных

табличек с царскими указами, дворцовыми записями, религиозными текстами и магическими заговорами, эпическими повествованиями, песнями и гимнами, текстами, содержащими сведения о медицине, астрономии и других науках. Здесь обнаружены таблички с одним из величайших произведений мировой литературы, героическим эпосом о великом Гильгамеше, бывшем «на две трети богом и на одну треть — человеком». Эта библиотека с уникальными текстами послужила основным источником для знакомства с ассиро-вавилонской культурой. Опубликованный рассказ о Гильгамеше пролил свет на происхождение многих библейских легенд и мифов.

В Библии приводится страшное пророчество о разрушении Ассирии: «И прострет Он руку Свою на север, и уничтожит Ассура, и обратит Ниневию в развалины, в место сухое, как пустыня. И покоиться будут среди нее стада и всякого рода животные; пеликан и еж будут ночевать в резных украшениях ее...» Так был предсказан разгром Ассирийской державы, павшей под ударами своих врагов. Но верхнему Двуречью суждено было возродиться из развалин. Это произошло в раннее средневековье, в период Аббасидского халифата.

По дороге на Эрбиль расположено несколько христианских селений. Провинция Мосул — единственное место в Ираке, где издавна сконцентрированы христиане. Христиане — православные, католики, протестанты, несториане, яковиты, грегориане — составляют до трети населения Мосула. Здесь построены католическая духовная семинария, где преподают доминиканцы, и около десятка обветшалых церквей. Некоторые из них возникли еще до турецкого завоевания и настолько ветхи, что, кажется, могут развалиться от сильного ветра. Когда-то христиане представляли собой большую силу. Их монастыри, затерявшиеся в горах и степях Северного Ирака, владели обширными участками земель и могли достойно содержать свои усадьбы и церкви в Мосуле. Но сейчас положение изменилось. Мусульмане постепенно вытесняют христианское население из городов. С весны 1966 года в Мосуле работает отделение министерства внутренних дел, обеспечив паспортными документами желающих выехать за границу. Из десяти паспортов, выдаваемых в среднем ежедневно, девять получают иракцы-христиане, отправляющиеся искать счастья в Ливан и за океан, в США и Канаду. Толь-

Ворота древней Ниневии

ко еще в деревнях мирно уживаются и трудятся рядом мусульмане и христиане.

Если ехать по старой эрбильской дороге, на 35-м километре от Мосула находится известный христианский монастырь, принадлежащий сирийским католикам. Он построен в XII веке в небольшой впадине близ деревни Эль-Хадер. Поэтому его называют либо так же, как деревню, либо монастырь Аль-Джубб, т. е. «у впадины».

Создание монастыря христианские богословы связывают с именем принца Бехнама, одного из сыновей Синахериба, который по совету ангела отправился к монаху Мар Матта, жившему на горе. Монах излечил Сару, сестру Бехнама, от эпилепсии. Это произвело на молодого принца большое впечатление, и он стал христианином. Разгневанный отец потребовал у Бехнама и Сары отречения от новой религии и поклонения идолам. Они отказались и пошли искать убежища у Мар Матта, но были настигнуты солдатами, убиты и сброшены в яму. Впоследствии Синахериб, скорбя о детях, приказал построить небольшой мавзолей над их могилой. Эта трагедия разыгралась на месте теперешнего монастыря в декабре, когда после зимних дождей на полях стали пробиваться

всходы. Вероятно, название деревни «Аль-Хадер», что значит «делающий зеленым», связано с этой легендой. Кстати, аль-Хадер — довольно известный персонаж религиозных мифов и сказаний. Арабы-христиане называют этим именем пророка Илью, а мусульмане — св. Георгия, убившего дьявола в облике дракона.

Аббат Пьер Шито, который сопровождал меня во время осмотра монастыря, утверждал, что Бехнам известен в Египте, Монголии, Синьцзяне, а в 1295 году монгольский хан Байду сделал богатые подарки монастырю и, преклонив колена, просил покровительства Бехнама. О значении монастыря свидетельствует и тот факт, что в начале XV века он был местопребыванием патриархов сирийских католиков; некоторые из них здесь и захоронены.

Строительство монастыря связывают с именем перс-христианина Исаака, который направлялся в Иерусалим с больным слугой. Он любил слугу, как сына, и, когда после молитвы у могилы детей Синахериба слуга излечился от болезни, благодарный перс решил построить здесь монастырь. Что осталось от этого древнего сооружения, неизвестно. Из надписи на сирийском языке в зале можно лишь узнать, что монастырь был реставрирован в 1164 году умельцами из Тикрита, города, лежащего на полдороге между Багдадом и Мосулом.

Знаменитый монастырь разделен на две части: церковь с внутренним двориком и жилые помещения для монахов и прислуги. При осмотре церкви обращает на себя внимание искусная работа резчиков по камню и стуку (алебастровая штукатурка), декорировавших многочисленные и разновеликие двери. И это понятно. На Востоке дверь и связанные с нею церемонии имеют большое символическое значение. Даже у нас есть много выражений, подчеркивающих важное значение этой части здания. Так, врага «не пускают на порог», а для друзей «открыты все двери». Можно смиренно стоять и ждать, пока «откроют дверь», а можно и «взломать дверь», чтобы проникнуть в дом, куда не пускают. Многие двери в монастыре украшены над притолокой изображением головы льва, эмблемы атабеков, в период правления которых Мосул достиг большого расцвета и было построено основное здание монастыря. У алтаря находятся два сильно попорченных временем рельефных изображения Бех-

нама и Сары. Бехнам верхом на коне топчет поверженного сатану с раздвоенным языком змеи. Барельеф, изображающий Сару в ассирийских одеждах, очень плохо сохранился и вряд ли может быть восстановлен.

Могила Бехнама и Сары расположена за пределами монастыря, к юго-востоку от него. Над могилой построена небольшая часовня, в круглом зале которой, в нише, под камнем, находится их прах. У купола часовни сохранились любопытные надписи. Три из них, исполненные рельефным шрифтом на арабском и сирийском языках, приводят имена каменщиков, которые приложили руку и умение для украшения часовни. Четвертая и самая интересная надпись, написанная уйгурским шрифтом, гласит: «Пусть мир Хадера — Элиаса, друга Бога, снизойдет на хана, его вельмож и жен». Эта надпись принадлежит хану Байду.

Однако, безусловно, самое интересное место этого разрушающегося монастыря — библиотека, расположенная в небольшом помещении, рядом с опустевшими кельями монахов. По словам аббата Шито, она включает пять тысяч томов книг и рукописей, среди которых есть уникальные, представляющие несомненный научный интерес. Здесь собрано около 500 рукописных документов, в том числе Евангелие XII века, Библия XVII века, несколько сотен томов хадисов о пророке Мухаммеде, две книги на арамейском языке о церковных обрядах сирийских католиков: одна — «Фанкис» (XVII век), а вторая — более древняя книга (XII век). Некоторые книги писаны на пергаменте, другие, относящиеся к более позднему времени, — на бумаге. Для письма использовались расщепленная палочка и специальный раствор, приготовленный из чернильного ореха авс. Большинство книг находится в плохом состоянии, и мне, привыкшему к бережному обращению с древними книгами и документами, было как-то не по себе листать покрытые угловатыми арамейскими письменами почерневшие и готовые вот-вот рассыпаться на кусочки страницы древних книг. Монастырь, конечно, не имеет средств для поддержания библиотеки. Монахи разъехались, а родители 12 мальчиков и девочек, которые за два года проходят курс обучения в монастырской школе, видимо, не столь богаты, чтобы выделить средства на содержание монастыря, его служителей и библиотеки. Вероятно, было бы лучше, если бы мона-

хи передали свои погибающие сокровища в музей и дали бы возможность специалистам их изучать.

Близкое соседство мусульман и христиан в провинции Мосул определило и сходство их некоторых обычаев. Так, свадебные церемонии христианских общин в Мосуле и его окрестностях в целом похожи на церемонии мусульман, хотя и имеют некоторые отличия, которые объясняются прежде всего религиозными предписаниями и сложившимися веками обрядами. Для них характерна бóльшая простота, поскольку здесь нет строгих ограничений Корана.

После того как девушка найдена и ее имущественное положение признано удовлетворительным и подходящим, в дом невесты посылается «гассалья», женщина, которая знает девушку, поскольку не раз мыла ее в общественной бане или дома. Как только она приносит в дом жениха последние сведения о том, что просьба его родителей отдать девушку замуж не будет отклонена, к родителям невесты посылается один из уважаемых членов семьи или священник. Это называется «талба сагыра», что условно можно перевести как «малый запрос». Если ответ получен, начинается «талба кябира», или «талба сакыля», т. е. «большой запрос», включающий в себя сложное согласование приданого невесты, ее украшений. В прошлом мосульцы-христиане были в основном ремесленниками, поэтому родители девушки предпочитали, чтобы ее жених был «ахль ас-сунаа ва ля ахль аль-кула» («человеком ремесленным, а не тем, который живет в долг»). Что касается девушки, то она должна быть «белой телом» и хорошего поведения.

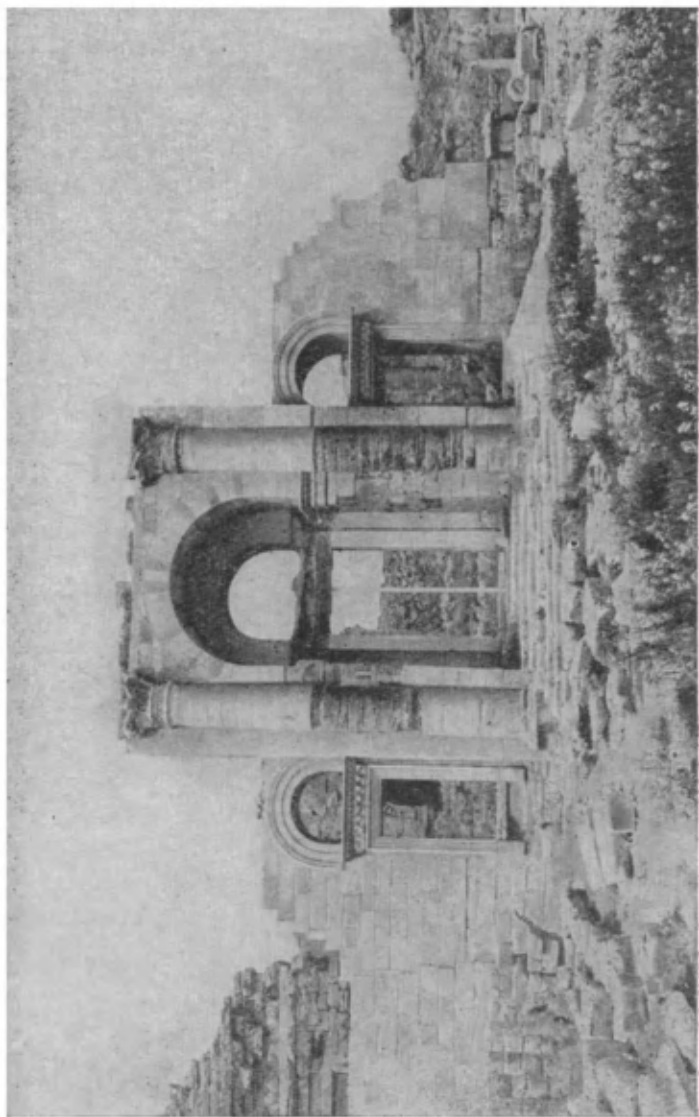
Подписание брачного свидетельства у христиан, как и у мусульман, называется «акд аль-куран». Оно происходит в доме невесты в присутствии родственников жениха и специальных свидетелей, которые не должны быть связаны с молодыми людьми узами близкого родства. Обручальные кольца на руки молодых надевает мать жениха. Девушка целует руки родителям, сестрам, теткам и просит у них благословения, перед тем как покинуть дом. Так же как и у мусульман, христиане торжественно переносят приданое невесты. В это время у дверей дома жениха ждет гассалья, которая впускает в дом лишь после того, как ей вручат подарок. В воскресенье молодые идут в церковь, где оформленный брак скрепляется

священником. Обычно в этот день супруги зажигают огромную свадебную свечку, которую потом хранят до глубокой старости как воспоминание о самом счастливом событии в их жизни. После брачной ночи молодая женщина принимает «субхия»: родители преподносят дорогой подарок своей дочери. Спустя 15 дней она наносит визит своей матери, и жизнь всех родственников входит в обычную колею. Свадьба у христиан справляется с не меньшей пышностью, чем у мусульман, однако у последних вопросы приданого, выкупа и других связанных с бракосочетанием имущественных отношений имеют большее значение.

Христианское население в Мосуле и больших деревнях, таких, как Телькир, Тельсокаф, Бакуфа, Эль-Куш, Бартала, Каракеш, с большим размахом справляет праздник Рождества. Это торжество отмечают и мусульмане, причем не менее пышно. Рождество празднуют три дня. Люди наряжаются, ходят друг к другу в гости, устраивают игрища за городом. Но вот кончается праздник, и все с облегчением говорят: «Раха аль-ид ва калаку» («Кончился праздник и его заботы»).

В 90 километрах от Мосула находятся развалины древнего арабского города Хатры (Эль-Хадр), современника сирийской Пальмиры и ливанского Баальбека. Этот город был не только промежуточной станцией на пути караванов, следующих из Сирии в Северный Ирак и далее в Иран, но и важным центром богатого сельскохозяйственного района. Архитектура Хатры, лежавшей на перекрестке дорог, соединила в себе элементы греческой и римской культуры, а также культурного наследия Междуречья. В храмах города, окруженного двумя рядами стен, каждый караванщик мог найти бога, которому он привык поклоняться: здесь были греческие Афина и Дионис, ассирийские Ашшур и Нергал и др.

Хатра лежит у Вади-Тартар, которая теряется в одноименной впадине. Эта впадина, по мнению геологов, образовалась в результате резкого опущения суши. Поэтому выражение «провалиться в тартарары» имеет прямое отношение к Тартару и происшедшей много веков назад катастрофе. Сейчас меж обрывистых берегов Вади-Тартар, извивающейся среди зеленых холмов, бежит мелкий ручеек. Первый раз я попал в Хатру в мае. Зеленые холмы были покрыты белой кашкой, желтой су-

Развалины Хатры

репкой, желтой персидской ромашкой, терпко пахнувшими белыми и лиловатыми цветами. Иногда в низине как огоньки вспыхивали головки алых маков. Бедуины из живущего здесь племени бени Мухаммед называют их «шкаррак» или «шакик», причем второе слово иногда употребляется в качестве мужского имени. Мужчина с именем «Красный мак». Красиво, не правда ли? Воздух в пустыне удивительно свеж. Невольно вспоминаются слова о чистоте воздуха в пустыне, «где дышит лишьмышь», воздуха, напоминающего по чистоте морской.

Хатра в период своего расцвета была опоясана двумя кольцами стен. Сейчас сохранилась только внутренняя стена, защищавшая центральную площадь с храмом и прилегающие к нему постройки. За этой стеной находится портик эллинистического храма II века до новой эры — самое старое сооружение, открытое на территории Хатры. Все здания и храм построены из крупнозернистого псчаника и известняка, добытых в Вади-Тартар. Этот строительный материал довольно хрупок, поэтому многие горельефы, украшающие фасад храма с тремя широкими арочными входами, статуи царей и знатных людей города разбиты и разрушены дождем и ветром. Некоторые из скульптур сделаны из серого с белыми вкраплениями мосульского мрамора. Они сохранились несколько лучше. За железным мостом через вади я видел несколько карьеров, где кирка каменолома последний раз звенела примерно 16 веков назад.

Среди статуй, изображающих царей и знатных людей Хатры в островерхих шапках, расшитых камзолах, отороченных мехом, и в ниспадающих свободными складками широких шароварах, бросается в глаза одна деталь: правая рука поднята к плечу в знак приветствия и мира, а левая — лежит либо на рукоятке меча, либо держит жезл, символ царской власти. Арабские цари Хатры, находившейся под влиянием парфян, охраняли караванные пути, приветствовали тех, кто шел к ним с миром, и воевали с теми, кто шел на них войной. Символом Хатры был орел. Его изображения украшали знамена и фасад храма города, чеканились на памятных медалях и украшениях. В амуниции царей и на их боевых знаменах всегда присутствовало изображение этого защитника и покровителя степного города-крепости.

Но боги не спасли Хатру от разрушения. В 250 году

сасанидский царь Шапур (Сапор) I осадил город. Большие запасы продовольствия и воды, поступающей по керамическим трубам из Тартара, сильный, хорошо вооруженный гарнизон во главе с царем Дайзаном, укрытый за двумя кольцами «заговоренных» колдунами стен, давали надежду жителям если и не добиться победы, то по крайней мере заключить почетное перемирие. Но город был захвачен завоевателями, проникшими через разрушенные стены, из-за предательства дочери Дайзана, принцессы Нусейры, которая хотела заслужить благосклонность и любовь сасанидского царя.

Средневековый историк аль-Казвини приводит рассказ о покорении Хатры: «Дочь Дайзана, Нусейра, поднялась на крышу, увидела Сапора и влюбилась в него. Она послала к нему гонца с просьбой узнать, что она получит, если укажет царю, как взять город? „Возьму тебя для самого себя и возвышу над всеми женщинами“, — ответил Сапор. Тогда Нусейра открыла тайну заколдованных стен Хатры: „Возьми кровь голубки, и смешай ее с менструальной кровью голубоглазой женщины, и напиши той смесью на шее голубя, и выпусти его. Как только голубь сядет на стену, она разрушится“. Сапор сделал так, как его научила Нусейра. Стены рухнули, и он вошел в город, где убил десять тысяч человек, в том числе и Дайзана». Пышная свадьба Шапура и Нусейры, по свидетельству аль-Казвини, была сыграна в местечке Айн-эт-Тимр. «В первую ночь Нусейре не спалось, она ворочалась на царском ложе, которое показалось ей необыкновенно жестким только потому, что на него попал листочек мирты. На вопрос Сапора, чем не угодили ей родители, Нусейра не смогла ответить. Ведь они ее холили, нежили. „Ты не была верной дочерью, — сказал Сапор, — ты не можешь быть и верной женой“. Он приказал поднять ее на высокое здание и сказал: „Не обещал ли я, что возвышу тебя над моими женщинами?“ — „Да“, — ответила Нусейра. Затем Сапор приказал двум красивым всадникам привязать ее к хвостам своих коней и разорвать на части». Эта легенда записана аль-Казвини, одним из корифеев средневековой арабской истории, и распространена в странах Ближнего Востока в различных вариантах, но с одним обязательным концом: дочь, предавая своих родителей и помогая полюбившемуся ей Шапуру взять Хатру, в конце концов несет на-

казание от его же рук. Ведь неверная дочь не может быть и верной супругой! В этом арабы не сомневаются.

В середине апреля 1968 года в Хатре я был гостем шейха племени шаммар Машаана бен Фейсала. Племя шаммар, пришедшее в средние века в Междуречье из Аравии, постепенно оседало на этих землях. В Ираке шаммары живут в северных районах на границе с Сирией и насчитывают около 60 тысяч семей, в Сирии их примерно 30 тысяч, а в Неджде, основном районе племени, — 200 тысяч семей. В Сирии и Ираке шаммары главным образом занимаются земледелием, а весной они покидают свои деревни и выгоняют скот в степь, как это делают их сородичи в Неджде.

Население Ирака складывалось под влиянием различных этнических групп и народов. Жившие в нижнем Междуречье древние шумеры, о происхождении которых до настоящего времени спорят историки и этнографы, были завоеваны в середине III тысячелетия до новой эры семитами-аккадцами. Позднее здесь возникло другое крупное государство — Вавилония. Север области в III тысячелетии до новой эры заселили ассирийцы, создавшие впоследствии одну из самых могущественных держав древнего мира. Находясь на стыке караванных путей, соединяющих побережье Средиземного моря и районы Внутренней Азии, земледельческая Месопотамия становилась жертвой то одного, то другого завоевателя. Сюда приходили племена гутиев, амореев, касситов, лидян и персов. В XI веке в Месопотамию вторглись турки-сельджуки, в XIII веке ее правители подчинились монгольским завоевателям, в XIV веке полчища Тимура ворвались на ее равнины и захватили Багдад. Однако арабский элемент был господствующим при формировании иракской нации. В первые века новой эры сюда из Йемена переселились несколько больших южноаравийских племен. В районе Мосула, как мне говорил шейх Машаан, живет род чхейш племени зубейд, пришедший в Ирак из Саудовской Аравии, куда в свою очередь он переселился из Вади-Забид в Тихаме. Выходцы этого племени были настолько многочисленны, что господствовавшие в то время в Междуречье персы создали в Центральной Месопотамии арабское княжество Лахмидов, успешно воевавшее на стороне Сасанидов против извечного противника Персии — Византии.

Бывшая столица Лахмидов, небольшой городок Хи́ра, находится в 50 километрах на запад от Дивании. Направляясь туда, я ехал по проселочной дороге, проложенной по заболоченным местам до города Эш-Шамии, где выращивают самый лучший в Ираке рис. Из Эш-Шамии, лежащей на одном из рукавов Евфрата, я продолжил путь до города Абу-Сухайра, раскинувшегося на основном русле реки, и через Евфрат по разводной понтонной переправе добрался до Хиры.

Чистый городок Хи́ра не сохранил следов своей былой славы. Ничто не говорит о том, что он был когда-то центром процветающего княжества. Обращает на себя внимание лишь своеобразная кладка стен некоторых домов. Они построены из тонкого квадратного кирпича, положенного острыми концами вниз так, что стена получается как бы сложенной из ромбов. Я проехал тысячи километров по Ираку, но нигде не встретил такой кладки стен. Нечто подобное я видел лишь в йеменском городе Забиде. Вряд ли это сходство в кладке можно считать случайным.

Процесс арабизации населения Ирака особенно усилился с началом мусульманских завоеваний. Под зеленым знаменем новой религии племена Аравийского полуострова ворвались на юг Месопотамии, сокрушили разложившуюся империю Сасанидов и подчинили ее вассалов. Они быстро смешались с местным населением, говорившим на родственных языках, и частично восприняли их культуру. Переселение арабских кочевых племен в Ирак происходило и сравнительно недавно. Представители этих племен, гонимые нуждой, в XVII—XIX веках постепенно продвигались на север, в плодородное Междуречье, оседали и, превозмогая характерную для пустынной вольницы неприязнь к земледельческому труду, с годами становились искусными землепашцами. Недаром старинная арабская пословица называет Ирак «могилой арабских племен», имея в виду бедуинские племена Аравийского полуострова.

...Мы сидим с шейхом Машааном в большом бедуинском шатре, разбитом специально для именитых гостей — иракского президента Арефа и ливанского президента Хелу. Но государственные деятели, люди занятые, не смогли прибыть в Хатру, где остановился лагерь шейх Машаан, гостеприимством которого я и пользуюсь.

Пол палатки застлан домоткаными коврами с пестрыми красно-зелеными узорами. Черный полог, закрывающий вход, спускается до полу. В интерьер палатки входит и камышовая циновка «зирб», украшенная разноцветными шерстяными нитками. Каждая тростинка-трубочка обмотана ниткой какого-либо одного цвета, и, когда тростинки сложили в циновку, получился красивый узор.

Полосы шерстяной ткани, из которыхшивается полог бедуинской палатки, ткуются на самодельном станке, называемом «джума», из ниток, приготовленных из черной необезжиренной овечьей шерсти. Во время дождя ткань набухает и не пропускает воду. В жаркое время нижние края полога поднимаются и ветер свободно продувает палатку, а иногда вход обкладывают толстым слоем сухой верблюжьей колючки и обильно поливают ее водой. Проходящий через этот заслон воздух попадает внутрь палатки уже охлажденным.

Шатер, где я ночую, очень большой. Он разгорожен на две части. Первая половина, устланная новыми коврами, — гостиная, вторая, убранная поскромнее, — жилая. В случае если хозяин не предполагает принимать гостей, часть палатки, особенно в непогоду, служит загонном для овец.

Шейх Машаан, грузный мужчина с крупными чертами лица, сидит на ковре перед тлеющими углями. На очаге стоит «гумгум», большой кофейник. Церемония приготовления кофе у бедуинов священна и стоит того, чтобы о ней рассказать подробно.

Угостить кофе — в большинстве арабских стран признак почета и уважения к гостю. От самого богатого шейха до беднейшего бедуина приготовить и предложить гостю кофе — это первый долг хозяина, будь то в городе или в палатке бедуина, при первой встрече или же при встрече со старым приятелем. В Египте, на севере Аравии, особенно в городах Сирии, и в Мосуле кофе с пеной, немного подслащенный, с гущей подают в полных до краев маленьких чашечках с блюдами. Все они стоят на подносе, и гость берет чашку сам. Этот напиток везде известен как «турецкий кофе». Приготовление его не нуждается в подробном описании. Обычно в медный кофейник насыпают две столовые ложки молотого кофе, полторы ложки сахарной пудры и наливают стакана два

холодной воды. Затем кофейник ставят на огонь. Когда кофе закипает и начинает подниматься, кофейник снимают с огня и, держа его навесу, три или четыре раза ударяют по дну, чтобы поднявшаяся гуща осела. Три раза ставят кофейник на огонь, и три раза его доводят до кипения. После третьего раза кофе можно угощать. Напиток готовит опытный человек и только в одном кофейнике. Чаще всего он это делает на кухне или в другом месте, но не на виду у гостей.

Приготовление же арабского кофе — совсем другое дело. Это целая церемония, священнодействие. Чем дальше вы забираетесь к югу Аравийского полуострова, ближе к тем местам, где выращивают кофе, тем большее значение приобретает эта церемония, тем больше деталей ритуала.

В некоторых местах Аравии, особенно в бедуинских палатках, приготовление кофе стало торжественной и важной обязанностью, которую хозяин выполняет лично сам. Конечно, если вы стали гостем аравийского эмира, влиятельного горожанина в Кувейте или шейха большого племени, такого, например, как шаммар, приготовление кофе поручается слуге, которому доверяется «белить лицо» хозяина. Иногда этой церемонией руководит сын хозяина. Часто он не остается без вознаграждения со стороны гостя, так как если важный гость делает щедрые подарки, то правом на них согласно бедуинскому этикету прежде всего обладает тот, кто готовил ему кофе. Если вы хотите сделать комплимент гостеприимному хозяину, скажите, что ему приходится готовить кофе с утра до ночи. Это означает, что хозяин гостеприимен и щедр. И нет лучшей похвалы в Аравии для любого человека.

Арабский кофе подается в небольшой чашечке без ручки и ни в коем случае не подслащивается. Это довольно горький отвар, причем в Ираке и в Северной Аравии он крепче, чем в Неджде. Хозяин наливает его отдельно каждому гостю сам, наливает немного, чуть-чуть закрывая доньшко чашки. Кофе выпивается двумя-тремя глотками. Хозяин держит кофейник в левой руке — самое главное и неперемное условие — и с тремя-четырьмя чашками в правой обходит сидящих гостей и, начиная со старшего, наливает каждому маленькую порцию. Хорошие манеры обычно не позволяют гостю пить больше

трех чашечек кофе, но, если он важная особа, ему можно предложить выпить четвертую или пятую чашечку.

Араб всегда должен держать свою маленькую чашечку указательным и большим пальцами правой руки. Когда он хочет показать, что больше не желает кофе, он потрясывает чашечку движением кисти. Тогда хозяин берет чашку, выплескивает на донышко несколько капель кофе и передает ее следующему гостю. В Кувейте, если вам доведется попасть в дом шейха или известного купца утром, вы получите сразу чашечку кофе и спустя минут десять — другую. Затем следует обкуривание ладаном или удом. Это напоминание о том, что пора уходить. «Баххар ва рух!» («Обкурись и уходи!») — типичное выражение в арабском обиходе.

Но вернемся к приготовлению настоящего арабского кофе в палатке в пустыне, напиток, который является неотъемлемой частью жизни араба.

Обычно в шатре зажиточного араба гости располагаются на мужской половине. Ковры развешаны по бокам. Вы облакачиваетесь на верблюжьи седла «шадад», положенные у «катаа», перегородки, разделяющей палатку на две части, или усаживаетесь, скрестив ноги, в ожидании начала церемонии приготовления кофе. После приветствия хозяин зовет своих людей по имени и велит им принести «джалля», сухой верблюжий помет, который служит топливом вместо угля в пустыне, «арфадж», лучину для растопки, а также воду в козьем бурдюке «дараб», который лежит у женской половины палатки. Отдавая эти приказания отрывисто, хозяин сидит перед гостями и забрасывает их вопросами о том, как они поживают. Он может позволить себе встать и собственноручно почистить очаг и заполнить его лучиной и кизяком. Следует отметить, что, до тех пор пока гостей не напоят кофе, их не спрашивают о делах. Это считается невежливым, хотя гости и могут по своей инициативе рассказать о себе и своих заботах.

У очага, где уже весело играет огонь, стоят три-четыре закопченных кофейника разных размеров и один начищенный, из которого разливают кофе гостям. В северо-восточных районах Аравии хозяин лично готовит кофе и берет для этого «махмада», кофейник с длинной ручкой, и металлическую ступку. Пестик и ступка, «яд ва гаун», деревянный совок «мубаррад», на котором остывают ко-

фейные зерна, деревянная мешалка, кусочек пальмовой пеньки «лифа» для затычки носика кофейника и, наконец, курильница «мабхар» со взятыми на женской половине благовониями — все это лежит рядом. Как только первые язычки пламени начинают угасать, хозяин бросает пригоршню кофейных зерен, взятых из разукрашенного, сшитого из шкуры газели мешочка на металлический противень или большую ложку. Затем он жарит зерна над горящим навозом, непрерывно помешивая их, чтобы они не подгорели. Когда зерна приобретают коричневый цвет, свидетельствующий об их готовности, их пересыпают на совок для охлаждения.

Теперь хозяин переливает из одного небольшого кофейника в другой вчерашний кофе «шарбат», добавляет туда немного воды и ставит на огонь. В это время кофейные зерна бросают в ступку, и начинается мелодичный перезвон, самая приятная музыка для уха бедуина. Каждый любитель кофе не просто толчет зерна в металлической ступе, а в определенном музыкальном ритме выстукивает простые мелодии. Гости сидят молча, наслаждаясь звуками и восхищаясь искусством хозяина. Этот процесс занимает пять-семь минут. Как только шарбат закипает, хозяин с величайшей осторожностью сыплет толченый кофе в кофейник. Затем он быстро перемешивает его длинным деревянным «махбат» (типа лопаточки) и снова ставит кофейник на очаг, время от времени снимая его с огня, когда кофе поднимается и грозит убежать. Считается, что надо дать кофе закипеть три раза. Когда он прокипит достаточно, его снимают с огня и хозяин, подойдя к перегородке, шепотом просит у женщин кардамон. Маленькая ладошка появляется над занавеской и протягивает хозяину несколько драгоценных зерен, которые он толчет в ступе и бросает в гущу.

Теперь кофе переливается в блестящий «далля», кофейник с длинным широким носиком. Кусочек пальмовых волокон кладется в носик, чтобы служить своеобразным фильтром. Три-четыре чашечки, вымытые холодной водой одним из своих друзей, хозяин берет в правую руку, затем наливает немного кофе себе и пригубляет его, показывая, что напиток не отравлен. Теперь он наливает немного кофе главному гостю и потом всем остальным. Так повторяется несколько раз, пока гости не поблагодарят хозяина. И только после этого наступает время для раз-

говоров. Последний раунд угощения кофе приходится к моменту обеда, если гости не остаются обедать или ужинать или на ночь. До ухода гостей кого-нибудь быстро посылают на женскую половину за ладаном или удом и курильницей. Курильница наполняется горящим кизяком и угольками от лучины, туда кладется кусочек уда. Тотчас же поднимается беловатый приятный дымок, и хозяин передает мабхар гостям, которые держат ее у лица или под своими абами. Теперь гости уходят, покидая дом в молчании, как и подобает серьезным людям пустыни.

Такой ритуал можно наблюдать в палатке каждого бедуина независимо от его состояния. У шейха или зажиточного человека кофе подадут густой, с кардамоном, в большом красивом далля, а на прощание вас окурят благовониями. У бедняка же кофе будет пожиже, в старом кофейнике, без кардамона и последующей церемонии с курильницей. Но в любом случае гостя бедуина от чистого сердца угостят арабским кофе, напитком, ставшим сегодня символом добросердечного отношения к людям.

...Сейчас апрель, тонкая травка лишь пробивается на бурых холмах, и стада овец, понуривших головы в поисках травы, живой серой лентой тянутся с холма на холм.

— Скоро будем стричь овец, — говорит Машаан, указывая глазами на сваленные в углу большие ножницы «заук». — В апреле этого делать нельзя: пастбища плохие и будет мало молока. В Хатре стригут овец один раз, а в других местах, где есть постоянные пастбища, их стригут дважды, хотя этого можно и не делать, так как на второй раз шерсть короткая — четыре сантиметра.

— Садов у нас не разводят, — отвечая на мой вопрос, говорит шейх, — из-за горькой воды в колодцах.

— Нет, я не буду об этом говорить, — смеется шейх, когда я спрашиваю его, почему он, считая людей своего племени, всегда говорит только о мужчинах. Мою агитацию за равноправие женщин он встречает с усмешкой.

— Можно договориться до того, что женщина и министром может стать. Представляю, прихожу я к министру, а мне говорят: он рожает. Ведь смешно, — говорит шейх ехидно, обращаясь к закутаным в абу помощникам, и те согласно кивают головами.

Шейх Машаан и другие шейхи шаммаров — влиятельные и уважаемые люди в Сирии, Ираке и тем более в

Саудовской Аравии и Кувейте. В последнем шаммары составляют большинство солдат, а в Саудовской Аравии они находятся в родстве с правящей фамилией. В Сирии до недавнего времени они имели своих депутатов в парламенте. Дети шейхов учатся в университетах и уже пренебрежительно оглядывают гостевую палатку своих отцов, которая отличается от жилища обычного бедуина не своим убранством, а лишь размерами. Их автомашины — спортивные «мустанги» и «мерседесы», купленные на отцовы деньги от проданного скота и пшеницы, — стоят у шатров.

Вдруг на улице раздается заливистый собачий лай. К одному чем-то встревоженному псу присоединяются и другие, и весь этот разноголосый хор, постепенно затихая, удаляется куда-то в пустыню. Очевидно, собаки почуяли близко подошедшего к кочевью шакала или волка. Я выхожу из палатки. Глубокое темное небо безоблачно. Прямо над головой ярко мерцают крупные звезды Большой Медведицы. Они непривычно близко, и кажется, что их можно достать рукой.

«Гость — от Аллаха, и шаммары всегда готовы его принять». Так сказали шейхи, гости Машаана, и закипела работа: резали маленьких баранчиков «тыли» и складывали их на огромное блюдо с рисом, который называют здесь «аиш» (хлеб). Рис был обильно приправлен жиром, изюмом, миндалем, а также куркумовым корнем, отчего баранина стала желтого цвета.

Первыми к готовому блюду подходят гости и хозяин. Присаживаемся на корточки правым боком к «саня абу курси», огромному медному блюду, с пятью засыпанными рисом баранами. Есть полагается правой рукой, щепоткой, запрокидывая голову и стряхивая в рот рис и кусочки мяса. Не дай бог коснуться еды левой рукой: сразу покроешь себя позором. Ведь левой рукой совершают омовение. Вдруг следует команда: «Ювазза!» («Раздавай!»), и один из шейхов, отделив баранью голову, начинает распределять мясо среди особо почетных гостей. Одному достается глаз, второму — ухо, третьему — язык. Гости ловко рвут мясо крепкими белыми зубами и жуют рис. Вокруг блюда стоят несколько кувшинов с «лябаном», кислым, разбавленным водой овечьим молоком. По легкому кивку слуга бросается к гостю с кувшином, наливает в его стакан лябан, который громко выпивается.

Иногда рядом с лябаном ставят еще и финики, лучше всего свежие, называемые «ратаб», что означает «сырой», «влажный». Но сейчас их нет, поэтому мы обходимся без десерта.

После окончания трапезы гости благодарят хозяина, а затем, выйдя из шатра, моют с мылом руки и рот. Я также моюсь и, улучив момент, говорю шейху Машаану: «Анаам Алла аляйк!» — и через несколько секунд добавляю: «Алла икассир хейрак!». Эти распространенные среди бедуинов формы благодарности за угощения можно перевести следующими словами: «Да вознаградит тебя Аллах!» и «Да увеличит Аллах твое добро, богатство!»

Теперь к блюду подсаживаются дружина шейха и личные слуги. Когда же остается немного риса и сильно зажаренного, твердого мяса, к блюду подходят несколько слуг и, что-то громко крича, хватают его за края. Выкрикивая в такт непонятные мне слова, они тащат его ко входу другого шатра. За ними бросаются откуда-то появившиеся женщины, которых шейх Машаан не представляет себе в роли министров, и собаки.

Итак, когда все нормы бедуинского гостеприимства соблюдены, шейх Машаан и его свита собираются в путь. Он садится в небольшой грузовичок рядом с шофером, а в кузов, как дрова, складывают винтовки, туда же прыгает его босоногая дружина. Остальные шейхи рассаживаются по своим машинам, а их дети — в спортивные автомобили. Отправляюсь в путь и я.

Я возвращаюсь на север, к Мосулу. Завидев издали машину, на обочину выскакивают ребятишки. Они предлагают черные трюфели — съедобные подземные грибы, которых особенно много весной в этом районе. Трюфели, называемые в Ираке «чима», собирают в степи ребята с помощью дрессированных собак и продают их пассажирам автобусов и автомашин, курсирующих по трассе Багдад — Мосул.

«Почитающие дьявола»

Мой путь лежит на северо-восток, в курдские районы Ирака. Я выезжаю в Эрбиль из Мосула ранним утром. Дорога идет по новому мосту через Тигр, минует дом местного богача, построенный почему-то в форме пагоды,

затем мечеть Юнеса и рассекает деревню Ниневию, раскинувшуюся на месте столицы Ассирийской державы. Я попадаю в Ниневию через ворота, которые реставрируют иракские археологи. Проехав их, я останавливаю машину, оглядываюсь на почти восстановленные ворота и вижу небольшой пролом, в котором с трудом разминуты две повозки. Насколько наши представления о величии не совпадают с представлениями древних!

Дорога идет на юго-восток, через селения, где рядом с мечетью соседствует церковь. Но кроме христиан и мусульман в этом районе Ирака живут представители таинственной секты езидов.

О происхождении этой секты нет достоверных сведений. В своих религиозных представлениях езиды соединили различные элементы зороастризма, распространенного в древнем Иране, иудаизма, несторианства, ислама и других вероучений. Верование езидов исходит из идеи двух начал при сотворении мира — добра и зла, света и тьмы. Они верят в бога, носителя добра, и в сатану, «дух отрицания», называемый Мелек-Тауза. Последний выступает в образе павлина и ревностно следит за тем, чтобы предписанные им нормы поведения выполнялись. Чтобы заслужить благосклонность сатаны, езиды должны добиваться его расположения. Они поклоняются изображению павлина, во время религиозных процессий носят его медную статуэтку, курят перед ним благовония, жертвуют золотые и серебряные вещи, но не произносят вслух его имени, слова «шайтан» или иного созвучного слова. Они никогда не назовут реку «шатт», а спички — «шихата», как это принято в Ираке. После ритуальных шествий медная фигурка павлина передается на сохранение тому езиду, который во время торжественной процессии сделал самое большое пожертвование.

Езиды не едят мясо петуха, ибо он похож на павлина, рыбы, чтобы «не разгневать Соломона», не кушают салат «хасс», под каждый листок которого «навсегда проник дьявол», не едят свинину, мясо газели. Синий цвет, по их мнению, приносит несчастье, поэтому езиды предпочитают не носить одежду этого цвета. Они отпускают длинные волосы, которые заплетают в косицы, а на голову надевают войлочные конусообразные колпаки. Они совершают паломничества к могилам своих святых шейхов, постятся только три дня в декабре, причем в каждый день

поста обращаются лицом к восходящему солнцу. Женщины у езидов пользуются кое-какими правами. Девушки свободны в выборе своих женихов, и невеста может отказать своему суженому, а женщине разрешается вторично выйти замуж, если ее супруг отсутствовал дома в течение года.

О происхождении названия этой секты существует несколько мнений. Езиды называют себя дасини, что созвучно названию горы Хаккари, или — по-турецки — Дасен, находящейся на турецкой территории на стыке границ Ирака, Ирана и Турции. Они говорят на курдском языке, но среди езидов встречаются различные этнические типы. Некоторые ученые считают, что происхождение названия секты связано с именем омейядского халифа Язида ибн Муавии, убившего в сражении под Кербелой имама аль-Хусейна. Этим объясняется неприязнь шиитов к езидам в прошлом. Другие ученые полагают, что название секты происходит от слова «яздан», т. е. «бог» на персидском языке и некоторых диалектах курдского языка. Кроме того, существует версия, по которой это название связывают с исторической иранской провинцией Язд. Впервые о езидях писали арабские историки XII века, которые сообщали, что ранее эта секта называлась «адавия» по имени ее основателя, шейха Ади ибн Мусаджира, умершего в 1161 году.

О происхождении и жизни этого шейха также нет достаточных сведений, хотя иракские езиды, с которыми я говорил, знают о нем. По некоторым арабским источникам, шейх Ади — потомок аристократической мекканской семьи Омейи, члены которой занимали халифский трон в Дамаске в раннее средневековье. Датский путешественник Нибур, странствовавший по Северному Ираку, писал, основываясь, по-видимому, на устных рассказах езидов, что шейх Ади был арабом и выходцем из семьи аш-Шамра ибн зи-аль-Джавшана, который принимал участие в убийстве имама аль-Хусейна и стал организатором религиозных гонений на сторонников имама во времена халифа Язида. Езиды, по словам Нибура, почитают аш-Шамра. Существует также мнение, что шейх Ади был курдом и исповедовал зороастризм, прежде чем создал свое эклектичное верование. По-моему, и те и другие исследователи могут быть правы. Ведь уже доказано, что многие шейхи курдских племен ведут свое про-

исхождение от семьи омейядских халифов, члены которой после захвата халифского престола Аббасидами бежали в неприступные горы Северного Ирака, где и получили приют у курдских племен. Поэтому основатель секты езидов вполне мог быть курдским агой с примесью аристократической арабской крови.

Общая численность езидов — 19 тысяч человек: в Ираке их 11 тысяч, остальные живут в Сирии, Иране и Советском Союзе. В Ираке езиды в основном населяют отдаленные горные районы провинции Мосул. Один из центров, вокруг которых группируются их деревни, — гора Маклуб. Здесь, в Айн-Сифни, живет их духовный глава «мир». Неподалеку от Айн-Сифни, в 12 километрах, находится могила шейха Ади и его первых последователей. Районом концентрации езидов считаются также горы Синджар, на северо-западе Ирака, близ сирийской границы. Как и окрестности Айн-Сифни, район Синджара славится своими садами и обилием родников. Аль-Казвини посвятил несколько восторженных строк баням в Синджаре, чище, просторнее и красивее которых он нигде не встречал. Другой корифей арабской средневековой истории, Ахмед аль-Хамдани, писал, что судно Ноя пристало к горе Синджар после шести месяцев и восьми дней плавания. Ной был доволен. Он узнал, что вода стала спадать, и сказал: «Да пусть будет благословенна эта земля». Так возник хороший город (в горах), где много деревьев, рек, пальм.

Тот факт, что езиды забрались далеко в горы, не вызывает удивления. Их преследовали аббасидские халифы, притесняли турки, не разрешавшие езидам выполнять свои религиозные обряды, так как они не относились к «ахль аль-китаб», т. е. не были, как мусульмане, христиане или иудеи, последователями религиозного учения, в основе которого лежит признаваемое другими святое писание.

Могила шейха Ади бен Мусафира находится в горной долине, покрытой деревьями. Долина очень красива и известна под названиями Лалиш и Лилаш. Езиды совершают паломничество к этому месту раз в год, во время своего праздника «ид джамая аш-шейх Ади», приходящегося на 13 октября. Паломничество начинается за десять дней до торжества. Сам мавзолей шейха, видимо, недавней постройки и представляет собой небольшую, пустую

внутри часовню без украшений, с двумя ребристыми, конусообразной формы куполами. Над ее дверью — изображение двух павлинов и двух львов на мраморной треугольной плите. С правой стороны от входа — закопченное изображение змеи с опущенной головой и вздернутым к небу хвостом. Воспроизведение змеи связано с известной легендой езидов. По их преданию ковчег Ной пристал к горам Синджар, однако неудачно, так как получил пробоину. Вода хлынула в судно, и растерянный Ной попросил змею закрыть отверстие своим телом. «Хорошо, — ответила змея. — Я сделаю это при условии, что ты разрешишь мне кусать людей». Ной был вынужден согласиться, но вскоре весьма сожалел об этом, так как потоп прекратился, а змеи, расплодившись, стали жалить людей. Разгневанный Ной бросил змею в огонь, и из пепла родились вши, которые пьют человеческую кровь.

В мавзолее, прямо за порогом, стоит большой кувшин с водой; здесь же, в четырех углах, приспособлены места для отдыха. Против входа расположено большое, выложенное мрамором отверстие, где и покоится шейх Ади. Проходя во внутреннее помещение, следует почтительно переступить порог, не коснувшись его ногой. Порог священен, и на него кладут монетки в качестве подношения.

К мазару шейха Ади примыкает квадратная комната, где находится могила шейха Хасана, последователя и ближайшего родственника основателя секты. Он получил прозвище Таж аль-арифин, т. е. Венец ученых, за свои глубокие теологические знания. Из комнаты шейха Хасана можно подняться в другое, конусообразное и более просторное помещение, украшенное золотым полумесяцем. К мазару примыкает еще несколько помещений, приспособленных для отправления религиозного культа. В полуподвале, например, в стене сделано специальное хранилище для оливкового масла, которое езиды используют для освещения. Здесь же прямоугольный зал без украшений, где езиды, обратившись лицом на юг, творят свою молитву. Площадка вокруг мазара шейха Ади с плотно утрамбованным грунтом служит местом, где собираются паломники. В одном углу площадки — комнатка служителя, в другом — открытый бассейн с родником, который езиды называют «каниясы» («белый родник»). Здесь совершаются ритуальные омовения и родниковой водой смывают с новорожденных «родовую скверну». Ни-

бур писал, что в этот бассейн езиды бросают золотые и серебряные монеты в память об основателе своей секты.

В горах много пещер с родниками, которые также почитаются езидами. В целом вокруг Айн-Сифни расположено около 150 таких мест.

В деревнях езидов в первую пятницу нового года устраиваются религиозные игрища, называемые «таввафи». В них принимают участие и мусульмане, и христиане. Таввафи продолжаются целый месяц. Подробно об этих игрищах мне рассказал мой мосульский друг Саид.

Накануне праздника, в четверг вечером, мужчины и женщины, старики и дети собираются на площади. Ночью они выполняют какие-то свои обряды, а утром рано встают и едят приготовленную в огромных котлах пшеничную кашу с мясом и жиром «гарису», сваренную в отличие от мусульман без желтого куркумового корня. Гарису варят в огромных котлах, а затем раздают всем желающим. Размеры этих котлов вошли в пословицу. «Большой, как котел шейха Мухаммеда», — говорят иногда езиды.

В пятницу утром собираются музыканты. Они играют на тонких деревянных дудках «заная», изготовляемых езидами, специальных бубнах и барабанах. Чтобы взбодрить музыкантов, им дают деньги «тальзик», а разносчики в неглубоких медных пиалах подносят им араку. Езиды не бреются, и, когда они пьют, их длинные усы и бороды мокнув в пахучей водке.

Музыканты стоят в центре круга, а мужчины, обернув головы красными платками, в строченых белых куфиях, в расширяющихся книзу шароварах и войлочных жилетках танцуют с женщинами, взявшись за руки. Женщины езидов очень красивы — стройные, гибкие, красочно одетые. Женщины из Синджара закутывают голову в белую тонкую ткань, украшенную нашитыми бусинками, и в танце они похожи на запеленатых стройных кукол, плавно двигающихся по кругу. Танцы продолжаются около трех часов, затем мужчины вскакивают на коней и, стреляя в воздух из ружей, открывают скачки. После обеда вновь начинаются танцы, на которых присутствуют члены семьи мира, духовного главы езидов, и обязательно его жена.

Многие мусульмане, рассказал мне Саид, считают езидов такими большими друзьями, что могут позволить

езиду держать своего новорожденного сына при обряде обрезания. Это действительно может считаться мерилom уважения к человеку на мусульманском Востоке: только ближайшим и самым почитаемым родственникам и друзьям доверяется такое ответственное дело.

...За размышлениями о секте езидов время летит незаметно. Я пересекаю мутный Малый Заб, и, когда уже разбитая, взбегающая с холма на холм дорога меня настолько укачала, что я готов остановиться и передохнуть, передо мной открывается Эрбиль, центр одной из северных провинций Ирака.

Эрбиль — древний и, пожалуй, единственный на севере Ирака город, название которого сохранилось до наших дней. Он упоминается как Урбилим или Арбилим в клинописных табличках шумерского правителя Шульги, жившего в конце III тысячелетия до новой эры. В более поздних, вавилонских и ассирийских, памятниках его называют Арба-Илу, т. е. Город четырех богов. Главной богиней города была Иштар, богиня любви, которой посвящены находящиеся здесь храмы. В старой крепости Эрбиля, поднявшейся на развалинах древних городов, были найдены клинописные таблички с упоминанием имен богини Иштар, Ашшурбанипала и другого ассирийского монарха — Ашшурдана III, жившего во второй половине VIII века до новой эры. Ассирийцы считали Эрбиль одним из важных стратегических пунктов. По приказу Саргона в городе была сооружена оросительная система, по своим масштабам напоминавшая оросительную систему Ниневии. Уже в более поздние времена через Эрбиль прошла войска Александра Македонского. Именно в этих местах персидский владыка Дарий III потерпел жестокое поражение от Александра, который в 331 году до новой эры вошел в резиденцию персидских царей Персеполь, как называли ее греки, и в одну из бурных ночей, возбужденный обильными возлияниями и подстрекаемый гетерой Таис, швырнул во дворец горящий факел в отместку за разрушение персами Афин. Греческий полководец, однако, не смог полностью воспользоваться плодами своих побед. Он умер в 323 году до новой эры недалеко от Вавилона, и его тело, положенное в мед, в течение двух недель везли к Средиземному морю, чтобы затем предать земле.

Эрбиль стал столицей одного из владений Парфяно-

ского царства. Здесь похоронены парфянские цари, которые успешно отбивались от Селевкидов. В 83 году до новой эры Эрбиль попал в руки армянского царя Тиграна I, но вскоре вновь перешел к парфянам, заручившимся на короткое время поддержкой римских легионов. Вскоре союзники стали врагами, и в начале II века новой эры римские императоры Септимий Север и Каракала захватили город, но не смогли удержать его под натиском персов. Во времена персов на севере Ирака получило распространение несторианство, и Эрбиль в конце VI столетия стал духовным центром сторонников этого учения. В период арабских завоеваний Эрбиль превратился в рядовой арабский город.

В XII веке правитель Эрбиля Музаффар построил мечеть, от которой остался лишь минарет, украшенный резьбой по стуку и похожий по своему декору на падающий минарет в Мосуле. Это самый значительный памятник средневековья. Аль-Казвини пишет, что тот же Музаффар построил в городе целый квартал, где жили 200 суфиев. Они ели и танцевали каждую пятничную ночь. Музаффар хорошо принимал всех приходивших в Эрбиль суфиев, а отпуская их, давал каждому по динару. В Эрбиле, по свидетельству аль-Казвини, была также мечеть, в стене которой был камень с отпечатком человеческой ладони, о чем много судачили в городе. Сейчас этой мечети нет, не сохранился и квартал суфиев.

...Подъезжая к городу, я вижу на высоком холме крепость, обнесенную стеной, за которой много веков назад, сменяя друг друга, шумели древние города.

В Эрбиле преобладает курдское население, и мне интересно знать, чем отличается он от других иракских городов. Развитие городского строительства нивелирует национальный стиль в архитектуре, и в любом городе Ирака, Мосуле или Басре, Эрбиле или Киркуке, вы встретите многоэтажные здания из железобетона, построенные в деловом центре, и одинаковые двухэтажные особняки, в которых живет араб или курд, туркмен или армянин. И лишь восточный рынок сохраняет национальный колорит. Только здесь вы найдете самые разнообразные изделия местных ремесленников, которые не производят ловкие промышленники Японии и Гонконга.

Крытые ряды скорняков, обувщиков, торговцев овощами, зерном и т. д. расходятся веером во всех направ-

лениях, как рукава большой реки. Немного поплутав по темным переулкам, пряно пахнувшим неповторимым букетом запахов восточного базара, я выхожу в ряды, где торгуют тканями местного производства.

Курдский костюм состоит из широких штанов и короткой куртки «баргюс», которая перепоясывается поясом «шютек». На голове курды носят небольшую шапочку «кулаф», а поверх нее чалмой завязывают платок определенного цвета. Например, чалма, называемая «джамадани», у представителей курдского племени барзан сворачивается из белого платка в красную крапинку. Человек опытный по чалме, обуви, по манере завязывать пояс и белый платок на правой руке, называемый «лаванди» или «хетчек», без труда определит, к какому племени или району принадлежит тот или иной курд.

Костюм шьют из специальной ткани, выделяваемой на ручных станках. Станки узкие, поэтому материал получается шириной не более полуметра. «Тависли», темно-фиолетовый материал, изготавливается из хлопковой пряжи с добавлением козьего пуха, «сис мукаллам», полосатая ткань, — из козьего пуха. Она считается дорогой тканью. Кусок такого материала на мужской костюм стоит 16—20 иракских динаров. Чтобы показать мне эту ткань, купец вытащил ее из сейфа, а затем спрятал вновь, когда узнал, что я не солидный покупатель. Продается и ткань, которая стоит 30 динаров и более за кусок.

Рядом с торговцами тканей расположен ряд обувщиков. Курдская национальная обувь называется «клоши» (может быть, наши галоши пошли от этого слова!) и весьма разнообразна по форме и материалу. Близ Сулеймани изготовляют лучшие клоши. У них вязанный из хлопчатобумажных ниток верх и подошва из витых тряпок. На самый носок и каблук набиваются куски высушенной бычьей жилы, которая служит своеобразной подковой. Торговец, у которого я покупал такие клоши, гарантировал, что они будут носиться два года, если, конечно, меня не угораздит пройтись по лужам после дождя. Тряпичные клоши — это летняя обувь. Для ненастной погоды делают клоши с тряпичным вязаным верхом и подметкой из автомобильной шины. На крутых глинистых склонах гор я не раз обнаруживал отпечатки автомобильных шин, оставленные курдскими пастухами, обутыми в зимние клоши. В лавке висели также клоши, сде-

Курдские крестьяне в национальных костюмах

ланные целиком из кожи. Они не пользуются большим спросом, видимо, потому, что в них трудно ходить и зимой, и летом: кожаная подметка сильно скользит на горных склонах, обрывающихся в глубокие ущелья.

Курдские умельцы славятся своими деревянными изделиями. Большие ложки, мундштуки и трубки, огромные гребни для расчесывания шерсти, прялки и веретена, разукрашенные во все цвета радуги, висели по стенам лавки курда-ремесленника, служившей ему одновременно и мастерской. Большие ложки, которыми мешают кислое молоко, называются «хискю». Они делаются из дерева кавот, растущего высоко в горах. Срубленное дерево сушат три-четыре дня, распиливают на чурбаки нужного размера и затем вырезают ложки. Основным инструментом служит «лесек», нож в виде небольшого серпа с отточенной внешней стороной. Вырезанная ложка должна быть красивой. Для этого ремесленник наносит обычным ножом «керек» геометрический или цветочный орнамент. Затем ложку натирают соком нагретой сердцевины незрелого грецкого ореха. Сок впитывается в мягкое дерево и высыхает. Красивый темно-коричневый узор остается надолго. Этим же ножом делают «кавчик», небольшую

ложку, которой едят рис и разливают подливку. Из дерева кавот курды вырезают «качкаду», глубокую миску для супа или кислого молока. Я проехал сотни километров по курдским районам Ирака, и везде, где бы ни останавливался, мне, прежде чем задать деловой вопрос, подносили ковш разведенного на воде кислого овечьего молока. Этот национальный напиток, называемый в районе Эрбиля, Киркука и Сулеймании «мастау», хорошо освежает в жару, утоляет жажду и подкрепляет уставшего и голодного человека. В горах глиняные кувшины, «госек», с кислым молоком ставят в родник, чтобы охладить его.

Северные районы славятся своим душистым табаком, поэтому курды — заядлые курильщики. Я видел курящих курдских женщин, хотя на мусульманском Востоке это считается сугубо мужским занятием, а также курящих 10—11-летних детей. Причем ни женщины, ни дети не прятались от посторонних, а открыто, с наслаждением затягивались крепким самосадом из трубок и самокруток. Может быть, поэтому хороший «басек», т. е. мундштук, — предмет гордости курильщика и его вместе с кисетом и обязательным ножом носят за широким поясом. Самым ценным считается мундштук из янтаря. Но тем, кому такая роскошь не по карману, довольствуются басеком из кавота. Из этого дерева курды делают не только мундштуки всевозможных размеров и видов, но и целые трубки, называемые «сабиль». Если сама трубка изготовлена из камня, а мундштук — из дерева, это уже «калюн».

После прогулки по рынку Эрбиля я зашел в гостиницу, откуда вместе с товарищем должен был отправиться в горы для встречи с председателем Демократической партии Курдистана Мустафой Барзани. Имя этого деятеля широко известно за пределами Ирака, а в курдских районах окружено ореолом славы. У нас на руках два документа: один — пропуск, выданный в Управлении военной разведки с указанием наших фамилий и пути следования, второй — копия телеграммы военному командованию с просьбой разрешить нам проезд. На севере Ирака между правительственными войсками и курдами не раз вспыхивали вооруженные столкновения, и такие охранные грамоты совершенно необходимы.

У нашей гостиницы, лихо затормозив, останавливается «лендровер». За рулем сидит курд, увешанный патрон-

ташами, рядом с ним—автомат. На соседнем сидении — его товарищ, вооруженный подобным же образом. Они — члены курдских отрядов и с этого времени наши сопровождающие и охрана. Обращаясь друг к другу и к нам, они употребляют слово «кака» — брат. Мы забираемся в ландрöver и трогаемся в путь по горам и зеленым долинам Северного Ирака.

Нам предстоит проехать через знаменитые иракские курорты. До первого из них, Салах-эд-Дина, примерно час езды. Дорога идет через невысокие холмы Ханазад, пересекает долину Бастора, где Синахериб построил водопровод для Эрбиля, и, взбежав на холм, называемый на старокурдском языке Бирман или Бирмам, приводит нас к знаменитому курорту.

До революции 1958 года иракские короли и дворцовая знать проводили здесь самые жаркие летние месяцы, наслаждаясь прохладой и свежестью зеленых холмов. В период военных столкновений между арабами и курдами северные районы Ирака практически были недоступны для иракцев, которые стали выезжать на отдых в Ливан. Туда же устремились и кувейтцы, хотя ранее они предпочитали северные районы Ирака, не уступающие по своей красоте и климатическим условиям здравницам Ливанских гор. В мою бытность в Ираке (1967 год) его северные курорты запустели. Особенно это чувствовалось в Салах-эд-Дине: облупившаяся штукатурка зданий кино и почты, безлюдные улицы, закрытая бензоколонка.

Часа через полтора после Салах-эд-Дина мы прибываем в Шаклаву, второй крупный курортный район. Дорога, ведущая в город, сбегает в долину с горы Сифин, покрытой стройными тополями, яблонями, абрикосовыми, сливовыми и ореховыми деревьями. Местные жители строят в садах шалаши и сдают их в аренду на лето отдыхающим. Название курорта, как считают многие, происходит от названия деревни Шаклабаз. Средневековые историки упоминают эту деревню как место, знаменитое своими родниками и садами.

Районы севернее Эрбиля, которые мы проезжаем, известны своими древними памятниками. Не доезжая Шаклавы, справа от дороги, в пещерах горы Сифин, обнаружены предметы, относящиеся к каменному веку. После Шаклавы на плодородной равнине Харир под невысокими холмами погребены остатки древних городов и селений.

На расстоянии двух километров от деревни Харир, против селения Батас, в скале, на высоте около 50 метров, выбит барельеф человека в остроконечной шапке с пером и широких шальварах. Историки полагают, что эта фигура в персидском одеянии была выбита в средние века.

Дорога петляет по горному массиву Сабилак. Вдалеке видны большие развесистые дубы. Постепенно спускаясь с гор, мы через некоторое время оказываемся у входа в узкое ущелье Гали-Али-бек. Почти вертикальные стены десятикилометрового ущелья сложены из гранита и твердых пород. По дну, перекатываясь с камня на камень, несется бурный приток Большого Заба, который образуется из трех небольших речек: Халифан, Равандуз и Дияна. Сам горный массив не имеет единого названия. Южные отроги называют горами Равандуз, по-видимому, по самому большому населенному пункту Равандузу, лежащему здесь, а северные отроги — горами Барадост. Ущелье покрыто кустами и деревьями. Вдоль дороги, прижимающейся к скалам и петляющей с одной стороны на другую, много родников, куда для охлаждения поставлены бутылки с пепси-колой и кока-колой. Это ущелье справедливо считается одним из самых красивых мест на севере Ирака, и сюда приезжает немало людей, чтобы отдохнуть и полюбоваться его знаменитым водопадом.

Мы едем уже по чисто курдским районам. Из ущелья путь лежит через небольшую долину Дияны. Налево уходит дороги на Килашин и Табзау, направо — на Равандуз. В окрестностях Килашина и Табзау возвышаются холмы, под которыми погребены урартские города.

Равандуз в древности справедливо считали неприступной крепостью: его цитадель расположена на высокой скале, омываемой рукавами небольшой реки. Да и само название города происходит от двух слов: «раван», названия курдского племени, и «дуз», что на старокурдском языке означает «крепость». Равандуз упоминается в ассирийских хрониках. Он был подвластен царям Урарту и не раз становился предметом спора между иранскими и турецкими монархами.

Дорога идет вдоль речки Райят. Отроги гор Хандрин кое-где покрыты растительностью. Небольшие долины, образованные шумными ручейками, темными зелеными языками сбегают вниз, к каменным обвалам. Видны рас-

паханные поля. На некоторых участках уже колосится пшеница, на других — только зеленеют всходы. Сильный ветер приносит запахи человеческого жилья.

Здесь существует интересный обычай: зиму курды проводят в деревнях, на берегу рек, а летом уходят в горы, где строят из тополиных веток шалаши, называемые «капер», перетаскивают сюда ульи, необходимый домашний скраб, перегоняют скот и живут до осенних заморозков. Скот пасется на альпийских лугах, но на ночь его загоняют в «хиттан», ограду, сделанную из тополиных столбиков «кезем». Ведь в горах водятся хищники: волки, шакалы и даже барсы.

Везде, вдоль рек и ручьев, в горах, в деревнях, раскинулись рощи стройных тополей. Тополя быстро вырастают, и уже через три года крестьянин срубает длинное дерево, а обрезанную верхушку втыкает в землю.

Мы минуем небольшую деревушку Барселени, в окрестностях которой обнаружена пещера Кусбай-Саби со следами стоянки древнего человека, затем проезжаем Галалу, лежащую у подножия горы Хоркурда. Еще несколько километров, — и мы видим высокую гору Ирака — Сакри-Сакран, покрытую вечным снегом. У ее подошвы, на стрелке двух рек, Сакри-Сакран, образующейся из тающих снегов, и Балакати, стоит деревушка Наупердан, что в переводе с местного диалекта курдского языка означает «стрелка», или «место между двумя реками». Это цель нашего путешествия. Здесь, в Наупердане, у подножия самой высокой горы Ирака, должна состояться встреча журналистов с Мустафой Барзани.

Барзани говорил о том, что курды желают жить в мире с арабами, с которыми их связывают исторические судьбы. Это было сказано летом 1967 года. Сейчас мир на севере Ирака восстановлен. Кончилась война, истощавшая страну, война, на которой грели руки темные дельцы, наживавшиеся на крови арабов и курдов. Сделаны первые шаги к тому, чтобы красивейшие места на севере Ирака вновь стали курортами, чтобы гостиницы Салах-эд-Дина и Шаклавы перестали быть казармами.

Я сижу на большом валуне и смотрю на гору Сакри-Сакран. Иногда курды называют ее Хассар, что в переводе означает «холодный», и добавляют «качал» — «лысый». Передо мной поднимается скалистый утес, освещенный заходящими лучами солнца. На лысом Хассаре ле-

жит серый снег. Скалы с одной стороны горы темнеют, тень постепенно покрывает подножие, затем вершину, над которой розовые перистые облака плывут к одинокому дереву, наконец все скалы погружаются в тень. Только гора Хассар еще розовеет в лучах заходящего солнца.

Слева от меня узкий мостик через ручей. Ручей завален красными и синими валунами. Зацепившись в воде, нервно бьется тополиная ветка. По камням прыгают трясогузки и похожие на синиц птички с темной спинкой и коротким хвостом. На самой стрелке бьет родник. Его обложили камнями и забрали в трубу. Вода холодная до ломоты в зубах, но очень вкусная. Сюда с пустыми жестяными банками тянется детвора: девочки в цветастых платьях с мелко заплетенными косичками и мальчики в широких, суживающихся к щиколотке шароварах. Дети — всегда дети. Даже здесь, в суровом военном лагере, они, устроившись на валуне, голышом разбивают еще незрелые грецкие орехи. Орехов очень много — вся долина заросла ореховыми деревьями, и во время сбора за один иракский динар дают две тысячи орехов.

Кака Сулейман провожает нас в отведенный капер, выдает два толстых ватных одеяла: ночью будет холодно. Сквозь крышу видны крупные звезды, пахнет прелым листом, по сухим листьям шумно шлепает лягушка. Спать не хочется, и я пытаюсь разговориться с Сулейманом. Этот голубоглазый курд пришел в лагерь Барзани из-под Мосула. Знакомясь со мной, он назвал себя кака Шлеймон. Может быть, он и не мусульманин, а езид или даже христианин, но вот уже два года, как он в курдском отряде.

Прежде чем лечь спать, мы поужинали пшеничными лепешками «нон» и кислым овечьим молоком. Кислое молоко нам наливали из охлажденного в роднике глиняного кувшина. Хлеб здесь выдают бесплатно и в любом количестве, но за выброшенный кусок строго наказывают: хлеб достается с трудом и разбрасывать добро негоже. На завтрак, по словам Шлеймона, нам также дадут нон, масло, варенье («душар») из винограда или инжира и, возможно, мед. Солдатский обед состоит из чечевичной похлебки с помидорами, куска баранины или курицы. В праздничный обед угощают «саваром» или рисом. Савар — сухая каша из толченой пшеницы, подобная мосульскому бургулю. Пшеницу отваривают, сушат на

солнце, затем толкут в ступе «джуни» или везут на мельницу «достар». У курдского риса большое и толстое зерно. Рис варят в котле, затем его отбрасывают, а воду сливают. На дно того же котла кладут нон и на него высыпают сваренный рис. Теперь в котел льют кипящее масло или баранье сало, закрывают плотно крышку, закапывают котел в горячие угли, и через полчаса блюдо готово.

Шлеймон отказывается от сигареты. Он, оказывается, курил с семи лет, а недавно бросил. Зато он большой знаток табака. Табак по-курдски называется «тютен» и бывает нескольких сортов. В районе Сулеймании выращивают желтый ароматный сорт «шавер», а в районах, где мы находимся, — сорт «бондар», тоже ароматный, но коричневого цвета. Как только сходит снег, отведенный для табака участок вспахивают, засеивают и закрывают ветками, чтобы семена не склевали воробьи. Через месяц появляются ростки. Участок обильно поливают, чтобы легче было вырывать рассаду. На поле делают полосы, которые равномерно засаживаются рассадой. В течение трех-четырёх дней поле поливают утром и вечером, а затем — один раз в неделю. К осени табак вымахивает на метр с лишним, и тогда начинается сбор. В Дахоке и Захо, севернее Мосула, табак рубят под корень вместе с черенками и подвешивают на веревке для просушки. В районе Наупердана собирают только листья. Их пачками складывают на крышу и сверху накрывают ветками, чтобы они лишь немного привяли. Через два-три дня листья нанизывают на нитку и развешивают для просушки. Измельченный табак просеивают и делают самокрутки из папиросной бумаги, которая продается в лавках. Самокрутку обязательно вставляют в мундштук. Даже самый последний бедняк может смастерить себе басек из куска кавота, и если у него нет мундштука, то это первое доказательство его нерадивости и лени. Табак продается в Равандузе на кирасы. Один кирас, примерно равный полутора килограммам, стоит 250—400 филсов.

На следующий день мы отправляемся в Хадж-Омран. Этот курорт считается самым прохладным в Ираке: температура даже в самое жаркое лето здесь не поднимается выше 22 градусов.

Я впервые вижу, как курдские крестьяне убирают сено. Мужчины и женщины серпами и косами срезают тра-

ву и аккуратно разбрасывают ее для просушки. Зима в этом районе, лежащем на высоте четырех тысяч метров над уровнем моря, снежная и холодная, и нужно заботиться о корме для скота. Плоские крыши домов укатывают тяжелым катком, называемым «багурдин». Это тоже необходимо сделать летом, чтобы холодные осенние дожди не проникли внутрь. Дорога идет вдоль речки Балакатын, несколько раз пересекает ее и карабкается в гору. В 1932 году она была асфальтирована, но с тех пор дорога не ремонтировалась.

Остановку в Хадж-Омране я использую для того, чтобы осмотреть ульи. Хозяин пасеки кака Амин, старик в большой чалме, с кинжалом за широким поясом, показывает мне ульи («халеф»), сделанные из плетенки, обмазанной снаружи навозом. Эти длинные, величиной с полено ульи положены друг на друга, как дрова. Рядом стоит «поска», плетеная конусообразная корзинка на длинной палке, которой снимают с дерева вылетевший из улья новый рой. Заходим в дом, мазанку с плоской крышей, и присаживаемся отдохнуть в гостевой комнате — «диван-хана», или «диван-кочек». Пол вдоль стен застлан коврами «мафур», в центре — войлочная кошма «ляббад». В левом углу стоит самовар, на стене висят три винтовки. Вот и все убранство дома. Как Амин объясняет, что ковры — из овечьей шерсти, их ткут женщины, но ляббад делают мужчины. Сначала овец моют в реке, затем стригут, треплют и складывают шерсть толстым слоем на кусок ткани, постеленный на земле. Ляббад делают либо красно-кирпичного цвета, либо желтого, либо полосатый, но последнее уже зависит от шерсти. Чтобы получить ляббад красно-кирпичного цвета, в шерсть добавляют краску, полученную из корня травы «рунас», а желтого цвета — из корня травы «гияранг». Собственно, гияранг и означает «желтый цвет». Шерсть скатывают в рулон и катают руками в течение нескольких дней, пока она не свалется в войлок.

Кака Амин ведет меня к сараю, где его дочь и соседские женщины треплют шерсть. Курдское трепало шерсти похоже на русскую прялку. Комок шерсти насаживают на большой деревянный гребень, называемый «шахурие» («ша» — «расческа», «гребень», а «хурие» — «шерсть»), и быстро двумя руками вытягивают ее на обе стороны и бросают в «джувал», домотканый мешок. За-

тем начинается прядение. На изготовление ковров идет толстая нить, поэтому между двумя столбами натягивают несколько ниток, которые затем плотно скручивают руками.

Я благодарю как Амина и прощаюсь. Он несколько разочарован, так как самовар, стоящий в углу, уже шумит. Чай здесь пьют три-четыре раза в день с колотым сахаром, и хороший самовар — вещь абсолютно необходимая в домашнем хозяйстве. О русских самоварах знают, но о них можно лишь мечтать, ибо, как я уже упоминал, они стали антикварной вещью. Простые самовары поставляют из Ирана, благо до иранской границы всего два километра.

Мы вновь грузимся в лендровер, чтобы возвратиться в Эрбиль, и молчаливые охранники садятся за руль. Прощаемся с Мустафой Барзани и его двумя сыновьями, Идрисом и Масудом. Они одеты в курдские костюмы, на голове у них чалма, за поясом кинжалы и тупорылые никелированные американские револьверы системы «смит энд vesson», именуемые иногда «бульдогами». И вновь мелькают по сторонам голые горы, зеленые тополиные рощи, стога сена и ручьи. Сильный ветер с запада качает тонкие ветки тополей, шелестящих листвой вслед нашему лендроверу.

Из Эрбиля мы направляемся в Киркук. За два часа изматывающей дороги, с горы на гору, как с волны на волну, пересекаю плодородную эрбильскую впадину. Это единственное место, где до недавнего времени оставалось несколько небольших кочевых курдских племен. Киркук открывается внезапно: с холма видны горящие факелы нефтеперегонного завода и стелющийся жирный дым, серебряные шашечки нефтехранилищ и городская цитадель на высоком холме.

Киркук — центр нефтедобывающей промышленности Ирака. Сейчас ежегодно добывается 50—55 миллионов тонн нефти, перекачиваемой по трубопроводу к побережью Средиземного моря. Нефтеносные пласты залегают на глубине 500—800 метров, а в некоторых местах нефть и газ выходят на поверхность в виде небольших родников и колодцев. Нефть в этом районе известна с глубокой древности, и здесь некогда стояли храмы огнепоклонников, почитающих голубой огонь. Собственно название города происходит от Баба Гургур, или Баба

Куркур, названия места, где и сейчас горит газ, поднимающийся по трещиноватой породе из-под земли на поверхность.

Но Киркук известен еще и тем, что здесь живет большая колония туркменов. Как они оказались здесь, за тысячу километров от районов, населенных тюркскими народами? Существует несколько версий, но, на мой взгляд, наиболее достоверным можно считать, что они переселились сюда из Анатолии в средние века. Османские султаны, воевавшие с Персией, построили на всем протяжении своей границы военные поселения, которые заселили колонистами, вменив им в обязанность защиту своих восточных рубежей. Если посмотреть на карту Ирака, то деревни и города с преимущественно тюркским населением протянулись широкой полосой между курдскими и арабскими поселениями.

Я бывал много раз в Киркуке, исходил его шумные базары и узкие кривые улочки городской цитадели, построенной на развалинах дворца Навуходносора. Здесь, в центре цитадели, в маленькой затрапезной мечети похоронены три иудейских пророка: Даниил, Ханакей и Азария. Тот самый Даниил, который, согласно библейской легенде, был посажен в Вавилоне в ров с семью львами и драконом, которому покровительствовал вавилонский бог Мардук. Желая доказать могущество бога Яхве, пророк Даниил сделал коврижку из смолы, жира и волос, сожрав которую дракон сразу же околел. Мечеть так и называется «Джами наби Даниэль» («джами» — мечеть). Сняв обувь, можно зайти в низкий маленький зал, где находятся могилы. Они закрыты зеленой тканью, а рядом с ними на металлических решетках подслеповатых окон навешаны сотни замков разного калибра и разных систем. Мечеть бедна, но очень почитаема. Сюда на поклонение библейским пророкам тянутся и христиане, и мусульмане, и иудеи.

Я перебираю свои дневники, в которых сделаны записи об обычаях киркукских туркменов. Оказавшись в чужой стране, они, как и всякое национальное меньшинство, старательно сохраняют свои обычаи и верования. Их суеверные представления часто совпадают с арабскими, иногда напоминают и приметы русского народа. Разбитое зеркало принесет несчастье хозяину, а если ребенок будет часто смотреться в зеркало, он может лишиться

разума. Если у женщины вдруг рассыпалась прическа и волосы упали на лицо — быть в доме гостю. Смотреться в зеркало ночью — к скорой дороге, а подметать ночью дом — придется скоро его оставить. Чешется ладонь — к деньгам, а чихнуть при объяснении какого-либо дела — значит сделать ваше объяснение достоверным и неоспоримым. Как и везде, женщины в Киркуке более суеверны, чем мужчины. Если женщина хочет стать матерью, она дает обет и после исполнения своего желания обязана его выполнить, например: носить траур десять дней в месяце мухаррам по имаму аль-Хусейну или лишь на седьмом году жизни ребенка купить ему новую одежду. Когда в доме больной и его не излечивают никакие лекарства, женщина надевает абу, чтобы не быть узанной, и отправляется к «семи дверям» просить милостыню. На ее стук открывают дверь и, видя закутанную в покрывало женщину с протянутой рукой, подают без расспросов символическую милостыню. Беременная, на сносях, женщина не пойдет в гости к другой, находящейся в таком же положении, чтобы не накликать беду на своего и чужого ребенка. Но если все же такого посещения не избежать, нужно послать хозяйке иголку. Белый цвет приносит несчастье, и посылать какой-либо предмет белого цвета недопустимо. Поэтому в молоко бросают кусочки угля, а на куриные яйца наносят черные полосы.

Постоянное соседство с арабами и курдами приводит ко все большему заимствованию туркменами многих обычаев и обрядов. Одежда туркмена уже не отличается от одежды багдадца. Он покрывает голову «бурак» и «джамдани». Вся разница лишь в том, что аналогичный головной убор багдадца называется «аракчин» и «чарравия». Повитухи в Киркуке выполняют роль свахи, и, как в Мосуле, вместе с матерью парня ходят по домам, где живут девушки, подыскивая сыну подходящую невесту. Хну для невесты готовят в доме жениха и бросают туда золотую монетку. Сначала хной красят большие пальцы жениха, а затем таз с краской относят в дом невесты, где совершается та же церемония, что и в арабских семьях. Невеста лишь вылавливает левой рукой из зеленой кашицы золотую монетку и хранит ее у себя. Если эту монетку отдать другой женщине, то она может стать бесплодной.

От Куркука до Багдада немногим более 200 километ-

ров, но я намеренно отправляюсь окружным путем — через Сулейманию и Ханакин. В этих городах с преимущественно курдским населением интересно побывать, тем более что Сулеймания не так давно была столицей курдского феодального княжества Бабанов.

Сулеймания расположена на отрогах горной цепи Азмор. Современный город, хотя и находится в районе с богатыми историческими памятниками, очень молод, и его родословная прослеживается лишь с 1781 года. В этот год курдский феодал Махмуд — паша Бабан, объединивший под своей властью курдские племена джаф, пишдар, хамаванд, азиз, чинкани и др., построил в деревне Мальканди феодальный замок. Последующие правители активно пристраивали базары, бани, мечети, дома для челяди и дружин. К 1784 году этот конгломерат служебных и жилых зданий оформился в шумное городское поселение, куда была перенесена столица эмирата Бабанов из Джавлана. Город нарекли Сулейманией в честь тогдашнего турецкого наместника Багдада Сулейман-паши. По другой версии город был назван Сулейманией Ибрагим-пашой Бабаном в честь своего деда Сулейман-паши, основавшего эмират в XVIII веке. В 1851 году этот развалившийся в результате феодальной междоусобицы эмират перестал существовать. Турки направили сюда представителя, который взял власть в свои руки.

Курдские племена этого района всегда отличались непокорностью. Пока крепкая рука эмира сдерживала курдскую вольницу, турки могли быть спокойны за свои интересы. Но в условиях феодальной междоусобицы на курдов вряд ли можно было положиться. Племя джаф, например, всегда выступало зачинщиком нападения на турок и другие племена. Джаф делится на несколько кланов, причем не все из них одобряли неуживчивость членов племени. Иракский историк Махмуд Амин Заки утверждал, что некоторые кланы, такие, как фабади, бабаджани, валяд-баги, имами и дарвиши, откололись от джаф и даже ушли в другие страны. Время и условия переселения неизвестны, но достоверно, что представители курдского племени джаф живут в соседней Сирии и даже далеко в Йемене.

Эмират Бабанов перестал существовать, а их столица постепенно превратилась в захолустный провинциальный городишко. Сегодняшняя Сулеймания не отличается от

других иракских городов. Лишь горный ландшафт, живописные одежды курдов, спускающихся с гор, да их отличная от арабов речь напоминают, что ты находишься в курдском районе. В последнее время принято решение о создании в Сулеймании курдского национального университета. Это вполне обоснованно. 200-летнее существование эмирата Бабанов в известной степени закрепило культурные традиции, создало предпосылки для развития национальной курдской поэзии, диалекта курдского языка. В Сулеймании жили многие известные курдские поэты. В XIV веке здесь творил Салех Эфенди, а в начале нашего столетия — Ахмед Мухтар-бек, известный своими касыдами о Курдистане и его красотах.

В Сулеймании и ее окрестностях существуют два влиятельных мусульманских дервишеских ордена. Один из них, кадырия, основан Абд аль-Кадером аль-Джили аль-Гиляни в XII веке. Он родился на южном побережье Каспийского моря, в Гиляне, где в то время жили родственные курдам племена дулейм. Именно из этого района пришли в Йемен зейдиты. В Йемене я встречал нескольких сейидов по имени Дулейми. Центром кадырии считается Сулеймания, где члены этого ордена устраивают свои религиозные мистерии.

Второй орден, накшбандия, более популярен на равнине Шахрзор. Его основателем был Мухаммед ан-Накшбанди. Он родился в XIII веке в небольшой деревушке, расположенной в трех километрах от Бухары. Эта деревня ранее называлась Кушки хандван (Замок любви) или Кушки арифин (Замок ученых). Вся деятельность будущего основателя ордена проходила в окрестностях Бухары и Самарканда: в деревне Самаси он учился, бывал в Бухаре, служил у Улугбека в Самарканде, проповедовал свое учение в Завартуне, умер и похоронен в Бавадине, местечке недалеко от Бухары, где и сейчас стоит его мазар. Когда впервые учение бухарского проповедника проникло в Курдистан, точно не установлено. Но известно, что некий шейх Халед в период правления Махмуд-паши Бабана призывал на базарах Сулеймании громко прославлять Аллаха и упоминать его имя в соответствии с указанием шейха Мухаммеда ан-Накшбанди. Бабаны же, больше симпатизируя ордену кадырия, выслали шейха Халеда в Багдад, а затем в Сирию.

Моя поездка по Курдистану заканчивается. Я еще раз

прохожу по улицам города, замечаю на каждом шагу приметы нашего времени: курдские крестьяне везут табак на сигаретную фабрику, вдали поднимается дымок цементного завсда, на базаре продают рыбу, выловленную в водохранилище Докан, которое образовано плотиной на Малом Забе, девочки в форменных синих платьях спешат в недавно организованный исторический музей. Я прощаюсь с городом. Мой путь лежит в Багдад, город мира, воспетый в сказках «Тысячи и одной ночи» и описанный во многих книгах.

НА БЕРЕГАХ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

Арабы и море

Многим покажется странным такое сочетание, поскольку арабов чаще всего представляют себе как земледельцев или жителей пустыни. Однако арабов можно считать и морской нацией, которая внесла значительный вклад в развитие судоходства по Средиземному морю и Индийскому океану. Оставим вопрос о деятельности арабов в Средиземном море и обратимся к Индийскому океану, в районе которого, в отличие от других мест, тенденции торговли и тяга к экономическому обмену всегда преобладали над преходящими тенденциями политической разобщенности. Торговые связи, которые установились еще на заре исторических времен между народами, жившими на берегах Персидского залива, Красного моря и Индийского океана, редко нарушались военными действиями, и даже в период военных столкновений в этом районе сохранялась коммерческая навигация. Разнообразные товары, производившиеся в таких развитых центрах древней цивилизации, как Египет, Йемен, Иран, Индия и Месопотамия, создавали прочную материальную основу для того, чтобы жители Аравийского полуострова, находящегося на стыке двух великих континентов, сделали мореплавание одной из своих основных профессий.

Я вспоминаю об этом, стоя на набережной города Эль-Кувейта, столицы одноименного арабского государства, набережной, протянувшейся от английского посольства до американской больницы. Здесь находится стоянка парусных судов всевозможных размеров и назначений, и у любого человека не останется никаких сомнений насчет мореходных способностей арабов, если он хотя бы просто прогуляется по пирсу.

Кувейтский бум

Издавна известно, что климат в Кувейте суше, чем в других районах Персидского залива, и поэтому здесь удобнее было строить морские суда: дерево успевало высохнуть на солнце до нужной для работы кондиции. Арабы называют любое крупное морское судно с квадратной кормой «багила», а суда меньшего размера — «бум», иногда добавляя определение «кувейтский». Бум хорошо приспособлен для перевозки грузов, имеет более вместительные трюмы и отличается лучшими мореходными качествами. Он бывает разных размеров — от небольших до крупных судов водоизмещением в 300 тонн. Это судно, как правило, имеет две мачты. Его отличительные особенности — задранный нос, отделанный на конце черным деревом, и узкая корма без надстроек. В Персидском заливе встречаются также парусные суда, изготовленные в Индии или же в странах Персидского залива, но по индийским проектам и с соблюдением всех принятых в Индии норм и традиций. Это прежде всего «кутия» и «дангия», напоминающие соответственно багилу и бум. Раз-

ница состоит лишь в особом украшении носовой части первых двух судов.

Довольно распространено в Кувейте судно с квадратной кормой и тупым носом — «джальбут» или проще «джали». Некоторые предполагают, что это судно появилось относительно недавно и его название связано с названием английского фрегата «Галеват», который нес службу вдоль восточных берегов Индии во второй половине XIX века, или с португальским словом «галеота» («военный корабль»). Кувейтские ловцы жемчуга выходят на промысел на больших ботах «самбук». Этот тип судов широко распространен не только в Персидском заливе, но и в Красном море и в Аденском заливе. Самбук имеет две мачты, высокозаданные корму и нос. Кроме указанных выше разновидностей морских судов в Кувейте встречаются и другие суда, например: «шуай», «батил», считавшееся прежде грозным пиратским судном, «багара», «балям насари» с выступающим в носовой части украшением, называемым «тарбуш».

От местных моряков я узнал, что для скалистого грунта используется якорь «син», что в переводе означает «зуб». Этот якорь действительно похож на зуб — тяжелый камень, в конец которого вделан металлический штырь, торчащий с двух сторон. Ловцы жемчуга на отмелях бросают металлические якоря с двумя, четырьмя и даже шестью концами. Они пользуются веслами «суф», имеющими квадратную форму, а рыбаки — веслами прямоугольной формы «гадуф».

Арабские моряки Индийского океана и Персидского залива были первыми, кто применил на своих судах треугольный парус, который позволял двигаться вперед против ветра путем простого лавирования или беря разбег по ветру. На арабских судах появились две мачты: одна — для квадратного паруса, когда судно шло при попутном ветре, и вторая — для косо́го паруса, которая устанавливается в носовой части и служит для движения при встречном ветре. Однако вскоре арабы отказались от квадратного паруса и полностью перешли на употребление косо́го, что несколько снижало скорость судна, но позволяло ему хорошо маневрировать. Арабам обязана своим названием вспомогательная мачта, на которой крепится косо́й парус. Они называли ее «мизан», т. е. «противовес», «весы». Через европейские языки это слово по-

пало в русский как «бизань». Появление косо́го паруса и вспомогательной мачты в бассейне Индийского океана означало революцию в парусном мореплавании. Постепенно косо́й парус стали применять и в Средиземном море, на испанских и португальских судах. Не будет преувеличением сказать, что пытливая мысль и опыт арабских моряков, приспособивших парусные суда для движения против ветра, практически подготовили великие морские путешествия Колумба, Васко да Гама и Магеллана.

На таких судах, изготовленных из красного дерева на пустынном берегу Кувейта, арабские моряки отправлялись в далекие плавания, куда их влекла не только жажда наживы, но и стремление познать новый неизвестный мир.

Первоклассную гавань для морских судов в раннем средневековье представлял Сираф, расположенный на иранском берегу Персидского залива. Отсюда вывозились ткани, жемчуг, специи. В многоэтажных домах, построенных из крепкого индийского тика, жили потомственные арабские капитаны, которые из поколения в поколение передавали свои профессиональные секреты. В 977 году в результате семидневного землетрясения город был разрушен, и его роль как торгового центра постепенно переходила к порту Хормоз.

Арабы включили Хормоз в орбиту международной морской торговли, и в XIV—XV веках он приобрел мировую известность. «Земля — кольцо, а Хормоз — жемчужина в нем», — гласит арабская поговорка. Из Хормоза вывозились пшеница, вино, индиго, золото, медь, железо. Русский купец Афанасий Никитин в Ормузе, как он называл этот порт, купил коня и переправился в Индию. В своем «Хождении за три моря» он писал: «Ормуз — великая пристань. Люди всего света бывают в нем, есть здесь и всякий товар. Все, что на свете родится, то в Ормузе есть...» На месте этого города сейчас построен иранский порт Бендер-Аббас.

Важным портом Персидского залива был Сухар, где бросали якорь все суда, входившие в залив. «Сухар — столица Омана... — писал о городе в конце X века географ аль-Мукаддаси. — Здесь удивительные рынки и восхитительные окрестности, простирающиеся вдоль морского берега... Есть здесь колодцы и каналы с питьевой во-

дой, и население живет среди полного изобилия...» *. Следует упомянуть и порт Маскат, который в XV веке стал центром кораблестроения этого района.

Арабы не только ограничивались строительством новых и развитием старых портов в Персидском заливе и на южном побережье Аравии, но и колонизировали все восточное побережье Африки — от Берберы до южной оконечности Мадагаскара. Большую часть колонистов составляли переселенцы из Омана, прежде всего купцы и работорговцы. Первые арабские колонисты уже застали на африканском побережье, от мыса Гвардафуй до устья реки Замбези, развитые города или развалины древних населенных пунктов, которые они и начали осваивать. Большинство переселенцев из Омана были выходцами из племени азд, которые в некоторые периоды истории даже включали колонизируемое побережье в состав Омана.

Средневековый арабский географ Якут характеризует жителей Могадидшо как чистокровных арабов. Барава, построенная колонистами, прибывшими в Африку с Бахрейна, выполняла роль основного перевалочного пункта по приему переселенцев из района Персидского залива. Малинди, где в конце XV века на каравеллу Васко да Гама взошел арабский лоцман «лев морей» Ахмед ибн Маджид, который привел корабли португальцев в Индию, был не только крупным портом, но и центром по обработке металлов. Килва была основана арабами-суннитами в 975 году, а персы Ширази, бежавшие сюда от религиозных преследований, способствовали ее возвышению. Однако самым важным портом для арабских мореплавателей была Софала. Арабские купцы называли ее «золотая Софала», так как отсюда во все страны южных морей вывозились золото Макаранги, нынешней Родезии, и серебро Нубии. Кроме драгоценных металлов через Софалу экспортировались многие экзотические товары: слоновая кость, кожа гиппопотамов, панцири черепах, шкуры леопардов, благовония и серая амбра. Одни суда везли эти африканские богатства в Персидский залив, другие — пересекали Индийский океан и бросали якоря на рейдах портов Индии и Китая.

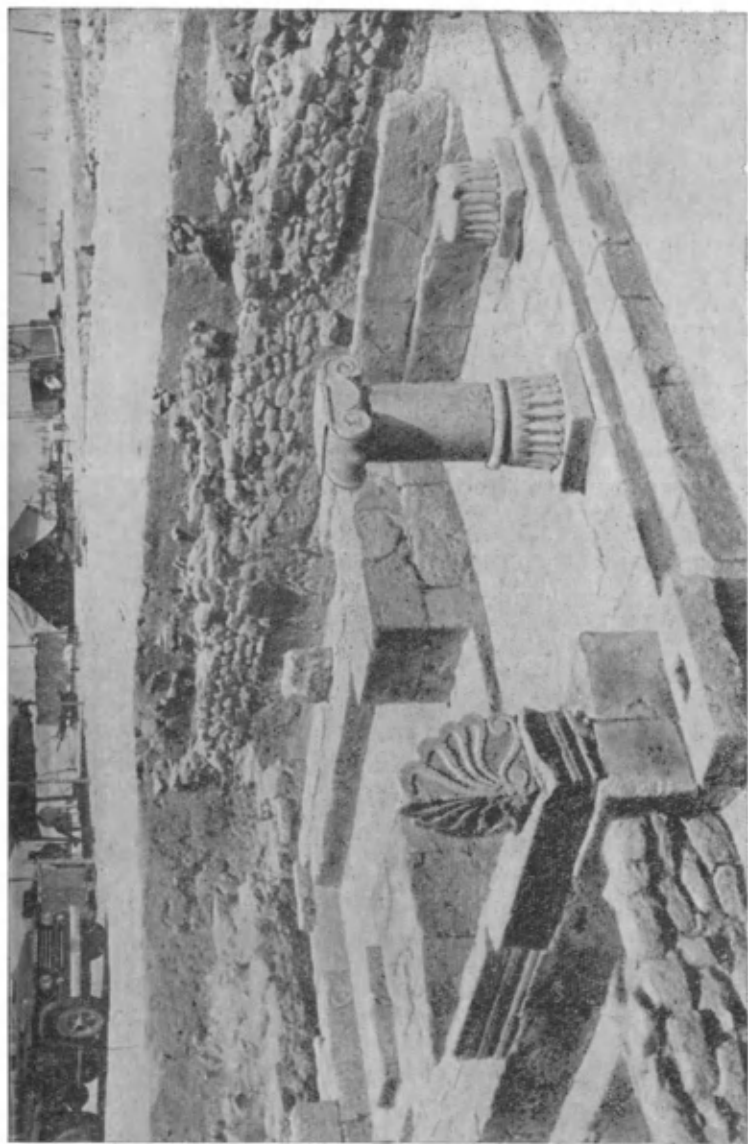
Раскопки на небольшом острове Файлака, удаленном от Эль-Кувейта на 30 километров, доказывают, что ара-

* Цит. по: Т. А. Шумовский, Арабы и море, М., 1964, стр. 122, 123.

бы вообще и кувейтцы в частности были хорошими мореходами и удачливыми торговцами. Обилие пресной воды, плодородной почвы и нескольких удобных гаваней сделали этот остров, достигающий всего 16 километров в длину и 6 километров в ширину, обитаемым еще в начале III тысячелетия до новой эры. Среди наиболее важных открытий, сделанных в ходе археологических раскопок на острове в 1960 году, следует отметить находку греческих монет, датируемых первыми веками до новой эры. Ученым и ранее было известно, что на острове существовала греческая колония Икарос. Поэтому обнаружение греческих монет стало еще одним доказательством пребывания на острове греческих поселенцев.

На Файлаке нашли 13 серебряных тетрадрахм, причем 12 из них были одинаковыми. Одна монета, 13-я, чеканилась в период царствования Антиоха III, правившего Селевкидской империей с 223 по 187 год до новой эры. Антиох III изображен на монете молодым. Видимо, монета была выбита в начале его правления. На обратной стороне монеты воспроизведен Аполлон, считающийся прародителем и покровителем основателя династии — Селевка. Он сидит на царском троне и в правой руке держит стрелу, на которую смотрит, а в левой — лук. По мнению ученых, эта монета чеканилась в одном из восточных городов обширной империи Селевкидов, простиравшейся от берегов Средиземного моря до Персидского залива. Этим городом могли быть Сузы, столица Персидской империи, разгромленной Александром Македонским. На остальных двенадцати монетах изображен Геракл, покрытый шкурой льва, а на обратной стороне — Зевс, сидящий на троне и держащий на вытянутой правой руке священного орла. В левой руке у него посох. Монеты чеканились в честь Александра Македонского, хотя они были выпущены через 100 лет после его смерти (323 год до новой эры). Однако если сравнить монеты с Файлака с аналогичными монетами, выпущенными при жизни Александра, то между ними можно обнаружить большую разницу. Первые грубы, им недостает того изящества, которое делает каждую греческую монету шедевром изобразительного искусства. Более того, в монетах с острова чеканщики допустили в собственных именах орфографические ошибки, что свидетельствует об их слабом знании греческого языка.

Раскопки на острове Файлака

Существует несколько гипотез о происхождении монет с острова Файлака. Наиболее правдоподобная версия свидетельствует о том, что монеты были выбиты в городе Гере, крупном торговом центре аравийского побережья Персидского залива, который хотя и не входил в состав империи Селевкидов, но был достаточно близок к ее владениям, чтобы чеканить по указанию империи монеты.

Греческие мореплаватели по приказу Александра Македонского проводили работу по исследованию Персидского залива и были знакомы с торговыми городами, которые процветали в этом районе. Александрийский географ Агатархид в 110 году до новой эры так определил значение Геры: «Сабейцы и жители Геры богаче всех в мире» *. Однако рост благосостояния и самостоятельности города пугал Селевкидов, и Антиох III, чье изображение мы видим на монете, решил показать населению города мощь империи, устроив военную демонстрацию в районе Персидского залива с целью обеспечить себе разумную долю в прибыльной торговле. Жители Геры «просили царя не уничтожать того, что было даровано им богами: вечный мир и свободу». Известно, что купцы Геры откупились от Антиоха III серебром, ладаном и миррой. Видимо, для того чтобы доказать Антиоху свою лояльность, они и выбили монеты, найденные на острове Файлака в 1960 году. Интересно, что и во время раскопок в 1958—1959 годах на острове Файлака были обнаружены монеты. Так, например, одна из них чеканилась Селевком I в честь Александра около 310—300 годов до новой эры, две другие относятся к периоду правления Антиоха III.

Каковы бы ни были гипотезы и предположения ученых, одно несомненно: кувейтский остров Файлака, находившийся на перекрестке оживленных морских путей в Иран и древнюю Месопотамию, некогда занимал одно из ведущих мест в торговле стран того района.

Я посетил остров Файлака во время своего пребывания в Кувейте. Сейчас на острове живут три тысячи человек, которые занимаются земледелием, «охотой» за жемчугом и торговлей. Добыча нефти в Кувейте подорвала традиционные промыслы островитян и послужила причиной исчезновения многих старых традиций. Это побудило департамент древностей и музеев министерства

---

* Там же, стр. 71.

просвещения Кувейта поспешить с созданием этнографического музея, который сохранит для последующих поколений предметы исчезающего быта земледельцев, мореплавателей и ловцов жемчуга.

На Файлаке я посетил дом-музей. Это старый кувейтский дом, состоящий из пяти комнат. Одна из них называется «дивания», где хозяева принимают гостей. Перед большим очагом выставлена целая коллекция кофейников различных размеров и форм. В больших кофейниках готовят кофе, а из маленьких — разливают напиток по чашечкам. Рядом с гостиной расположена спальная комната. С потолка свешивается «хейма», полог, защищающий от комаров и москитов, рядом — «карука», детская люлька. В отличие от других арабов островитяне называют спальню комнатой невесты — «гурфа аль-арус». Кухонная утварь включает глинобитный чан, медную посуду и обязательный деревянный рундук, который матрос брал с собой в дальнейшее плавание. Здесь же «аска», бурдюк для кислого молока и сыра, деревянная ступка «минхаз», каменные жернова и большой стол «сафра». В других комнатах собраны все предметы, связанные с обработкой земли и имеющие отношение к трудной профессии моряка и ныряльщика за жемчугом: компасы, секстанты, специальные сита для калибровки жемчуга и т. д.

Но остров Файлака не единственный хранитель тайн многовековой истории стран Персидского залива. На Бахрейне, самом большом острове одноименного архипелага, от одного края горизонта до другого протянулись волнистой цепью по пустыне курганы, современники начала бронзового века и эллинских времен. Хотя те, кто соорудил эти могильники, все еще остаются загадочными личностями, в последние два десятилетия археологи начали находить свидетельства их занятий и верований. Недавно раскопки, проведенные отделом древностей правительства Бахрейна, показали, что могильники, которые ранее считались безнадежно разграбленными, все-таки могут дать ценную и неожиданную информацию. Около деревни Эль-Хаджар, где, как предполагают ученые, находилась древняя столица, под большим курганом был откопан могильный комплекс. В нем обнаружены захоронения, относящиеся к периоду от начала III тысячелетия до новой эры до времен Александра Македонского. Своеобразие этих могил заключалось в том, что они были сде-

ланы не для одного, а для многочисленных захоронений, и поэтому некоторые из них в течение долгого времени многократно служили местом захоронения. Могилы Эль-Хаджар вырублены в скалах. Стены большинства могил оштукатурены. Были найдены печати цилиндрические, характерные для древней Месопотамии, а также большие круглые или куполообразные печати, вероятно, местного происхождения. Здесь же были обнаружены кувшины и горшки с крышками из мыльного камня. Все эти предметы ученые датируют началом бронзового века.

Правительство независимого Бахрейна отдает себе отчет в важности сохранения памятников старины в целях изучения истории и культуры собственного народа, а также развития туризма. Ведь туристы сегодня наводняют Ближний Восток в поисках солнца и с желанием ознакомиться с цивилизацией великой Азии, взлет которой не могли не заметить варвары Европы. Правительство Бахрейна создало музей, в котором собраны все обнаруженные находки: искусно изготовленные печати, глиняная посуда, поделки из меди и бронзы. Ученые полагают, что население архипелага сыграло большую роль в развитии технологии обработки меди и тем самым внесло свой вклад в развитие цивилизации. В число экспонатов музея входит и клад серебряных монет с изображением Антиоха, которые были обнаружены также на острове Файлака. Среди монет бахрейнского клада оказались самые красивые монеты «рогатого Александра» из числа сохранившихся в течение двух тысяч лет. Более 300 этих монет было найдено в захоронении, над которым стоял португальский форт и под которым залегал культурный слой, датируемый III тысячелетием до новой эры.

В районе Персидского залива не так уж много мест, представляющих интерес с точки зрения археологической, поэтому правительство Бахрейна издало законы по охране древностей. Это важный шаг, который приветствовали как археологи, так и молодое поколение арабов, начинающих жизнь в независимом Бахрейне и стремящихся познать историю своей страны и своего народа.

Но вернемся к Кувейту. Закладка любого судна — событие чрезвычайно важное. С ним связано здесь несколько любопытных обычаев, которые неукоснительно соблюдаются. И это понятно: моряки — одни из самых суеверных людей на свете. На выбранном на берегу участке,

где закладывается остов корабля, возводится невысокая стена из обломков кораллов и строительного мусора, чтобы «джинны и дьявол не пробрались на строительство». Эта верфь охраняется дено и ночью по меньшей мере десятком сторожей еще и потому, что корпуса корабля не должна касаться бесплодная женщина. По распространенному поверью, если женщина, которая еще не имела детей, взойдет на недостроенное судно или коснется его, она обязательно станет матерью. Поэтому на ночных сторожей возлагается очень деликатная обязанность не допускать женщин на верфь, которые со своей стороны прибегают к всевозможным уловкам, чтобы пробраться к кораблю. Если во время плавания на корабле умрет кто-либо из членов экипажа или заболит «нохаз», как здесь называют на индийский манер капитана, виноваты не иначе как сторожа, которые недоглядели ночью и допустили к кораблю женщину. Вообще женщина и море — для арабских моряков понятия несовместимые, и, может быть, поэтому с путешествующих по морю женщин арабы берут плату в два раза большую, чем с мужчин, по-видимому, за возможные неприятности, которые женщины могут принести экипажу и находящимся на корабле другим пассажирам.

Кувейт не имеет своего дерева. Для строительства судов кувейтцы привозят из Индии крепкое тиковое дерево. Из него собирают корпус корабля, однако палубные надстройки делают обычно из сосны. Тиковую древесину предварительно пропитывают рыбьим жиром, поэтому от строящегося корабля исходит зловоние. Когда судно готово, устраивается праздник, во время которого разрушают стену, отделяющую корабль от моря, и спускают его на воду.

Корабль вручается нохазе. Обычно капитаном становится член уважаемой и почетной потомственной семьи мореходов, достаточно богатой, чтобы войти в долю с каким-либо купцом, решившим построить корабль. В шесть лет мальчика, который готовится стать капитаном, отец или дед берет с собой в море, а в восемнадцать лет ему уже могут доверить корабль. Дети нохазы не могут быть простыми матросами, так как это считается недостойным их происхождения.

Во время одной из своих поездок в Басру я поднялся на борт кувейтского бум, на который грузили иракские

финики. Нохаза оказался разговорчивым молодым парнем, и я узнал очень много интересного о жизни и быте кувейтских мореходов.

В летний период суда вытаскивают на берег. Команда и капитан отдыхают и готовятся к предстоящему осеннему плаванию. Нохаза проводит время со своей семьей, а матросы, задолжавшие своему хозяину, работают на корабле: смолят щели, шьют паруса, помогают плотникам чинить палубные надстройки. Когда в августе жара становится совершенно невыносимой, корабли спускают на воду, чтобы отправиться в Фао, иракский порт в устье Шатт-эль-Араба, за грузом иракских фиников. В этот период как раз созревают финики нового урожая и десятки парусных судов со всего аравийского побережья заходят за ними в Басру. Здесь можно встретить и самбуки из Красного моря, и кутии из Бомбея и пр.

Кувейтский бум берет на борт около двух тысяч ящиков прессованных фиников. Каждый матрос, он же и грузчик, перетаскивает на борт около сотни ящиков. Для моих кувейтских друзей пребывание в порту Басра или Фао представляется своеобразным праздником по сравнению с жизнью в Кувейте. Здесь кругом зелень пальм и много пресной воды, которая в Кувейте дороже, чем нефть. Когда финики погружены, бум поднимает паруса и выходит в Персидский залив. Начинается размеренная жизнь на море, которая имеет свои неписанные, но строго соблюдаемые законы.

Едва забрезжит рассвет, как один из матросов, которому нохаза поручает почетную обязанность муэдзина, будит своих товарищей на утреннюю молитву. «Молитва лучше сна», — выкрикивает он несколько раз, и его сонные товарищи, расстилая на палубе свои молитвенные коврики, творят обязательную утреннюю молитву. Предписание пророка Мухаммеда молиться пять раз в день на корабле неукоснительно соблюдается, и никто, чтобы не нанести вреда всему экипажу, не осмеливается нарушить его. Правда, лишь один из членов экипажа не принимает участия в утреннем намазе. Это кок, который трудится на камбузе, готовя для своих товарищей горячий чай. Иногда он ухитряется прямо на своем рабочем месте творить молитву, что положительно оценивается его товарищами.

Когда молитва закончена, матросы садятся в кружок

завтракать. Утром они едят хлеб и из маленьких стаканчиков пьют крепкий сладкий чай. Младшие матросы прислуживают старшим. После пятиминутного завтрака все принимаются за работу, которой на корабле предостаточно. Одни начинают самодельными насосами откачивать воду (несмотря на пропитку и заделанные швы, вода проникает в корпус судна, и ее необходимо вычерпать), другие плетут канаты, третьи латают паруса. При попутном ветре ставится большой парус, для чего требуются усилия всех матросов.

На корабле нет часов, но матросы узнают о наступлении обеда по запаху приготавливаемой коком сушеной рыбы. Обед подается на палубе. Он состоит из риса, сушеной и отваренной рыбы. Матросы едят молча: они и бедуины считают, что трапезу нельзя портить праздной беседой. Нохазе сервируют отдельно, на корме. Обычно он обедает один или с кем-либо из важных пассажиров. Затем матросы курят «исбиля», кальян, изготовленный из глиняного горшка, и укладываются спать в тень от большого паруса. После короткого сна матросы вновь принимаются за работу.

Ужинают опять молча. На ужин кок подает рис, сдобренный жиром и специями, и немного рыбы. После ужина каждый творит молитву в отдельности, а затем идет на корму к нохазе пожелать ему доброй ночи. На палубе мерцают красные огоньки: это матросы, прежде чем отойти ко сну, выкуривают самокрутки. Несмотря на то что темно, на корабле не зажигают огней, и судно на всех парусах несется в ночи.

Некоторые суда с грузом фиников прямо из Басры или Фао берут курс на Восточную Африку, однако большинство из них, как правило, делают остановки в небольших приморских городах Персидского залива и южного побережья Аравии. Очень выгодна перевозка пассажиров. Каждый нохаза мечтает о том дне, когда его судно будет полностью загружено товаром, а на палубе тесно расположатся пассажиры, которыми, как правило, являются арабы, отправляющиеся на заработки в страны Восточной Африки. Если таких пассажиров нет, нохаза занимается каботажным плаванием вдоль южного берега Аравии, заходя в маленькие, только ему одному известные порты. Мужчины и дети могут размещаться на палубе, однако женщины, как правило, занимают трюм,

где они находятся иногда по несколько недель, не имея права показаться на палубе даже ночью. Путешествие для них в смрадном, пропитанном зловонным запахом рыбы корабле — сущее мучение.

Первым пунктом остановки кувейтского бумма, на борту которого я нахожусь, в прошлом сезоне (1967 год) был порт Мукалла, второй по величине город Южного Йемена (Народная Демократическая Республика Йемен). Здесь еще набирают пассажиров. В основном это люди, отправляющиеся искать счастья в далекие края. Колонии многочисленных выходцев из Хадрамаута есть не только в Малайзии и Индонезии, но и на восточном побережье Африки. Из Мукаллы судно направляется прямо на юг, к сомалийскому порту Хафун, минуя остров Сокотра. Этот порт упоминается еще в первых арабских логиях. В начале новой эры он был известен под названием Айбун. Здесь продавались рабы из Африки, а также рис, ткани, древесина, привозившиеся из соседних стран. Сейчас в Хафуне торгуют теми же товарами, что и прежде, кроме рабов. Правда, ткани везут из Японии, древесину — из Финляндии, а рис — из Китая. И суда остались неизменными, такими же, как и те, что бороздили океан в первые века новой эры.

Далее бум следует вдоль африканского побережья, продавая в маленьких портах иракские финики, иранские ковры, японские ткани, закупленные в Кувейте и Мукалле. В прошлом здесь же занимались контрабандной торговлей оружием и рабами. В настоящее время, в случае если сторожевые суда обнаружат на парусниках живой товар или оружие, нохаза и вся его команда попадут на каторжные работы.

— Нет, — говорит мой собеседник. — Сейчас мы не занимаемся контрабандой. Кто ходит в Индию, те еще пытаются провезти золото, а кто — в Красное море, иногда берутся переправить с африканского берега в Аравию невольников или оружие. А мы нет, — он отрицательно качает головой, — мы честные торговцы.

Нохаза прав лишь наполовину. Разумеется, никто из моряков сейчас не берется переправлять рабов или оружие, но мелкие партии контрабандных товаров — дешевых японских тканей, часов, йеменского кофе и пряностей — прячутся на корабле и тайком доставляются в Африку. Конечно, по сравнению с операциями крупных

контрабандистов прошлого это всего лишь детская игра.

В Могадишо высаживается первая партия пассажиров. Затем наше судно идет вдоль кенийского побережья до порта Ламм, находящегося на небольшом острове. Здесь давно поселилась большая колония арабов. Они живут в особом квартале с узкими улочками, на которых едва могут разминуться два нагруженных осла.

Порт Момбаса, именуемый кувейтцами Бомбаса, — важный центр арабской колонизации Африки. Здесь много кувейтцев и почти каждый нохаза, прибывший сюда из Кувейта, может найти своих родственников. У моего знакомого в Момбасе оказались несколько двоюродных братьев и племянников, которые занимаются мелкой торговлей в городе. По словам нохазы, они часто приезжают на родину, предварительно вызвав к себе своих кувейтских родственников, чтобы не приостанавливать торговлю в лавке. Таким образом в Момбасе могут побывать все члены одной семьи, которые поочередно приезжают сюда и затем по истечении определенного срока возвращаются в Кувейт.

В Момбасе на берег сходит последний пассажир, и матросы в первый раз после выхода в море из Кувейта приступают к чистке корабля, стоящего на мелководном рейде. Они дряют палубу, выметают трюм пальмовыми вениками. Когда уборка закончена, вся команда, надев лучшие платья, во главе с нохазой устраивает праздник и приглашает на него моряков с соседних кораблей. Все танцуют. Нохазы предпочитает танцевать с другими капитанами или именитыми гостями. Праздник продолжается всю ночь, под звездами, под удары большого барабана и песни моряков «нахм», исполняемых хором или в одиночку. Текст нахм нигде и никогда не записывается, но матросы и нохаза знают слова от своих товарищей и родителей. Праздник заканчивается лишь под утро, и матросы вновь принимаются за работу: судно вскоре вновь должно выйти в море и взять курс на юг, к острову Занзибар, конечной цели путешествия всех кувейтских нохаз.

На подходах к острову матросы и нохаза вновь надевают праздничные рубахи и поднимают красный флаг. Зеленые берега острова, обилие пресной воды, особенно возможность отдохнуть и развлечься после многих меся-

цев плавания и изнурительной работы вызывают прилив радости у моряков, которые выражают свое настроение громкими криками и песнями.

— На Занзибаре всю команду отпускают на берег. Занзибарские девушки настолько хороши, — замечает нохаза, — что наши матросы во время обратной дороги только о них и говорят.

За многомесячное плавание судно обрастает длинной «бородой», и матросы несколько дней чистят днище корабля от водорослей и ракушек, переворачивая судно с одного борта на другой. На острове кувейтские купцы покупают строевой лес и пряности. Но вот товар закуплен, частично приобретен у контрабандистов, и нохаза назначает дату выхода в море. Матросы покупают гостинцы для жен и детей, складывают свой нехитрый скарб в рундуки. Теперь они готовы пуститься в обратный путь. Вся дорога от Занзибара до Кувейта занимает четыре-пять месяцев в зависимости от продолжительности стоянок в попутных портах.

Кувейт, безусловно, уникальная страна, где поражает все. Параллельно центральной улице Фахад ас-Салем, застроенной роскошными зданиями банков, страховых компаний и торговых фирм, тянется короткая невзрачная улочка менял и торговцев золотом. В витринах небольших лавок жирно блестит презренный металл, стопками сложены купюры всех валют мира. В капиталистическом мире ежегодно добывается около двух тысяч тонн золота, из которых около четверти тазаврируется в эмиратах Персидского залива. Значительная часть этой четверти оседает в Кувейте, самой богатой стране арабского мира. Сейчас судьба валютных систем западного мира в значительной степени зависит от нефтяных эмиратов Персидского залива, чьи валютные запасы в банках Европы уже давно стали существенным фактором, помогающим стабилизировать меняющиеся курсы западноевропейских валют.

Рядом с улицей менял раскинулся старый сук, где под рваной полотняной крышей кувейтские женщины из простых семей в черных абах и в «бургах», темных шелковых платках, закрывающих лицо, с двумя прорезями для глаз, торгуют зеленой хной и черной пастой кухль, для подрисовки глаз, дешевым ширпотребом из Японии и Китая.

Недалеко от улицы Фахад ас-Салем построен муниципалитет Эль-Кувейта, здание, отделанное стеклом цвета морской воды, от взгляда на которое сразу становится прохладнее. Рядом с ним — мелкие лавочки, заваленные до потолка старым автомобильным хламом. На набережной, которую кувейтцы называют «корниш», можно видеть, как новое постепенно вытесняет старое, как глинобитные дома с деревянными дверями, отделанными резьбой и медными бляшками, уступают место стандартным бетонным коробкам. И в этой связи нельзя не оценить усилий, прилагаемых кувейтцами для того, чтобы сохранить самобытную культуру и традиции небольшого народа, оказавшегося по воле случая на вершине материального благополучия. Так, созданы уже упоминавшийся этнографический музей на острове Файлака и Национальный музей в Эль-Кувейте. Последний расположен рядом со старым глинобитным дворцом эмира Дасман. В Национальном музее в одном зале демонстрируются модели морских судов, которыми издавна славится Кувейт, в другом — собраны предметы, используемые в работе ловцами жемчуга. Здесь есть помещение, имитирующее старый кувейтский дом с интерьером и даже обитателями, сделанными в Европе из воска по специальному заказу. В этом музее я впервые открыл для себя живопись кувейтских художников и был поражен самобытностью их таланта и тонким пониманием жизни.

Первая выставка местных художников была организована еще в 1959 году. Среди ярких и самобытных живописцев и скульпторов Кувейта следует назвать Айюба Хасана, Тарика ас-Саид Фахри, Бадра аль-Катами, Халеда аль-Кауда и др. После провозглашения независимости Кувейта в 1961 году творческая интеллигенция стала получать материальную поддержку со стороны правительства, проявляющего заботу о развитии национального искусства и культуры. Весной каждого года в Эль-Кувейте устраивается вернисаж, на котором представляют свои работы мастера кисти и резца. Это уже стало доброй традицией в Кувейте, которая сохраняется и поощряется как официальными кругами, так и общественностью.

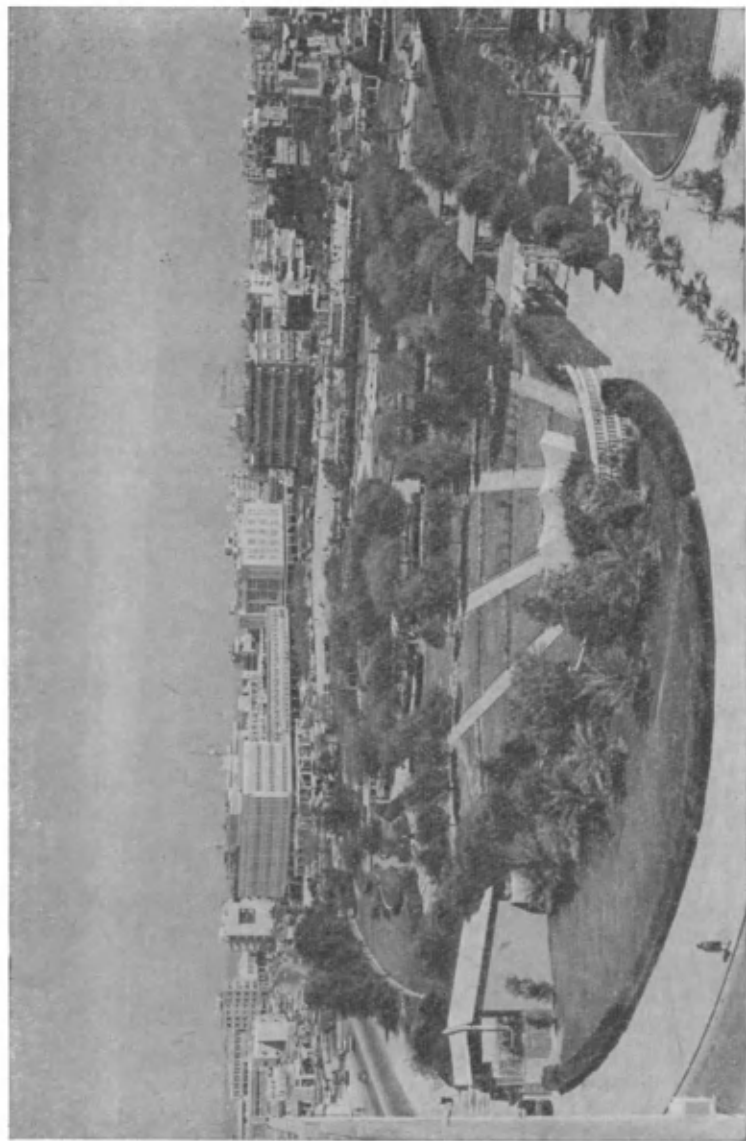
Большинство художников Кувейта молоды, как и их государство. Они начинали свою творческую биографию в кружках изобразительного искусства при средних школах, а затем выезжали для получения специального об-

разования за границу. Побывав за рубежом, многие из них стали последователями модных модернистских течений. В Кувейте, строгой мусульманской стране, можно встретить художников, называющих себя импрессионистами и сюрреалистами, однако большинство талантливей творческой молодежи стали последовательными сторонниками реалистического направления в искусстве, и встреча с их творчеством на весенних ежегодных выставках доставляет огромное удовольствие. В своих работах они славят труд рыбаков и нефтяников своей страны, изображают жанровые сценки из жизни кувейтцев, пишут с натуры. В их пейзажах всегда можно найти изображение моря и пустыни, двух основных элементов скудной природы страны.

Кувейтские художники устраивают свои коллективные и персональные выставки и за рубежом, в Нью-Йорке и Париже, а также в столицах арабских стран: Каире, Багдаде, Бейруте. На одной из выставок в Багдаде в 1961 году я познакомился с работами Халеда аль-Кауда и Бадра аль-Катами, реалистическая манера письма которых характерна для кувейтских художников.

Халед аль-Кауд родился в 1942 году. Его творческая биография начинается в 1954 году, когда он выставил свою первую картину в средней школе. Он не получил профессиональной подготовки, но принимал участие на весенних выставках в Эль-Кувейте, участвовал в коллективных выставках в Багдаде, Нью-Йорке и Вашингтоне. Передо мной его картина, писанная маслом, «Квартал в Эль-Кувейте». Улица с двух сторон зажата высокими глинобитными стенами внутренних дворики. На улице изображен мужчина. Он стоит спиной к зрителю, белый платок на его голове придерживает черный жгут «икаль», на темной дишдаше — широкий красный фартук, в руках у него большая рыба.

Бадр аль-Катами получил профессиональное образование. Он родился в 1943 году, окончил среднюю школу в Эль-Кувейте и факультет изящных искусств в Каире. Список выставок, в которых он принимал участие, довольно длинен. Бадр аль-Катами демонстрировал свои работы на всех весенних вернисажах в Эль-Кувейте, а также в Каире, Бейруте, Багдаде, Риме. И везде его картины имеют успех. Они знакомят людей с Кувейтом, его природой и трудовым народом.

Городской парк в Эль-Кувейте

Я встретился с аль-Катами накануне закрытия художественной выставки в Багдаде. Пораженный его самобытным искусством, я уходил домой, унося под мышкой купленную картину: на фоне предгрозового неба на рейде темнеют кувейтские бумы. Один только перечень выставленных им работ может дать представление о направлении творчества этого художника: «Судостроители», «Моряки», «Рыба зубейда». «Праздник» — стол, накрытый изумрудной скатертью, высокий сосуд для розовой воды, камелек для благовоний, сосуд и таса для омовения рук. Лаконично, но очень выразительно и символично. Какой же кувейтский праздник обойдется без розовой воды и благовонного дымка бухура! Другая картина, «Эль-Аба», изображает сидящую в кресле женщину. Ее лицо закрыто плотной бургой, плечи закутаны тяжелой черной абой, а на ногах ... модные туфельки. Вот вам прошлое и современность, тяжелый груз традиций и мода наших дней.

Размеры страны не главное при определении степени интереса для ее изучения. Это особенно чувствуешь в Кувейте, небольшой стране Аравийского полуострова, населенной гостеприимным народом, который дорожит и любовно сохраняет богатые традиции арабских мореплавателей и ловцов жемчуга.

В одной лодке с ловцами жемчуга

Полуостров Катар, на котором расположено одноименное арабское княжество, вдается на 160 километров в Персидский залив. Зеленые воды омывают пустынные заболоченные берега полуострова с севера, запада и востока. Засушливый климат, отсутствие пресной воды и плодородных земель сделали море для катарцев единственным источником средств к существованию. Ловля жемчуга, рыбный промысел и торговля были основными занятиями населения до 1940 года, когда на острове впервые забил фонтан нефти. Сами катарцы говорят, что их отцы и деды проводили в море все 12 месяцев, шесть месяцев добывая жемчуг, а остальное время занимаясь рыбной ловлей и морской торговлей.

Однажды мне довелось познакомиться с экипажем одного кувейтского бума, пропахшего от кия до клотика неприятным запахом гниющих моллюсков и водорослей.

Матросы бума, выходцы из Катара и других эмиратов Персидского залива, с гордостью рассказывали мне о местных ремесленниках, которые строят прочные и удобные суда, способные пройти тысячи километров. Основной элемент этих судов — одна-две мачты с косым парусным вооружением. Трисели имеют треугольную форму латинского типа. Гафель, к которому пришнуровывается верхняя часть паруса, легко поворачивается с помощью бегучего такелажа вокруг оси мачты и ловит ветер любого направления. В прошлом пиратские флотилии, состоящие из таких судов, грабили торговые корабли Англии и Индии в Персидском и Оманском заливах и дали повод назвать лежащий к востоку от Катара район Пиратским берегом. С тех пор конструкция этих судов почти не изменилась. На некоторых из них в зависимости от возможностей владельца появились дизельные моторы, хотя уже сам факт владения таким судном свидетельствует об известном благосостоянии человека.

Для рыбного промысла катарцы используют кеты с латинским парусным вооружением, называемые «бакара». По размеру они больше только весельной лодки, «абара». Если абара снабжена переносным мотором, ее уже называют «ленш» и отличают от «ленча», более крупного судна со стационарным двигателем. В приморских деревнях Катара и в портах можно встретить узкие, выдолбленные из целого ствола лодки «хури». Их используют для ловли рыбы в прибрежных водах и в коротких морских путешествиях. Нередко можно видеть косые паруса хури с одним-двумя катарцами, отправляющимися на рыбную ловлю.

В этом районе Персидского залива господствуют северные ветры, которые влияют на климат страны. Летом, в июле и августе, когда температура достигает 40 градусов, северо-восточный ветер, дующий с гор Загроса, приносит временное облегчение. Зимой сильный северо-восточный ветер делает мореплавание в Персидском заливе опасным. Однако катарские моряки, унаследовавшие лучшие традиции своих предков, хорошо знают условия мореплавания в заливе.

Бесплодная, выжженная солнцем равнина полуострова Катар была заселена еще в глубокой древности. Об этом свидетельствуют найденные в ходе археологических раскопок в районе Дохана каменные наконечники стрел, ко-

пий, каменные ножи, скребки и другие орудия труда, относящиеся к V—VI тысячелетиям до новой эры. Древнеримский писатель Плиний Младший в I веке писал о стране Катара, расположенной в Персидском заливе, а греческий ученый Птолемей, живший во II веке в Александрии, упоминал о городе Катар. Арабские историки предполагают, что развалины этого города, давшего имя всей стране, находятся в северо-западной части полуострова в районе города Забара. Первыми жителями архипелага Бахрейн и полуострова Катар, как считает Геродот, были семитские племена халдеев, которые переселились в начале III тысячелетия до новой эры в Сирийскую пустыню и на левантийское побережье. Финикийцы, снискавшие в древности славу искуснейших мореходов, были потомками мореплавателей Персидского залива.

В дальнейшем на Бахреине и Катаре жили представители арабских племен тасм и джадис, пришедшие сюда из района Эль-Ямамы, юго-восточной части области Неджд. Многочисленные войны между этими племенами дали сюжеты для красочных бедуинских баллад, с которыми я познакомился во время своей поездки по арабским странам. В них воспевается доблесть и храбрость родов Бану Хиф, Бану Зурейк и Бану Матар из племени тасм и их противников из племени джадис.

Одна из этих легенд рассказывает об Амликане, короле тасм, всячески унижавшем побежденное им племя джадис. Люди этого племени не выдержали обид и подняли восстание. Амликан и его свита были перебиты, и власть перешла в руки джадис. Но в этот момент со своими дружинниками появился Хасан ибн Таба, один из королей Йемена, приглашенный племенем тасм. Кроваво-пролитная война между тасм и джадис закончилась печально: в бою погибли все воины и одного и другого племени. В другой легенде говорится, что в армии племени джадис, выступившей против йеменцев, была голубоглазая женщина по прозвищу Зарка аль-Ямама, которая видела вдаль на много километров. Предупрежденный об этом король йеменцев приказал каждому воину своей армии вырыть куст и двигаться вперед только под его прикрытием. Зарка аль-Ямама разгадала хитрость врага, но воины джадис не поверили ей, за что жестоко поплались. С тех далеких времен на Катаре и в области Эль-Хаса, расположенной на аравийском побережье Персидско-

го залива, бытует поговорка «Он видит лучше, чем Зарка аль-Ямама». Так говорят здесь о зорких людях.

В первые века новой эры наблюдалась активная миграция населения в районе Персидского залива, что объяснялось дальнейшим развитием средств транспорта и приручением верблюдов. На полуострове Катар появились представители коренных аравийских племен кудаа, бану айяд, бекр ибн ваиль, от которого ведет свое происхождение племя инназа. К этому последнему относятся правящие династии ас-Сауд в Саудовской Аравии, ас-Саббах в Кувейте и аль-Халифа на Бахрейне. Члены семьи ат-Тани, правящей на Катаре в настоящее время, являются выходцами из племени бану тамим, некогда населявшего Неджд.

Еще в доисламские времена жители Катара славились как хорошие ловцы жемчуга, пастухи и мастера по изготовлению одежды. Другим важным занятием населения полуострова было разведение одногорбых беговых верблюдов—дромадеров, получивших известность далеко за пределами Катара. Что же касается производства тонкой шерстяной ткани и одежды из нее, то катарцы не имели себе равных среди жителей стран Персидского залива. Наибольшее распространение получила полосатая шерстяная ткань. Доказательством искусства катарцев в этой области может служить подтверждаемый историками факт, что основатель ислама Мухаммед носил одежду, изготовленную на Катаре. Его четвертая, любимая жена, Айша, предпочитала всем прочим катарскую ткань, а ближайший сподвижник пророка, Омар, носил катарский изар, отделанный полосками тонкой кожи.

Население Катара, принявшее ислам в 628 году, сыграло заметную роль в его распространении в соседних с Аравийским полуостровом странах. Арабский полководец Алла аль-Хадрами, первый мусульманин, поднявшийся на корабельную палубу, стал во главе флота, доставившего мусульманское воинство с Катара на иранский берег Персидского залива. На заре исламской истории Катар не остался в стороне от борьбы хариджитов, первого среди мусульман сектантского течения. В 688 году полуостров был захвачен хариджитами. Затем Катар входил в состав государства карматов, созданного на западном берегу Персидского залива. После его падения, в начале X века, наступила полоса междоусобных войн, и

полуостров на два столетия попал под власть эмирата Уюнитов, созданного на Аравийском полуострове. В конце XIII века Катаром овладело племя бану укейл. Начавшиеся во времена Уюнитов междоусобицы закончились установлением в XIV веке на Катаре господства оманского племени бану набхан, которому через два столетия пришлось столкнуться с первыми европейскими завоевателями. В 1517 году португальцы захватили остров Манама, входящий в архипелаг Бахрейн, полуостров Катар и один из районов оманского побережья. Турецкий султан Сулейман Законодатель в 1536 году направил в Персидский залив 70 кораблей с 20 тысячами солдат, которым удалось выбить оттуда португальцев. Так на аравийском побережье Персидского залива появились новые завоеватели.

Турецкие султаны, подчинившие своему господству весь Ближний Восток, не уделяли внимания пустынному побережью Персидского залива, населенному бедными рыбаками и воинственными непокорными бедуинами. По мере ослабления своего государства они стали внимательнее относиться к своим подданным на Аравийском полуострове, рассматривая их прежде всего как источник поборов и обложений. В 1669 году турки объявили Неджд, Катар и прилегающие к ним области территорией своей империи и назначили на Катар своего первого наместника из рода аль-Мусаллям племени бану халед.

В конце XVII века роды ас-Саббах и аль-Халифа решили переселиться из района Афлядж, находящегося в юго-западной части Неджда, на побережье Персидского залива. Оба рода, направлявшиеся в Кувейт, сделали остановку на полуострове Катар, в городе Забаре. В ходе случившейся перепалки был убит один катарец, и виновники, опасаясь кровной мести, спешно покинули Катар. Однако представители рода аль-Мусаллям не могли простить обиды и, погрузив на корабли свою дружину, бросились в погоню. Встреча произошла в районе Рас-Таннура. Обидчики, зная о приближении своих преследователей, заблаговременно приготовились к бою, и отряд рода аль-Мусаллям вынужден был, вкусив горечь поражения, бесславно вернуться на полуостров.

Ас-Саббах, аль-Халифа и род Джалахима, осевшие в Кувейте, заключили межродовое соглашение, по которому административная власть вручалась роду ас-Саббах,

торговля — аль-Халифа, а морской промысел — роду Джалахима при условии равномерного распределения получаемых прибылей. Через несколько десятков лет в междоусобице союзом произошел раскол, и в 1766 году род аль-Халифа покинул Кувейт и направился в сторону Катара. Итак, род аль-Халифа вторично появился в Забаре, жители которого уже забыли давние распри, приняли своих обидчиков и даже выбрали шейха Мухаммеда своим вождем. Вскоре в Забаре появились и представители Джалахима.

Мухаммед ибн Халифа не только отличался мудростью и любовью к наукам, выразившейся в широком строительстве школ и мечетей, но и проявил твердость в защите своих подданных от набегов жителей соседнего Бахрейна, находившегося под властью Ирана.

В конце XVIII века между катарцами и бахрейнцами начались междоусобные войны, которые в июле 1783 года закончились оккупацией Бахрейна отрядами аль-Халифа.

В начале XIX века род аль-Халифа, правивший на Бахрейне и Катаре, перенес свою столицу из Забары в Манаму, на самый большой остров архипелага Бахрейн, выгодно отличавшийся от пустынного побережья Катара обилием источников пресной воды. Иса ибн Тариф, глава рода Аль ибн Али, назначенный наместником Катара, не согласился играть второстепенную роль и, обуреваемый честолюбивыми мечтами, поднял восстание против своего сюзерена. Отряд Иса с примкнувшими к нему племенами бану хаджир и манасыр встретился в 1847 году близ деревни Умм-Саввая, расположенной на юго-западном побережье Катара, с объединенным отрядом бахрейнцев и людей племени наим, которые отказались поддержать взбунтовавшегося вассала. Битва закончилась поражением восставших, и Иса ибн Тариф, который известен в арабской истории как завоеватель Момбасы, находящейся на восточном побережье Африки, пал в бою. Однако аль-Халифа не пришлось вкушать радость победы. В 1850 году в Катар вторглись отряды неждских Саудитов, которым удалось в несколько месяцев захватить полуостров и вынудить аль-Халифа бежать на Бахрейн.

К началу XVIII века относится возвышение рода ат-Тани племени бану тамим, приехавшего на Катар из де-

ревни Ушайкир района Эль-Вашам, расположенного на востоке Неджда. Вместе с ними сюда перебрались и их родственники, племена бу каввара и маадыр, которые постепенно расселились по остальным районам полуострова. В конце XVIII века в ходе войны рода аль-Халифа с бахрейнцами представители ат-Тани проявили большую воинскую доблесть, которая была замечена и признана населением Катара. Поэтому шейхи ат-Тани считались признанными правителями Катара, хотя и находились в вассальной зависимости от Бахрейна. В середине XIX века они освободились от зависимости, но бахрейнцы в 1868 году взяли реванш за свое поражение, выступив против катарцев вместе со своим союзником шейхом княжества Абу Даби. Катарцы вновь подняли восстание против своего сюзерена, в защиту которого выступил английский резидент полковник Билли. В 1868 году ему удалось убедить катарцев подписать соглашение, по которому они обязались не вмешиваться во внутренние дела Бахрейна, платить исправно дань своему сюзерену и не предпринимать действий, нарушающих мир на море. Это событие считается началом установления британского протектората над Катаром.

Правящая в Неджде семья ас-Сауд попыталась закрепить свое влияние и на побережье Персидского залива, однако столкнулась здесь с турецкими отрядами, посланными багдадским наместником Мидхат-пашой. Объединенными усилиями турки и род ас-Саббах вытеснили отряды ас-Сауда с прибрежных районов Аравийского полуострова, и Катар вновь попал под турецкое влияние. Мидхат-паша оставил на Катаре администратора и 200 солдат с одной пушкой, которым вменялось в обязанность гасить пламя межплеменных распрей, разжигаемое англичанами.

Основателем современного эмирата Катар считается шейх Касем ибн Мухаммед ат-Тани, ставший главой рода ат-Тани в 1878 году. Ему удалось объединить под своей властью враждовавшие племена полуострова, отстоять независимость Катара от Бахрейна и проводить сравнительно самостоятельную политику в отношении турок и усиливающегося влияния рода ас-Сауд в Неджде. Вплоть до своей смерти в 1913 году Касему ибн Мухаммеду удавалось отказываться от протектората англичан, которые прибегали к различным способам навязывания своего

господства. Например, Касем вместе со своими подданными был обвинен в грабеже английских и индийских судов в Персидском заливе. Однако шейх предпочел выплатить компенсацию англичанам по ложному обвинению, чем согласиться признать себя их вассалом.

Трудности, которые переживала Османская империя накануне первой мировой войны, вынудили ее правительство пойти на урегулирование ряда спорных вопросов с Англией в Персидском заливе. Проходившие в Лондоне переговоры закончились 9 марта 1914 года подписанием соглашения, по которому турецкое правительство отказывалось от всех прав на Катар и полуостров должен был продолжать оставаться под властью шейха Касема ибн Мухаммед ат-Тани и его преемников в будущем. Со своей стороны британское правительство заявило, что оно не позволит шейху Бахрейна вмешиваться во внутренние дела Катара или присоединить его к своей территории.

Однако независимое развитие Катара было весьма недолгим. 3 ноября 1916 года англичане вынудили правителя Катара подписать договор о протекторате, по которому они получили контроль над внешней политикой эмирата, а также лишили шейха права без их согласия сдавать в аренду или продавать часть своей территории представителям иностранных государств. И только в 1971 году Катар получил независимость.

На восточном и западном побережьях Катара есть несколько глубоко вдающихся заливов. На берегу самого удобного залива стоит город Доха, выросший из небольшой рыбацкой деревушки. В переводе «доха» означает «залив», поэтому на карте Катара можно найти Доха-эль-Хусейн, Доха-Саннад и др. Некоторые заливы на Катаре называются «хор», т. е. «впадина», или «низкое место», заливаемое водой во время прилива. Хор-эль-Убейд и Хор-эз-Захира — удобные гавани, где от зимней непогоды спасаются катарские рыбаки.

Мои новые знакомые с кувейтского бума в своих рассказах упомянули катарскую деревушку Сумейсима. Название деревни произошло от арабского «симсим», что в буквальном переводе означает «кунжутное семя». На Катаре ласкательным уменьшительным словом «сумейсим» называют мелких красных муравьев, которых, по-видимому, было очень много в окрестностях деревни. Так на карте

и появилась Сумейсима. Сейчас здесь живут 300 человек племени бу каввара, которые, как уже упоминалось, доводятся родственниками правящей семье ат-Тани.

Учитывая масштабы страны, насчитывающей немногим более 80 тысяч жителей, наиболее крупными племенами приморских областей считаются бу каввара, мухадана, бу айнайн, саллата, мадыд, халифа, а также хуля, пришедшее в далеком прошлом с иранского берега. Численность каждого из этих оседлых племен составляет порядка трех тысяч человек. В глубинных районах полуострова кочуют роды племен наим, хаджир, киабан, манасыр, мариджат, хаббаб и др. Это наиболее крупные племена Аравийского полуострова. Так, наим, большое и славное бедуинское племя, населяет также район Эль-Хаса в Саудовской Аравии, оазис Бурайми и некоторые районы оманского побережья. В Сирии, в Хомсе, Халебе и Дамаске, и в Северной Иордании также живут представители племени наим.

Немногочисленное население Катара довольно пестро по своему этническому составу. Оно складывалось под влиянием активной миграции населения между восточным и западным берегами Персидского и Оманского заливов и торговых связей с Восточной Африкой, где арабы с Катара, Бахрейна и Омана еще в средние века основывали свои торговые фактории. Треть населения Катара составляют иранцы, белуджи и довольно многочисленная колония выходцев из Африки. В 1952 году рабство было отменено, однако потомки привезенных африканских рабов находятся на самой низкой ступени социальной лестницы. Может быть, поэтому на Катаре и нет единого этнического типа. Коренастые, широкие в кости рыбаки и ловцы жемчуга прибрежных деревень отличаются от высоких сухопарых бедуинов внутренних областей полуострова.

Питьевую воду, как мне рассказали, привозят из деревни Танбак, расположенной в семи километрах к северу от Сумейсимы. На таком же расстоянии к западу от Сумейсимы есть родники с солоноватой водой, используемой только для водопоя скота.

Основные занятия жителей — рыбная ловля и жемчужный промысел. В начале нашего столетия на Катаре было 875 лодок ловцов жемчуга. К 1928 году их осталось только 400, из которых жителям Сумейсимы принадле-

жало 50. Они владели также 10 ботами и 10 рыбацкими лодками. Открытый японским предпринимателем Микимото способ образования жемчуга нанес непоправимый удар по жемчужному промыслу на Катаре. Многие разорившиеся ловцы жемчуга ушли из Сумейсимы, а соседние с ней деревни Зааин и Вусиль, в прошлом резиденции основателя государства Катар шейха Касема, превратились в развалины. Сейчас в Сумейсиме осталось несколько шхун, владельцы которых весной выходят на промысел к жемчужным отмелям у Ормузского рога (мыса).

Нохаз кувейтского бум пригласил меня к себе на бак выпить чаю, который на примусе готовил высокий негр — кок. Я с любопытством смотрел на капитана бум Али, потомка знаменитых морских разбойников. У него пухлое, немного одутловатое лицо с правильными чертами, живые карие глаза, спокойные движения рук. Али одет в белую до пят рубаху, на плечи накинут тонкий плащ, аба, два черных жгута перетягивают белый платок на голове. Нохаз родом из Рас-эль-Хайма, крошечного арабского шейхства, считавшегося до его разгрома английскими фрегатами в 1812 году оплотом пиратов Персидского залива. Сейчас это шейхство входит в состав независимого государства Объединенные арабские эмираты.

Что побудило его пригласить меня, европейца, насрани? Желание скрасить разговор долгое ожидание или стремление рассказать, с каким трудом достаются драгоценные жемчужины?

Вот как я оказался на судне Али.

В 100 метрах от берега, захламленного выброшенным морем мусором, на мелкой зыби покачивается кувейтский бум. На его высокой резной корме стоит человек, вокруг которого суетятся матросы. Судя по уважительному к нему обращению, я понимаю, что именно этот мужчина и есть капитан, к которому следует адресовать просьбу относительно моего желания побеседовать с нохазой и матросами бум.

Мой собеседник, с которым я познакомился в порту Эль-Кувейта, кричит нохазе: он говорит обо мне. Я жду, какое решение примет капитан. Короткий взмах рукой — и я уже сижу в долбленной лодке, направляющейся к буму. У трапа нас встречает нохаз, которому я сбивчиво объясняю, что привело меня на борт его корабля.

— Аля хашни! — говорит он, дотронувшись ладонью до своего носа, что в буквальном переводе означает «на носу». Это образное выражение, распространенное в странах Персидского залива, можно объяснить как полное согласие сделать все, чтобы угодить собеседнику.

Чтобы как-то завязать разговор на интересующую меня тему, я привожу факты, так или иначе связанные с жемчугом, из известных мне легенд. Я рассказываю о том, что ассирийские цари брали с жителей архипелага Бахрейн, расположенного в нескольких милях от Катара, дань «рыбьим глазом», как в то время называли жемчуг. Он высоко ценился у древних, и даже в Библии ему посвящено несколько строк: «...подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел, и продал все, что имел, и купил ее». Счастливой обладательницей редкой по величине жемчужины была египетская царица Клеопатра. В минуту смертельной опасности Клеопатра и Антоний растворили ее в бокале с вином и выпили его, с тем чтобы жемчужина никому не досталась. Арабские историки раннего средневековья засвидетельствовали факт, когда одна сирийская принцесса, принявшая христианство, послала в Мекку в качестве дара две сережки с жемчужинами величиной с голубиное яйцо каждая. В древности жемчуг был настолько редким украшением, что эта принцесса вошла в арабскую историю под именем Зуль Картайн, т. е. Имеющая две сережки. У римлян желтый жемчуг был символом богатства, коричневый — мудрости, белый — свободы, а зеленый — счастья. У жены императора Калигулы была жемчужина, которая сохранилась до наших дней. Теперь ее оценивают в шесть миллионов долларов. Китайская медицина приписывает жемчугу необычайные качества: он улучшает зрение, слух, восстанавливает силы...

Мой собеседник слышал об этих фактах, но как человек, хорошо знающий свое дело, ставит под сомнение сведения о величине жемчужных зерен. От него я узнал, что жемчужина образуется в раковине лишь тогда, когда раковина поднимается на поверхность и, раскрыв створки, ловит дождевую каплю. Чтобы жемчужина была красивой, море должно быть бурным и мутным. В годы, когда мало штормов, жемчужин образуется мало, и наоборот. Так считают арабы Персидского залива. Появление жем-

чужины арабы, конечно, связывают с Аллахом, который может и не разрешить раковине иметь драгоценное зерно.

Жемчужина образуется в потревоженной мантии из песчинки, попавшей туда через приоткрытые створки. Защищаясь, устрица обволакивает инородное тело слизью, постепенно наращивая на нем слой опалового вещества. Далее в зависимости от величины раковины, состояния ее «здоровья», питания и температуры воды через некоторое время образуется блестящий шарик. Иногда жемчужницу прокалывает какой-либо паразитирующий на ней рачок или раковина, и, чтобы закрыть это отверстие, она выделяет вещество, образующее шарик. Так, в «раненых» жемчужницах против отверстия, как правило, всегда находится зернышко.

Жемчужный промысел известен в Персидском заливе с давних времен. На отмелях у Ормузского рога, и только там, и сейчас добывают редчайшие жемчужины нежно-розового оттенка, называемые «золотой розой».

Основным рынком жемчуга, добытого в Персидском заливе, была и остается Индия. Представители бомбейских купцов, так называемые тававиш, следуют за флотилиями ловцов жемчуга, скупают и переправляют его в Индию. В середине мая — середине августа, когда начинается сезон ловли жемчуга, «гавс», и нохазы заканчивают подготовку судов к выходу в море и набор команды, тававиш охотно ссужают ловцов деньгами с условием расплаты жемчугом после первого возвращения к родным берегам. В конце августа, когда заканчивается сезон, некоторые ловцы не могут похвастаться удачей, и полученные от купца деньги превращаются в тяжелый долг, с которым они не могут расплатиться иногда десятки лет. Долг переходит от поколения к поколению, и на Катаре есть ловцы, которые выплачивают купцам долги своих дедов.

В районе Персидского залива добытый жемчуг различают по величине, красоте, форме и цвету. Крупный жемчуг называется «рас». Затем идет «батн», «зиль» и «сахтит». Для определения величины жемчужины у каждого купца есть специальные медные сита с отверстиями определенной величины. Самый красивый и поэтому дорогой жемчуг называется индийским словом «джайун». Вторым сорт именуется «хашн», а третий, не имеющий, как правило, законченной круглой формы, — «фулява».

даля», «наим» и «бука» называют жемчуг соответственно четвертого, пятого и шестого сортов.

Однако в Кувейте знают пять сортов жемчуга. Самую лучшую жемчужину, как и в эмиратах Персидского залива, называют «джайун», самую некрасивую — «бодля», жемчужину первоклассную по цвету, но неправильной формы — «гульвар», а совсем мелкие зерна — «гатт».

Ценность добытого жемчуга определяют по различным оттенкам белого цвета и форме. На Катаре различают шесть таких оттенков и пять форм. Белый жемчуг пастельного матового розового оттенка и правильной круглой формы называют «джавахир» и считают самым ценным. Это и есть «золотая роза». К сорту «набати» относится жемчуг более густого розового оттенка. Затем идет блестящий белый — «зуджаджи», голубоватый — «самави», голубой — «санкабаси» и самый некрасивый, с зеленовато-серым грязным оттенком — «калябия». В случае сомнений в стойкости цвета и оттенка дорогой жемчужины ее дают проглотить курице. Если жемчужина, побывав в желудке птицы, не изменила своего цвета, она утверждается в своей красоте и оплачивается соответствующим образом.

Ювелиры делят жемчуг на несколько сортов. Так, сорта «хисаби», «данат», «камаш» и самый дешевый «кумейшат» идут на изготовление жемчужных ниток, браслетов и ожерелий, когда нужно использовать несколько жемчужин одновременно. Из «золотой розы», как правило, делают кулоны, кольца, серьги. Эту жемчужину никогда не смешивают с другими сортами.

Почему же в наш век, когда наследники Микимота организовали производство культивированного жемчуга на промышленной основе, все еще сохраняется жемчужный промысел в Персидском заливе и все еще есть чудачки, готовые заплатить за одну натуральную жемчужину такую сумму, за которую они могли бы купить десяток колец из искусственного жемчуга?! Таких чудачков можно понять. Натуральный жемчуг никогда нельзя сравнивать с выращенным ни по его неповторимым оттенкам цветов, от нежно-розового до черного, ни по его качествам. Ведь культивированный жемчуг представляет собой шарик, облитый лишь тонким слоем опалового вещества, из которого состоит вся жемчужина. И как позолоченную вещь легко можно отличить от вещи, целиком сделанной из

Ловцы жемчуга в Персидском заливе

чистого золота, так и искусственный жемчуг нельзя поставить рядом с натуральным. Что же касается оттенков драгоценных зернышек, то вряд ли самые искусные химики смогут перехитрить природу, умеющую создавать такое обилие цветов.

По катарским нормам хорошим ловцом жемчуга считается тот, кто может нырнуть на глубину до 15 метров и пробыть под водой более одной минуты. Одежда ловца и его снасть предельно просты: на бедрах — повязка из хлопчатобумажной ткани черного цвета, на шее — изготовленная из проволоки и остатков рыболовной сети кошелка, «забин». Зажав нос расщепленной бамбуковой палочкой, ныряльщик прыгает за борт. Его помощник, «сиб», следит за работой своего товарища и по его сигналу вытаскивает ловца за веревку, «джада», вместе с забин, заполненной жемчужницами. Стоящий за спиной сиба его помощник, «радыф», вытряхивает на палубу раковины и оттаскивает их в сторону, пока ныряльщик, дер-

жасть руками за борт судна, отдыхает. Кроме лиц, непосредственно занятых добычей жемчуга, неизменным членом экипажа, уходящего на три-четыре месяца в море, является музыкант и певец, «наххар», в обязанности которого входит с заходом солнца развлекать уставших за день ловцов старинными песнями и игрой на барабане «даф», дудочке «най» или однострунном смычковом инструменте «рабаба».

Трудно найти сегодня более тяжелую и опасную профессию, чем эта. Ныряльщики работают от зари до зари, причем в самые жаркие летние месяцы. Пресной воды на небольших судах с немалой командой не так много, как, скажем, на океанских лайнерах, и ловцы после работы часто не имеют возможности обмыть тело пресной водой. Они ныряют почти обнаженными, и чувство чести не позволяет им пользоваться маской, ластами, костюмом аквалангистов и другими приспособлениями для подводного плавания. От долгого пребывания в соленой воде и на тропическом солнце их тело покрывается долго не заживающими язвами. Пища ныряльщиков не отличается от пищи других членов экипажа. Более того, чтобы дольше находиться под водой, они едят очень мало: немного воды, риса и — редко — несколько фиников. Под водой ловцов жемчуга подстерегает много опасностей. Это и акулы, и морские змеи, которыми кишат воды Персидского залива, и огромные медузы, от прикосновения с которыми обжигается кожа, и электрические скаты, лежащие пластом на песчаном дне, и ядовитые мурены, прячущиеся в камнях и кораллах. Поэтому можно понять нетерпение жителей прибрежных деревень Персидского залива, высыпаящих от мала до велика на берег при виде паруса. Что ждет их — радость долгожданной встречи с отцом или братом или скорбные известия о его гибели?

Перед выходом в море ловцы жемчуга получают аванс, «салаф», а по благополучном возвращении производится окончательный расчет, «тискам». После продажи жемчуга капитан расплачивается с владельцем судна, если оно ему не принадлежит, и с купцом за полученные у него снасти и припасы, а оставшиеся деньги делит между членами экипажа. Нохаза и ныряльщик получают одинаковую долю, сиб, музыкант и кок — две трети, а радьф — половину доли ныряльщика. В некоторых районах нохаза получает вдвое больше ныряльщика.

В случае неудачи капитан и его команда попадают в долговую кабалу и часто вынуждены под давлением купцов заняться доставкой контрабандного золота в Индию, где этот металл пользуется повышенным спросом. Однако индийские патрульные катера зорко следят за парусными судами, останавливают и тщательно осматривают их в своих территориальных водах и в случае обнаружения контрабанды конфискуют товары и судно, а неудачливых контрабандистов отправляют на каторгу.

С жемчугом в Персидском заливе связано много поэтических историй и легенд. Но самую красивую и романтическую, называемую «Черная и белая жемчужина», рассказывают в Кувейте. Вот она.

...В то далекое время, когда Багдад был центром торговли жемчугом, жила в городе дочь халифа, прекрасная принцесса. Отец подарил ей редкую черную жемчужину, которой принцесса очень дорожила и гордилась. Однажды она пошла к главному торговцу жемчугом и попросила его найти ей точно такую же жемчужину. Торговец, зная, кто его посетил, хотя девушка была закутана в изар, вынужден был отказать принцессе, так как, объяснил он, в мире не найти одинаковых жемчужин, и, более того, та, которой она обладает, настолько необыкновенна, что нет ей подобной. Принцесса приходила к торговцу каждый день, но все было напрасно. Однажды в ответ на ее мольбы торговец сказал:

— Сюда недавно прибыл известный ныряльщик из Бахрейна. Может быть, он знает, где найти нужную тебе жемчужину. — И купец указал на человека, который сидел у входа в его лавку.

— Позови его, — сказала принцесса, — и попроси его достать мне жемчужину, так как мне очень грустно из-за твоих отказов.

Анад ибн Фарадж, как звали ныряльщика, с почтением приблизился к принцессе. Он был красив, строен и высок.

— О Анад! — сказал купец. — У этой госпожи есть черная жемчужина необыкновенного размера и блеска. Видел ли ты подобную и можешь ли найти ей пару?

Долго и внимательно смотрел Анад на жемчужину принцессы и ответил:

— О госпожа! Я видел и ранее эту жемчужину и даже знаю, где она была найдена. Ее нашел мой отец на дне

моря, в глубокой пещере, где живет страшный паук. Он говорил, что в этой пещере — самые большие раковины и в каждой из них есть черная жемчужина. Мой отец нырнул за жемчужиной для халифа, вашего отца, и вступил в бой со стражем пещеры. Когда его подняли на поверхность, он был весь изранен, истек кровью и умер, сжимая в руках раковину с вашей жемчужиной. Эта жемчужина стоила жизни моему отцу. В мире нет другого места, где можно было бы найти такую же. Но каждая такая жемчужина стоит жизни ныряльщику.

Принцессу сильно заинтересовал рассказ Анада, и она попросила его прибыть во дворец. В назначенный час он предстал перед дочерью халифа. Она приняла его любезно, усадила на подушки и потчевала самыми лучшими напитками. Сев рядом с юношей, она задавала вопросы о пещере, об ужасном пауке и о том, можно ли попытаться еще раз проникнуть в эту пещеру. Анад сказал, что это место трудно найти, но, даже если это и удастся сделать, попытка проникнуть туда будет стоить ему жизни.

Принцесса продолжала настаивать, и во время третьей встречи она промолвила:

— Ради этих глаз, о храбрый Анад, разве ты не решишься встретиться с чудовищным пауком?

С этими словами принцесса, приоткрыв верхнюю часть лица, показала свои глаза. И, когда юноша встретился взглядом с этими прекрасными нежными глазами, он лишился чувств. Принцесса наклонилась к Анаду и продолжала упрашивать его.

— Купец говорил, что в мире нет двух одинаковых жемчужин, — ответил Анад, — Но твои глаза и есть те две черные жемчужины, которые не отличишь одну от другой и подобных которым нет в мире. И ради них я решусь побороться с этим чудовищем, чтобы принести тебе черную жемчужину, которая тебе так нужна.

Довольная принцесса поблагодарила Анада, добавив:

— О храбрый Анад! Если ты победишь в поединке и принесешь мне жемчужину, ты можешь просить у меня все, чего захочешь. Если ты попросишь даже половину царства, тебе в этом не откажут. Клянусь Аллахом!

Спустя некоторое время Анад с пятью друзьями отправился в маленькой лодке туда, где его отец нашел свою смерть. Солнце ярко светило, день был тихий, море изумрудным и спокойным. Сквозь прозрачную воду мож-

но было увидеть пещеру и вход в нее, обрамленный причудливыми ветвями кораллов. Анад вооружился длинным острым кинжалом, обвязался веревкой и, попросив товарищей вытащить его по первому же сигналу, встал на камень, привязанный к веревке, и дал приказ опускаться. Достигнув дна у входа в пещеру, он стал пробираться в нее, внимательно оглядываясь и озираясь. Сначала он не видел ничего, кроме кустов белого и розового коралла. Но вдруг на дне пещеры он обнаружил необыкновенно большие раковины. Помедлив немного, Анад оторвал одну из них и был готов схватить другую, когда неожиданно вход в пещеру загородило огромное чудовище, похожее на краба с громадными ногами. Анад дернул за веревку. Решившись на поединок со страшным пауком, он двинулся ему навстречу. Громадная пасть и два сверкающих глаза приближались к нему, и, как только они оказались рядом, он вонзил кинжал чудовищу прямо в глаз. В этот момент он почувствовал, что его тащат вверх. Анад успел еще несколько раз ударить ужасного паука и потерял сознание. Последней была мысль о раковине, которую он зажал в левой руке. Он понял, что даже смерть не вырвет ее из его рук.

Анад пришел в себя уже в лодке, когда товарищи массировали ему грудь, чтобы он быстрее восстановил свои силы. Юноша возблагодарил Аллаха за спасение, поскольку на его теле не было серьезных ран. Он обрадовался, увидев раковину, вскрыл ее и среди мякоти увидел громадную черную жемчужину, подобную той, которая была у принцессы.

Через месяц Анад прибыл в Багдад и попросил встречи с дочерью халифа. Он был немедленно принят, и его провели во внутренние покои дворца, где с нетерпением ждала его принцесса без обычного покрывала, закрывающего лицо.

— О Анад! С возвращением тебя! Тысячу раз приветствую тебя,— сказала она, протягивая к нему руки. — Принес ли ты мне мою жемчужину?

Анад почтительно опустился на колени и коснулся губами ее рук, показывая тем самым свою преданность и уважение. Принцесса подняла его с колен. Анад протянул ей жемчужину, и принцесса не могла скрыть своей радости. Она горячо благодарила его и затем, усадив рядом, попросила подробно рассказать о всех приключениях.

Анад поведал историю с чудовищем, и принцесса воскликнула:

— О Анад! Пришло время мне отблагодарить тебя. Проси, что хочешь, и тебе не будет в этом отказа.

После долгого молчания смущенный юноша сказал:

— О моя принцесса! Я люблю тебя и преклоняюсь перед твоей красотой. Ты — самая бесценная жемчужина. Я прошу тебя стать моей женой. Это мое самое большое желание. Но никогда белая жемчужина, как ты, не сможет стать парой черной жемчужине, как я.

Анад выхватил кинжал, которым он убил страшного паука, и упал на него грудью. Ведь он был негром...

ПО ДРЕВНИМ ДОРОГАМ БЛАГОВОННИИ

В кратере потухшего вулкана

Любому путешественнику, прибывшему в Аден, с первых минут становится ясно, что город и его пригород Бурейка, раскинувшийся на другом берегу бухты Тавахи, обязаны своим происхождением вулкану. Ученые полагают, что примерно миллион лет назад юго-западное побережье Аравии представляло собой зону активно действующих вулканов. Следы активной вулканической деятельности обнаруживаются в районах Рас-Имран, Джебель-Умм-Бурка, гор Хараз и Джебель-Хасис. Ученые считают, что в старом районе Адена, называемом Кратер, в месте, прилегающем к самой высокой горе, Шамсан, находилось главное жерло вулкана. Бушующая лава истекала в разные стороны, и сегодня в Адене везде, куда ни бросишь взгляд, поднимаются серо-красные, лишённые растительности скалы с ярко выраженными вертикальными и горизонтальными слоями.

Удобное положение Адена исстари сделало его важным центром на торговых путях, соединяющих два великих континента. Этому способствовали также регулярность сезонных ветров, правильная смена дождливой и сухой погоды, наличие постоянных морских течений и обилие товаров, которые могли вызвать интерес у соседних народов. Развитие Адена как морского порта связано с развитием торговли на Красном море и Индийском океане. Безымянный египетский купец, живший в I веке, в своей работе «Перипл Эритрейского моря» назвал Аден «приморской деревней Счастливой Аравии». Во II веке Птолемей писал об Адене как о «рынке Аравии». В исторической хронике XIII века Ибн аль-Муджавира из Дамаска есть специальная глава «Основание Адена». Он сообщает о запустении торговли в Адене после упадка

Египта фараонов и о новом подъеме города после появления здесь пришельцев из Мадагаскара. Это покажется странным, но факты свидетельствуют о том, что в начале новой эры западные индонезийцы появились на восточном побережье Африки и вытеснили туземные племена, которые были вынуждены двинуться на север. Следуя за ними, западные индонезийцы появились и в Южной Аравии и, по-видимому, дойдя до Адена, вернули ему бывшее торговое могущество. Они были искусными мореплавателями, и, может быть, поэтому арабам Южной Аравии, познакомившимся с лодками индонезийцев, не составило впоследствии труда проложить путь на остров Ява, где в настоящее время проживает самая большая колония выходцев из Южного Йемена.

Первым европейцем, попавшим в Аден и оставившим о нем письменное свидетельство, стал доминиканский монах Гийом Адам, посланный папой Иоанном III в Эфиопию в начале XIV века. Он прибыл в Аден и около девяти месяцев прожил у христиан острова Сокотра. Адам был одним из первых европейцев, который обратил внимание на исключительно выгодное положение Адена, распалив и без того огромную зависть, которую возбуждал в Европе этот город своим богатством. В конце XV века Аден посетили португалец Педро де Кальвиха и итальянец Людовико де Вартема, который не только проявил недюжинную храбрость и большое мужество во время поездок по Южной Аравии, но и дал интереснейшее описание своих путешествий. Де Вартема отмечал в мемуарах, что Аден — самый укрепленный город из тех, которые он когда-либо видел на равнинной местности: с двух сторон его окружают горы, с двух других — крепостные стены, над Аденом в скалах возвышаются пять замков, не считая укрепленного острова, находящегося в мелководной лагуне, где бросают якорь пришедшие суда.

Чтобы лучше познакомиться с городом, я поднимаюсь на самую высокую гору, Шамсан. Вулканические склоны образуют здесь весьма причудливые очертания: острые пики, похожие на зубы гигантских драконов, глубокие расселины и крутые стометровые обрывы, с которых видно пену морского прибоя, но не слышно шума волн. Суровая природа этих мест, по-видимому, дала основание арабам поместить здесь, в темной пещере на

вершине скалы, могилу проклятого богом братоубийца Канна.

На гору Шамсан лучше всего подниматься рано утром. Мы оставляем машину у храма «банья», выходцев из Индии, которые являются обязательной торговой прослойкой почти всех южнойеменских городов.

Банья поселились в этих местах с доисламского периода и всегда играли здесь заметную роль в развитии внутренней и внешней торговли. Мусульманское население Южного Йемена отличается большой веротерпимостью, и поселившиеся в южнойеменских городах банья получали возможность не только заниматься торговлей, но и открыто отправлять свои религиозные культы.

Обширное, обсаженное деревьями место обнесено каменным забором. В том месте, где в христианских храмах находится алтарь, на специальном сооружении подвешен позеленевший от времени медный колокол. Банья, как и их родственники в Индии, сжигают усопших на больших кострах, и йеменцы не раз рассказывали мне об этих траурных церемониях. По-видимому, подобное сожжение трупов происходило и в этом храме.

Мы пересекаем неглубокое вади с осыпями гранита, вулканического туфа и базальта, с белыми вкраплениями известняка. Через несколько минут мы идем уже по кратеру потухшего вулкана к горе Шамсан. Наш путь лежит по дороге, которая еще во времена турецкого господства была вымощена каменными плитами. Кратер пройден, и каменная тропинка вновь круто берет в гору, на склон Шамсана. Справа — глубокое ущелье. Его северные склоны покрылись седым песчаником и мхами. И это вполне естественно. Зимой в котловане кратера и ущельях стоит туман и влага выпадает на склоны и камни в виде обильной росы. Вот и сейчас мы идем по влажным камням, как будто недавно здесь прошел дождь.

На склонах ущелья то тут то там поднимаются мясистые стволы небольших деревьев. Это *Adenium obesum* Forscal.

Честь открытия этого редкого дерева, как и ката, принадлежит шведскому ботанику Петеру Форскалу. Форскал — ученик великого ботаника Линнея. В Бейтэль-Факихе, в Тихаме, он заболел малярией и 13 июля 1763 года умер в Яриме. Однако он смог собрать богатую коллекцию йеменских растений, в числе которых бы-

ло около 300 видов, неизвестных в Европе. Линней, принявший участие в обработке коллекции Форскала, прибавил к названию каждого нового вида имя своего погибшего ученика, с тем чтобы увековечить его научный подвиг.

Это растение в Южном Йемене встречается лишь в районах Кратер и Бурейка. Его высота — один-полтора метра, хотя в Северном Йемене и на Сокотре оно достигает трех метров и более. *A. obesum* Forscal принадлежит к такому виду растений, которые сохраняют продолжительное время запасы воды в полых корнях и таким образом могут переждать жаркий сезон. Об этой особенности знают местные жители и называют дерево «Абуль Гайла». «Гайла» — круглый сосуд для хранения воды. Среди аденцев существует мнение, что путешественник может откопать корни растения, вода которых пригодна для питья. Сок дерева, похожий на сок молочая, способствует заживлению ран и порезов на теле.

Обычно в мае на голом, лишенном листвы дереве появляются розовые крупные цветы из пяти лепестков. На фоне красноватых суровых скал нежные цветы смотрятся очень привлекательно. Затем дерево покрывается кожистыми глянцевыми листьями, похожими на листья магнолии. Уже в июне на месте цветов появляются величиной с фасоль плоды с десятками семян. Тонкие волоски семян помогают им перемещаться по ветру. В земле орошенное росой или редким дождем семечко прорастает, и получившееся из него растение на четвертый год покрывается цветами.

Мы продолжаем карабкаться на Шамсан. Дорога уже идет ступенями. Через полтора часа мы подходим к проходу, который закрывается стеной с узкими воротами. Стена с бойницами сложена из камней на алебастре и представляет собой неприступную крепость, поскольку вокруг нее — ущелья стометровой глубины. За укреплением расположен небольшой оштукатуренный бассейн, куда собирается дождевая вода. Еще одна лестница, — и мы оказываемся на вершине северного Шамсана. Рядом с нами, на 40 метров выше северного, поднимается южный Шамсан. К нему также ведет тропинка, но, чтобы пробраться к нему, нужно хоть немного быть знакомым с альпинизмом. На самом верху северного Шамсана находится плоская смотровая площадка. По

традиции туристы, взобравшиеся на гору, оставляют здесь свои имена. Тут есть подписи на арабском, английском, французском языках.

С горы открывается незабываемый вид на Аден. Если встать лицом к порту, в пробивающихся сквозь облака солнечных лучах справа видны район Хормаксар, застроенный англичанами, взлетно-посадочная полоса аэродрома и уходящий дугой на восток песчаный берег залива. Отсюда взору открываются мыс Мор с белой башней маяка, сбегающие к морю долины, покрытые зимой густыми ярко-зелеными кустами. С горы можно наблюдать подходы океанских кораблей, кажущихся отсюда игрушечными. Вдали в пастельных тонах вырисовывается Бурейка. Прямо внизу раскинулась улица Маалла с ровными четырехэтажными домами, в которых раньше, до получения Аденом независимости, жили английские офицеры. Англичане называли эту улицу «милей смерти», потому что появление английского томми на улице в вечернее время, особенно накануне провозглашения независимости, часто стоило ему жизни.

Перед нами — ущелье, которое сбегает к Кратеру, старому району Адена. В VI—VII веках нижняя часть ущелья была превращена в естественное водохранилище. Огромные котлованы водосборной системы вмещают 40 тысяч тонн воды. В Адене всегда не хватало воды, и многочисленные колодцы не могли обеспечить водой население города. Это водохранилище состоит из десяти огромных цистерн, соединенных в единую систему с таким расчетом, чтобы стекающая с гор дождевая вода поочередно заполняла всю систему. Редкие атмосферные осадки бережно собирались в выдолбленные в скалах, оштукатуренные желтоватым алебастром цистерны, чтобы в течение многих месяцев поить страдающий от жажды город. В настоящее время эта вода не используется.

Кратер до начала нашего столетия был торговым и административным центром города. Здесь находились многочисленные базары, мечети, дворец султана, административные учреждения и казармы. С высоты горы Шамсан видны мощные стены, идущие по гребню скал и делающие Кратер цитаделью. Со стороны моря старый город прикрывается скалистым островом Сир, о котором писал Гийом Адам, а севернее его высится неприступная гряда высоких отвесных скал.

В зелени небольшого парка Кратера спрятался муниципальный музей. Здесь собраны алебастровые статуэтки доисламского периода, найденные во время раскопок на территории Южного Йемена, плиты с сабейскими письменами, ржавые турецкие пушки и ядра. Правительство Народной Демократической Республики Йемен превратило это здание в этнографический музей.

Кратер населен мелкими торговцами, рабочими порта, механических мастерских и другим трудовым людом. Солнце жарит немилосердно, от асфальта поднимается густой запах, смешанный с запахом восточных благовоний, человеческого пота, гниющих отходов пищи. Воздух кажется настолько густым и плотным, что его можно потрогать руками. Кратер — нездоровый район, сюда не долетает бриз, поэтому здесь селятся лишь те, кто не имеет средств построить или снять себе дом в другом месте.

В Кратере, на центральной торговой улице и на прилегающих к ней переулках, находятся небольшие лавочки и лотки, где продаются цветастые ткани из Индии, Пакистана, благовония и пахучие изделия, мелкая посуда, зажигалки и четки. Здесь построены магазины по западному образцу, где услужливый приказчик предложит вам японские магнитофоны последних марок, швейцарские часы, английскую обувь. Деловая жизнь кипит до 12 часов дня, после чего металлические жалюзи с шумом закрываются и все замирает до 4 часов после полудня, когда старый город вновь оживает. На улицах Кратера можно встретить машины последних марок и в то же время величаво и невозмутимо шагающего верблюда, который, чуть презрительно поглядывая на окружающих, тащит двухколесную повозку, груженную овощами. Своеобразен и муниципальный рынок, расположенный в центре Кратера. В рыбном ряду можно за гроши купить и акулу, которая ценится за свои плавники, и голубых океанских крабов, еще живых, шевелящих своими клешнями. Здесь же продаются пучки стеблей ката, который привозят в Аден из пограничного горного района Северного Йемена, Худжарии. Он завернут в сухие листья кукурузы. В четыре часа счастливчики, которым удалось приобрести пучок ката, спешат домой насладиться «цветком рая».

Аденский залив считается одним из самых богатых

Улица Маала в Адене

рыбой районов мирового океана. Юго-западный муссон, дующий с апреля по август, сгоняет верхние слои воды, и на поверхность океана поднимаются глубинные, прохладные слои, богатые биогенными веществами. Под воздействием тепла и солнца быстро развивается растительный планктон, а затем и животный планктон, служащий пищей для рыб.

Здесь наблюдается и другое интересное явление. Развитие планктона поглощает огромные массы растворенного в воде кислорода, и летом вся рыба прибывает к берегу, где вода более азрирована и насыщена кислородом. Самый богатый по биомассе месяц — август, самый бедный — апрель.

В Аденском заливе много ценных промысловых рыб. Лучшей считается королевская макрель, которую в Адене называют «дейрак», в Бурейке — «дурук», а в городе Мукалле и Махре, самом отдаленном районе восточной провинции, — «турнак». Здесь ловят полосатых, пятнистых австралийских и макрелевых тунцов, индийскую

скумбрию, барабулю, ставриду и каменных окуней всевозможных ярких пятнистых окрасок. На всем побережье Южного Йемена в огромных количествах вылавливают индийскую жирную сардину, называемую «ид». Сардину складывают на цементной площадке, и под жарким солнцем из нее выходит жир, который сливают в металлические банки. Жир рыбы ид идет на экспорт. Саму сардину присаливают, высушивают на солнце и затем употребляют в пищу или скармливают верблюдам. В некоторых районах Хадрамаута разлагающуюся рыбу используют для удобрения полей, засеянных табаком.

В заливе много экзотических рыб тропических морей. Как-то раз мы забросили донную удочку, и уже через несколько минут на крючке трепеталась желтая рыбка с массивной головой и большими глазами. Со свистом астмастика она делала два-три глубоких вдоха, и у нее под брюшной полостью вырастал большой пупырчатый пузырь. Это была рыба-шар. У нее нет зубов, но челюсти твердые, как у черепахи, и она ими щелкает. Затем нам попался каменный окунь, зубастый, в темно-коричневую крапинку, величиной с маленькую плотву. Рыбу-ежа мы подстрелили из подводного ружья. Она быстро надулась, и ее тонкие иголки встали торчком. Брошенная в воду, она некоторое время плавала на поверхности, как голубой буюк, а затем, выпустив со свистом воздух, ушла под воду. Здесь водятся и такие рыбы, случайная встреча с которыми не доставит удовольствия купальщику. У скал, в прибрежных водах, обитают похожие на змей мурены, а в открытом море — черные акулы и акулы-лисицы с длинным верхним пером хвостового плавника. В Южной Аравии акула считается деликатесом. Высушенное на солнце акулье мясо, называемое «лухум», и плавники этой рыбы широко употребляют в пищу не только в прибрежных, но и в глубинных районах страны. В аденских водах много скатов: скат-дьявол, скат-гитара, рыба-пила и гигантская манта. Скаты и акулы ценятся и за рубежом. Итальянцы, например, закупают в Адене весь улов ската-гитары. Эту рыбу по заказу покупателей йеменские рыбаки разделяют особым способом. В прибрежных водах много лангустов, омаров и креветок, которые пользуются постоянным спросом на мировом рынке.

В 15 минутах езды от моего дома находится купальня бывшего английского клуба Голд Мор. Отгороженный от открытого моря пляж в спокойную погоду при чистой воде становится аквариумом, где «пасутся», обедая водоросли с металлической решетки, погруженной в воду, десятки рыб всевозможных расцветок и размеров. Среди прочих можно встретить и рыбу-попугая, называемую в Адене «яхуди», и рыбу-бабочку, изящно скользящую между белых веточек кораллов, и много других рыб.

В Аденском заливе осталось одно из немногих и самое многочисленное в мире стадо морских зеленых черепах. Небольшой залив у мыса Машрак — одно из немногих мест на побережье, куда черепахи, движимые инстинктом, приходят каждый год в период, когда начинаются муссоны и прилив достигает своей наивысшей точки. Они приходят сюда для того, чтобы отложить яйца в крупный песок. Однажды темной августовской ночью мы отправились в залив посмотреть черепах.

Оставив машину на смотровой площадке, мы ступаем на узкую горную тропу, ведущую вдоль обрывистого края каменоломни к заливу. Быстро минуем карьер и по песчаному косогору спускаемся к мерцающему заливу. Мирно накатываются на берег теплые волны, слева, у вытасненных на берег лодок, мелькает желтый свет керосиновой лампы, справа на фоне темной горы белеет мазар мусульманского святого шейха Абд ар-Рахмана. Около него построен шалаш смотрителя, и оттуда время от времени слышится собачий лай. А перед нами открывается бездна вселенной с крупными алмазами звезд. Зажигаем карманный фонарик и вдруг видим сотни раков-отшельников с разноцветными и разнокалиберными домиками-ракушками, суетливо бегающих взад-вперед. Выбрав место, начинаем терпеливо ждать. Проходит десять, пятнадцать, двадцать минут. Мы напрягаем слух и зрение, стараясь разглядеть черепаху. Наконец замечаем медленнодвигающийся предмет. Описав ползком дугу, мы оказываемся сзади черепахи.

Она длиной около метра и шириной сантиметров семьдесят. Приподнимаясь на передних лапах и отталкиваясь задними, черепаха бросает свое грузное тело вперед. От ее конечностей на песке остаются следы, как от гусеничного трактора, а хвост, касающийся взрыхленного песка, проводит на нем тонкую черточку. Черепаха,

а за нею и мы подползаем к нависшей скале. Она замирает, а затем вытягивает попугаеобразную головку, как будто прислушиваясь и стараясь узнать, нет ли поблизости какой-либо опасности. Затем, успокоенная, она принялась копать. С превеликим трудом, но довольно успешно черепаха вырыла передними ластами яму в песке шириной и глубиной около 30 сантиметров. Затем она начала проделывать то же самое, только задними ластами.

То и дело приостанавливаясь, пыхтя, вздыхая и ворча, черепаха копала до тех пор, пока не сделала все, что ей было нужно. Теперь она начала откладывать яйца, и казалось, что она забыла обо всем. Черепаха легла над ямой и время от времени откладывала то одно, а то и два яйца. В течение всего этого процесса она отложила 80—100 яиц. Черепашьи яйца имеют величину мячика для настольного тенниса, они мягкие на ощупь.

Мы видим, как черепаха приступает к закапыванию яиц в ямы. Она проделывает это задними конечностями. Иногда она осыпает нас целым облаком песка. Когда яйца зарыты, черепаха начинает двигаться кругами, как бы сбивая песок на довольно большой площади до тех пор, пока место, где она сидела, не становится похожим на другие. Отдохнув, черепаха двигается к воде, теперь уже гораздо медленнее, чем прежде. Отталкиваясь задними ластами, она прямо плюхается на живот и подолгу отдыхает. Когда до воды остается несколько метров, мы зажигаем фонарик и подходим к ней. Она почти не реагирует на свет и не пытается втянуть голову. Глаза ее закрыты пленкой, и кажется, что она плачет мутными слезами от своего бессилия и усталости. Ухватившись сзади руками за овальный вырост панциря около хвоста, я стал помогать ей двигаться к морю, поднимая и толкая вперед вместе с ней тяжеленный темно-зеленый с несколькими острыми ракушками панцирь. Подходить спереди к черепахе опасно. Защищаясь, она может ударить передней ластой, и, если попадет по ноге или руке, перелом кости обеспечен.

Еще несколько метров — и нас обдаёт брызгами, затем набегаёт волна, и, оказавшись на плаву, черепаха отчаянно работает ластами. Через несколько секунд она скрывается в пучине. И только светящаяся полоса в море указывает ее путь.

Каждый год черепахи после брачного сезона в далеком море выходят на берег и откладывают яйца. В заливе, близ мыса Машрак, их ждут арабы, чтобы выкопать яйца, когда черепахи уйдут. Они готовят омлет с рыбным привкусом. Даже если яйца благополучно перенесут все невзгоды, новорожденным черепашкам грозит много опасностей еще задолго до того, как они доберутся до воды. Чайки и коршуны ждут их, бродячие собаки на берегу также лакомятся черепашками. А когда они доберутся до моря, их там поджидают акулы, барракуды и другие более мелкие хищники. Может быть, это самый рискованный процесс продолжения рода в природе, и все-таки год за годом черепахи, которым удастся выжить, приходят на место, где они родились, чтобы отложить яйца.

Будучи в Мукалле, я видел, как арабы ловили черепах. В лунную августовскую ночь они отправились на охоту по песчаным пляжам. Вылезая из воды, черепаха оставляет глубокий след, и обнаружив его, люди начинали искать ее. Пойманную черепаху переворачивают на спину, и охота продолжается. По-видимому, трудно запретить местным жителям охоту на черепах, которых скупают торговцы для отправки в Европу, так как она дает им средства к существованию. Однако если совсем не регулировать охоту, то скоро черепаха и в Южном Йемене станет редкостью, как это случилось в других странах света.

Мы едем в третью провинцию, одну из шести провинций страны. Автомшины быстро идут по темной ленте асфальтированной дороги, поднимая за собой шлейфы тонкого песка. Песок надуло на асфальт с моря.

Первые двадцать километров дорога идет в 200 метрах от моря, затем мы сворачиваем к линии прибоя и, проехав несколько ветхих домов, приближаемся к морю. Здесь проходила граница между бывшей английской колонией Аден и султанатом Фадили. Развалившиеся сейчас здания — помещения таможни, где чиновники султана исправно собирали пошлину со всех товаров и налоги с каждого человека, покидавшего или прибывающего на территорию султаната.

Наша машина быстро несется по мокрому плотному песку, вспугивая чаек, неторопливо бродящих по воде. Справа отливает свинцовым блеском море, слева, за не-

высокими дюнами, поросшими осокой, поднимаются отроги гор Яфи. Через несколько километров наши спутники обращают внимание на песчаные холмы с остатками глинобитных стен. Это место называется Ата.

Лет пятьдесят назад, когда вдоль берега моря из Адена в Мукаллу брели караваны нагруженных товарами верблюдов, погонщики останавливались здесь на ночлег после первого дневного перехода. Сейчас сюда для отдыха иногда приезжают жители Адена. Каждая семья устраивается за невысокой дюной, разбивает палатку и даже умудряется вырыть свой колодец. Пресная вода находится здесь на глубине двух-трех метров. Это воды одного из рукавов Вади-Бана, которые во время летних дождей стекают с гор Северного Йемена и уходят в пески, не доходя до моря.

О том, что пресная вода находится близко от поверхности, говорят и пресноводные болота, раскинувшиеся вдоль берега моря. Местные жители раньше собирали здесь ил, называемый «харка», который использовали вместо мыла при стирке одежды. Наши спутники утверждают, что на рынке в Адене можно и сегодня купить куски зеленоватого ила, который в некоторых семьях предпочитают стиральным порошкам.

Весь берег моря усыпан белыми пустыми раковинами. Сотрудники конхиологического отдела музея естественной истории в Лондоне, которые занимались определением вида этих раковин, пришли к выводу, что эти моллюски относятся к семейству Arc shells и широко распространены в водах Индийского и Тихого океанов. Они живут под верхним слоем песка, который залива-ется морем во время приливов, и поэтому их легко можно доставать руками. Это активные, зарывающиеся в от-мели двустворчатые моллюски, которые питаются в основном живущими в воде растениями, всасывая и затем удаляя отбросы через два отверстия по краю слияния мантии. Они размножаются круглый год. Маленькие моллюски стремятся найти себе постоянное местожи-тельство на чистых песчаных отмелях. В Японии они считаются деликатесом и их разводят в специаль-ных, отгороженных от открытого моря садках. Этих же моллюсков в больших количествах собирают на побереж-ьях Индии, близ Мадраса и Бомбея, для еды. Около ше-сти видов моллюсков подают в ресторанах на Филиппи-

нах, а сходные разновидности — обычная пища жителей острова Маврикий.

Мы продолжаем свой путь на восток. Мимо мелькают акации и небольшие холмы, покрытые густыми кустами с сочными листьями. От долгой тряски и тесноты ноет спина, болят ноги. Мы выходим немного размяться. Внимательные арабы-попутчики предупреждают нас о том, что здесь могут быть змеи.

На территории Адена, включая примыкающие моря, было обнаружено 29 видов змей, принадлежащих к семи семействам. Из этих 29 видов, по мнению специалистов, яд только 9 представляет опасность для человека. Еще 3 вида хотя и относятся к ядовитым змеям, но неопасны для человека: их ядовитые зубы расположены в задней части полости рта.

Наиболее интересный вид — аравийский песчаный боа. Он живет в песках, имеет желтую окраску с коричневой полосой, относительно маленькие глаза. Песчаные боа, даже если их испугать, абсолютно безвредны. В Бейхан-эль-Касабе этих змей называют словом «бетен», которое не встречается в других арабских странах. Не исключено, что это название имеет еврейское происхождение, так как до 1948 года в Бейхане проживала еврейская община серебряных дел мастеров, а слово «петен» на древнееврейском означает «змея».

В Южной Аравии встречаются змеи из семейства полозов. Наибольший интерес представляют полозы Клиффорда. Их длина — один метр и более, окраска — зеленая, серая, коричневая или желтая с большими, более темными пятнами. Полозы Клиффорда живут обычно во влажных, богатых растительностью районах. Змеи семейства полозов очень распространены в арабских странах и имеют несколько названий на арабском языке. Одно из них «ракта», т. е. «пятнистая». К безобидным полозам относится очень редкая красноватая змея, живущая только на острове Сокотра. У нее вертикальные зрачки. На юге Аравийского полуострова встречаются также полозы с ядовитыми зубами, расположенными в задней части рта. У них продольные полосы и такая же окраска, как и у змей Клиффорда. Эти «полосатые» змеи тоже живут во влажных районах, где растут кусты или деревья. На острове Камаран и в Йемене эта змея известна под названием «шаджари», что значит «древесная

змея». П. Форскал дал этой змее латинское название «шокари», что, по-видимому, является видоизмененным местным названием.

Более опасными змеями в Южной Аравии считаются морские змеи, кобры и гадюки. Первые имеют множество разновидностей. Они безвредны, за исключением тех случаев, когда на них наступают ногой или грубо берут в руки. Несмотря на то что яда у них очень мало, он относительно силен. Смерть может наступить от паралича дыхательных путей. Тело у таких змей плоское, что дает им возможность легко передвигаться в воде. Этим змеем обычно йеменцы так и называют «ханаш аль-бахр» — «морские змеи».

Кобры, о которых так много и так драматично пишут в Индии и Африке, представлены в Южной Аравии только одной разновидностью и встречаются здесь нечасто. Жители юга Аравии, склонные считать всех змей опасными, и придумали для них разнообразнейшие названия. Многие названия даны для того, чтобы отметить какую-то характерную черту змеи: «сул» — «тонкая», «таррад» — «преследующая», «дафн» — «зарывающаяся в землю», «заррак» — «пронзенная копьем». Кобра находится на особом положении, у нее три названия: «абу арейда» — «широкая» (из-за раздувающегося горла), «кура» (указывает на цвет) и «ханаш» (змея).

Из зафиксированных статистикой Южного Йемена 20 случаев змеиных укусов на территории Адена два стали смертельными. Местные жители в Южном Йемене, как и во многих странах Востока, лечат змеиные укусы наложением жгута, рассеканием места укуса, отсасыванием яда, а также заклинанием дьявола молитвами местных шаманов.

...Возвращаемся в Аден уже под вечер. Проезжая через Хормаксар, один из районов Адена, мы сворачиваем на соледобывающие промыслы.

Эта отрасль промышленности остается малоизвестной для многих гостей Адена и даже для некоторых его жителей. Иногда туристы останавливают здесь свои автомашины, чтобы запечатлеть на пленке картину зимней сказки под яркими лучами тропического солнца.

Вода перекачивается в каналы из моря насосами, работающими от энергии ветряных мельниц или с помощью более современных устройств. Затем вода по ка-

налам идет в большие по площади, но неглубокие котлованы. Заполненные котлованы оставляют под палящим солнцем. В результате испарения морской воды на дне котлованов оседает соль. Затем в них снова перекачивают морскую воду, и продолжают этот процесс в течение двух недель, до тех пор пока на дне котлована не осажается сухой и твердый слой соли толщиной около 15 сантиметров. Теперь, когда процесс кристаллизации закончен, в котлован заходят рабочие. Из-за палящего солнца и слепящего блеска белоснежных кристаллов соли условия работы очень тяжелые, рабочим выдают предохранительные ботинки, перчатки и защитные темные очки. Но многие из них пренебрегают этими предметами. Сопровождая работу монотонным пением, они разбивают затвердевшую поверхность соли ломами и загружают ведра огромными кристаллическими кусками. Затем по выложенным досками узким проходам эти ведра несут к вагонеткам. В основном вагонетки тащат по рельсам верблюды, реже они движутся с помощью небольшого дизельного двигателя. Эти «поезда» идут между горами соли и многочисленными котлованами к мельницам, где соль очищают и превращают в порошок. После этого вдоль пристани насыпают холмы чистой белой порошкообразной соли, которую перевозят на баржах к судам, стоящим в гавани Адена. На дне котлованов остается серый осадок. Это гипс — единственный побочный продукт производства.

Полупрозрачная морская вода, струящаяся по миниатюрным каналам, верблюды, везущие причудливые поезда через «снежные» горы, — все это создает живописную картину... Сейчас время заката. Кристаллы соли отражают розовый свет быстро гаснущего солнца. Еще несколько минут, и вот уже в густой воде котлованов видны крупные тропические звезды.

Во время работы в Адене я часто ездил в Имран, рыбацкий поселок, расположенный на одноименном мысе Рас-Имране, вдающемся в Аденский залив. К поселку две дороги — по пустыне через Бир-Ахмед и по побережью через Бурейку. На побережье во время отлива плотный, пропитанный морской водой песок не уступает, пожалуй, асфальту по удобству передвижения на колесах. Обычно мы ехали мимо города Фукума, а затем вдоль берега, распугивая мелких морских чирков, дого-

нявших уходящие волны в поисках личинок и мелких крабов, больших белых и черных цапель, с достоинством передвигавшихся в воде. Мы проезжали остров Джахаб, где есть небольшой грот, в котором, как в аквариуме, в голубой воде плавают разноцветные морские рыбы. Рас-Имран вулканического происхождения, и его черные обрывистые скалы видны издалека.

В рыбацкий поселок — сбитые в кучу дома, сколоченные из досок старых ящиков, — мы прибываем обычно рано утром, когда рыбаки вытягивают сеть, которую закидывают на ночь, на пологий песчаный берег.

Вот показываются ее концы, и среди водорослей и коричневой трухи морского мха мелькает одна серебристая рыба, другая, третья. Мелкие ячейки сети выгребают и удерживают вместе с водорослями рыбу мелочь. Рыбаки отбирают ставридок, длинную, похожую на щуку рыбу-иглу с красной точкой на конце тонкого «носа». Несколько мелких скатов, хвостоклов, поднятых сетью со дна, судорожно трепещут «бахромой» своих приплюснутых тел, служащих плавниками. Рыбаки их выбрасывают. Две мелкие рыбы обращают на себя внимание рыбаков, которые с великой предосторожностью берут их двумя щепками и выбрасывают в море. Одна из них — рыбка-дракон, усыпанная бородавками, темно-коричневая, с огромным зубастым ртом, с ядовитыми иглами в спинном плавнике, другая — рыбка-скорпион с большими хвостовым и спинным плавниками. Первую арабы называют рыба-курица, а вторую, более ярко окрашенную и более ядовитую, — рыба-петух. Когда вся хорошая рыба выбрана, сеть раскидывают на берегу, и женщины, которые работают наравне с мужчинами, вновь проверяют ее, выбрасывая траву и водоросли. Десятки больших чаек с громкими криками слетаются к берегу и пожирают оставшуюся мелкую рыбешку.

В один из своих приездов в Имран нам довелось выйти в море с местными рыбаками.

В стороне от поселка, в небольшой, защищенной скалистым мысом лагуне, называемой Маака, на берег вытасчено несколько лодок с подвесными моторами. В воде стоят другие лодки больших размеров, с дизельными стационарными двигателями. Рыбаки Имрана все большие лодки называют словом «самбука». После немалых усилий сталкиваем лодку с отмели на глубину и наш корм-

чий Саид включает дизельный мотор. Его помощник, стоя на носу, «судр», втаскивает на борт якорь, «барруси», с пятью концами, именуемыми «аснан», т. е. «зубы». Самбука выходит в море и, переваливаясь с борта на борт, идет к острову Джахаб. Саид стоит на корме, называемой «хугр», вцепившись руками в «кяна», палку, вставленную в балку руля. Съемный руль, «суккян», крепится на двух засовах и для прочности привязывается еще веревкой: при большом волнении металлические штыри могут выскочить из гнезд.

Помощник Саида, молодой парень с большими глазами, укладывает сеть, — чтобы не порвали пассажиры, — убирает весла, «сиб» (это слово они произносят с окончанием «п»), помогает готовить крючки, «джульб», и лески, «ватар». При ловле удочкой лучшей наживкой, которую здесь называют одним словом «санг», считается «бенгис», маленькие кальмары. Твердое белое мясо бенгис, — видимо, лакомство для всех хищных рыб, обитающих в прибрежных водах. Исключение составляют небольшие светлые рыбки «куртыя» с полосатой окраской, напоминающие матросскую тельняшку. Наживкой служит также мясо рыбы-иглы и рыбы, похожей на нашу скумбрию и называемой здесь «бага». Иногда местные рыбаки насаживают мелких крабов, красных червей, извлекаемых из-под камней на песчаном берегу, или креветок.

Через полчаса мы оказываемся у острова и медленно входим под своды естественной пещеры. Вода прозрачна, и видно, как заброшенная снасть медленно опускается в воду. Утром рыба клюет хорошо, и скоро на дне ведра трепыхаются рыбы всех цветов и оттенков. Лучшее всего ловятся каменные окуни, называемые «кушар». У них множество окрасок. Вот небольшая темно-коричневая рыбка с голубыми точками по всему телу и мохнатыми плавниками, напоминающими птичье оперение. Кстати, рыбаки так и называют плавники «риша», т. е. «перо». А вот рыбки красноватого цвета в полоску, похожие на наших окуней, но более яркой и сочной окраски. Здесь и желтые рыбки с голубыми волнистыми линиями вдоль тела. Все эти рыбки могут уместиться на ладони. На соседней лодке рыбаки одну за другой вытаскивали больших красных рыб, которых местные жители называют «абу джамлия», т. е. «красавец». Часто попадают не-

большие рыбы скромной расцветки, «джахш», похожие на наших плотвичек, головастые желтые «хубейра», рыба-попугай, которую тут же отцепляют от крючка и выбрасывают за борт: она несъедобна.

К полудню клев прекращается, и мы возвращаемся к берегу. Среди вулканических скал, подходящих к берегу, расположены небольшие живописные бухты. Бирюзовые волны, разбиваясь о темные базальтовые скалы, выбивают в них небольшие бассейны, которые заселяют рыбки, мелкие крабы и раки-отшельники с разноцветными ракушками-домиками. Здесь много морских змей, и не раз беспокойные рыбаки, не упускающие случая забросить снасть в любом месте, вытаскивали вместо рыбы ядовитую серо-зеленую «ленту».

У одной из скал находится могила мусульманского шейха Абу аль-Уда, похороненного здесь, по словам местных жителей, лет пятьдесят назад. В сером зацементированном надгробии с подветренной стороны сделаны три неглубокие ниши для курения благовоний. В одну из них положены глиняная, похожая на бокал курильница для ладана, несколько привезенных из Индии черных палочек для курения и свечки.

Время приближается к вечеру, и мы собираемся домой. Сейчас прилив, и нужно спешить, иначе вода зальет плотный песок и придется либо выбираться в пустыню, либо ехать по глубокой воде, рискуя залить мотор. Но мы удачно преодолеваем опасный отрезок пути и выскакиваем на асфальтовую дорогу. Миновав старые английские казармы и мрачную долину Безмолвия, где находится кладбище английских солдат, погибших на каменистой земле Южной Аравии, выезжаем к Бурейке и берем курс на Аден.

В долине средневековых небоскребов

Маленький самолет южнойеменской авиакомпании, вынырнув из-за горы, резко пошел на посадку. С высоты видна небольшая, расчищенная бульдозерами посадочная площадка аэродрома Эль-Гураф, куда прибывают все самолеты, следующие в Хадрамаут. Посадочная площадка расположена между высокими осыпавшимися берегами древней реки. Через несколько минут самолет

подруливает к единственному двухэтажному зданию, где размещаются и аэровокзал, и контора авиакомпании, и охрана аэродрома.

Это первый мой приезд в Хадрамаут, и я суетливо озираюсь по сторонам, стараясь охватить вниманием все и вся — и пассажиров, и встречающих их родственников, и праздную публику, приехавшую сюда к прилету самолета. Сейчас февраль — первый весенний месяц. Зимние холода позади, и теплое утреннее солнце, находящееся к десяти утра в зените, заливает ярким светом пеструю толпу за проволочным ограждением и разноцветные машины, готовые принять пассажиров в Сейюн (Сайвун), Терим (Тарим) и Шибам. Температура около 25 градусов по Цельсию, воздух сух. На солнце очень припекает, и пассажиры стремятся встать в тень крыла самолета или побыстрее оформить багаж, чтобы выбраться с аэродромного поля.

Путешествие на самолете может позволить себе либо человек с достатком, либо чиновник, которому правительство оплачивает служебные поездки. Как оказалось, один из моих попутчиков, богатый торговец из Кении, едет домой в Шибам, где намерен провести свой отпуск. Узнав о моем интересе к Хадрамауту, он пригласил меня к себе в гости, обещая показать настоящий хадрамаутский небоскреб.

В город Сейюн, где находится единственная гостиница, я еду в компании двух йеменцев. Шофер, молодой парень, сидящий как-то боком, видимо, потому что на первом сидении легковой автомашины здесь обычно размещаются два пассажира, быстро ведет автомобиль по хорошей, мощенной камнем дороге. По обочинам дороги попадаются небольшие строения с куполом, называемым «сикая». Разбогатевшие за границей хадрамаутцы соорудили их для путников, которые во время долгих пеших переходов черпали кружками воду из стоящих в сикая больших глиняных кувшинов и отдыхали в тени куполов часовен. В настоящее время самый последний бедняк предпочитает заплатить один-два шиллинга, чтобы проехать из одного города в другой на автомашине, чем идти целый день пешком. Поэтому большинство сикая запущены: штукатурка облупилась, побеленные известью снежно-белые купола потрескались, а ступеньки, ведущие к кувшину с водой, разрушились. Сейчас уже никто

не строит сикая, хотя хадрамаутцы продолжают выезжать за границу и многие из них живут в достатке. Какой смысл создавать эти сооружения или, как говорят здесь, «садака», т. е. давать милостыню другому, когда большие расстояния теперь можно быстро преодолевать на автомашине?!

Действующие сикая стоят, как правило, у колодцев. Подпочвенные воды находятся здесь на глубине 20—30 метров, поэтому колодцы роют вручную. Сейчас у каждого колодца тарыхтит дизельный движок, вращающий через ременный привод насос. А всего несколько лет назад специальное оросительное сооружение для подъема воды, «сенава», служило основным способом орошения в Хадрамауте. Найти действующую сенаву сегодня так же трудно, как увидеть телегу в городе, полном автомашин. Но вот на обочине мелькнул колодец, и мои спутники соглашаются задержаться на несколько минут, чтобы дать мне возможность осмотреть его. Это сооружение делается следующим образом.

На конец длинной веревки, «сыра», перекинутой через колесо, «аиля», или «аджила», прикрепляется мешок, сшитый из нескольких козлиных шкур. Для извлечения из колодца большого мешка, «гарба», как правило, используют осла или верблюда. Небольшой мешок, «дельв», в состоянии достать и один человек. Но вытянутый мешок еще нужно перевернуть, причем сделать это следует именно тогда, когда он находится далеко от колодца, в другом конце наклонной канавы. Для этого служит специальная веревка, «мушик», с расщепленной пальмовой веткой на конце, называемой «лякба». Как только мешок, наполненный водой, появляется над колодцем, водонос тянет за мушик и мешок опрокидывается в бассейн, откуда вода растекается по канавкам. Вережки, как правило, делают из волокон ствола пальмы, называемых «лиф», или из вымоченных и разбитых пальмовых веток, «сафа». Пальмовые веревки, изготовляемые из веток, называются «махи». Они довольно прочны, хотя и несколько толще обычных, продаваемых на рынке пеньковых канатов. Петля, в которую впрягался осел или человек, для того чтобы вытащить кожаный мешок с водой, называется «матла» или «марбата».

С процессом подъема воды с помощью сенавы в Хадрамауте связано много интересных народных обычаев.

Как правило, воду из колодца достает мужчина, который, чтобы скрасить свой однообразный труд, поет песни, а женщины и девушки, сидящие по краям вырытого углубления, где мужчина работает, вторят ему. В месяц мусульманского поста рамадан, особенно если он приходится на летний период, это углубление заполняется водой из колодца, превращаясь в своеобразный бассейн и место для игр и развлечений.

Водоносы в Хадрамауте считаются самыми хорошими песенниками. Когда мешок поднимается вверх, мелодия полна страсти и огня, а когда водонос возвращается к колодцу, песня звучит спокойнее и мягче. Вот одна из них:

Богатство! Богатство!
Перед собой в вади я вижу господина.
Он едет мимо меня на лихом скакуне.
Это мой господин.
Мой господин — богатый человек.
Он богат и могуч,
Но богатые станут бедными,
Ибо и богатые люди когда-либо умрут.
Их богатство тоже умрет.
Богатый человек иногда обвешивает
Бедняка, немножко обвешивает.
Но лишь тогда, когда он откажется
От своего богатства и раздаст его беднякам,
Он сможет попасть на небо к Аллаху.

Рост цен на продукты сельскохозяйственного производства в Хадрамауте в последние годы в связи с введением механических насосов и их постоянным удорожанием дает повод религиозным деятелям выступать против модернизации оросительной системы, за сохранение остальных и трудоемких методов орошения. «Сенава барака Алла Аляйха» — «Сенава благословенна Аллахом», — так говорят старики, вспоминая о том, что в годы их юности за козленка платили всего пять «огну нус», или «нус огну», а сейчас приходится платить в 15—20 раз дороже.

Такая денежная система существовала в Хадрамауте до 1967 года. Самой крупной денежной единицей был талер Марии Терезии, называвшийся «карш». Затем шла монета в полталера (огну нус), далее — четверть талера (нус огну), потом — «сугейра» и «умм ситта», составлявшие соответственно одну восьмую и одну двенадцатую талера. Огну — то же, что унция, равная 27 граммам.

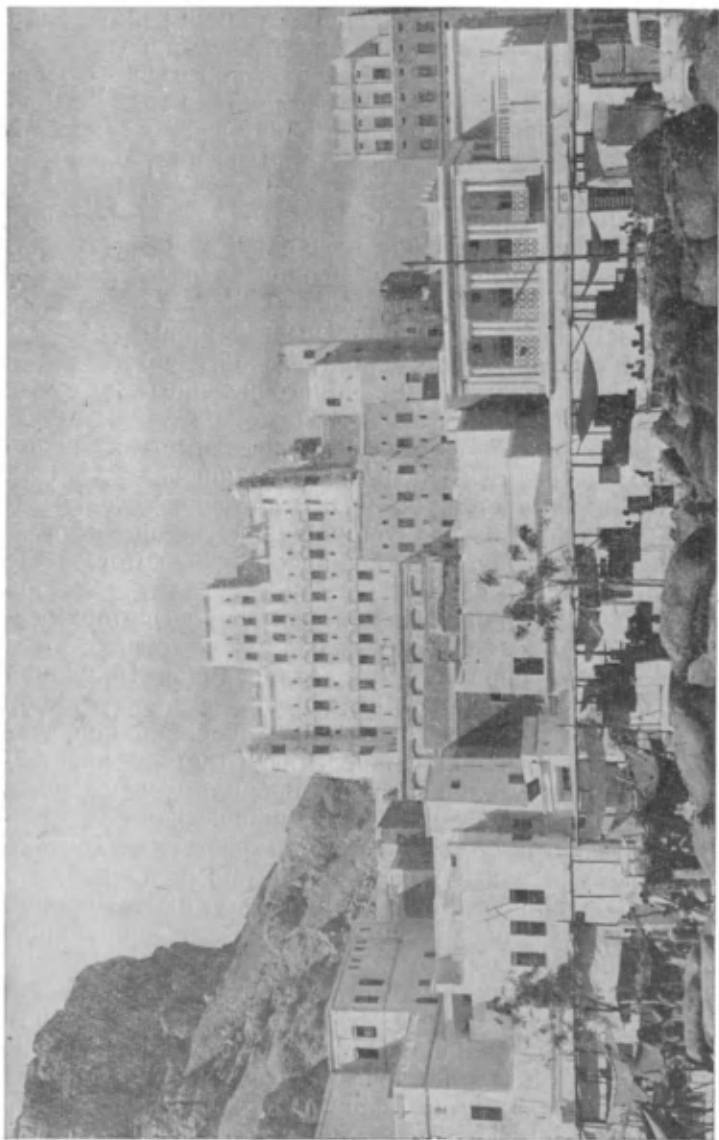
Слева от дороги, прижавшись к серой горе, белеет небольшой купол мавзолея сейида Ахмеда ибн Иса, первого переселенца из Басры. Спасаясь от преследования аббасидских халифов, он нашел убежище в Хадрамауте, где прославился своими проповедями. От мавзолея ведет лестница к четырехугольному зданию мечети, где в пятиницу паломники творят молитву. Ближе к Сейюну, на левой же стороне дороги, среди пальм белеет купол мавзолея мусульманской святой ситт (госпожи) Султаны. Это место называется Хота-Султана. В начале зимы его посещают девушки и их матери. С трех часов после полуночи до рассвета они молятся перед мавзолеем, курят благовония и жертвуют несколько монет и безделушек ситт Султане, которая, по-видимому, «содействует» их семейному счастью.

Вдоль дороги мелькают рощи финиковых пальм, зеленые квадраты клевера, созревающие поля пшеницы, ржи и ячменя. Странно видеть почти русскую картину: среди поля стоит чучело — набитая соломой старая рубашка, чтобы отпугивать нахальных воробьев и жирных голубей, лениво взлетающих перед автомашиной. Иногда на созревающей ниве можно увидеть женщин и ребятшек, которые, издавая пронзительные крики, ловко мечут пращей камни в стаи голубей и воробьев.

Мы переезжаем Вади-Яда и Вади-Тарба, которые «впадают» в долину реки Хадрамаут, минуем деревню Сухейль-эль-Кибли. На всем протяжении пути, то приближаясь к дороге, то отдаляясь от нее, поднимаются обрывистые горные склоны, ограничивающие долину с севера и юга. А кругом пальмы, пальмы, пальмы...

Еще несколько километров по тряской дороге — и мы въезжаем в Гарн, пригород Сейюна. Слева поднимается внушительная гора. У ее подножия — небольшой холм с развалинами крепости, некогда составлявшей единое целое с крепостной стеной. Крепость, называемая Хусн аль-Фаляс, построена в лучших традициях фортификационных сооружений — четыре башни по углам, бойницы и глубокий колодец, откуда солдаты в период долгой обороны черпали теплую солоноватую воду.

Город Сейюн раскинулся у южных склонов хадрамаутского сброса, выхода Вади-Ясма в долину Хадрамаута. Вади-Ясма разделяет город на две части. Собственно городом здесь называется центральная площадь с боль-

Сейюн. Бывший султанский дворец

шим семиэтажным дворцом бывшего султана Касири. Сюда я и направляюсь, окруженный толпой ребятишек и зевак. К появлению европейцев на улице Сейюна почти привыкли. Один палестинец, работающий здесь преподавателем, рассказывал мне, что за полтора года до моего приезда в Сейюн его выход на улицу в сопровождении жены, одетой в европейское платье, вызывал улюлюканье толпы.

После провозглашения в 1967 году независимости султан Ахмед ибн Джаафар бежал в Саудовскую Аравию. Сейчас на первом этаже дворца расположен полицейский участок. Мне разрешают осмотреть дворец, и в сопровождении офицера я поднимаюсь по высоким ступеням к массивной, украшенной резьбой двери, ведущей во внутренние покои дворца. Многочисленные, похожие друг на друга комнаты с окнами без стекол, закрываемыми лишь резными ставнями, побелены известью. На полу валяются разные бумаги, пожелтевшие от солнца и времени. Поднимаю одну из них. В договорном документе сообщается, что на плантации финиковых пальм, принадлежащих султану, работает крестьянин, который «за 3 ратла фиников в неделю или за 12 ратлов в месяц» обязан раз в неделю поливать пальмы, прорывать оросительные каналы, обрабатывать пальмы и охранять их. Другая пожелтевшая бумага, датированная 10 ноября 1944 года, представляет собой договор на аренду земли, принадлежащей мечети: одну треть урожая получает султан, другую — мечеть и последнюю треть — крестьянин. Договор составлен по всем правилам и скреплен сверху подписью султана, а в самом низу документа — жирный отпечаток большого пальца крестьянина. Я подбираю с пола кожаный пояс и патронташ, медную пряжку и несколько документов. Видимо, на этом этаже дворца султана Касири размещался архив или канцелярия.

С крыши дворца видны площадь, где сегодня собрался пятничный рынок, высокий четырехгранный минарет мечети Тахера, полосатый, раскрашенный зелеными и красными полосами минарет мечети ар-Рияда, небольшая мечеть Абд аль-Малика у городского кладбища, купол мавзолея вали Али Хибши, т. е. блаженного, святого человека. Семья сейидов Хибши широко известна в Хадрамауте. Мне рассказывали, что у мавзолея Али Хибши в Сейюне каждый год в месяц хуль, как здесь называ-

ют третий месяц лунного календаря раби аль-авваль, устраиваются религиозные шествия. 12 дней читают Коран, а на 13-й день открывают копилку для пожертвований, «табут», и на извлеченные оттуда медяки покупают благовония, которые курят тут же, у мавзолея.

Прямо около дворца раскинулся живописный восточный рынок. В специально отведенном месте продают дрова, доставленные верблюдами издалека, и черные мешки древесного угля, который служит здесь топливом для приготовления пищи. В небольших лавках, прикрытых пальмовыми циновками, торгуют бытовыми изделиями из дерева, глины и пальмовых листьев. На гвоздиках, вбитых в шест, как виноградные гроздья, развешаны замки, «калуда»; ложки для размешивания теста, «муаса»; ступки, «минхас», из красной обожженной глины, «хамура». Здесь же стоят кувшины с узким горлом для воды: большой — «хазба», поменьше — «яхля». Продаются и большой кувшин, «зир», в котором хранят финики, и керамические сковородки для обжаривания кофе. На земле разложены красные керамические трубы, «мурад». Они изготавливаются из двух половинок, и при необходимости можно сделать либо желоб для вывода воды прямо на улицу, либо закрытую канализационную трубу в стене дома.

На другой площади торгуют зеленью и овощами: помидорами, луком, морковью карминного цвета, бледно-зелеными баклажанами, тыквой. Это оптовый рынок, поскольку неподалеку находится крытый овощной ряд, где те же плоды хадрамаутской земли продаются вразвес, а не в мешках и металлических банках из-под керосина. Для зерна отведено специальное место. На рынке нет весов, поэтому здесь широко применяют мерки. Банка помидоров — пять шиллингов, мешок лука — пять динаров, мера ржи, называемая «мусра», — деревянный горшок, окантованный металлическими полосами, — один шиллинг*.

Зеленые листья пальмы служат сырьем для всевозможных плетеных изделий. Этим занимаются женщины, и они же продают свои изделия на пятничном рынке в Сейюне. Здесь можно найти остроконечные шляпы для работы в поле, блюда разных размеров и назначений.

---

* Один динар НДРЙ равен 20 шиллингам.

На рынке Сейюна

Так, на небольшое блюдо, «гата», складывают обжаренный кофе и пускают блюдо по кругу гостей для опробования; «гуффа», блюдо побольше, которое плетется размером в тонкую лепешку, служит для хранения хлеба. Арабы едят на земле и для этого стелют на землю «скатерть» из пальмовых листьев, похожую на блюдо с немного загнутыми внутрь краями. Такая большая скатерть называется «тифаль», а средняя — «масрафа». Из листьев пальмы делают «мирваху», небольшой веер, служащий для раздувания углей в очагах.

Все изделия из пальмовых листьев не окрашиваются и имеют естественный желто-зеленый цвет привядшей травы. Лишь в центре «скатерти» или по краям мирвахи женщины Хадрамаута пропускают одну-две полоски фиолетового или темно-зеленого цвета. Это те же листья пальмы, но окрашенные натуральной краской. Я видел, как женщины, возвращаясь домой с рынка, несут пучки разноцветных полосок из листьев пальмы: зеленые листья они наберут с любой пальмы, а цветные полоски для орнамента следует приобрести на рынке.

Продолжая ходить по рыночной площади, я попадаю

туда, где продают скот. Сомалийские овцы с черными головами сбились в кучу. Их называют «бербери», так как они доставлены из порта Бербера. Местные овцы, маленькие и худые, значительно уступают сомалийским в весе и упитанности. Зато местные козы очень хороши. Я вижу, как один крестьянин, схватив козу за задние ноги, показывает стоящему покупателю вымя. Коза безропотно все сносит, а маленький козленок упоенно сосет ухо своего брата. Козленок-сосунок стоит один динар, а коза или овца — пять-шесть динаров.

Продавцов на рынке больше, чем покупателей, и бедуины располагаются здесь со своим скотом основательно. Один из них упоенно жует табак. Этот мелкий светло-желтый табак, а точнее, кусочки табачных листьев, хадрамаутцы тщательно толкут в ступке, добавляют туда пепел от сгоревшей пальмовой древесины и, тщательно перемешав всю смесь, носят с собой в небольших металлических коробочках. Высыпав на правую ладонь немного табака и постучав пальцем по ладони, чтобы серая пудра собралась в центре, хадрамаутец ловко заправляет его под нижнюю губу. Другой бедуин с упоением курит кальян. Он называется здесь «рушьба» и не похож на виденные мной в Северном Йемене, Ираке или Египте роскошные металлические наргиле с длинными красными трубками и деревянными мундштуками. Рушьба состоит из скорлупы кокосового ореха, в которую вделывают вертикальную трубку, «бусбус», и наклонную трубку с мундштуком, «касба». Бусбус заканчивает керамическая воронка в виде короны, «бури», куда заправляются табак и горячие угли. Кстати, в районах, лежащих южнее Хадрамаута, выращивают лучший на Арабском Востоке табак для кальянов. Здесь живет племя хумум, и табак называется «хумми» или «хумуми». Для удобрения плантаций табака используется гуано, привозимое из Бир-Али, и разложившаяся рыба. Я видел на рынке Сейюна большие красные плети хумуми. Этот табак в больших количествах идет на экспорт.

Я осмотрел и мясной ряд — крытое, довольно чистое помещение с цементными низкими прилавками, на которых среди кусков розового мяса сидят продавцы. Покупателей немного: мясо дорого, особенно сейчас, весной. Большинство продаваемого в Сейюне мяса — козлятина. Однако сейюнская козлятина не отдает специфическим

запахом, она нежна и вкусна, и население явно предпочитает ее баранине. Здесь очень вкусно готовят потроха. Кусочки селезенки, печенки и желудка обматывают кишкой таким образом, что получается небольшая связка. Называется она «маадиф». С потрохами готовят «марак» — суп, который едят, макая в него лепешку. Повар в гостинице Сейюна утверждал, что марак служит, можно сказать, лекарством, видимо, имея в виду, что этот суп, как и у нас крепкий бульон, восстанавливает силы и возвращает бодрость.

Для приготовления лучшего марака один фунт козлятины и один маадиф заливают полутора литрами воды, добавляют три-четыре мелкие луковицы, несколько зубчиков чеснока, черный перец, шибрим (семена кинзы), кардамон и варят на среднем огне под крышкой. Когда марак готов, на дно глубокого блюда кладут серую ржаную лепешку. Она печется без дрожжей, тонкой и сухой. Затем в блюдо наливают марак и едят суп, макая в него кусочки хлеба, который обязательно держат правой, «чистой» рукой. Последними съедаются лежащая внизу лепешка и мясо. Лепешки пекут на внутренней стенке высокого глиняного очага, называемого «танер». В отличие от хадрамаутской, в иракскую лепешку добавляют зеленый лук да делают ее иногда с дрожжами.

Брать все кушанья правой рукой — неперенное правило. Европейцев, которые в средние века пытались проникнуть в мусульманский мир, часто разоблачали именно в тот момент, когда они нарушали этот ритуал. Какой же мусульманин возьмет еду, да еще из общего блюда, левой рукой, той самой, которой он подмывается после посещения туалетной комнаты! Сегодня мусульмане стали более терпимы, и неловкого европейца, слизившего за куском мяса левой рукой, они будут презирать в душе и не пригласят к общему столу, как неряху и грязнулю.

В хадрамаутских семьях даже среднего достатка мясо употребляют лишь раз в неделю. Приготовление марака по способу, описанному выше, делается лишь в пятницу или большой праздник, причем один фунт мяса и одна порция маадифа, как правило, покупаются на довольно многочисленную семью. В повседневной жизни хадрамаутцы едят сушеное соленое акулье мясо, «лухум», или сушеное мясо тунцовых рыб, привозимых из Мукал-

лы или даже Сомали. Большинство предпочитают акулье мясо, потому что, во-первых, оно дешевле, а во-вторых, считается «горячим мясом», т. е. возвращающим бодрость и стимулирующим работоспособность.

Ряд крытого рынка, где продают акулье мясо, чувствуете издалека по резкому запаху. Акул без головы и плавников распластывают на обрубке пальмового ствола. Рядом с продавцами лухума торгуют крупные оптовики, принимающие рыбу из Мукаллы и доставляющие ее в другие города и деревни. Грузчики деловито снуют от автомашин к складам, перетаскивая на плече, как бревна, несколько привядшие пахучие туши грозных акул. Местные жители варят акулье мясо так же, как баранину или козлятину, и едят его с рисом. Причем лухум употребляют в пищу не только городские жители, но и бедуины отдаленных районов: присоленное мясо акулы хорошо сохраняется даже в условиях 40-градусной жары.

Мясо тунцов считается изысканной пищей и стоит дороже, чем лухум. На побережье Мукаллы тунца солят крупной солью целиком, и затем он вялится на солнце до тех пор, пока не становится твердым как камень. Хадрамаутцы считают, что способ приготовления тунцового мяса в Сомали лучше. Сомалийцы разделявают свежего тунца и погружают его на несколько дней в рассол, а затем уже вялят.

В Сейюне туристы редкие гости, и поэтому здесь нет специализированных магазинов или лавок, где можно приобрести какое-нибудь старинное изделие. Однако в ювелирных лавках можно купить старые монеты из рассыпавшихся монист или старинные джамбии с серебряными ножами. В лавке старьевщика вы найдете тяжелые медные браслеты, от которых теперь, преодолевая груз традиций, уже начинают отказываться бедуинки и крестьянки, старое кремневое ружье, турецкую саблю и металлический замок. В лавках Сейюна можно приобрести старые тульские самовары, но здесь они не антикварные изделия, а предметы первой необходимости. Ведерный самовар тульских заводов Баташова стоит здесь 20 динаров — сумма очень большая для простого человека. Поэтому в Сейюне из жестяных банок из-под керосина изготавливают местные самовары, называемые бухур. Это фактически простой кофейник, в середину которого вставляется трубка, куда насыпают горящие угли. Воз-

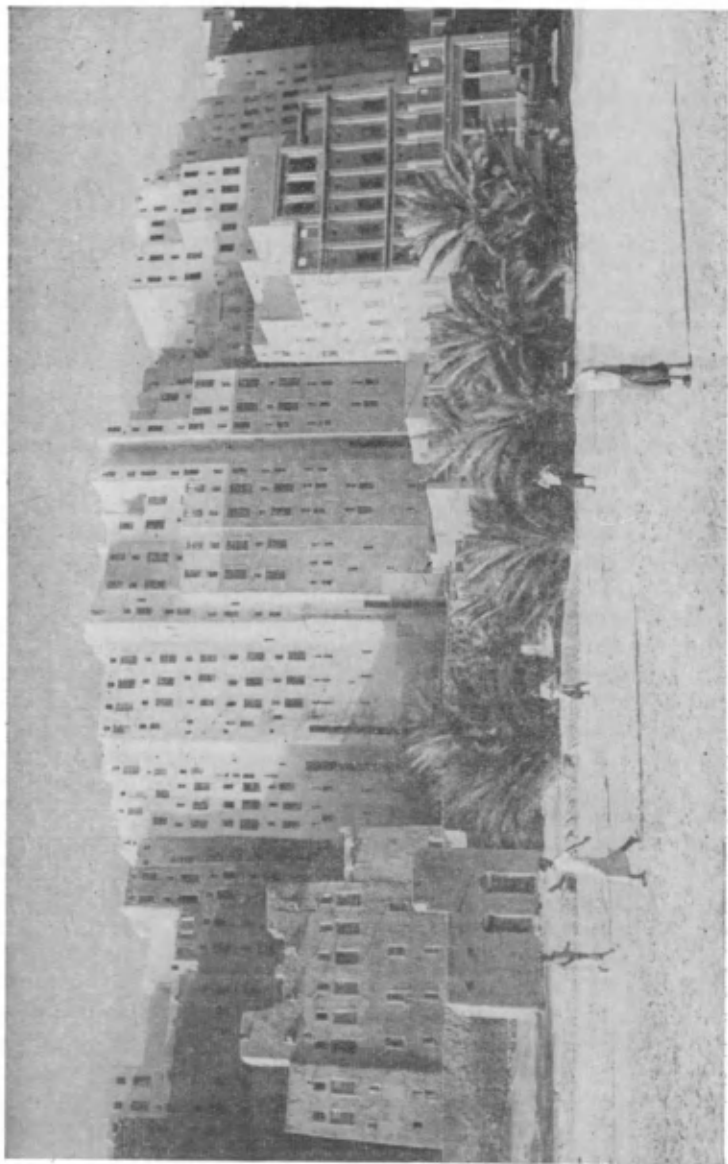

дух поступает через небольшое нижнее отверстие трубки, и угли ярко горят в этом нехитром изделии хадрамаутских ремесленников.

Во время последнего визита в Сейюн местный торговец Али аль-Машхур открыл антикварную лавку, где можно купить все перечисленные выше предметы, а также монеты, завезенные из-за границы или местной хадрамаутской чеканки. Первые дают ясное представление о расселении южноафриканских эмигрантов. Я купил у Али аль-Машхура медные монеты, чеканенные более ста лет назад эмиром Хусейном ибн Сахлем в городе Териме. На монете изображены две скрещенные стрелы и весы, а под ними сделана надпись — «адль» («справедливость»). Интересна монета Салеха ибн Гайдата, правителя Эль-Гуфры, небольшого городка между Сейюном и Шибамом, относящаяся к началу XX века. Семья сейидов аль-Каф, родом из Терима, пользовалась большим влиянием в Сейюне, и в начале XX века в Сейюне шейх аль-Каф выбил серебряные монеты достоинством умм ситта, в $\frac{1}{12}$ риала. Эти маленькие монетки, на обрамлении которых изображены пальмовые ветви, очень изящны, и женщины предпочитают именно из них делать звонкие монисто. В этой же лавке я приобрел редкую монету из Сингапура чеканки 1663 года, монеты из Сомали, Восточной Африки, т. е. из тех мест, где издавна проживают предприимчивые хадрамаутские купцы, а также монету Салеха Накиба, чеканенную в Мукалле сто лет назад, и монету Фейсала ибн Турки, султана Маската и Омана, относящуюся к началу XX века.

...Мы едем в город Шибам, хадрамаутский Манхаттан, известный своими глиняными небоскребами. Сразу за чертой города, фактически сливаясь с ним, раскинулась деревня Сухейль-эш-Шаркий. Мощенная камнем дорога петляет между деревьями и небольшими городками, застроенными однообразными двух- и трехэтажными домами. Сразу за пригородом проезжаем город Тарис с развалившимся феодальным замком, расположенным у подножия горы, и белоснежным куполом мавзолея шейха Абд ар-Рахмана, местного вали (святого). Далее идет деревня Марак-эль-Ас, затем Эль-Гурфа, центр одного из владений племени яфи в прошлом веке.

Все дома прячутся за высокими заборами. Огороды и пальмовые рощи вынесены за ограду. Куда ни бросишь

Небоскребы Шибамы

взгляд, всюду пальмы, пальмы, пальмы. Вся долина Хадрамаута, как в рамке, обрамленная отрогами гор, кажется большой плантацией, где растет около миллиона пальмовых деревьев.

Начало возделывания финиковой пальмы восходит ко временам глубокой древности. С Аравийского полуострова, родины пальмы, она распространилась в древнем Междуречье, попала в Египет и другие страны, став священным деревом у многих народов Ближнего Востока. Финики на арабском языке называются «таммур», а на иврите — «тамар». Происхождение распространенного у нас имени Тамара связано с этим общим семитским корнем. Для оседлого и кочевого населения пальма служила божеством. Один древний арабский поэт, рассказывая о поклонении пальме, писал, что члены племени тамим после религиозных торжеств, устраиваемых в капище перед идолом, съедали его: он был сделан из фиников.

В Хадрамауте насчитывают 12 сортов пальмы. Лучшим считается «мадини», саженцы которого были доставлены из Медины, затем следует сорт «зуджадж» с желтыми большими финиками, далее — «багаль», тоже с желтыми, но более мелкими плодами, и местный сорт «сокотри» с маленькими красными плодами. Сейчас весна, и я вижу, как местные жители ухаживают за пальмой. Быстро взбираясь по корявому стволу пальмы на верхушку, крестьянин осматривает крону, называемую «саф». и, главное, сердцевину кроны, «муклум», откуда появляются тугие стрелки женских соцветий, «хил», или мужские цветы, «фухта». После опыления на женских соцветиях появляются плоды, и в августе их можно собирать. В зависимости от урожая, сорта и условий гроздь может весить до восьми килограммов. На хорошей пальме бывают до десяти-двенадцати таких гроздей, т. е. иное дерево может принести до ста килограммов фиников.

В Хадрамауте крестьяне практически используют все, что можно получить от пальмы. Собранные осенью финики они очищают от косточек, тщательно перемешивают их в однородную массу и заполняют ею большие глиняные кувшины для хранения впрок. Бедуины набивают финиками козий бурдюк и берут его с собой, как неприкосновенный запас. Крестьяне толкут косточки в ступе и скармливают скоту. Как уже упоминалось, из волокон ствола пальмы делают веревки, из пальмовых веток пос-

ле соответствующей обработки также скручивают веревки. Сучки, остающиеся после обрубки веток, служат топливом. Что касается самих листьев пальмы, то, как говорилось выше, они идут на изготовление циновок, предметов домашнего обихода, на топливо. Даже исчисление меры площади в Хадрамауте связано с пальмой. Большая длинная ветка пальмы с листьями, называемая «джарида», равняется в среднем трем метрам. Одна джарида в длину и одна джарида в ширину дают меру площади — «матыра».

Поэтому стоит ли удивляться тому, как хадрамаутский крестьянин с зари до зари кропотливо трудится в своей пальмовой роще, любовно ухаживая за крошечными пальмами, ласково называемыми «карраба», ежедневно обрабатывая землю у двух- и трехлетних деревьев, «макля», и взбираясь по сучкам на взрослую пальму, чтобы очистить ее крону и осторожно удалить «хашаф», обломанные ветром или птицами веточки с еще не созревшими финиками.

Дорога шуршит под колесами автомашины. Мимо мелькают деревни Сук-эль-Махри, Ба-Бекр с большими домами зажиточных шейхов, Беллель, Хота-эль-Гарбия, Хазм. Наконец на горизонте показываются небоскребы Шибама. Шибам, входивший в состав владений султана Каити, был окружен землями султана Касири. В те времена, чтобы из Сейюна попасть в Шибам, следовало преодолеть несколько таможенных кордонов.

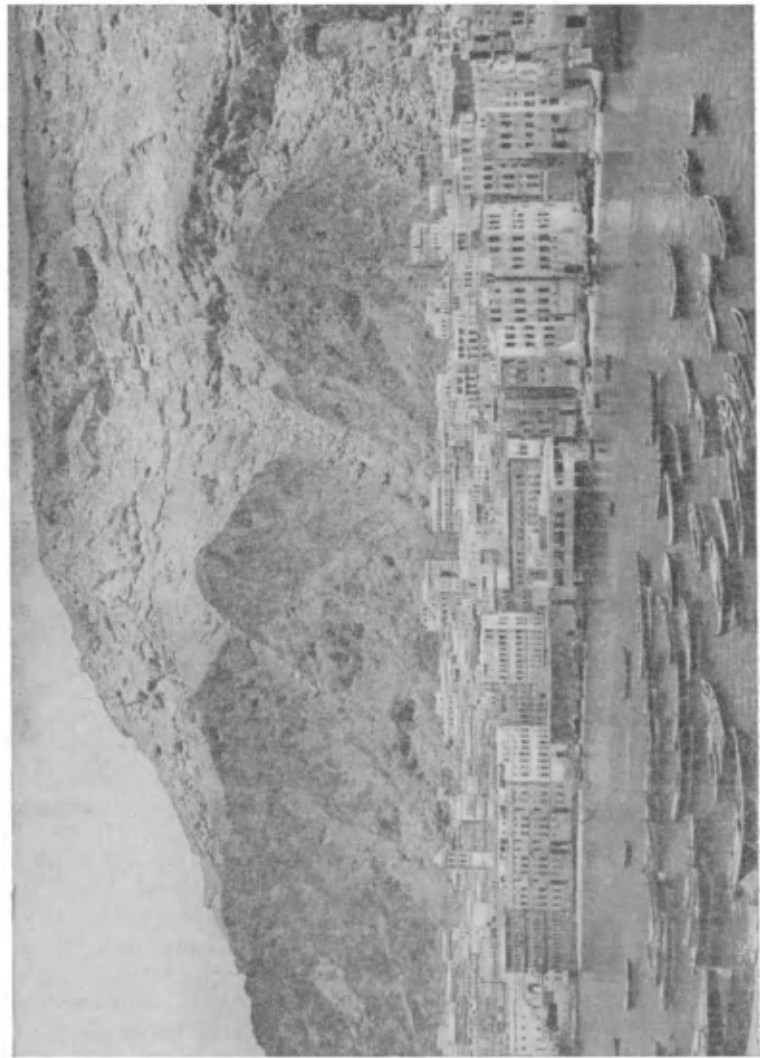
Шибам представляет собой своеобразный памятник архитектуры. Поражает то, что он возник на самом юге Аравии, где непосвященный человек предполагает найти только бесплодную пустыню и суровые горы. Поэтому можно понять чувство человека, впервые увидевшего 12-этажные небоскребы в Хадрамауте, построенные народом, который в основном все еще находится на средневековом уровне развития. Если добавить, что эти дома сооружаются из глины, станет ясно, что строители должны обладать большим мастерством и искусством. Шибам издревле играет важную роль в торговле Хадрамаута, и недаром местное население называет его «глазом и хребтом» Хадрамаута. Дома Шибама поднимаются из песка, образуя гигантскую квадратную глыбу. Фасады десятков домов сливаются в одну монолитную стену. На протяжении веков эта область была ареной кровавых

схваток, и жители городов спасались от опустошительных набегов кочевников в своих небоскребах. Проникнуть в город можно только через одни ворота, которые закрываются с наступлением сумерек.

Мы поднимаемся по крутому холму вверх, к воротам, ведущим в Шибам. Сразу за входом, направо, стоит султанский дворец, в котором сейчас расположились представители народной власти. Мы ходим по пустым комнатам запущенного дворца, любуемся резными решетками, массивными дверями. Глава местной администрации, именуемый здесь «маамуром», умещается со своим многочисленным штатом в двух-трех комнатах. А остальные пустуют, покрываются пылью и разрушаются под немолчим воздействием времени.

Выйдя из дворца, мы решили побродить по узким улицам-коридорам Шибама. Нас сопровождает шумная толпа местных ребяташек. Посередине улиц, в канавах, собираются нечистоты: здесь нет закрытой канализации, как в Сейюне. Над головой висят деревянные клетки, в которых женщины разводят цыплят. Особенно красивы узоры на дверях домов. Среди элементов обычного геометрического и цветочного орнаментов часто встречается шестиконечная звезда. Уже на обратном пути мы узнали, что Шибам в народе иногда называют Тель-Авивом, потому что здесь, по преданию, еще до ислама жили люди, исповедовавшие иудейскую религию, причем некоторые жители города и в настоящее время тайно выполняют некоторые предписываемые ею обряды. Кто эти люди — евреи ли, пришедшие сюда из Ханаана во время первого исхода, или арабы, принявшие иудаизм накануне триумфального взлета учения пророка Мухаммеда, — неизвестно. Но кем бы они ни были, им, видимо, удалось сохранить некоторые воспоминания о своей прежней вере, символы которой вольно или невольно находят отражение в предметах их труда.

Рядом с мечетью, построенной на средства семьи богатого купца Баабеда, поднимается восьмизэтажный дом. Мы переступаем его порог и через крепкую, искусно сделанную дверь попадаем в вестибюль, откуда лестница с земляными высокими ступенями ведет в «маджлис», помещение для приема гостей. Как правило, оно с балконом или же хорошо вентилируется через окна, прямо перед которыми устраивается место, куда усаживают по-

Порт Мукалла

четных гостей. Иногда это помещение, по обычаю аденцев, называют «мирвах», т. е. «хорошо проветриваемая комната». Рядом с гостиной находятся кухня и туалетная комната. Кухня представляет собой небольшое помещение с возвышением для очага, а туалет — комнату с цементным полом, большими глиняными кувшинами воды и водостоком, выходящим наружу деревянным желобом. Отбросы, как и помои, выкидываются прямо на улицу, в канаву. Остальные комнаты небоскреба похожи друг на друга: белые стены с многочисленными нишами, закрытыми резными деревянными дверцами, цементированные полы, окна без стекол, но закрытые снаружи двустворчатыми деревянными ставнями с мастерски сделанной резьбой.

Ремесленники Хадрамаута известны в Аравии как искусные мастера резьбы по дереву, и поэтому нет ничего удивительного в том, что наилучшими образцами своего искусства они украшают свои жилища. Среди орнаментов преобладают арабески: геометрические фигуры, шестиконечные звезды, растения и редко животные, так как пророк Мухаммед запретил изображение живых существ.

В комнатах нет мебели. У состоятельных людей ее заменяют ковры, а у бедных — пальмовые циновки. Иногда в богатых домах сооружается бассейн, куда по трубам из колодца поступает вода. Затем эту воду используют для полива огорода или пальмовой рощи. Важной деталью всех домов служат длинные, долбленные из дерева желоба для сброса сточных вод, чтобы они не размывали стены дома. В хадрамаутском небоскребе на каждом этаже устроено по несколько туалетов, оборудованных такими желобами, и издалека может показаться, что небоскреб ошетинился артиллерийскими орудиями. Когда дом построен, его белят известью, замешанной на цементе, привозят тяжелые из тика двери с богатой резьбой и с замысловатым деревянным запором. Это единственные двери в доме, которые закрывают выход на улицу.

Главное в домах — это двери. Массивные, украшенные кружевом ручной резьбы, они достойны любого дворца, но и в Мукалле, и в других городах Хадрамаута они порой украшают глинобитные скромные дома. Дверь — гордость хозяина дома. Часто с нее начинают строить дом: ставят дверную раму, крепления, навешивают дра-

тоценную дверь и затем уже сооружают стены дома, потолки и все остальное. Красивый вход в жилище — символ гостеприимства. На двери прикрепляют медное кольцо и колотушку, называемую «гурга», сообщающую обитателям дома о чьем-либо приходе. С незапамятных времен хадрамаутцы используют деревянные замки, калуста, и некоторые арабы утверждают, что такая форма была навязана им португальцами несколько веков назад. Рядом с замком делается так же, как дверь, богато украшенное квадратное или круглое оконце со ставенькой. Оно называется «майяр». Через него просовывают руку, чтобы открыть внутренний засов. Деревянный ключ похож на зубную щетку с палочками вместо щетины, расположенными в строго определенном порядке. Ключ вставляется в щель, скрытую в одном из дверных украшений. Палочки ключа попадают в соответствующие отверстия и поднимают штифты, после чего засов можно отодвинуть. Первый раз разгадать секрет запора почти невозможно: слишком все это устройство не похоже на общепринятые замки и ключи. На одном ключе мы насчитали 16 зубьев, расположенных в замысловатом порядке, что свидетельствовало о сложности замка. Подобрать ключ к такому замку практически невозможно, и поэтому в случае его утери лучше сменить замок.

Основным строительным материалом для небоскреба служит обыкновенная земля, «либн», которую перемешивают с соломой «тибль», собираемой на току после обмолота пшеницы. Полученную смесь раскладывают на ровной площадке в виде большого каравая, который затем «нарезают» доской или специальной формой на равные прямоугольные кирпичи. Такие кирпичи размером 30×20×10 сантиметров оставляют на солнце на две недели, после чего их складывают штабелями около выбранного для строительства места. Когда кирпичей заготовлено достаточно, вырывают яму для фундамента. Высокий дом должен иметь прочный фундамент, поэтому его делают из крупных камней, скрепляемых чистой глиной и укладываемых на несколько метров вглубь. Для трехэтажного дома, например, достаточно углубить фундамент на полтора метра, причем примерно на полметра каменный фундамент выводится на поверхность. Толщина стены может быть разной. Так, стены первого этажа

трехэтажного дома имеют толщину около 50 сантиметров. Кверху толщина стен постепенно уменьшается, примерно на 10—15 сантиметров на этаж. Поэтому выстроенный дом, особенно многоэтажный, похож на высокую, постепенно суживающуюся кверху усеченную пирамиду с утяжеленными основаниями и нижними этажами и несколько облегченными верхними.

При строительстве домов из этих кирпичей главное — не спешить. Поэтому мастер, сложив полметра стены и обмазав ее снаружи той же землей, дает ей высохнуть. Через неделю работа возобновляется. Одновременно с внешними стенами, а иногда даже и раньше сооружаются внутренние стены, затем делают перекрытия из дерева, вставляют рамы с резными ставнями. Законченный дом белят известью, получаемой обжигом известняковых камней, а для украшения подсиненной известью проводят размашистые полосы от углов оконных переплетов. Форма оконных рам довольно однообразна и, как правило, состоит из двух частей: верхней, неоткрывающейся арки и нижней, прямоугольной форточки.

Чтобы построить дом, нужно, безусловно, обладать определенным минимумом знаний. Мастеров строительного дела в Хадрамауте уважительно называют инженерами и платят за работу большие деньги. Он сам кладет стены, следит за приготовлением раствора, нарезает кирпичи. Его бригада обычно состоит из семи человек: двое месят ногами землю, двое таскают в специальных тазах жидкую глину, двое в «машадах» (машада — мешок, прикрывающий лоб и ниспадающий на спину, с прикрепленной дощечкой, удерживающей кирпичи) доставляют кирпичи к месту кладки; последний, седьмой, помощник накладывает глину на нужное место и подает кирпичи мастеру. Количество работающих на той или иной операции варьируется. Зимой 1972 года мастер, строивший такой дом в Сейюне, получал за день работы 20 шиллингов; рабочие, доставлявшие глину и кирпичи, — 10, а подмастерье — 8 шиллингов за рабочий день.

В Хадрамауте повсеместно — и в городах, и в небольших деревнях — ведется строительство. Дома, построенные из саманного кирпича, разрушаются под воздействием ветра и редких дождей. В среднем каждые три месяца необходимо осматривать глинобитный небоскреб, заделывать трещины, заменять рассыпавшиеся кирпичи.

Но при хорошем уходе построенные, казалось бы, из столь ненадежного материала дома стоят веками. Подобный метод строительства с применением необожженных кирпичей широко практиковался и в древней Месопотамии, где из этого материала делались и огромные зиккураты, и скромные жилища бедных земледельцев. Во время раскопок 1957 года в палестинской Бейтине (библейский Бетель) археолог Джейм Келсо откопал часть кладки, которая была сделана из упомянутых выше кирпичей тем же способом, который сегодня применяют в Хадрамауте. Развалины сооружения датированы началом X века до новой эры и, по мнению ученых, найденные остатки кирпичей относятся к самым ранним памятникам, свидетельствующим о том, что связи между Хадрамаутом и древним Израилем были довольно активны. Если вы помните, начало X века до новой эры — как раз тот самый период, когда Соломон принимал царицу Савскую.

Состоятельные люди Шибама не остаются на лето в скученном и тесном городе. Многие из них работают в Восточной Африке и на полученные деньги приобретают в окрестностях города небольшие земельные участки, «джирба». Собственно говоря, джирба — это мера площади, но этим словом в повседневной жизни называют любой сад, огород или пальмовую рощу. У моего шибамского знакомого тоже оказалась летняя резиденция и джирба площадью 200 матыра. Сейчас земля дорожает, и этот участок стоит пять тысяч динаров. По сложившимся нормам хозяин земли забирает половину урожая фиников, а остальные получает арендатор, который также имеет право выращивать среди пальм овощи, перец, зерновые культуры. Хозяин берет на себя устройство колодца с насосом, поскольку, как считают в Хадрамауте, владение участком земли, пусть он даже в убыток хозяину, служит символом благосостояния и мерилom уважения к человеку.

...Наша прогулка по Шибаму заканчивается. Мы минуем небольшой рынок, раскинувшийся у стен мечети аббасидского правителя Харун ар-Рашида, которую построил здесь ретивый наместник этого знаменитого халифа, затем бывший дворец султана Каити и выходим к городским воротам в сопровождении огромной толпы детей, в том числе и подростков, бросивших ради редкого в этих местах визита европейца свою любимую игру

«заггас». В нее играют крупными костями от четок. И только сейчас замечаю, что все девочки в Шибаме с открытыми лицами, без традиционного черного одеяния. Что это — пренебрежение канонами ислама или влияющие иудаизма, о котором мне говорили?

На следующий день мы отправляемся в Терим, «город науки», как его называют в Хадрамауте, потому что здесь построены 360 мечетей. Сперва дорога идет к аэродрому Эль-Гураф. Слева от него находится Вади-Рудуд, где создается государственное хозяйство. На поле работает трактор, вокруг него суетятся люди, и мы решаем запечатлеть эту картину на пленке. Останавливаем автомашину и знакомимся. Через несколько минут беседа принимает оживленный характер. Сотрудник сельскохозяйственного управления Махмуд рассказывает о том, что в настоящее время остро стоят вопросы обеспечения водой Хадрамаута, поскольку уровень подпочвенных вод в связи с введением механических насосов вместо средневековых сенав катастрофически падает. Артезианские скважины, пробуренные на глубину 100—120 метров в скалистой породе, лежащей под аллювиальными почвами Хадрамаута, доказывают наличие водоносного слоя.

— Развитие сельского хозяйства связано с глубоким бурением, — говорит Махмуд.

Около трактора расположились крестьяне. Оказывается, трактор принадлежит одному из них и он работает по просьбе заинтересованных лиц. Участок в 100 матыра вспахивается за 60 шиллингов, т. е. 16 шиллингов платят за час работы. Крестьяне развязывают мешок и на цинкову высыпают семенное зерно. Мешок небольшой, в нем 20 ратлов, или 1 «кахавиль», местная мера, равная северорейемской «фарасиле». Я прислушиваюсь к их разговору. Обсуждается вопрос, сколько посевного зерна нужно для вспаханной джирбы (участка). Один крестьянин утверждает, что достаточно одной «кабдаяд», т. е. одной горсти, другой считает, что здесь не обойтись и «мудейн», т. е. полутора горстями. Вмешивается третий, как выясняется, крестьянин из деревни Хаджар-Сияр, центра среднего района пятой провинции, который говорит, что лучше не рисковать и засеять участок из расчета «саа», т. е. двумя пригоршнями на одну матыру. Мы оставляем крестьян за деловой беседой на тему, которая всегда и везде волнует земледельца.

К нам в машину подсаживается Салех, крестьянин из деревни Хаджар Сияр. Он просит довести его до Терима.

Салех рассказывает, что в его деревне много пальм, а на богарных землях выращивают пшеницу. В Хаджар-Сияре колодцы вырыты на глубину 18 «махдар». Махдар — «раскрытые руки» — весьма распространенная на юге Аравии мера длины, равная примерно двум метрам. На побережье этой мерой, только называемой «ба», измеряют глубину моря, длину корабельного каната и якорной цепи.

— Если два года не бывает дождей, то плохо, — говорит крестьянин. — Приходится тогда спускаться в долину, чтобы не умереть от жажды. Нет, в Саудовскую Аравию наши не выезжают, — отвечает Салех на мой вопрос. — Из всего Хаджар-Сияра там работают, может быть, человек двадцать, не больше. Там плохо к нам относятся: если поймают «без бумаги», сразу сажают в тюрьму.

Я пытаюсь представить себе, где же на карте находится Хаджар-Сияр. С помощью попутчика устанавливаю, что деревня расположена на границе с пустыней Руб-эль-Хали, в нескольких часах езды от Абра. В Южном Йемене после завоевания независимости происходит ломка социальных отношений в деревне, и мне интересно, какие же перемены произошли в этом далеком, затерянном местечке.

— Сейчас у нас хорошо, — говорит Салех. — Каждый год берут в школу пятьдесят детей, открыли медицинский пункт. Раньше один шейх решал все вопросы, а сейчас в деревне — комитет из трех человек, и правильно! Разве может один человек справедливо решить какое-нибудь дело?! — спрашивает и одновременно восклицает он. — Раньше при обращении к определенным лицам я должен был говорить «шейх», «сейид» или «кади». А сейчас все обращаемся к друг другу со словом «ахи» — «мой брат». Дела идут хорошо. Правительство помогает. Но денег маловато, — сокрушается Салех.

Мне любопытно услышать, что же знает этот полуодетый крестьянин в короткой юбке, называемой здесь «сабаия», или «мааваз», из небольшой деревушки, вырванной лишь несколько лет назад из средневековой спячки, о нашей стране.

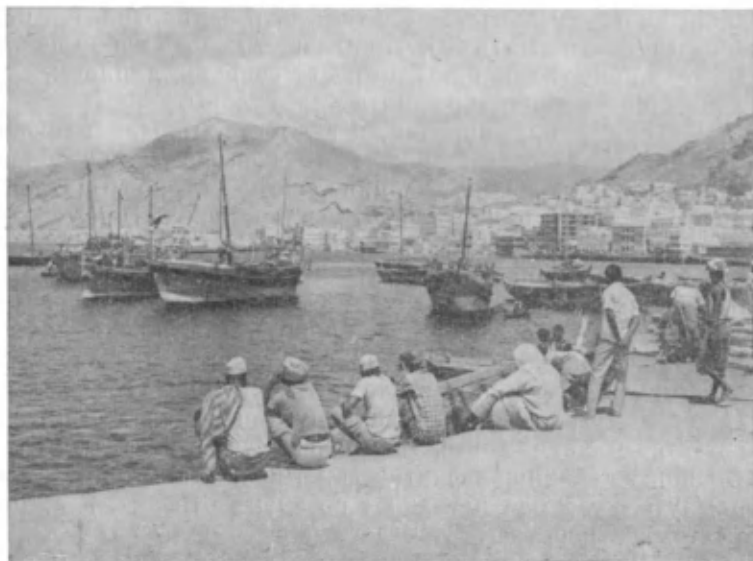
— А как же, — обижается Салех. — Конечно, знаем. Россия — наш друг. Ведь радио слушаем.

Действительно, радио раздвинуло горизонты и ликвидировало границы. И во время своих поездок по Арабскому Востоку я не раз убеждался в том, что многие, часто даже неграмотные люди глухих, заброшенных деревушек и селений знают о Советском Союзе, почерпывая эту информацию из передач по радио.

На обочине дороги поднимаются кусты, называемые «ишар», с мясистыми бледно-зелеными кистями, похожими на листья заячьей капусты. Если надломить лист, из него выделяется белый сок. Этот сок собирают в сосуды и используют для очистки волосяного покрова с козлиных шкур при изготовлении бурдюков. Я вижу эти бурдюки развешанными на пальме... Их обвевает ветерок, и вода в них охлаждается. Мне припоминается, что в восточных районах страны и Дофаре (Зифар) ишар называют еще «баруди», т. е. «пороховой куст». Пепел, остающийся после сжигания этих кустов, содержит много селитры и раньше использовался бедуинами для изготовления пороха. Поистине человеческая фантазия неистощима!

Перед нами постепенно из-за финиковых пальм вырастает город. Это Терим, но путь к нему перегораживает Вади-Тиби. С шумом несется мутный поток. Вчера в горах прошли дожди, и сегодня вода пришла к Териму. Шоферы остановившихся автомашин долго обсуждают, стоит ли пробовать пересечь вади, и наконец одна за другой машины оказываются на другой стороне. Но это еще не все. Вода заполнила главную дорогу, ведущую в город, и поэтому длинная вереница автомашин, петляя между садами, постепенно, кружным путем, подбирается к городу. Сначала мы въезжаем в пригород Терима, Ай-дид, затем минуем огромное по размерам городское кладбище и, проехав по узким, как в Сейюне и Шибаме, лабиринтам улиц, останавливаемся перед бывшим дворцом султана Каити, которому принадлежал город.

Первый визит — представителям местных властей, расположившимся в бывшем султанском дворце. Небольшие ворота охраняются солдатами, но мы входим беспрепятственно. У ворот — старая медная пушка на двух колесах от телеги, а хвост лафета держится на двух маленьких колесиках. На стволе, в том месте, где просвер-

На рейде порта Мукалла

лено отверстие для запала, выбита шестиконечная звезда. Вероятно, пушка была отлита еврейскими ремесленниками в Териме или доставлена сюда издалека.

Терим состоит из нескольких кварталов. В средние века каждый квартал населяли представители только одного племени. Так, в одном из кварталов жили члены племени тамим, одного из крупных аравийских племен.

Терим считается городом науки, потому что здесь, как уже упоминалось, находятся 360 мечетей, в том числе и мечеть Мунзара, построенная семь веков тому назад, а также живут представители влиятельных семей сейидов, например таких, как аль-Каф. Глава этой семьи Абу Бакр аль-Каф владеет домом, который по своему внешнему убранству более богат и величествен, чем дворец султана Қайти. В домах некоторых сейидов хранятся ценнейшие рукописные памятники средневековой истории Хадрамаута и населяющих его племен.

Мы совершаем прогулку по улицам Терима, городскому рынку, рядом ремесленников. Навстречу попадают женщины, закутанные в черное покрывало. Их лица

закрывают таким плотным платком, что им приходится немного приподнимать его, чтобы видеть перед собой дорогу. Большинство из них еще носят сервалы, длинные, суживающиеся книзу и расшитые панталоны.

В Териме, как, впрочем, и в других городах мусульманских стран, влияние ислама сказывается особенно сильно на положении женщин. Кроме обычного затворничества, характерного для мусульманских гаремов, в Хадрамауте считается предосудительным отдавать девочек в школы. Писать и читать их обучают дома. В 1971 году неполную среднюю школу Сейюна посещали восемь девочек, что уже считается крупным достижением. Замужняя женщина духовно больше связана с матерью и своими родственниками, чем с мужем и его семьей. И когда муж уезжает за границу, она не едет с ним, а остается в Хадрамауте. Вот почему хадрамаутцы, работающие за границей, фактически имеют две семьи: в Хадрамауте, куда они наезжают во время отпуска, и в том месте, где работают. Иногда такие семьи «воссоединяются». Я видел в Хадрамауте братьев, один из которых был чистым арабом, а другой с ярко выраженными признаками желтой расы: раскосыми глазами и прямыми черными волосами.

За восточной городской стеной Терима раскинулась большая деревня Даммун, родина доисламского барда Имруль Кейса. Многие его стихи стали народными пословицами и поговорками, которые хорошо знают и любят во всех арабских странах. На горе, нависшей над деревней, расположена полуразрушенная крепость, где ранее размещались солдаты султана Касири. Даммун принадлежала Касири, а стена, отделяющая ее от Терима, именовалась «берлинской».

Сразу за стеной начинаются огороды, поля с пшеницей и пастбища с клевером. Урожаи на поливных землях собирают хорошие, и представители местных властей с удовлетворением говорят, что «Хадрамаут сам себя кормит», хотя и приходится ввозить рыбу и рис. Земля в окрестностях Терима принадлежит сейидам, и во время проведения аграрной реформы власти столкнулись с таким уникальным в аграрном вопросе случаем, когда бедняки отказывались брать землю, «не принадлежащую им по праву». Более того, даже новые освоенные земли, лежащие в нескольких километрах от их деревень, крестья-

не брали неохотно, так как не было хозяина, с которым можно было бы на основе шариаата подписывать контракт об аренде.

На обратном пути из Терима я на каждом шагу замечаю приметы нового. Вот перебежала улицу «открытая» девочка в возрасте невесты, крестьянин, встретившись с сейидом, не бросился целовать ему руку, а лишь немного наклонился в его сторону. Но невидимых примет еще больше. Сейчас уже и мужчины требуют, чтобы девочкам давали хотя бы минимальное образование и не запрещали им общение с внешним миром, поскольку выросшая в полном неведении, она не может быть хорошей женой, что приводит к многочисленным разводам. «Ихриджд барра!» — «Пошла вон!». Такими словами раньше прогоняли жену из дома. Сейчас они слышатся все реже и реже. В Сейюне, Териме и Шибаме создаются школы по ликвидации неграмотности, все больше появляется учительниц из других арабских стран. Все труднее сейидам собрать в мечети вечерами хор мальчиков для религиозных песнопений — ведь одновременно демонстрируются фильмы в единственном в Сейюне кинотеатре. Еще предстоит немало сделать, но Хадрамаут, расположенный на пороге пустыни Руб-эль-Хали, уже просыпается от средневековой спячки, поворачивается лицом к нашему времени, с его радостями, трудностями и проблемами.

На пороге Руб-эль-Хали

Когда смотришь на Хадрамаут с самолета, кажется, что вся опаленная зноем земля покрыта глубокими морщинами. На самом деле это вади — сухие русла рек, которые заполняются водой один раз в несколько лет и всего на несколько часов. Они служат дорогами, по которым можно попасть в глубинные районы страны. По караванным тропам вдоль вади идут верблюды с грузом, доставленным морем в порт Мукаллу, и редкие автомашины. Одной из них воспользовались и мы для очередной поездки из Мукаллы в глубь области Хадрамаут.

Тяжелая вулканическая пыль вылетает из-под колес, как брызги расплавленного свинца. На пути попадаются небольшие оазисы: поля с буровато-рыжей землей раз-

биты на ровные квадратики и засажены зерновыми и финиковой пальмой, единственным плодовым деревом этих мест. Обгоняем караваны верблюдов. Каждый верблюд привязан веревкой, продетой в его ноздри, к хвосту впереди шагающего собрата. Автомашина поднимает тучи пыли, но погонщики безропотно все сносят. Пыль от прошедшего автомобиля не сравнить с песчаными бурями, которые здесь иногда случаются и во время которых солнце превращается в матовый шар, а застигнутые в пустыне люди и животные ложатся на песок, пережидая бурю. Ноздри верблюда похожи на длинные узкие щели, которые могут наглухо смыкаться. Поэтому верблюды легче, чем другие животные, переносят песчаные бури.

Наш автомобиль долго петляет по глубоким вади, и иногда кажется, что мы возвращаемся назад по своему следу. Вокруг поднимаются голые скалы. Их вершины ослепительно блестят на солнце. Счет времени потерян, и наше восприятие притупилось от тряски и постоянного страха, что на одном из ухабов автомашина сломается и нам придется ждать другую, чтобы добраться до ремонтной мастерской.

На протяжении веков древние торговые пути Южной Аравии проходили по Хадрамауту. Бесчисленные караваны верблюдов, груженных шелками и благовониями, оставляли еле заметный след в пустыне, где сильные ветры за одну лишь ночь могут покрыть барханами хорошо утрамбованную дорогу. Но люди снова и снова шли по этому же пути, ориентируясь только по известным им приметам. Суровая природа не помешала развитию этого района.

Предки живущих в Хадрамауте земледельцев создали высокую культуру, которая не стала в свое время достоянием других в силу географической удаленности этого района. Доказательством высокого развития цивилизации в Хадрамауте служат развалины доисторических дворцов и храмов, небоскребов Шибама, Сейюна и Терима. Но в учебниках всемирной истории вы не найдете упоминания о Хадрамауте, и даже арабские авторы опубликовали по его истории всего лишь несколько серьезных работ.

История Хадрамаута связана с развитием торговли, и прежде всего торговли благовониями — миррой и ладаном. И сегодня на базарах Мукаллы и Сейюна среди

мешков с дуррой и древесным углем, горок пеньковой веревки и побуревшей вяленой на солнце рыбы можно найти небольшие кусочки ноздреватой мирры. Купцы древнего порта Кана, лежавшего к западу от Мукаллы, принимали самбуки, приходившие из Сомали с грузом ладана, добавляли мирру, полученную из внутренних районов страны, и снаряжали отсюда караваны в Сирию и Палестину.

Исторические и географические границы Хадрамаута определены следующими точками: на юге и юго-западе — Айн-Ба-Маабуд и Бир-Али, на северо-западе — Мариб, на востоке — местечко Дайут, западнее города Сайхут, на севере Хадрамаут примыкает к пустыне Руб-эль-Хали. В его северо-восточной части поднимаются песчаные дюны. Это послужило причиной того, что область была названа «Вади эль-ахкаф», т. е. «Долина песчаных холмов». Так она называется в Коране и считается родиной народа ад.

Когда эта долина была впервые названа Хадрамаутом, неизвестно. Как считают некоторые арабские ученые, название местности связано с именем одного из правивших здесь химьяритских царей. В Коране приводится имя одного из племенных вождей — Ваиль ибн Хаджар аль-Хадрами, который был послан к пророку Мухаммеду. В этом контексте слово «аль-Хадрами» употребляется в качестве определения, т. е. «хадрамаутский». В доисламские времена в Хадрамауте жили племена, находившиеся под властью древних государств Йемена. Древнейшие цари носили титул «тубба» («покоритель») и, по мнению ученых, имели на это право лишь в том случае, если в их владение входил Хадрамаут.

История Хадрамаута до принятия ислама — это история столкновений между жившими здесь племенами. На побережье, в районе Эш-Шихра, вплоть до Дофара на востоке расположилось племя махара. Его центром был город Эль-Аса, который сегодня, как и вся эта область, называется Эш-Шихром. Как полагают некоторые ученые, махара — по своему происхождению семиты, но не арабы, появившиеся здесь из пустынь Аравии вместе с мусульманскими завоевателями. Язык этого племени, памятники культуры и письменности, открытые в этих районах, указывают на прямую связь махара с населением древнего Сабейского государства.

Другое племя, хадрамаут, населяло восточную и центральную части области. Его центром был нынешний Шибам. Это племя, как и выходцы из бану шубейб, бану харис, бану саба и бану мурра, — химьяритского происхождения. Здесь жили и несколько родов аравийского племени кинда. Как считают арабские историки, племя кинда некогда населяло Йемен, но после разрушения Марибской плотины оно перекочевало на север, в районы, лежащие между Недждом и Хиджазом. Однако в результате межплеменной вражды и убийства членами кинда главы какого-то местного племени первое было вынуждено бежать, направившись к своим родственникам, поселившимся в Хадрамауте. Это произошло примерно в конце V века. Кстати, в легендах племен Аравийского полуострова название «кинда» связывают с глаголом «канада», т. е. «быть неблагодарным», «непочтительным» (по отношению к отцу). Видимо, здесь нашел свое отражение раскол, который произошел среди предков кинда. Войны между племенами кинда и хадрамаут продолжались вплоть до появления ислама.

До принятия мусульманства у жителей Хадрамаута не было единой религии. Иудаизм распространился в Хадрамауте через йеменцев, причем йеменский царь Зу Нувас, принявший иудаизм в начале V века, активно насаждал новую религию. В Териме было раскопано святилище, называемое сегодня Ранад. В его развалинах был обнаружен идол из белого мрамора. История сохранила нам имена идолов племен Хадрамаута: Мархаб, Зураа, аль-Джалсад и др. Каждое племя поклонялось своему идолу. Даже в настоящее время, почти полторы тысячи лет спустя после принятия ислама, здесь можно найти остатки фетишизма и идолопоклонства в некоторых обычаях и именах, особенно у бедуинов. Так, например, в некоторых районах Хадрамаута в подтверждение своих слов произносят «хакк Лейла», т. е. «правом Лейла», где Лейла — имя собственное. Можно предположить, что Лейла — женское, широко распространенное имя, однако хадрамаутцы утверждают, что это не так. Более того, при написании этого имени они в конце добавляют букву «ха», которую иногда и произносят. Тогда клятва звучит так: «Ва хакк Лейлах», что в общем-то аналогично мусульманской форме подтверждения «ва хакк Алла», т. е. «правом Аллаха». В некоторых районах, особенно

женщины, употребляют «ва Зейд» вместо распространенных утвердительных «наам» или «бали». Можно подумать, что это имя — след влияния зейдитов в Хадрамауте, считавших основоположником своей секты имама Зейд ибн Али ибн аль-Хусейна, именем которого они и клянутся. Но вероучение зейдитов неизвестно в Хадрамауте. Более того, зейдиты Северного Йемена никогда не клянутся именем имама Зейда. Поэтому возможно, что это тоже имя идола, покровителя женщин.

Жители Хадрамаута всегда были очень суеверны. И сегодня в пустыне почти над каждой хижинкой можно увидеть череп верблюда или перевернутую горлышком вниз старую бутылку. Она должна защищать обитателей этого жилища от злых духов, которые после захода солнца бродят по домам и пугают людей. Когда же духи вообще теряют чувство меры, то лучшим средством против них служит курение благовоний: на пороге своей хижины в шесть вечера араб зажигает щепотку мирры и окуривает пахучим дымом свою одежду и жилище.

Во время поездки в Хадрамаут мне рассказывали о странных брачных обычаях, сохранившихся в некоторых отдаленных районах области. Девушка или молодая женщина, прежде чем стать женой своего нареченного, проводит ночь с шейхом рода или племени или с кем-либо другим из уважаемых мужчин, которые после этого «свидетельствуют» в пользу ее чистоты, непорочности или других женских достоинств. По-видимому, это своеобразное отражение «права первой ночи», распространенного и в средневековой Европе, но народам Востока известного, вероятно, значительно раньше. В шестой провинции Южного Йемена, где живет племя махара, существует обычай, по которому девушка за две недели до свадьбы начинает добровольно кровопускание, чтобы добиться почитаемой здесь бледности лица и тела. Многие жители этой провинции замешивают порошок натуральной краски индиго на растительном масле и этим составом покрывают тело, которое становится голубым. К жирному, намазанному маслом телу пристаёт грязь, песок, однако гордый голубой бедуин избегает лишней раз вымыться, поскольку в этом случае ему вновь придется проделать всю процедуру. Обычай употребления индиго в Аравии весьма распространен: В прибрежном районе, Тихаме, и в районах Северо-Восточного Йемена

есть племена, которые употребляют индиго для окраски тела и предпочитают носить ткани, окрашенные в голубой цвет индиго, а сейчас и анилиновой краской. Эти странные нравы и обычаи не укладываются в общепринятые нормы и в известной степени противоречат нормам мусульманского права и морали. Их трудно объяснить даже ссылками на историческую аналогию. Видимо, здесь в той или иной форме проявляются существовавшие ранее, еще в доисламские времена, обычаи и нравы.

Хотя мусульманские богословы и стараются вытравить из сознания народа сведения о доисламской истории или по-своему интерпретировать ее факты, тем не менее она живет в легендах о разрушенной плотине реки Хадрамаут, в рассказах о доисламском пророке Худ и его могиле в горной расщелине Бархут, где также находится колодец, вырытый в вулканической скале, откуда во время ветра исходят пугающие утробные звуки, о развалинах дворцов и капищ, о ладане, алоэ, амбре, камеди и пряностях, которыми торговали здесь раньше, в легендах о человекоподобных существах наснас, которые объяснялись друг с другом на языке стихов и у которых было по одной ноге и руке и одному глазу, а жители охотились на них и ели как баранину.

Средневековая история Хадрамаута связана с историей соседних районов. Султанат Касири был самым большим султанатом Хадрамаута, который в ходе упорной борьбы с правителями аль-Кинда сложился в относительно централизованное государство. Семья Касири, по свидетельству арабского историка Салаха аль-Бакри, — одна из ветвей древнего южноаравийского племени хамдан. Впервые она начала борьбу за власть в 1366 году, когда ослабла власть царей аль-Кинда. Впоследствии, в 1505 году, один из султанов Касири, Бадр ибн Абдалла ибн Джафар, выехал в Йемен и обратился к его правителям с просьбой оказать ему помощь в борьбе за объединение Хадрамаута. Правители Йемена согласились и предложили Бадру лично выбрать солдат, которых он хотел бы взять с собой. Хадрамаутский султан выбрал пять тысяч солдат из племени яфи и отправился в Хадрамаут.

Салах аль-Бакри характеризует яфи «как самое храброе, сильное и благородное племя химьяритов», к помощи которого неоднократно прибегали эмиры других племен. «Семьи Рассас, Авалик и Авадиль в случае нападе-

ния на них иноземцев приглашали членов племени яфи для военного разрешения споров. Яфи приходили быстро, плечом к плечу с ними сражались против врага, не беря за свою помощь никакой платы», — писал аль-Бакри в своей книге «Политическая история Хадрамаута». Яфи сделали войну своей профессией, принимая участие не только в междоусобных войнах на стороне то одного, то другого местного эмира, но и в войне с имамами Саны. В конце XVIII века они вытеснили солдат имама и фактически освободились от его вассальной зависимости.

Шейхи отдельных родов племени яфи, приглашенные со своими дружинами в Хадрамаут, осели в городах и укрепленных пунктах этих районов и фактически до начала XIV века контролировали все большие города и крепости. Так, род Гарамы сидел в Тариме, Бурейк — в Эш-Шихре, Касади — в Мукалле, Дурейби — в Тарисе, род Маусата — в Шибаме. Эмиры племени яфи не вмешивались непосредственно в хозяйственную жизнь захваченных районов, а ограничивались лишь сбором налогов с покоренного населения. В то же время они продолжали воевать с членами семьи Касири, которые считались законными владельцами этих территорий. Яфи поддерживали то одного, то другого султана семьи Касири, борющихся за власть между собой, пока сами не были изгнаны из большинства районов, вновь отошедших к представителям этой семьи.

Обеспокоенные ослаблением своего влияния в Хадрамауте шейхи племени яфи в 1838 году послали в Хайдарабад к начальнику дворцовой стражи хайдарабадского раджи джамандару Омару ибн Аваду аль-Каити специальную делегацию, которая предложила ему взять инициативу создания централизованного государства в Хадрамауте во главе с султаном племени яфи. Омар аль-Каити принял это предложение и через своего родственника купил в Хадрамауте деревню Эль-Хута, впоследствии ставшую городом Райда. Этот город стал центром султаната Каити, правители которого к началу XX века сумели объединить под своей властью все наиболее важные в экономическом отношении прибрежные районы.

До последнего времени Хадрамаут был одним из немногих белых пятен на карте географических исследований. Были известны лишь отрывочные сведения о немногочисленных портах этой области, фантастические рас-

сказы о плодородных орошаемых долинах и огромных белоснежных небоскребах в редких городах. Поэтому, направляясь сюда, я невольно вспоминал тех ученых, исследователей и просто путешественников, которые много сделали для изучения Хадрамаута.

В конце XVI века направлявшиеся из Индии в Эфиопию отцы-иезуиты Монсерат и Паэс в результате кораблекрушения, которое их судно потерпело у островов Куррия-Мурия, попали в плен и были доставлены арабами в Хадрамаут. Монсерат и Паэс были первыми европейцами, которым в 1580 году открылся Терим и другие города. Паэс оставил записи об увиденном.

Другим исследователем Хадрамаута был Адольф фон Вреде, человек необычной и редкой биографии. Баварский барон, состоявший на службе короля Оттона в Греции, он продолжительное время жил в Малой Азии и Египте. Зная о неудачах европейцев проникнуть во внутренние области Хадрамаута, он решил исследовать этот район, выдав себя за мусульманина, совершающего путешествие к могиле Худа, знаменитого хадрамаутского пророка и покровителя этой области. Переодевшись и «вручив свою судьбу бедуинам племени акейба», вызвавшихся сопровождать его, Вреде 26 июля 1843 года отправился из Мукаллы в глубь области.

На четвертый день Вреде и его спутники вышли на высокое плато. «С запада на северо-восток не было видно ничего, кроме бесконечной желтоватой равнины, по которой были разбросаны холмы, то конусообразные, то похожие на конек кровли; на востоке над равниной возвышались вершины колоссальной горы Кар-Сербан, а на юге виднелись нагромождения гранитных глыб конусообразной формы; глыбы тянулись до тех пор, пока взгляд не терялся в мрачной дали океана. От плато дорога все время шла по плоскогорью. Нам встречались многочисленные водоемы, расположенные друг от друга на расстоянии двух-трех часов ходьбы, но, кроме них, ничто — ни деревья, ни даже куст — не нарушало однообразия этой необъятной равнины», — писал Вреде. Восемь с половиной дней шли они по узким ущельям, где били многочисленные горячие источники, пока не добрались до первой долины.

Здесь Вади-Доан и Вади-Амд, сливаясь, образуют реку Хадрамаут. Гигантские сбросы с отвесными скалами,

пышно цветущая долина, поражающая путешественника после дней изнурительного пути по голому плато, — все это описано в путевых заметках Вреде, ставших важным источником по изучению Хадрамаута. Однако в некоторых случаях немецкий исследователь в своих записках приводит сведения, которые при научной проверке оказываются плодом фантазии местных жителей. К этому относится, например, сообщение о зыбучих песках пустыни Бахр-эс-Сафи, которые мгновенно поглощают брошенные предметы.

Мой большой интерес к этому району я пытался удовлетворить за счет не только изучения многочисленных письменных источников, но и наблюдений за жизнью жителей Хадрамаута, бесед с ними.

Среди населения Хадрамаута до последнего времени соблюдалась определенная иерархия. На вершине находились сейиды, выходцы из дома пророка Мухаммеда, которые считали, что их происхождение и доскональное знание Корана уже обеспечивают им определенные привилегии. За ними шли шейхи, служители мечетей и школ при мечетях. Многие из них жили за счет вакфов и имущества, отписанного им разбогатевшими выходцами из Хадрамаута, поселившимися в Саудовской Аравии, Восточной Африке или Индонезии. Затем следовали племена, члены которых носили джамбю или ружье, либо и то и другое вместе. Все эти три категории лиц относились свысока к земледельцам, которых они презрительно именуют «харрас» или «джаиль», т. е. «пахарь». Браки представителей джаиль с представителями других социальных категорий были невозможны и расценивались как посягательство на моральные устои мусульманского общества.

Во время своих путешествий по Арабскому Востоку я не раз отмечал плохо скрываемую неприязнь, которую испытывают бедуины к оседлому населению городов, и нотки гордости, невольно проскальзывающие в разговоре горожанина при упоминании своих предков — жителей пустыни. Подобные отношения не случайны. По известной библейской легенде, Сарра, жена Авраама, которая не могла родить ребенка, предложила своему мужу в качестве замены свою служанку — египтянку Агарь. Зачавшая от Авраама и родившая впоследствии сына Исмаила, она стала презирать свою госпожу. Однако не-

сколько лет спустя Сарра сама, как ей обещано было богом, родила сына Исаака. По настоянию жены Авраам изгнал из дома Агарь с сыном, которые долго блуждали по пустыне, пока, наконец, обессиленная мать не оставила младенца и «села вдали, в расстоянии на один выстрел из лука», чтобы не видеть его смерти. Причитания Агари услышал бог, который создал «колодезь с водою» и не дал тем самым умереть странникам.. Бог заверил Агарь, что он произведет от Исмаила великий народ, а сам Исмаил «вырос и стал жить в пустыне, и сделался стрелком из лука».

Вот почему истинные бедуины, в общих чертах имеющие представление об этой легенде, считают себя потомками доблестного Исмаила, которым досталась вся пустыня, земля, гораздо лучшая и более обширная, чем маленький Ханаан, предназначавшийся Исааку. Они не могут простить преступного обхождения с Исмаилом и считают оседлых арабов и городских жителей ублюдками, опустившимися до обработки земли и ремесел, брак с которыми можно рассматривать только как бесчестье, позорящее благородство их происхождения. Этим же объясняется тот факт, что в прошлом бедуины считали грабеж караванов и потерпевших кораблекрушение судов не только допустимым, но и почетным делом. При этом, как правило, бедуины только при попытке оказать сопротивление брались за оружие, предпочитая лишь раздеть и обобрать караванщиков и путешественников и не забывая оставить им несколько верблюдов и указать путь до ближайшего города. Первые европейские путешественники по Аравии утверждали, что бедуины грабили караванщиков со словами: «Раздевайся, неверный, твоя тетка совсем голая. Разве справедливо, что ты одет лучше, чем она?». Под «теткой» бедуин имел в виду свою жену, которая конечно же в его представлении была бедной родственницей богатых потомков Исаака. Вот почему в Хадрамауте (да и не только здесь) все старые города, лежащие на краю пустыни, представляют собой крепости, способные выдержать натиск и осаду пустынной вольницы.

Интересно отметить, что земледельческое население Хадрамаута, как и в других странах, отличается необыкновенно мирным нравом и ненавистью к войнам и вооруженным столкновениям. Так, когда в городах Хадрамау-

та правила эмиры племени яфи, хадрамаутцы исправно платили им дань. Они поднялись против яфи лишь тогда, когда те попытались нарушить веками сложившийся образ жизни хадрамаутцев. Последние говорили, что они выгнали яфи лишь после того, как они стали оскорблять женщин и вмешиваться в семейные дела. Хадрамаутцы часто приводят следующую пословицу: «Мин яхуз уммуна хуа амуна» — «Кто возьмет нашу мать, тот наш дядя». В переносном смысле это означает, что дети матери будут почитать, так же как своего дядю по мужской линии, второго человека в семье после отца, того мужчину, который возьмет в жены их мать. Эту пословицу земледельцы Хадрамаута объясняют как выражение покорности, смиренности и «соблюдения верности, как дяде», тем, кто волею судеб окажется завоевателем страны, но не будет вмешиваться в их внутреннюю жизнь.

Племя бедуинов представляет собой замкнутый мирок, группу людей, которые избегают общения и тем более браков с иноплеменниками. Человеку, знающему племена, легко определить по внешнему виду бедуина, к какому племени он принадлежит. Так, бедуина племени маади с большой шапкой неприкрытых вьющихся волос, с редкой растительностью на лице трудно спутать с бедуином племени ал гораб, длинные, до плеч, волосы которого перетянуты жгутом. Женщины племени сияр, например, на подбородке делают татуировку, а волосы не заплетают в косицы, как другие. Открытое лицо и длинная, чуть ли не до глаз, черная челка придают им такую характерность, что их не спутаешь с представительницами других племен.

В Южной Аравии бедуины не ставят шатров. И знойным летом, и холодной зимой они спят на голой земле, хотя температура зимой в пустыне опускается до 5 градусов. Одежда бедуина Южной Аравии предельно проста и сводится к одной юбке, перетянутой широким куском материи. Простой бедуин не стрижет свои черные волосы. Некоторые из молодых модников подбирают себе волосы надо лбом и становятся похожими на краснокожих индейцев. Наиболее выразительны черные глаза, которые оттеняются темным порошком кухль.

Тяжелые условия жизни в пустыне могут перенести только смелые люди. Для бедуинов характерна взаимная выручка, стремление оказать помощь другу, попав-

шему в беду. Он с готовностью отдаст последний глоток воды в пустыне. Если он обещал вас довести в другой город, можете ему довериться: он не только сделает все, чтобы выполнить свое обещание, но и не колеблясь возьмется за оружие, чтобы защитить вас от обидчика. Таковы понятия бедуинской чести. Если бедуин не уберезит человека, доверившего ему свою жизнь, он тем самым навлечет позор на все свое племя и станет изгоем.

На Востоке ни свое ни чужое время не ценится. Может быть, поэтому и шаг караванщиков, с которыми я путешествовал в Южной Аравии, и даже их верблюдов размерен и спокоен. Бедуины ходят босиком ежедневно, всю жизнь, по раскаленным пескам и каменистым тропинкам. В их обязанности входит обеспечить доставку товаров с побережья в глубь страны. Они всегда в хорошем настроении и часто распевают милые в своей простоте песни:

О мой верблюд,
Твоя спина широка и мясиста,
Твоя поклажа тяжелее, чем у других,
Перед нами фонтан чистой воды,
Где ты сможешь вдоволь напиться.

Бедуин считает верблюда своим другом, разговаривает с ним, рассказывает ему занимательные истории, иногда журит за плохое исполнение обязанностей. Если бедуин убил газель, об этом охотничьем успехе должны знать все. Но он никому ничего не говорит, только куском шкуры газели украшает приклад своего ружья. Таков обычай. Некоторые бедуины украшают приклад и ложе своих ружей серебряными кольцами с насечкой.

В условиях бездорожья Южного Йемена верблюд продолжает оставаться важным средством транспорта, а караванная торговля — единственным средством доставки товаров в глубинные районы страны. С этим занятием связаны многие интересные обычаи йеменцев. После долгих переходов караван останавливается на отдых. Верблюды развьючены, напоены и уложены вдалеке от костра рядом с тяжелой поклажей. Животные одного хозяина или одного племени располагаются в одном месте, хотя их в общем трудно спутать: у каждого верблюда особая метка, называемая «васм»; ее наносят каленым железом. Так, васм племени бени агиль, живущего на границе Северного и Южного Йемена, близ города Хариба,

похож по форме на морского конька, а васм племени бени суед и бени шамс — на ключ от замка со сложенной бородкой. Некоторые верблюды помечены цифрами. В некоторых районах племенные знаки васм наносятся на жилища бедуинов.

Ярко пылает костер, на котором стоит большой кофейник, «далле». Кофе в Южной Аравии готовится особым способом. На обгоревший лист жести, пристроенный на двух камнях над огнем, кладут кофейные коробочки величиной с плод вишни, в каждой из которых находятся два зерна. Проходит несколько минут, и еще горячие коробочки ссыпают с импровизированного противня в плетеную из пальмовых листьев глубокую миску, «гата», и пускают ее по кругу. Каждый из присутствующих берет коробочку, разгрызает ее зубами и бросает в деревянную ступку, где толкут зерна вместе с шелухой. Затем добавляют имбирь, и весь приготовленный состав высыпают в пузатый кофейник с загнутым носиком. Кофейник ставят на огонь и дают кофе закипеть. Это совсем не тот кофе, к которому привык европеец. Этот крепкий темный отвар, сильно отдающий имбирем, называется «кахва мурр», т. е. «горький кофе». Мы пили его мелкими глотками с финиками, подававшимися в маленькой фаянсовой чашке, которую полагается передавать соседу. Но вам могут приготовить в Южном Йемене и обычный, называемый у нас турецким, кофе. Здесь он именуется «кахва мазгуль», «фальшивый кофе», в отличие от горького, настоящего.

Горная область Яфи известна своим кофе. «Кофе яфи» готовится следующим образом. В деревянную или медную ступу засыпают пять частей жареных кофейных зерен и три части смеси, приготовленной из зерен пшеницы, африканского проса дурры и клевера. Все это тщательно размельчается. В состав добавляют сахар, высыпают его в кипящее молоко, и кофе яфи готов. Иногда в него могут добавить специи: имбирь, мускатный орех или гвоздику.

Сырые зерна кофе бедуины хранят в кожаном мешочке, а городские жители — в плетеных из соломы туесках и коробочках. Для обжаривания зерен употребляют «сковородку» из красной глины. Жареные зерна толкут в деревянной ступе.

Между Восточной Африкой и Хадрамаутом всегда су-

ществовали активные торговые связи, поэтому в Сейюне и других городах можно встретить африканский кофе, который местный купец попытается выдать вам за кофе из Яфи. Однако человека знающего обмануть нелегко. У африканского кофе верхняя кожура черная, а у йеменского — темно-коричневая. Зерна йеменского кофе полновесные, тяжелые и, если их раскусить, сладкие. Зерна африканского кофе крупнее йеменского, но легче и на вкус горьковатые.

Располагаясь на корточках вокруг костра, бедуины надевают специальный пояс, «хабва», который подхватывает поясицу и колени, чтобы было удобнее сидеть. Изготовление хабва весьма распространено в городах Южной Аравии. В зависимости от места изготовления и владельца они отличаются богатством отделки и особым, распространенным в том или ином районе орнаментом. Как правило, преобладают яркие краски и геометрические фигуры.

Когда, вечером соберешься в кружок, бедуины отдыхают после продолжительных переходов, нередко можно услышать музыку и песни. Распространенные музыкальные инструменты — дув и думбук (ударные), а также мизмар и мидраф. Мизмар представляет собой тростниковую дудочку с язычком на одном конце, который играющий приставляет к уголку рта. Мидрафом в Южной Аравии называется известная в других арабских странах как «най» дудка более крупного размера. Считается, что играть на мизмаре может любой человек, обладающий минимальным музыкальным слухом, а для исполнения на мидрафе необходим уже определенный талант. Бедуинский танец называется здесь «шарах», что означает «объяснение». Именно в танце бедуин рассказывает о своей радости или грусти, о счастье или горе. А зрители, стоящие вокруг, хлопают в ладоши. Причем это действие определяется глаголом «ракаса», т. е. «танцевать». Иными словами, бедуин в центре круга «объясняет», а все окружающие танцуют.

В Хадрамауте редко встретишь ребенка без амулета. Как правило, это ожерелье из раковин ярких цветов. Никогда не следует хвалить ребенка в присутствии его отца, как бы красив он ни был, дабы его не сглазить. Когда мальчик достигает возраста семи лет, у него обычно выстригают прядь волос. Это помогает от дурного глаза.

Взрослые носят на поясе серебряный пенал с изречениями из Корана. В Сейюне я видел на одной из женщин «тавида», т. е. «амулет», в форме широкого серебряного креста, к которому на нитке были подвешены красные крупные сердолики и пупырчатые серебряные бусины. У другой женщины я видел тавида в форме кольца с крупной желтой бусиной из пластмассы. Женщина называла ее «акик» — «сердолик», хотя даже и неспециалисту было ясно искусственное происхождение бусины.

Наиболее распространенное женское украшение здесь — наборный серебряный пояс. На шитую из нескольких кусков ткани полосу нанизывают серебряные пластинки таким образом, что они почти совсем закрывают ткань. Этот пояс из чистого серебра с большой серебряной пряжкой, «гарса», очень красив. Сырьем для изготовления служат талеры Марии Терезии или английские кроны.

В Хадрамауте неравноправное положение женщин мусульманского мира находит много подтверждений. Женщины городских поселений все свое время проводят в гареме и не имеют права находиться в одном помещении с мужчинами. Когда женщина выходит на улицу, она надевает на лицо плотную бархатную маску, называемую здесь «бурка». Женщине не пристало путешествовать, и даже молиться она может дома, а не в мечети, где собираются мужчины. Ее украшения не отличаются разнообразием: монисто из золотых или серебряных монет в зависимости от состояния мужа да серебряные браслеты на руках и ногах, называемые соответственно «сивар» и «хигалья». Жены бедуинов более свободны, чем горожанки. Они ходят без покрывала, но их одежда предельно проста.

Влияние религии сказывается и в брачных обычаях. В 12 лет девочку, особенно если она из состоятельной семьи, запирают в отдельной комнате, и фактически никто, даже родственники, ее не видит. Ранние браки приводят к трагедиям. Мне рассказывали, что девочки, ставшие женами в 12—13 лет, а до этого просидевшие год или более взаперти, не только физически, но и морально не подготовлены к тому, чтобы выйти замуж. Причем страдает не только она, но и муж, который, возможно, и гордился ранее тем, что ему удалось жениться на молодой красивой девочке. Сейчас мужчины, которые были рев-

ностными сторонниками сохранения строгих сумульманских обычаев, настаивают на том, чтобы девочки не сидели взаперти, а принимали посильное участие в домашних делах, посещали врачей, а не лечились у знахарок и даже слушали общеобразовательные передачи радио. Насколько глубоко затронут эти перемены гаремную жизнь в хадрамаутских небоскребах, судить еще рано, но процесс начался и его уже трудно остановить.

Хадрамаут — район благовоний. Во время своего посещения городов я старался собрать побольше сведений об употреблении благовоний. В настоящее время благовонные смолы, привозимые из Сомали и собираемые в Вади-Доан, широко используются в местном обиходе. Местным ладаном, либан баляди (маленькие капли смолы вместе с кусочками коры дерева), привозимым из Вади-Доан, окуривают общественные бани и банные помещения в домах. Его употребляют во время религиозных процессов вокруг могил особо почитаемых вали, для курения во время церемонии обмывания покойника. Либан баляди считается также лекарством, и если, например, ребенок уже подросток, но еще не заговорил, его поят по утрам водой, настоянной на кусочках ладана. «Либан митый» называется крупный чистый ладан, который привозят из Сомали. Он дорог, и его покупают для того, чтобы пожевать. Для окуривания употребляют также «иляк», смолу, собираемую с деревьев, растущих вдоль вади; «духун», смолу средиземноморской сосны, которой окуривают себя после бани; «муассалья», специально приготовляемый из духуна, сахара, масла уд состав, которым окуривают одежду. Это тот самый бухур, который курят в Йемене в комнате роженицы.

Важным благовонием считается «мурр», т. е. мирра. Ее курят в особо торжественных случаях. Из нее также делают мазь от раздражений кожи. Для приготовления мази порошок мирры смешивают с «салит наргиле», т. е. с никотином, образующимся в трубке кальяна. Иногда вместо никотина используют масло из семян клевера.

Арабы не дают специальных названий деревьям, с которых они собирают благовонные смолы, а именуют их просто «шаджара», т. е. «дерево», и добавляют при этом названия благовоний. Например, «шаджара аль-либан» («дерево ладана»), «шаджара аль-мурр» («дерево мирры») и т. д.

Хадрамаутцы, собирающие благовония, наносят на коре дерева продольные надрезы и подставляют какой-либо сосуд или просто черепок для сбора драгоценных капель. В Дофаре, западном районе Омана, на дереве делают зарубки в месяц канд, приходящийся на конец марта. В последующий за этим дождливый сезон сок поднимается по стволу и вытекает из зарубок. С одного дерева в Дофаре собирают до 400 граммов ладана. Деревья, дающие благовонную смолу, растут в пустынных районах, где нет оседлого населения, и поэтому добычей ладана и мирры занимаются преимущественно кочевники. В Дофаре, как и в Хадрамауте, считают, что курение ладана помогает изгнать дьявола из жилища. «Либан ятрад шайтан» — «Ладан изгоняет дьявола», — говорят в Дофаре. Поэтому неудивительно, что кочевники в этом районе Южной Аравии начинают и заканчивают свой день с курения ладана.

Все благовония курят в глиняных сосудах различной формы, называемых «муджамара». На рынке Сейюна перед бывшим султанским дворцом продаются курильницы различных форм и размеров. Редкий иностранец, посетивший Хадрамаут, не увезет с собой муджамару и благовония. И я не стал исключением. В последний день перед отъездом из Хадрамаута, сидя в своем номере, я курил мирру, прозрачные капли ароматной смолы, ставшей основой благосостояния и развития этого района.

На острове блаженства

С группой журналистов я отправляюсь в поездку по островам Йемена (НДРЙ). Вдоль побережья Аденского залива самолет идет прямо на запад, к подковообразному скалистому острову Перим, расположенному в Баб-эль-Мандебском проливе, соединяющем Красное море с Аденским заливом. Площадь острова всего 12 квадратных километров. Остановка здесь рассчитана на несколько минут, и при всем желании остров нельзя осмотреть как следует, хотя, собственно говоря, и смотреть здесь практически нечего.

История Перима, лежащего на оживленном морском перекрестке, уходит корнями в глубокое прошлое. В 1511 году португальцы, рыскавшие в восточной части Индий-

ского океана в поисках колониальной добычи, высадились на острове и построили в его северной части первые укрепления. В 1799 году здесь появились англичане, но уже на следующий год они были вынуждены покинуть остров: пребывание на нем было связано с многочисленными трудностями — остров гол, безводен и продукты питания приходилось доставлять с материка.

В 1851 году на острове был построен первый маяк, а в 1857 году Перим официально вошел в состав Британской империи, захватившей к этому времени Аден. Открытие Суэцкого канала привело к оживлению судоходства по Красному морю, и на острове Перим появились угольные склады, принадлежавшие индийской фирме, мастерские, электростанция и даже установка для опреснения морской воды. В удобной бухте острова расположилась оживленная угольная станция. Но в 1921 году в Адене впервые было заправлено жидким топливом английское судно. Этот незначительный в то время факт стал роковым для Перима: через 16 лет угольная компания Перима прогорела, и остров вновь стал пустынным. Сейчас здесь остались лишь два маяка, свидетели его былого значения в мореплавании на этих широтах, да небольшой, построенный англичанами аэродром, где и приземлился наш самолет. Остров покинут, и в домах, сложенных из черного камня, без крыш, оконных рам и дверей, проданных на дрова на материк, гуляет морской ветер. Остров оставляет грустное впечатление: раздетый и разоренный, брошенный в бурном проливе с характерным названием «Баб-эль-Мандеб» («Ворота рыданий»), он похож на инвалида, уволенного с работы за ненадобностью.

Восемьсот километров, которые отделяют остров Сокотра от материка, самолет преодолевает за три часа. Мы делаем круг над буро-желтым клочком земли и постепенно снижаемся. Через несколько минут я впервые ступаю на Сокотру — место, заслуженно считающееся одной из самых интересных достопримечательностей Южного Йемена.

Название острова происходит от санскритского «ду-па сукхура», что примерно переводится как «остров блаженства». Это название дано острову не только потому, что богатая субтропическая растительность выгодно отличает его от пустынных берегов Аденского залива. Как гласит древняя легенда, на северо-восточном мысе ост-

рова, называемом Рас-Радраса, живут прекрасные сирены. Красота их столь лучезарна, что рискнувший взглянуть на них может навсегда потерять зрение. Это они заманивали проезжих путешественников на рифы и были причиной частых кораблекрушений, которыми издавна известен мыс Рас-Радраса.

Район мыса действительно представляет опасность для мореплавателей, особенно в период сильных ветров и зимних дождей. Недаром на навигационных картах в этом месте стоит пометка, предупреждающая, что корабли должны держаться не ближе чем на 40 морских миль от берега, так как в противном случае сильный ветер и течение могут снести корабль на коралловые рифы, окружающие восточную часть острова.

Мусульманские историки писали, что пророк Мухаммед, которому стало известно о красотах острова, думал о его захвате. Арабский историк XIII века Закария ибн Мухаммед аль-Казвини в своей книге «О странах и народах» замечал, что на Сокотре очень много алоэ, пригодного для изготовления лекарственных снадобий. «Историк Александра (Македонского. — О. Г.) Аристотель советовал ему захватить этот остров, ценный своим алоэ, из которого можно получить много полезных вещей. Александр послал своих людей на остров, они победили индусов и поселились на нем. Когда умер Александр и появился Христос, — продолжает аль-Казвини, — жители острова приняли христианство и продолжают исповедовать его до настоящего времени. Они потомки греков, и нет в мире иного народа, который бы, как этот, охранял свой остров и не пускал туда посторонних». Рассказ аль-Казвини о появлении на Сокотре греков имеет исторические подтверждения. Так, Марко Поло, посетивший остров в конце XIV века, обнаружил здесь действовавшие христианские церкви. Сейчас население Сокотры официально придерживается ислама шафиитского толка, однако некоторые обычаи жителей острова, особенно его глубинных, отсталых районов, свидетельствуют о влиянии христианства и более древних языческих верований.

Наш самолет остался на аэродроме, в десяти километрах от города. Проложив примерно двухчасовой путь по пустынной местности, сплошь усыпанной мелкой галькой, мы оказались на мысе Рас-Карма. Отсюда мы добрались уже морем до гавани Ходсейбо.

Мы идем по улицам столицы Сокотры, г. Ходейбо, раскинувшейся у подножия гор Хаджхар, поднимающихся на 1800 метров над уровнем моря. Самая высокая вершина Фадхум-Дафира сложена из белых известняковых скал.

Большинство домов Ходейбо построены из обломков коралловых рифов, называемых «хасуба». Хотя горы и близко, в горах нет ни одной каменоломни, что объясняется отсутствием дорог и транспорта для доставки тяжелых камней. Из хасубы же получают материал, которым скрепляют камни при строительстве. Для этого на берегу вырывают большую яму «махрика», куда слоями складывают пальмовые ветки и обломки коралловых рифов. Все это поджигается, и к утру следующего дня «нура», т. е. известь, готова.

Наш сопровождающий Хашим, коренной житель Сокотры, неожиданно повстречал своего родственника, которого он назвал братом. Хашим прилетел с нами из Адена, и, поскольку он отсутствовал несколько месяцев, братья приветствовали друг друга очень тепло. Взявшись за правые руки, они четыре раза коснулись друг друга кончиками носов. Затем, подняв руки на уровень носа, каждый из них дотронулся кончиком носа тыльной стороны руки другого. Касание носами, называемое «шараджа», у некоторых народов заменяет принятый при встречах и прощаниях близких поцелуй. Женщина приветствует своего отца и мужа таким же образом, а мужчина носом «целует» свою жену и детей. Подобную форму приветствия я наблюдал только на берегах Персидского залива и ни разу не видел в Южном Йемене.

Наш приезд — приятное развлечение для жителей Ходейбо, скрашивающее однообразное течение жизни. Окруженные толпой, мы отправляемся по пыльному переулку мимо единственной скромной мечети, построенной в XV веке, к дому Хашима. Дом, как и все строения в прибрежных районах, сложен из коралловых обломков; при нем небольшой пыльный дворик. В комнате, застеленной пальмовыми циновками, Хашима встречает жена, молодая миловидная женщина. Хотя Хашим и его семья мусульмане, лицо женщины открыто. На ней длинное красное платье и серебряные монисто.

Смущенный Хашим обнимает детей, неловко тыкающихся носами в его усы, держит за плечо жену и часто

повторяет на местном диалекте: «Мистикрим!» «Мистикрим!» («Спасибо!» «Спасибо!»).

Мне, человеку постороннему, как-то неловко наблюдать эту сцену нежной встречи. Я отвожу глаза в сторону и в углу вижу люльку, в которой лежит уже довольно большой ребенок. Потом мне объясняют, что на Сокотре дети почти до четырех лет проводят время в люльке, называемой «мазнадж». Это простой кусок ткани, прикрепляемый к потолку. Ребенок находится в люльке день и ночь, и только изредка, когда он плачет, потревоженный мухами, мать или пришедшая к ней соседка раскачивает люльку. В другом углу висит «джазфа», горшок из красной глины, в который наливают воду для охлаждения.

Я смотрю на жену Хашима — большие подведенные глаза, крупный романский нос — и невольно вспоминаю легенду о прекрасных сиренах. Жителей Сокотры, особенно побережья острова, трудно отнести к какому-то определенному этническому типу. На острове в разное время побывали индусы, греки, португальцы, сомалийцы, а сейчас живут арабы. Более того, как рассказывали мне арабы, в голодные годы жители прибрежных районов ждали на берегу прихода парусных судов и в обмен на еду предлагали матросам своих дочерей. После этих встреч на острове рождались дети, отцы которых, побывав единожды на Сокотре, уже больше никогда не видели своих случайных жен и детей. Может быть, благодаря этим смешанным бракам женщины на Сокотре так пригожи.

На Сокотре, как и в других странах Востока, девушка выходит замуж в 15 лет, хотя уже в 12 лет она считается вполне созревшей для супружеской жизни. В горной местности бедуины ничего не платят за невесту, а в прибрежной полосе жених платит родителям девушки 5 динаров в качестве аванса, а затем от 3 до 100 динаров, в зависимости от благосостояния семьи. Выкуп вносится преимущественно скотом, утварью. Дело в том, что на Сокотре издавна практикуется натуральный обмен. Мне говорили, что в некоторых, особенно глубинных, районах и сейчас металлические деньги и тем более банкноты хождения не имеют.

На Сокотре считают, что если женщина красива, то ее душа так же красива, как и лицо. Несмотря на полига-

мию, женщина здесь более свободна, чем на материке. Она может отказать жениху и даже потребовать развода. «Мин хатыри... Ля уридуху...» — «Я не хочу его», — просто говорит она в этом случае. Видимо, поэтому число разводов на острове больше, чем на материке, и достигает 40%. Если вы заговорите с кем-либо из жителей с прошлым его острова, вам не преминут рассказать о сокотранской женщине по имени Зухра. Она обратилась к имаму Омана с просьбой помочь освободить остров от иностранного господства. Имам двинул свои войска, и оккупанты были вынуждены оставить остров. Вместе с тем на Сокотре, как и на всем мусульманском Востоке, женщина продолжает считаться нечистой, исчадием ада, общающейся с дьяволом. Раньше женщину, которую подозревали в колдовстве, приводили на берег моря, привязывали ей на ноги, грудь и спину камни и, посадив в маленькую лодку вместе с несколькими ныряльщиками, отвозили в море и сбрасывали в воду. Если она могла удержаться на воде, значит она колдунья, и дьявол, который ей помогал в колдовстве, не желает ее смерти. Если она начинала тонуть, это доказывало, что она невиновна, и ныряльщики прыгали в воду, чтобы ее спасти. Женщину-колдунью сбрасывали с высокой горы у Рас-Кур, западнее Ходейбо, затем смерть была заменена изгнанием с острова. Сегодня эти обычаи полностью изжиты.

Как и все женщины в мире, сокотрянки любят украшения и благовония. В отношении украшений они следуют материковой моде и надевают преимущественно серебряные браслеты и монисто, набранные из талеров. Однако в отношении духов они идут явно впереди своих подруг. На Сокотре водятся дикие мускусные коты, которые питаются финиками и сосут кровь кур. В нижней части живота этого кота находится железа, вырабатывающая мускус, темное маслянистое вещество, обладающее крепким запахом. Местные жители ставят для мускусных котов ловушки, куда для приманки кладут горсть зрелых фиников. После поимки кота ему надрезают железу ножом или сильно надавливают на нее, чтобы извлечь мускус. После такой «операции» кота выпускают в заросли финиковых пальм, и через некоторое время отлавливают снова. Мускус смешивают с местными благовониями или с маслом уд. Женщины Сокотры употреб-

ляют мускус не только как благовоние, но и как лекарство от бесплодия.

Из бесед с местными жителями я узнал, что они собирают на берегу моря, особенно после бурных летних муссонных ветров, серые кусочки амбры, которая также употребляется не только как благовоние, но и как лекарство. Они знают, что амбра образуется в желудке кашалота, «самак аль-амбар», т. е. амбровой рыбы, которую они чаще именуют «шихата». Кашалот ныряет на большую глубину и там поедает «листья с деревьев», из которых впоследствии и образуется амбра. Амбра бывает двух видов. Если кашалот отгрызнул куски амбры или же она попала в океан с его испражнениями, эта амбра считается второсортной. Лучшая амбра — та, которая добывается прямо из желудка убитого или выброшенного на берег кашалота. В желудке одного кашалота находят в зависимости от его размера от 10 до 150 килограммов амбры.

В качестве лекарства амбра на Сокотре употребляется прежде всего для восстановления сил после болезни, когда порошок амбры пьют с молоком в течение 40 дней. Кстати, то же самое делают и на материке. Употребление амбры более 40 дней, как считают сокотряне, может неблагоприятно сказаться на сердце.

Хашим говорил мне, что амбра также стимулирует рост растений. Если в росток арбуза «хабхаб» ввести крошечный кусочек амбры, то этот росток будет быстро развиваться и на этой плети будет много арбузов.

На острове Сокотра знахарей и других лиц, оказывающих медицинскую помощь, называют «дахтар». Это одно из многочисленных европейских слов, оставшихся в разговорном языке островитян от европейских пришельцев. Наиболее сильным медицинским средством считается огонь — лучший помощник в борьбе с неизвестным врагом — болезнью. Прижиганием лечат и желудочные болезни, и зубную боль. На теле редкого сокотрянина нет следов от лечения каленым железом. Но местные лекари не так уж примитивны, как может показаться на первый взгляд. Кроме мускуса и амбры они широко применяют в своей медицинской практике средства, получаемые из редких растений острова. Ведь на Сокотре обнаружено 600 видов редких растений, из которых 200 видов, по заключению английских ботаников, побывавших здесь в

1956 и 1967 годах, не встречаются в других местах. Прежде всего следует назвать лучшее в мире алоэ. Местные жители рвут мясистые листья этого растения и выдавливают из них горький сок на кусок козлиной шкуры. Через месяц сок затвердевает и превращается в твердую, кофейного цвета массу, которую вывозят за границу и используют для приготовления лекарства. Хашим говорил мне, что местные жители едят прямо свежие горькие листья алоэ.

У вершины горы Хаджхар я впервые увидел трех- или четырехметровое дерево с гладким стволом и зонтичной кроной. Европейцы называют это дерево «Dragon's blood», что означает «кровь дракона», арабы — «дамм аль-ахавейн», т. е. «кровь двух братьев», а местные жители — «ариб», или «арейб». Ствол этого дерева выделяет красный сок. Местные жители «ранят» дерево ножом и собирают похожую на гумми массу буро-красного цвета без запаха и почти без вкуса. Высохнув, масса становится довольно твердой, но хрупкой. Небольшое количество сока дамм аль-ахвейн вывозят в Аден и затем за границу, где его используют в качестве добавки при изготовлении высокосортных зубных паст и порошков, поскольку это вещество укрепляет десны и полирует зубы. Местные жители толкут высохший сок дерева и посыпают порошком открытые раны, которые после этого покрываются плотной пленкой. Этот порошок используется также для окраски глиняной посуды, употребляемой для приготовления пищи. Особенно много таких деревьев растет на вершине гор Аса-Джалу и Дахраху. Сокотряне считают, что это дерево появилось на свет вместе с островом. Полукилограммовый мешочек застывшего сока дерева стоит на острове всего три шиллинга.

Другой интересный представитель редкой флоры Сокотры — растущее меж скал и камней дерево с толстым мясистым темно-серым стволом и небольшой кроной с четырехцветными цветками. Местные жители называют его «тариму» и считают ядовитым. Если верблюд поест листьев этого дерева, он погибнет. Однако сок этого дерева обладает целебными свойствами. Местные жители применяют его для лечения глазных болезней. На острове встречается и дикое фасоловое дерево, плети которого достигают толщины хорошей веревки. Жители горных районов называют его «шаджара атрах», т. е. «пахучее

дерево». Они обрезают плети, высушивают и перемалывают их в порошок, который употребляют для лечения ран у верблюдов и коров.

Много неприятностей жителям Сокотры доставляет небольшая местная мушка «диасар» (обычная муха именуется «дбиба»). Диасар меньше обычной мухи. Она появляется в период дождей и в это же время откладывает яйца. Местные жители считают, что диасар — живородящая муха, поскольку они видели только белые личинки, но не видели ее яиц. Диасар быстро летает, и, если вовремя ее не заметить, она может отложить личинки в глаза, рот или носовую полость человека. Если личинка попала в глаз, он опухает, если в полость рта или носа, человек сильно кашляет и задыхается. Избавиться от личинки можно, лишь убив ее, и поэтому человек, который стал жертвой диасар, по совету дахтара пьет керосин или бензин либо для промывания глаза делает крепкую настойку из табака, называемого здесь звонким португальским словом «танбако». Кстати, животные тоже становятся жертвой диасар, но переносят болезнь значительно легче человека.

Жители глубинных районов, чтобы предостеречь себя от диасар, носят под носом ожерелье из пестрых бусинок. По их убеждению, в диасар откладывают яйца другие мушки, очень похожие на пестрые бусинки. Поэтому диасар избегает приближаться к человеку с такими бусинами под носом, чтобы самой не сделаться жертвой своих врагов. Интересно отметить, что врач экспедиции Оксфордского университета, который посетил Сокотру в 1967 году и провел на острове 52 дня, так и не смог обнаружить диасар и счел ее вымыслом населения. По-моему, это не так. Англичанин, как и все визитеры, был на острове в сухой период, тогда как муха появляется в период муссонных дождей, когда остров остается надолго отрезанным от материка. Более того, вряд ли традиция носить под носом ожерелье была бы настолько живуча, если бы этой мушки вообще не существовало на свете.

Рыболовство — одно из основных занятий жителей прибрежных районов Сокотры. Считается, что примерно половина населения острова, насчитывающего 30 тысяч человек, занимается этим промыслом.

Наиболее распространенный тип рыболовного судна здесь — хури. Это небольшая, вмещающая двух-трех че-

ловек, узкая лодка, сбитая из досок красного дерева, промазанная рыбьим жиром, но не шпаклеванная смесью извести с жиром. Она может ходить и под парусом, но чаще всего на веслах.

Рыбачья лодка среднего размера называется на Сокотре «шарха». Лодка напоминает самбуку, имеет дизельный мотор до 10 лошадиных сил и редко ходит под парусом. К острову эти лодки приходят из пятой провинции Южного Йемена. Большие торговые суда с более мощным мотором и косым парусом на Сокотре именуются «сидак». Они приходят из Персидского залива и Восточной Африки и занимаются каботажным плаванием.

Прибрежные воды Сокотры богаты рыбой, но особенно остров славится производством сушеного присоленного акульего мяса, называемого «ляххим», или, как уже упоминалось, лухум.

Ночью рыбаки уходят в море по двое в каждой лодке. Снасть довольно примитивна. На длинную толстую веревку прикрепляют примерно 20 толстых крючков «акляха» с кусками мяса тунца. У этого вида тунца красное мясо и называется в Адене «зихнан», а на Сокотре — «зейнуб» или «шарву». После того как снасть заброшена в воду, рыбаки укладываются спать, положив под голову камень. Проходит немного времени, и акулы, попавшие на один или несколько крючков, начинают тащить лодку. Рыбаки подтягивают снасть и, если акула не очень большая, убивают ее ножом и втаскивают в лодку. Если рыба крупная, они просто направляют к берегу, ведя за собой ставшую послушной и смирной акулу. Особенно большие акулы здесь не попадают, средний экземпляр достигает полутора-двух метров в длину.

Важным центром по обработке доставленных акул является Калансия, второй по величине город Сокотры. Здесь в 200 домах живут около тысячи человек. Местные жители называют «калансией» небольшую шапочку.

Над городом Калансией стоит крепкий запах гниющей рыбы: здесь обрабатывается большая часть из тех 50 тысяч акул, которые ежегодно вывозятся с острова. Доставленных акул разделяют на берегу. Отделяют голову, плавники, удаляют внутренности. Голова акулы называется здесь «рай», а плавники — «зифрар» вместо обычных у арабов «рас» и «зианиф». Разделанную акулью тушу солят и вялят на солнце примерно около

месяца. Плавники тоже присаливают и вялят 15—20 дней, пока они не становятся твердыми как камень. Печень акулы помещают в воду, чтобы распустился жир. Этот жир собирают в специальные сосуды и продают владельцам судов для промасливания деревянной обшивки лодок и пакли. Если этим жиром покрыть открытую рану, кровотечение останавливается. Приготовленное на Сокотре мясо лухум пользуется постоянным спросом. Местные жители объясняют это прежде всего тем, что для его приготовления используется высококачественная соль, получаемая в местечке Шаб, на северном побережье острова. В этом месте, в 500 метрах от кромки берега, вырыт колодец, откуда добывается рассол красного цвета. Рассол выпаривают в течение четырех дней. Полученная соль, содержащая, видимо, соли железа, считается необыкновенно вкусной. Чем с большей глубины добывается рассол, тем соль получается лучше, тем лучше будет лухум.

Особенно много акул водится вокруг небольшого островка Абд-эль-Кури, и здесь зимой собираются целые флотилии лодок местных рыбаков и рыбаков из пятой провинции. На острове живут около 200 человек, которые промышляют ловлей акул и сбором амбры. Здесь тоже есть колодец с присоленной водой. Остров очень живописен: голые скалы, поднимающиеся из бирюзовой воды, облюбовали белые чайки.

Рядом с Абд-эль-Кури расположены два маленьких острова — Самха и Дараса. Их чаще называют «Ихва», т. е. «Братья». На первом острове живут всего 64 человека, а второй необитаем. Недалеко от Дараса — еще два необитаемых острова, Караиль Фараун и Сабуния. На некоторых картах они даже не обозначены.

В прибрежных водах Сокотры и прилегающих островов местные жители ловят не только акул, но и других промысловых рыб. Пожалуй, на втором месте после акул здесь идут скаты, которых, однако, не вывозят за пределы островов, а употребляют на месте. Ската-хвостостола йеменцы называют «abu сафан». На Сокотре он именуется «кафуна» или «сатну». Местные жители очищают ската и варят в морской воде до тех пор, пока мясо не превратится в кашицу. Затем полагается вынуть все кости и добавить рис. Деликатесом считается разваренная печень, которую смешивают с рисом и делают неболь-

Рыбаки острова Сокотра

шие шарики. Ската, как и акулу, можно высушить и оставить впрок. Для этого рыбу нарезают на тонкие куски-ленты, солят и сушат. Подвешенные где-нибудь в сарае «ленты» ската, похожие на клубок змей, могут храниться до двух лет.

К рыбакам Сокотры, жизненный уровень которых считается довольно сносным по сравнению с положением остального населения, примыкает немногочисленная группа ловцов жемчуга. Их называют здесь «аяхес». Они выходят на промысел летом, когда акулы уходят от берегов, и берут с собой «расас де гос» (груз для ныряния), «мосфи» (кошелки для сбора раковин) и «мрая гос» (зеркало для ныряния), представляющее собой ящик или большую банку из-под керосина со стеклянным дном, служащим для того, чтобы рассматривать с лодки дно моря. Каждый ловец имеет персональный «фаттам» — зацепку для носа из коровьего рога. Ловцы жемчуга на Сокотре, как и в Персидском заливе, не применяют современные технические приспособления аквалангистов. Они знают о существовании, например, маски для ныряльщиков, именуемой «манзара гос», но отказываются ее использовать, так как это, по их убеждению, плохо отражается на состоянии здоровья.

Хорошим ныряльщиком считается тот, который может нырнуть на 12—15 ба. Ба — местная мера длины, «раскрытые руки». Поскольку жемчужница, лежащая на дне, при колебании воды захлопывает створки и может защемить руку неосторожного ныряльщика, он прежде всего старается «испугать» раковину, а затем уже поднимать ее с морского дна и бросить в корзину. Обыкновенная жемчужница называется здесь «муслих», а добываемый из нее жемчуг — «лулу» или «кумаш». Раньше в каждой десятой раковине находили жемчужину, а сейчас жемчуг встречается все реже и реже. В водах Сокотры есть и другой вид раковины, меньший по размеру и имеющий более округлую форму, в которых также образуются жемчужные зерна, но более низкого качества. Эти раковины называются «бильбиль»; жемчужное зерно встречается в каждой третьей или пятой раковине.

Бильбиль селятся большими колониями, и ловцы, обнаружившие их скопление, стараются не сообщать об этом своим собратьям по трудной профессии. В больших раковинах сокотряне находят жемчужины голубого, белого, зеленоватого и золотистого цветов, а также очень редкие жемчужины цвета ртути, называемые у нас черным жемчугом. Добытый жемчуг и раковины сдают купцу в Ходейбо, который в обмен дает им чай, сахар, «каскас», как здесь называют колотый рис, дурру. Одна жемчужина среднего размера стоит примерно 50 шиллингов, но счастливец, которому удалось ее достать, как правило, не берет денег. Зачем ему деньги? Ведь все жители Ходейбо, несущие купцу алоэ, мускус и сок драконового дерева, забирают у него товары, а не деньги. Профессии рыбака и ловца жемчуга считаются уважаемыми и почетными. До настоящего времени стоящим мужчиной на острове считался лишь тот, кто хорошо ныряет, достает крупный жемчуг, кто ловит рыбу и особенно акул.

Остров Сокотра — это не только прибрежная полоса, населенная ловцами жемчуга и рыбаками. В центре острова поднимаются горы, где обитают наиболее отсталые племена кочевников, по численности составляющие почти половину населения Сокотры. Они живут в пещерах или выложенных камнями норах, питаются финиками и овечьим молоком и только по праздникам варят «каскас». В период муссонных бурь, когда даже козы и овцы перестают давать молоко, бедуины, если они не запас-

лись финниками и рисом, очень бедствуют. Аденские журналисты говорили мне, что голодные бедуины откапывают корни финиковых пальм, варят их в течение пяти-восьми часов и затем употребляют в пищу. Они не знают мебели, не пользуются ни ложками, ни вилками, ни даже спичками. В некоторых районах огонь добывают трением. Одежда мужчины — темная юбка с поясом, на котором в ножнах, обтянутых козьей шкурой, обязательно висит нож. Женщина свое второе платье, если она его имеет, кладет в «хилак», квадратную люльку, набранную из палочек, и подвешивает ее за веревку к потолку.

Горцы занимаются разведением овец, коз, называемых на местном диалекте «кисб», и коров. Естественные горные пастбища поднимаются шестью ярусами. Овцы и козы хорошо едят листья и молодые побеги крупных кустарников на горных пастбищах, а также травы, покрывающие альпийские луга. Мелкий рогатый скот и коровы невелики по размеру. У овцы грубая шерсть и длинный, похожий на ослиный, хвост. Ее средний живой вес достигает 18—20 килограммов. Стригут овец один раз в год, да и то не во всех районах, хотя стрижку можно производить и дважды в год. Козы совсем мелкие, размером с большого кота. Они покрыты густым пухом. Женщины горных районов прядут пух и изготавливают на самодельных ткацких станках черные и белые полотнища шириной в 30 сантиметров, которые затем шивают в ковры. Ежегодно на острове производится около трех тысяч ковров. На Сокотре такой ковер называется «шамля», а в Адене — «хамбаль». Продаются они на рынке в Кратере.

Коровы на Сокотре в отличие от распространенных на материке зебувидных не имеют горба на холке. Масть местных коров — красная и светло-красная, но встречаются и черно-пестрые коровы. Существует мнение, что коров красной масти завезли в начале XVI века португальцы. Со временем животные выродились и уменьшились в размере. Средний вес коров достигает 250—300 килограммов на высокогорных участках и несколько меньше в прибрежных районах. Каждая корова дает два-три литра молока в день, однако оно более жирное, чем молоко наших коров.

Остров Сокотра, по мнению специалистов, может не только прокормить своих жителей, но и при хорошей организации животноводства и земледелия поставлять

сельскохозяйственные продукты в остальные районы республики. Условия для развития животноводства здесь весьма благоприятны: на острове совершенно нет хищников, а массивы плодородных земель составляют 21 тысячу гектаров. Район Нугед, на южном берегу острова, благодаря усилиям властей становится сегодня важным сельскохозяйственным центром. Здесь на площади 7 тысяч гектаров сжигают кустарник, с тем чтобы затем засеять участок африканским просом. Этот район защищен от сильных ветров и имеет много подпочвенной воды. Однако для развития сельского хозяйства на острове следует не только освоить земли и научить местных жителей современным агротехническим методам, но и преодолеть некоторые предубеждения и предрассудки. Ведь островитяне не едят хлеба, поэтому выращивание зерна, «дирш», считается «айб» (позорным), а, скажем, разведение хлопка — достойным занятием. Может быть, поэтому приспособление для помола зерна здесь до сих пор невероятно примитивно. Если женщине нужно приготовить муку, она просто растирает зерна камнями.

Горец острова Сокотра, как и любой скотовод, очень дорожит скотом, своим единственным богатством. Во время ненастья он загоняет овец и коз в свою пещеру и спит вместе с ними. Если нужно зарезать козу или овцу, горец прежде всего прочтет над обреченным животным специальное заклинание. Кувейтский журналист Салим Зибаль рассказывал, что он присутствовал на церемонии, когда бедуин читал над козой свое заклинание, а все присутствующие повторяли в конце каждой фразы слово «аминаль», т. е. «аминь». Вот его рассказ: «Кочевник присел на корточки и, прижав к коленям купленных нами козу и овцу, стал гладить их, приговаривая: „Благодарю тебя, о боже, за все блага...“. А одна из девочек, сидевших вокруг него, заканчивала фразу словом „аминаль!“. „Потому что, о боже, ты оберегаешь нас от всех напастей“, — продолжал бедуин. — „Аминаль“, — вторила девочка. „Ты посылаешь нам дожди и пищу“ — „Аминаль“, — быстро отвечали дети. Свое заклинание бедуин произносит во все возрастающем темпе».

Население Сокотры делится на племена. Самым смелым племенем считается кишин, переселившееся на остров из Северного Йемена. Членов этого племени отличает то, что они никогда не носят оружие. Из района Юж-

ного Йемена Яфи на остров прибыло племя бени малик. Племя куарейхи, известное своей воинской доблестью, живет в восточных районах страны. Хотя арабский, а точнее, йеменский элемент был доминирующим при формировании населения острова, особенно в его горных районах, тем не менее сегодня практически невозможно отнести островитян к какой-либо этнической группе.

Смешанное происхождение островитян сказывается и в их диалекте, в основе которого лежит древнейший язык. В настоящее время в шестой провинции Южного Йемена говорят на древнейшем языке, именуемом здесь «махра», однако сокотранский диалект отличается от махра использованием слов из португальского, греческого, хинди и сомалийского языков.

Я с трудом улавливал лишь отдельные арабские слова местных жителей.

По моей просьбе Хашим перевел несколько текстов из арабского букваря на язык островитян и разъяснил мне элементарные правила грамматики. Вот счет: 1 — тат, 2 — тирах, 3 — тилих, 4 — урби, 5 — хими, а далее названия цифр совпадают с арабскими. Утвердительная частица «да» передается словом «ик», «спасибо» — сочетанием «мистикрим». Особенно отлична от арабского языка бытовая лексика; практически только отдельные названия окружающих островитян предметов совпадают по звучанию с аналогичными арабскими словами. Безусловно, вопрос о лексических особенностях диалекта острова Сокотра заслуживает внимания. Изучая его, мы могли бы лучше узнать и изучить древние языки континентального Йемена. Робкие попытки исследовать диалект Сокотры предприняли австрийцы, которые всегда питали особую привязанность к Йемену, и англичане. Однако результаты их исследований не опубликованы. Язык островитян продолжает оставаться сегодня таким же загадочным, как и прежде.

Наше пребывание на острове подходит к концу. Наступает последняя ночь, и наши новые друзья устраивают большой праздник. Мужчины, обнаженные по пояс, и женщины в цветастых красных платьях под звуки больших барабанов и дудочек танцуют «рамса». Танцы островитян по своей форме и рисунку напоминают африканские. И это понятно. Сокотра лежит всего в нескольких десятках километров от африканского побережья.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Аба — плащ или накидка из тонкой коричневой или белой шерсти.

Женская аба в Ираке делается преимущественно из черной шелковой ткани.

Газель — лирическое стихотворение, воспевающее возлюбленную.

Диван — сборник стихотворений.

Зиккурат — ступенчатая усеченная пирамида, которую строили древние для отправления религиозных культов.

Имам — служитель мусульманского культа. В теократических (преимущественно шиитских) государствах — верховный правитель страны.

Кад — мусульманский судья.

Касыда — поэма, законченное стихотворное произведение.

Минбар — кафедра или возвышенное место в мечети, откуда мусульманский священнослужитель читает свою проповедь.

Михраб — ниша в стене мечети, указывающая направление в сторону Мекки, священного города мусульман, к которой молящийся должен стоять лицом.

Мухаррам — первый месяц мусульманского лунного года.

Рамадан — девятый месяц мусульманского лунного года, в течение которого мусульмане соблюдают пост.

Ратл — наиболее употребительная мера веса на Арабском Востоке; равен приблизительно 406,25 грамма.

Рубаи — четверостишие.

Сунниты — последователи ортодоксального направления в исламе.

Сура — глава Корана.

Суфи, суфий — странствующий проповедник-мистик.

Улемы — мусульманские богословы и законоведы.

Хутба — проповедь в мечети служителя мусульманского культа.

Шариат — мусульманское законодательство.

Шииты — последователи шиизма, одного из двух основных направлений в исламе.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От автора	3
В горах Южной Аравии	4
На гору Сабр за «цветком рая»	4
Где жила царица Савская?	29
На родине напитка бодрости	53
Тайны королевских дворцов Пемеиа	76
Серебряный узор джамбии	97
По библейским холмам Иордании	116
В старом Иерусалиме	116
В разбойничьем гнезде набатеев	134
20 тысяч километров по Месопотамии	149
В святых городах шиитов	149
Есть ли у женщины душа?	169
В городе двух весен	191
В гостях у шаммаров	213
«Почитающие дьявола»	238
На берегах Персидского залива	261
Арабы и море	261
В одной лодке с ловцами жемчуга	280
По древним дорогам благовоний	299
В кратере потухшего вулкана	299
В долине средневековых небоскребов	316
На пороге Руб-эль-Хали	343
На острове блаженства	359
Краткий словарь терминов	375

Олег Герасимович Герасимов

ОТ ГОР СИНДЖАРА ДО ПУСТЫНИ РУБ-ЭЛЬ-ХАЛИ

*Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *А. А. Кожуховская*
Младший редактор *Н. Н. Комарова*
Художник *А. Озеревская*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректор *М. Э. Шафранская*

Сдано в набор 23/VIII 1973 г. Подписано к печати 8/1 1974 г. А-06606.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 2. Печ. л. 11,75 Усл. п. л. 19,74. Уч.-изд. л. 20,46.
Тираж 30 000 экз. Изд. № 3216. Зак. 1049. Цена 1 р. 37 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Полиграфическое объединение «Полиграфист»
Управления издательств, полиграфии и книжной торговли
Мосгорисполкома. Москва, ул. Макаренко, 5/16.